

"Избранница"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Саманта Джеймс

Избранница

Пролог

Англия, 1790 год

Июнь. Полдень. Жара. На въезде в Фарли-Холл возвышались чугунные ворота. Длинная подъездная дорожка петляла между ухоженными террасами садов и обсаженными кустарником прогулочными аллеями. Но над всем этим царило величие самого Фарли-Холла — величественного особняка с кирпичным фасадом. От подъезда по обеим сторонам тянулись ряды высоких окон, задрапированных золотистым шелком, — зрелище, вызывавшее благоговейный трепет.

В восточном крыле здания двое мальчиков занимались под присмотром строгого учителя, мистера Финдли. Но сегодня дети никак не могли сосредоточиться, и их взгляды все чаще обращались к распахнутому из-за жары окну классной комнаты. Оба брата — один десяти, а другой шести лет — унаследовали пронзительно серые глаза отца, только старший был блондин, а черные волосы младшего отливали синевой воронова крыла. Мальчики ждали приезда отца, ерзая от нетерпения на стульях. И мистер Финдли наконец не выдержал и негодуя всплеснул руками:

— Все! Вы свободны! Расскажи я вам сейчас сказку про белого бычка, вы бы и не заметили! Ваш отец вернется из Лондона лишь к вечеру, но разве вас переубедишь? Ступайте!

Мальчики вылетели из класса, а мистер Финдли забурчал себе под нос что-то про тяжкую долю тех, кто пытается вдолбить знания в головы таких непосед. И он бросил вслед ученикам взгляд, полный отчаяния и зависти. Потому что даже если головы этих детей останутся пусты, как котелок бедняка, то с их кошельками подобного не произойдет. Ибо они — сыновья седьмого герцога Шарли, одного из богатейших людей Англии.

В этот момент со стороны подъездной дорожки послышались стук копыт и скрип колес. Старший мальчик бросился вниз по ступеням. Младший пытался за ним угнаться, усердно перебирая худенькими ножками, но все равно остался далеко позади. Дверца распахнулась, и из кареты легко выпрыгнул красивый мужчина в элегантном сюртуке из шелка в полоску и светлых панталонах.

— Папа! — Восторженные детские глаза уставились на мужчину. — Мы так скучали без вас! Хотя мне нравятся уроки езды с Феррисом, с вами это было бы в тысячу раз интереснее!

Любящий взгляд герцога скользнул по золотистым кудрям сына, аристократические черты которого так напоминали черты его матери... Боже, до чего мальчик похож на нее!

— Мне тоже не хватало всего этого, Стюарт! — радостно рассмеялся герцог. — Я так часто вспоминал наши с тобой уроки, что не удержался и привез тебе кое-что.

Он кивнул груму, и из-за кареты вывели маленького белого пони, при виде которого у Стюарта от восторга округлились глаза.

— Пони! У меня будет собственный пони! Можно, я назову его Белым Танцором?

На губах герцога появилась улыбка умиления. Он взял поводья и подвел пони к Стюарту.

— Конечно, это мой подарок тебе. Будущему герцогу Фарли — все самое лучшее!

Они не заметили, как подошел юный Габриэль.

— Пони! — просиял он от счастья. — Вы привезли нам пони! — И потянулся погладить лошадку.

Резкое движение мальчика испугало пони, и он попятился, взбрыкнув передними ногами. Стюарт отскочил, вовремя избежав удара копытом. Герцог мгновенно взорвался:

— Этот пони для твоего брата, а не для тебя! И ради Бога, поаккуратнее! Ты же не идиот и понимаешь, как легко испугать лошадь! Твой брат мог пострадать!

Стюарт в растерянности заморгал:

— Он нечаянно, папа. Габриэль хотел только погладить Танцора. Правда, Габриэль?

Младший брат лишь опустил голову, молча страдая от вспышки гнева отца. Нижняя губа мальчика задрожала, глаза потухли... Недавней радости как не бывало.

— Наверное, ты прав, сынок, — кивнул герцог, но даже не попытался скрыть раздражение. — Только ему не мешало бы поучиться манерам у тебя, Стюарт. Твой брат слишком часто поступает необдуманно.

Плечи младшего сына совсем поникли. Решив приободрить его, Стюарт с надеждой посмотрел на отца:

— А какой подарок вы привезли Габриэлю?

— О Боже, мы с Уиллом были так заняты поисками подходящего пони, что все остальное совершенно вылетело у меня из головы! Ну ладно, в следующий раз постараюсь не забыть. Пошли, Стюарт. Нам нужно многое обсудить. Я решил в следующий раз взять тебя с собой в Лондон.

Герцог уже хотел уйти, но, словно вспомнив о чем-то, повернулся и погладил Габриэля по волосам — погладил как бы между делом: так ласкают кошку или другого домашнего зверька. Затем повернулся и ушел вместе со Стюартом, гордо вышагивавшим рядом.

А Габриэль остался. Ему не выпало счастья стать любимцем, он был просто малышом, не понимавшим, почему отец так строг и несправедлив к нему.

Шелковая занавеска скользнула на место. Леди Каролина Синклер, герцогиня Фарли, наблюдала эту сценку, стоя у окна. В ее глазах была невыразимая грусть, ибо она, как никто другой, понимала: ее мальчика только что ранили в самое сердце. И она знала, почему у малыша постоянно в глазах тоска. Иногда ей хотелось плакать — Габриэль всегда так старался угодить отцу, заслужить его похвалу! Но Эдмунд был слеп и равнодушен к сыновней преданности. Он почти не замечал второго сына. Ибо его гордостью был первенец.

И Каролина боялась, что участь второго сына будет не слаще той, что выпала ей, второй жене.

Она с горечью вспоминала день, когда Эдмунд пришел к ней.

— Стюарту нужна мать, — без лишних церемоний заявил герцог. — А значит, мне нужно

жениться.

Он был предельно откровенен и ничего не скрывал. Такой красивый, гордый и решительный! Каролина с первого взгляда влюбилась в него — влюбилась без памяти! И подумать только — он остановил свой выбор на ней! Ее глупое сердце замирало в восторге, — возможно, со временем этот человек полюбит ее...

И она старалась быть любящей и покорной женой, лелея надежду, что он оценит это... и когда-нибудь скажет о своей любви... Но вскоре Каролина поняла: его любовь навеки отдана той, которая теперь пребывала с ангелами...

Каролина прижала ко лбу дрожащие пальцы. Хватит хандрить, она должна стать сильной, если не ради себя самой, то ради Габриэля! Она вынесет и унижение, и боль — все, что угодно, ради этого ребенка, ибо он ее единственная отрада. С тяжелым сердцем, но настроенная ни единым жестом не выдать себя она поспешила на галерею — к сыну.

Мальчик все еще стоял у подъездной дорожки, хмурый и молчаливый, маленький и одинокий. Прощенный и... тут же забытый.

Но сам он ничего не забыл и не простил. Осторожно, но вместе с тем решительно высвободившись из объятий матери, он не принял ни жалости, ни утешения. И не проронил ни слезинки — маленькое личико застыло в стойческой гордости, необычной для столь нежного возраста. Потому что даже в этом маленький Габриэль был точной копией отца...

Глава 1

Чарлстон, Южная Каролина 1815 год

Летний ливень хлынул с такой силой, что вымочил до нитки всех, кого застал под открытым небом, и превратил и без того грязные улочки в сплошное месиво. А в таверне Черного Джека дым стоял коромыслом, веселье, подогретое обильной выпивкой, так и выплескивалось наружу — посетители, по большей части моряки, отмечали окончание плавания. Слышался пьяный хохот. Хотя таверна находилась всего в нескольких кварталах от порта и доков, она была одним из лучших заведений в городе и славилась отличной кухней, чистыми скатертями и быстрым обслуживанием — и все это за весьма умеренную плату.

В этот дождливый вечер за столиком в дальнем углу сидели два хорошо одетых джентльмена; один из них был жгучий брюнет, другой — шатен. Более месяца они провели в море, и теперь им захотелось выбраться из тесноты корабельного кубрика и насладиться мягкими перинами.

— За благополучное возвращение в Англию и... за графа Вэйкфилда и его будущую супругу! — с веселой улыбкой провозгласил сэр Кристофер Марли.

Однако лорд Габриэль Синклер не торопился поддержать тост и чокнуться с другом. И не мудрено, ибо он был вовсе не в восторге от предстоящей свадьбы... Кроме того, все решили за него.

Он уставился в свой стакан, словно увидел в нем муху. Последние недели превратились для него в кошмар. Кто мог предположить, что Стюарт погибнет? Только не Габриэль. Он не был особенно близок с братом, и годы все больше отдаляли их друг от друга. Габриэль покинул Фарли сразу после похорон матери, решив больше не возвращаться туда. Он как бы вычеркнул отца из своей жизни и с присущей ему энергией принялся строить собственный торговый флот. Довольно успешно.

Горькие воспоминания невольно всколыхнулись в памяти. Его отец не появился даже тогда, когда он отплывал сражаться с Наполеоном. И в последующие пять лет папаша ни разу не написал ему, будто Габриэль вовсе не существовал.

Но после смерти Стюарта все изменилось.

Наверное, это было неизбежно... Услужливая память тотчас нарисовала сцену — встречу с отцом в Лондоне, когда Габриэль узнал о смерти брата. Отец ничуть не изменился. Был по-прежнему высокомерен, деспотичен и... холоден.

— Теперь ты граф Вэйкфилд, будущий герцог Фарли, — заявил он с ледяным безразличием; этот тон Габриэль всегда терпеть не мог. — Твой долг жениться и подарить мне внука, чтобы наш род не угас.

Габриэль заставил себя расслабиться, даже улыбнулся.

— Я люблю женщин, отец, и в спальне, и вне ее. — Он сделал паузу, наслаждаясь недовольной миной герцога, и коротко хохотнул: — Но женитьба...

Поседевшие брови Эдмунда Синклера сошлись на переносице. Однако Габриэль не вздрогнул от взгляда, так пугавшего его в детстве.

— Как же, как же, слышан о... твоих похождениях! Но это все любовницы, а я говорю о жене.

Габриэль нахмурился. За ним шпионили! Он с негодованием взглянул на отца, едва удержавшись от вспышки гнева.

— Титул не только придает респектабельность, но и накладывает определенные обязательства, Габриэль. Так что следует исправить это упущение и жениться. Немедленно! Ты заявил, что не отдаешь предпочтения ни одной из красоток. Поэтому не станешь возражать... Стюарт умер, его невеста свободна. Будет вполне логично, если ты займешь место брата. Так что и дату свадьбы переносить не придется.

Габриэль знал о помолвке Стюарта с единственной дочерью герцога Уоррентона, поместья которого граничили в Кенте с отцовскими. И все же предложение отца оказалось слишком неожиданным. Габриэль опешил... Наконец он понял, что от папаши другого и ожидать не стоило. Захотелось повернуться и уйти. Плюнуть на этот дурацкий долг, и пусть высокомерный герцог катится ко всем чертям! Но что-то остановило его...

Дураком Габриэль никогда не был. Фарли — огромное и великолепное поместье, да и титул — лакомый кусочек...

Наверное, судьба решила таким образом вознаградить его за безрадостное детство.

— Так что же? — В голосе отца прорезались знакомые нотки нетерпения. — Ты молчишь? Следовательно, не возражаешь против брака с леди Эвелин?

Габриэль сжал кулаки.

— Годы не изменили тебя, отец, — проговорил он ровно. — Ты по-прежнему считаешь, что твоя воля — закон для всех. Какое имеет значение, есть у меня возражения или нет?

Габриэль лихорадочно соображал — ему требовалось время, чтобы обдумать ситуацию и

принять решение... Одно было ясно как день: если он и женится на леди Эвелин, то не по прихоти отца, а потому что сам так решит.

Как Габриэль и предполагал, герцог даже не обратил внимания на легкий укол сына.

— Отлично! Уоррентон и его дочь уже дали согласие. Поэтому мы должны немедленно объявить...

— Нет. Завтра я отправляюсь в Америку. Мой корабль отходит на рассвете. Это очень важно для меня, отец. Так что, боюсь, придется дождаться моего возвращения.

Неприязнь герцога к янки была общеизвестна, чему никто не удивлялся, зная о трагической судьбе его первой жены и Стюарта... Губы герцога вытянулись в тонкую линию.

— Не вижу причины откладывать... — начал он.

— А вот я вижу. Стюарт умер совсем недавно, поэтому не помешает немного продлить траур. Кроме того, вряд ли прилично объявлять о помолвке в мое отсутствие. Я хотел бы быть рядом с невестой, так сказать, во плоти. — Габриэль с невозмутимым видом пожал плечами. — Да и несколько месяцев ничего не изменят, — добавил он.

Герцог закусил губу.

— Ты прав, конечно. Мы объявим о помолвке, когда ты вернешься из плавания.

Отец был в ярости. Что ж, хоть маленькая, но победа.

Громкий хохот за спиной вернул Габриэля к действительности. Как там сказал Кристофер? За графа Вэйкфилда и его будущую супругу. В своем нынешнем настроении Габриэль охотно взял бы в жены самую уродливую каракатицу, лишь бы взбесить отца.

— Мы только прибыли, — проговорил он с улыбкой. — Ты что, хочешь покинуть Чарлстон, так и не насладившись лучшим, что есть в этом городе? Прошлый наш визит заставил каждую из здешних служанок мечтать о том, чтобы английский клинок вошел именно в ее ножны!

Кристофер слишком хорошо знал друга, поэтому не принял его шутку.

— Тебя что-то тревожит... — в задумчивости проговорил он.

— Я скоро женюсь на девушке с самой длинной родословной в Англии. Ты прав, Кристофер, выпьем за союз Уоррентонов и Фарли. За могущественных — и проклятых!

Кристофер молча смотрел, как Габриэль осушил свой стакан. Он вспомнил изящную, хрупкую блондинку, которой суждено стать женой друга, и вздохнул. Чего бы он только не отдал, чтобы оказаться на месте Габриэля! Но очаровательная Эвелин была для бедного баронета столь же недоступна, как звезды на небе.

— Леди Эвелин не уродина, Габриэль. Если честно, то она затмит любую из известных красавиц. На твоём месте я бы возблагодарил Господа и радовался своей удаче.

Габриэль промолчал. Он уже унаследовал титул Стюарта — так почему бы не унаследовать и его невесту? Отвращала ведь не сама женитьба... К тому же Эвелин — довольно милая девушка. И даже хорошо, что она тихая, покорная и боится его как огня. Она будет послушно делать все, что ей прикажут, и не осмелится задавать вопросы. Какая разница — женится он

или нет? Он ведь не желторотый юнец, чтобы искать счастья в браке. Общество спокойно относится к тому, что мужчина спит с той, с которой пожелает. Так что его жизнь практически не изменится.

И все же в нем кипело негодование. Изводило то, что отец приказал ему жениться. Как это типично для папаша — ожидать покорности своей воле. Черт бы побрал высокомерного ублюдка!

— Вот уж никак не ожидал, что женюсь из чувства долга. — Раздражение вновь прорвалось наружу. — Я вообще не собирался жениться!

Пока хозяин таверны услужливо расставлял перед ними тарелки с поджаренным мясом, Кристофер молча смотрел на друга. С тех пор как они познакомились в Кембридже, Габриэль нисколько не изменился — он всегда был неуправляем и плевал на всякого рода условности, проявляя постоянную готовность к неповиновению и вызову. Уже тогда его отношения с отцом были прохладными. Но была в Габриэле и пугающая жесткость, ставшая особенно заметной после смерти матери. Кристоферу временами казалось, что друг винил в смерти матери отца... Но было доподлинно известно: смерть Каролины — результат несчастного случая, трагического и ужасного. Задавать же вопросы на эту тему Кристофер остерегался, ибо с Габриэлем такое не проходило. Он никому не позволял лезть себе в душу.

Кристофер пожал плечами:

— Лишь немногие из нас желают оков брака. Но это как раз тот случай, когда долг обязывает. Габриэль рассмеялся:

— Ты прав, старина. Женщины постоянно ноют: мол, свободны только мужчины. А ведь брак придуман для того, чтобы получить женщину, которая тебе вовсе не нужна. Ирония судьбы, не так ли? Если женщина достаточно красива, она обычно выходит замуж за богатого. Если же она и сама богата от рождения, то ей можно и не заботиться о браке. Но вот если мужчине нужен наследник, то будь любезен, обзаводись женой.

Голубые глаза Кристофера засияли лукавством:

— А вдруг жена и брак остепенят тебя? — Он хохотнул. — Меня это, признаться, интригует! Габриэль улыбнулся:

— Тебе смешно, да? Ну, так это вряд ли случится, поверь, дружище.

Габриэль имел репутацию сердцееда и ловеласа, которую, несомненно, заслужил. О пороке он знал буквально все, а вот о добродетели — до смешного мало.

— Давай-ка поговорим на более приятные темы, — продолжал Габриэль. — Интересно, какие чудесные бутоны распустились здесь за время нашего отсутствия?

Он обвел переполненную таверну красноречивым взглядом. Кристофер даже обрадовался такой перемене его настроения. Рядом освободился столик, и служанка подошла убрать с него посуду. Крепкая, с широкими бедрами, она проворно собирала пустые кружки на поднос, одновременно стреляя по сторонам круглыми карими глазами. Заметив, что привлекла внимание иностранцев, она ослепительно улыбнулась им и наклонилась над столом. Лиф служанки, и без того слишком низкий, открылся еще больше, и господа рассмотрели ее грудь во всех подробностях.

— А-а... — протянул Кристофер. — Предложение ознакомиться с дамскими прелестями не назовешь излишне скромным, правда?

Габриэль тихонько рассмеялся, потешаясь над замашками девицы. Было очевидно, что она не прочь заполучить клиента. Молода, и зубы пока в отличном состоянии...

— На мой вкус, природа слишком уж щедро одарила ее. Кристофер рассмеялся.

— Верно. И она осчастливит однажды какого-нибудь фермера, которому станет прекрасной женой.

И тут Габриэль заметил другую служанку. Она поспешно вышла из кухни, повязывая фартук. Да, это то, что надо. И волосы — цвета яркого пламени, потрясающее сочетание янтаря и золота. Правда, она стянула их так туго в узел на затылке, что лоб казался слишком широким. Ему даже показалось, что она таким образом пыталась скрыть свою красоту.

Кристофер проследил за взглядом друга. Заметив девушку, выгнул дугой густую каштановую бровь.

— А-а... — протянул он и поскреб подбородок. — А вот и служаночка, которую грех не поцеловать, да и глаз она радует. Природа не оплошала, создавая ее. Такая красotka может рассчитывать на лучшее, чем стать женой фермера, а? Эта, пожалуй, взлетит гораздо выше...

Габриэль не был расположен отвечать. Да и какие тут нужны ответы, подумал Кристофер. Приятель такими глазами смотрел на прелестную подавальщицу, что не требовалось слов. Кристофер с сожалением вздохнул, поскольку за расположение такой красотищи стоило бы побороться, но Габриэль первым заметил ее и не позволит отбить девушку.

Она была одета почти так же, как и служанка с широкими бедрами, — в старое платье из муслина, которое когда-то было зеленым. Правда, лиф ее платья с небольшим квадратным вырезом выглядел довольно скромно. Рыжеволосая красавица принесла тяжелый поднос и принялась выставлять на стол кружки с элем.

Габриэль увидел, что рука девушки то и дело поднималась к вырезу на платье, который лишь слегка обнажал кремовые полушария груди. Он цинично усмехнулся, поймав себя, как ни странно, на том, что гораздо более заинтересовался тем, что скрывал лиф этой девушки, чем откровенной демонстрацией прелестей полной служанки.

Эта изящная девушка с невероятно тонкой талией была совершенно не к месту в таверне среди пьяных грубиянов — нежный розовый бутон среди шипов... Габриэль нахмурился, мысленно одернул себя: что за чушь? Сравнить девицу с розами! И шепотом выругался, потому что мысль о розе напомнила ему глубоко личное, спрятанное в укромном уголке памяти...

Его мать любила цветы.

Рядом прошелестели юбки. Полная служанка остановилась между ним и Кристофером.

— Надеюсь, вам понравилась наша кухня, джентльмены? — Служанка посмотрела на мужчин своими темными глазами, в которых ясно читалось, что она не прочь доставить им удовольствие и другого рода и ждала лишь знака с их стороны.

Джентльмен во всем, Кристофер дружелюбно ответил:

— Да-да, спасибо! Можете передать нашу благодарность повару. Хлеб был душистым и теплым, а нежное мясо так и таяло во рту.

Она улыбнулась и облизала губы.

— Меня зовут Нелл. А вы, я вижу, англичане?

— Да, — ответил Кристофер, поднявшись и отвесив шутливый поклон. — Я сэр Кристофер Марли, а мой друг — Габриэль Синклер, граф Вэйкфилд, недавно унаследовавший этот титул.

Нелл в изумлении вытаращила глаза. И тут же сделала книксен, снова продемонстрировав пышную грудь. Расчетливая особа, — подумал Кристофер.

— Ну так знайте, господа, что Нелл ничего не имеет против вас, англичан. У нас уже останавливалось несколько приезжих из Англии, сразу после окончания войны. И они были не чета некоторым нашим буянам. Сюда ведь всякий люд забредает.

Габриэль вежливо улыбнулся. Он слегка наклонился к Нелл и спросил:

— А как зовут ту служанку? Улыбка Нелл погасла.

— Это Кесси. Ее мать была здесь подавальщицей несколько лет назад. — Она хитро подмигнула мужчинам. — Весь Чарлстон знал, что она вертихвостка, каких поискать, и не имела привычки проводить с одним и тем же кавалером несколько ночей подряд, если вы понимаете, о чем я толкую. Не долго думая она сбежала, а свой приплод просто бросила здесь на произвол судьбы. И все же девчонка строит из себя невесть что... Принцесса! А все потому, что выговор у нее покрасивше. Это ее Бесс научила. Бесс была когда-то служанкой у леди.

Габриэль кивнул:

— Понятно. И где же сейчас Бесс?

— Умерла месяц назад родами, вот как. Знаете, они с Кесси были неразлучны! — Нелл скорчила гримасу, когда заметила, что граф по-прежнему следит за Кесси. Она презрительно фыркнула: — У нее не зад, а сплошные кости. Там и взяться-то не за что. Скорее заморозит, чем согреет мужчину. Да и спереди у нее негусто, если хотите знать мое мнение. — Высказавшись, она улыбнулась и дерзко провела пальцем по воротничку Кристофера. — Если пожелаете еще чего-нибудь, то только спросите Нелл, и меня позовут.

Когда она наконец ушла, Кристофер расхохотался и сокрушенно покачал головой:

— Боже праведный! Вот это откровенность! Девушка горит желанием согреть постель мужчины.

Кристофер повернул голову и заметил, как грузный мужчина за столиком у входа обнял Нелл и рывком усадил к себе на колени. Нелл рассмеялась и обняла его. Мужлан осклабился и сунул руку в вырез ее платья. Габриэлю эта сценка показалась отвратительной.

Тут из кухни вышла Кесси. Теперь и Кристофер не отводил от нее взгляда. Он вспомнил рассказ Нелл и поморщился:

— Слышал, что сказала эта Нелл? Мать бросила свою дочь! Даже трудно представить подобное! — Он сокрушенно покачал головой.

Габриэль вытянул под столом свои длинные ноги. Да-а, этот район Чарлстона не назовешь райским уголком. По улицам бродят коровы и лошади, от них нет спасения даже в узких аллеях. Жители выбрасывают кухонные отходы и выливают помой прямо на улицу. Не мудрено, что вонь стоит неопишуемая, а ноги разъезжаются в стороны на скользком месиве. Если рассказ Нелл — правда, то девушке пришлось несладко в этом вертепе, но она притерпелась. Жизнь вообще редко балует людей.

— Ее участь достойна сожаления, — согласился Габриэль. — Но и на улицах Лондона немало бездомных детей, страдающих от нищеты, голода и холода.

Кристофер хлопнул друга по плечу.

— А я и не знал, что ты замечаешь такие вещи. Значит, ты еще не окончательно потерял для общества.

Рядом раздался громкий смех. Габриэль повернулся в ту сторону. Оказывается, мужчина за соседним столиком решил пошутить с Кесси, которая наливала эль в опустевшие кружки и старательно увивала от похотливых рук.

— Хватит ломаться, девочка! Дай посмотреть, что ты там такое прячешь!

Его сосед хмыкнул:

— Нашел, чем интересоваться! Ясно же, что у нее нет и половины того, что есть у Нелл...

— Клянусь, они у нее краше, чем у Нелл. Кругленькие, как персики, а соски — как спелые вишенки... — Мужчина прищелкнул пальцами и причмокнул губами. Его соседи одобрительно заржали.

Кто-то протянул руку и вцепился в лиф платья девушки.

— Ага, только так и надо! — прокричал кто-то за соседним столом. — Ну-ка, вытряхни их! Посмотрим, что у нее там за персики!

Еще один из гогочущих мужчин скользнул рукой по ягодицам девушки, слегка ущипнув ее. Когда она отскочила, трое весельчаков чуть не задохнулись от смеха.

Габриэль поднес кружку к губам, молча наблюдая за сценкой. Его нисколько не покорило увиденное, такие сцены — обычное зрелище в подобных заведениях. В его клубе в Лондоне бывало и похуже, когда кто-нибудь напивался до беспамятства. Что же до этой девушки, то ей не впервой. Вне всякого сомнения, ей нравится внимание мужчин. Наверняка нравится...

Нет, похоже, он ошибся. Волосатый матрос ухватил девушку за юбку. Она рванулась и резко повернулась. И хотя не произнесла ни слова, на мгновение в ее взгляде сверкнула ненависть. Ненависть? Габриэль медленно опустил кружку на стол. Не может быть! Он наверняка ошибся. Девчонка была такой же, как и все эти похотливые курочки...

Кесси Маклеллан с грохотом опустила поднос на длинный разделочный стол на кухне. Господи, как она ненавидела все это! Запах пота и эля. Нагло шарящие волосатые лапищи и влажные губы. Ее передернуло от отвращения. Омерзительно, как они все обожали лапать и щипать! Она согласна чистить и нарезать лук, обжигать пальцы, снимая кастрюли с плиты, скоблить полы, пока руки не превратятся в подобие наждака, — лишь бы не возвращаться в

этот шумный вертеп. При одной мысли, что скоро снова идти туда, ее тошнило.

Но Черному Джеку плевать на то, как его клиенты обращаются с подавальщицами, его главный принцип — угождай клиентам. Что он и делал. Кесси снова передернуло, стоило ей вспомнить о тянувшихся к ней руках, болезненных щипках и похабных шуточках. Как же она ненавидела этих пьяных свиней! Они искали утеху в питье и унижении тех, кто их обслуживал.

А сегодня здесь появился еще и этот черноволосый мужчина в углу. Уставился на нее и следит за каждым движением. Глаз не спускает. Странно, но именно это бесило ее больше всего. То, что он наблюдает, как эти пьяные рожи глумятся над ней, — это удесятряло ее стыд, ее унижение... и злость. Ах, его это забавляет, да? А может, он даже смеялся в душе? Ну и наглая же скотина!

И все же в глубине души она гадала: кто они, этот мужчина и его друг? Богатый капитан с первым помощником? Их корабль бросил якорь в порту Чар жетона А может, это плантаторы с Юга? Или процветающие коммерсанты проездом в их городке? Сам Черный Джек, что случалось крайне редко, проследил за приготовлением ужина для них и собственноручно подал его. Это говорило об их особом положении.

Кесси вытерла руки тряпкой и выглянула в шумный зал, заполненный дымом. Черный Джек снова стоял у столика этих мужчин.

В кухню вплыла Нелл, коса которой растрепалась, плечи обнажились. Кесси поспешно отвела взгляд. Нелл выглядела так, словно только что выползла из чьей-то постели.

Нелл захихикала:

— Эй, знаешь что? У нас остается ночевать английский граф, во как! Ты видела его, да? Те два господина в углу. Так вот, чернявый и есть граф. И красивый же! Просто греховно! Напасть для бедных девушек. Я как глянула на него, так и задрожала, во как бывает!

Она вывалила грязные кружки в таз для мытья посуды.

— Никогда еще не видывала таких рук у мужчин — чистенькие, даже ногти, представляешь? А какой на нем камзол! Ты обратила внимание, Кесси? Из бархата, точно тебе говорю! Странно, что я разболталась о его одежде, когда меня гораздо больше интересует то, что под ней! — Она громко расхохоталась.

Кесси не произнесла ни слова, но ее покорило. Ее мать была того же поля ягода, что и Нелл: влюблялась слишком часто и так же быстро остывала. Видя, как мать раздаривала себя направо и налево, Кесси когда-то, давным-давно, решила, что никогда не повторит ошибку матери. Подойдя к мойке, она начала полоскать кружки, стараясь не замечать Нелл, не слушать ее болтовню.

Но Нелл все никак не могла угомониться — ей требовалось выговориться.

— А другой — он назвался сэром Кристофером Марли — почти такой же красавчик, как граф! И знаешь что? Я сегодня щедрая. Сэр Кристофер Марли — твой! — Нелл хохотнула. — Ох, да ты ведь, поди, и не знаешь, что делать с мужчиной! Ведь правда же, недотрога?

Девушка покраснела. Нелл же зашлась в приступе хохота. Даже пополам согнулась. Кесси упрекала себя: ведь давно пора привыкнуть к выходкам Нелл. Господи, если бы она могла выйти сейчас через эту дверь — и никогда не возвращаться сюда! А что касается графа, то будь

он хоть королем Англии или нищим бродягой — ей-то какая разница?

Черный Джек распахнул дверь. Огромный, толстый и почти лысый, он заслужил свое прозвище за мрачный нрав и гневливость.

— Какого дьявола вы тут застряли?! — рявкнул он. — Ну-ка, шевелите задницами, да побыстрей! Клиенты заждались. — Его глаза остановились на Кесси и зло сверкнули: — А ты, красотка, возьми бренди и отнеси двум господам в углу. И возьми лучший хрусталь.

Нелл мгновенно встрепенулась:

— Почему она? Я и сама с удовольствием их обслужу...

— Не ты, Нелл, а она. — Джек мотнул головой в сторону Кесси.

Та застыла на месте. По спине пробежал холодок. Обслужить его? Того, кто так откровенно пялился на нее? Но ведь Нелл... не по доброте душевной предложила ей одного из англичан — очень уж ей хотелось согреть постель графа, и это вполне устраивало Кесси.

Девушка нервно облизала губы.

— Если Нелл так рвется...

— Плевать! — Джек схватил большую деревянную ложку и погрозил ею. — Я сказал, пойдешь ты, и точка! А теперь пошевеливайся, пока мое терпение не лопнуло. И улыбайся, ясно? Будь мила с ними. И прекрати поправлять этот чертов лиф. Нечего скрывать от клиентов свои прелести!

Глаза Кесси увлажнились. Она мысленно проклинала и Черного Джека, и свою дурацкую слабость. Из-за слез она ничего не видела и вслепую взяла из шкафа бутылку бренди и хрустальные рюмки. Затем попыталась убедить себя, что просто глупо так трястись — что ей, впервой, что ли? Да и эти двое не лучше и не хуже остальных.

Собравшись с духом, она толкнула дверь и вышла в шумный зал. Радостный рев приветствовал ее появление. Стараясь не замечать тянувшиеся к ней руки и пьяные выкрики, Кесси проворно двигалась к своей цели. Почти дойдя до их столика, она замедлила шаг. Черноволосый граф повернул голову в ее сторону.

Их взгляды встретились.

Кесси словно пронзило молнией. Возникло желание немедленно повернуться и бежать отсюда без оглядки! Откуда это наваждение, она не знала. Но какое-то время она не могла и пальцем пошевелить. Как там сказала Нелл — греховно красивый? А в мозгу запульсировало лишь одно: греховно!

Да-а, такой кого хочешь доведет до греха. Красив, ничего не скажешь! За всю жизнь Кесси еще не доводилось видеть столь приятного мужского лица. Высокие скулы над чисто выбритыми щеками, подбородок четко очерчен и прекрасных пропорций. Черные, как вороново крыло, волосы довольно коротко подстрижены. Несколько кудрей в беспорядке упали на лоб. И несмотря на красоту, все в нем дышало мужественностью.

Но чувствовалось в нем и что-то резкое, подчеркнутое неулыбчивым ртом. Под дугами черных бровей глаза сияли, как две льдинки, холодные и бездушные.

Кесси первая отвела взгляд. Судорожно сглотнув, она заставила себя дойти до стола и сделать то, что положено. И все это время он не отрывал от нее глаз, которые, казалось, буравили ее насквозь. Словно он хотел узнать все, что она скрывала от него. Нелл не ошиблась, в панике подумала Кесси. От такого и правда задрожит.

— А вот и ваш бренди, господа. — Она не случайно остановилась поближе к шатену, которого, как сообщила Нелл, звали Кристофером Марли, и опустила поднос на стол.

Кристофер Марли улыбнулся ей:

— Вас ведь зовут Кесси, да?

Она встретилась с ним взглядом — и тут же вздохнула от облегчения. Инстинкт подсказал ей, что он не так опасен, как его друг, брюнет. Глаза у него добрые, да и улыбка теплая, сердечная.

— Да, сэр, — пробормотала она в ответ. — Кесси Маклеллан.

— А Кесси — это сокращенно от Кассандры?

— Да, — кивнула она. — Но меня все зовут Кесси. — Немного осмелев, она улыбнулась Кристоферу. Он же просто расцвел в ответ:

— Должен сказать, это имя идет вам. — Он чуть отодвинулся от стола и с любопытством оглядел ее. — Вы всегда жили в Чарлстоне? Здесь ваш дом?

Улыбка Кесси погасла. Дом? У нее нет дома, потому что нельзя же так назвать крошечную каморку на чердаке, где уютись она и Нелл. Дом был ее самой большой мечтой, об исполнении которой она страстно молилась. Они с Бесс часто мечтали, как накопят достаточно монет, чтобы купить маленький коттедж. Тогда бы они начали обшивать всяких леди, потому что обе были искусными швеями. И пусть бы в этом доме имелась всего одна комната — какая разница, если она твоя и никто не выгонит тебя оттуда?

Бесс, дорогая, милая Бесс... — с грустью подумала девушка. Бесс, хотя и была ненамного старше Кесси, заменила ей мать. Она взяла ее к себе, защищала, как могла, и заботилась, как никто другой. Горечь наполнила сердце Кесси. Нет, у нее не было собственного дома и вряд ли он когда-нибудь появится.

Опустив ресницы, она сосредоточилась на выдергивании пробки из бутылки.

— Да, я прожила в Чарлстоне всю жизнь, — ответила девушка. И невольно улыбнулась. — Если честно, то я даже никогда не выезжала за город.

За столом воцарилось молчание. Кесси же по-прежнему возилась с пробкой. И все время ее мучило ощущение, что граф следит за ней — следит, не отрываясь. Девушка волновалась и поэтому никак не могла управиться с пробкой. В отчаянии она склонилась над бутылкой.

Тут граф наконец проговорил с некоторым раздражением в голосе:

— Позвольте мне.

Кесси подняла на него взгляд. Ее губы чуть приоткрылись. Что она собиралась сказать? Кесси и сама тут же забыла.

Сильные мужские пальцы обхватили горлышко бутылки. На секунду костяшки пальцев коснулись груди Кесси. Она с трудом удержалась от крика — так подействовало на нее это мгновенное прикосновение. Казалось, все тело опалило огнем. Пробка выскочила из бутылки. Кесси покраснела, когда граф сам наполнил обе рюмки.

— Спасибо, сэр... — У девушки снова возникло желание удрать, поскорее унести ноги, но она вовремя заметила, что Черный Джек стоит в дверях, точно часовой, и смотрит в ее сторону. И вид его не предвещал ничего хорошего — как холодный ветер с моря. Потрясенная Кесси постаралась ничем не выдать себя. Не поднимая глаз, она сделала книксен. — Вам еще что-нибудь нужно, господа?

Она не хотела смотреть на графа, но он притягивал к себе так, что не было сил сопротивляться. Его холодные глаза внимательно оглядели ее стройную фигуру; взгляд скользнул по лицу и задержался на груди, прикрытой кружевной оборкой.

— Пока нет, — ответил он с усмешкой. Раздосадованная этим наглым осмотром, Кесси сказала:

— Тогда я уберу со стола все лишнее.

Стараясь как можно скорее удалиться, она потянулась через стол за пивными кружками — потянулась слишком неловко... Бутылка бренди с грохотом опрокинулась, и золотистая жидкость забулькала, растекаясь по столу. Мужчины мгновенно вскочили.

— Проклятие! Да ты, я вижу, ужасно неловкая! Новенькая, должно быть. — Граф гневно сверкнул глазами.

Девушка схватилась за тряпку и начала вытирать лужу на столе. Наконец, собравшись с духом, ответила:

— Я вовсе не новенькая. Я работаю здесь почти столько же, сколько и Нелл!

— Тогда остается лишь гадать, много ли в погребе Черного Джека еще спиртного, — с мрачным видом проговорил граф.

Ну, это уж слишком, возмутилась Кесси. Ведь он, можно сказать, обозвал ее неумехой! Она выпрямилась.

— Кто дал вам право так говорить? Если бы вы сами проработали здесь хоть один день, то быстро разучились бы осуждать других!

Кесси не заметила, как рядом возник Черный Джек. И охнула, когда он вдруг с силой стиснул ее руку. Синяки не сойдут и за неделю, это она знала по опыту.

— Как ты смеешь разговаривать с их сиятельствами таким тоном? Немедленно извинись!

Лицо Кесси стало пунцовым. В ней кипели обида и раздражение. Хуже всего было то, что ее унизили перед всеми пьянчугами, сидевшими в зале. Да еще и граф стал свидетелем столь гнусной сцены... А ведь если бы он не таращился на нее, ничего бы и не случилось. Мясистые пальцы Джека еще сильнее впились в руку.

— Немедленно извинись, слышишь?

К ужасу Кесси, горло ее сдавил спазм, на глаза навернулись слезы. Сейчас она ненавидела

графа, из-за которого попала в столь унижительное положение. И ужасно ненавидела себя — из-за недостатка гордости. И все же она заставила себя поднять голову — мысль о том, что Черный Джек наслаждается ее позором, казалась невыносимой.

— Прошу прощения. — Ее губы едва шевельнулись

Черный Джек отпустил ее руку и повернулся к англичанам.

— Я распоряжусь, чтобы вам принесли другую бутылку... — начал он.

— Не надо, спасибо, — перебил хозяина Кристофер Марли. — Я уже достаточно выпил. — Он ободряюще потрепал Кесси по плечу. — Ничего страшного не случилось, мисс. Так что не переживайте из-за этого недоразумения.

— Верно, — кивнул граф. — Обойдемся без переживаний.

Кесси тут же забыла про графа, когда Черный Джек поволок ее на кухню. Не успела дверь за ними захлопнуться, как на нее обрушился хозяйский гнев:

— Ты обнаглела! Совершенно обнаглела! И будешь наказана за это. Я всегда придерживался правила: бабенка вольна сама решать, брать ей кого-то в постель или нет. Однако ты вела себя как королева: ни один не хорош для тебя. Так вот, больше я твоей строптивости не потерплю! Мне давно казалось: стоит тебе переспать с мужчиной, так все твои причуды и капризы разом кончатся. Вот сегодня мы и узнаем — так ли это?

Все поплыло перед глазами Кесси. Ее била дрожь. Боже милостивый, что он говорит?.. Она в ужасе уставилась на хозяина, поставившего на поднос бутылку бренди и хрустальную рюмку. И тут Джек прорычал:

— Немедленно пойдешь и исправишь скверное впечатление, возникшее у его сиятельства... и у меня также! — Он кивнул на поднос. — Отнеси это в Розовую спальню И если граф заплатит за ночь с тобой, то, клянусь Богом, он получит, что хочет. И не смей притворяться, что не поняла меня! Доставишь ему удовольствие, тогда и я отвяжусь от тебя. На твоём месте я бы зарубил это себе на носу. В противном случае я уже утром вышвырну тебя на улицу!

Кесси опустила голову. Как бы здесь ни было ужасно, улицы — еще хуже. Только вчера на аллее нашли полуголую женщину с перерезанным горлом.

Она не стала ждать новых угроз. Схватив поднос, помчалась так, словно по пятам за ней гнались все черти ада.

Розовая спальня была лучшим номером постоянного двора при таверне. Черный Джек всегда размещал в ней самых богатых гостей. Широкая кровать с четырьмя столбцами опор и искусно вышитой розами ткани алькова доминировала в просторной комнате. Шторы на окнах тоже были с розами.

Когда ее мать только начала работать у Черного Джека, Кесси часто пробиралась сюда и... мечтала. Воображала себя знатной леди и хозяйкой большого дома — с дюжиной таких спален, как эта. И леди из этой мечты, конечно, никогда не знала голода и холода.

Теперь же девушка мечтала лишь о побеге — прочь из проклятой таверны, от непосильного труда и бесконечных издевательств.

Она опустила поднос на высокий столик у окна. Постояла, прижав ледяные пальцы к пылающим щекам. Сердце ее рыдало в отчаянии. Разве грех желать лучшей доли? Ведь она просила от судьбы так мало — чуть больше того, что имела. Всего лишь маленький домик, который принадлежал бы только ей. Чтобы не умереть на улице. А еще немного денег — чтобы купить платье на смену и, возможно, новую шляпку

Боже праведный, она не хочет умереть так, как Бесс, — на вонючем и пыльном чердаке.

Найти бы хоть какой-то выход!..

Она попыталась взять себя в руки. Но тут же ее снова охватила паника. Неужели Черный Джек и впрямь ожидает, что она ляжет в постель графа? Кесси была в ужасе. Так что же она покорно здесь стоит, словно овечка, отданная на заклятие?

Девушка обвела взглядом спальню. Рядом с дверью стоял комод, на котором лежала кучка серебряных монет. Конечно, не состояние, но все же... Она столько за всю жизнь не видела.

Стоит лишь протянуть руку — и это серебро будет принадлежать ей...

— Соблазнительно, не так ли? Но если тебе так хочется заполучить эти деньги, то придется поработать.

Глава 2

Перед ней стоял граф.

Кесси на мгновение оцепенела от ужаса. И все же какая-то частичка ее сознания настойчиво требовала: Беги отсюда, беги быстрее лани! Но ноги ее словно налились свинцом. Лишь каким-то чудом ей все же удалось повернуться лицом к его сиятельству.

А он, граф, высокий, вдруг отметила она, намного выше, чем казалось внизу, в зале. И вовсе он не праздный денди, не знавший физического труда. Плечи его так и распирала бархатную жилетку, а под бриджами, обтягивающими ноги словно вторая кожа, бугрились развитые мышцы. И в то же время граф был изящен и элегантен.

Кесси вздрогнула, затрепетала — граф направился к ней. Если она попытается удрать, он без труда поймает ее. Но граф прошел мимо нее — к подносу. Налил полную рюмку бренди и отпил немного. Затем предложил и ей:

— Не присоединишься ко мне, янки?

Кесси вспыхнула. Выпить из его рюмки? Прикоснуться губами к его рюмке? Такой интимности она не позволит себе ни с одним мужчиной, тем более с этим!

Кесси покачала головой.

— Я не люблю спиртного, — проговорила она.

— Да? Ну, ладно. За... янки. — Он поднял рюмку, словно чокался с ней, и выпил, не сводя с нее пронзительных глаз. Она пробормотала:

— У меня еще уйма работы, сэр, так что если позволите...

— Не позволю, Я предпочитаю, чтобы ты осталась здесь.

Кесси сцепила перед собой пальцы. Ей нельзя здесь оставаться! Ведь он же... Пресвятая Дева Мария, она даже подумать об этом не осмеливается! Даже угрозы Черного Джека не заставят ее... пойти на это!

Кесси лихорадочно размышляла. И в конце концов решила, что у нее лишь один выход — все объяснить графу и надеяться, что он достойный человек.

В горле у нее запершило от сухости.

— Сэр, я ведь вижу, что даже не нравлюсь вам. Если честно, то вы бы и не остались здесь, если бы не Черный Джек со...

— Напротив, я как раз там, где мне желательно находиться. И что гораздо важнее — именно с той, с кем и хотел.

Да он просто потешается над ней! Кесси чувствовала это. Чувствовала! Какой же он жестокий!

Она растерянно передернула плечами:

— Сэр, прошу прощения за свою неловкость. Вы даже не представляете, как я сожалею об этом. Но не вижу причины, почему меня нужно наказывать строже...

— Наказывать? Боже, вот это удар ниже пояса! Я имел в виду не наказание, а удовольствие.

Удовольствие? Кесси передернуло. Если и удовольствие, то только для него.

Он улыбнулся. Словно прочитал ее мысли.

— Как?! — воскликнул он. — Неужели эти идиоты внизу не сумели доставить радость такой красоте?

Щеки Кесси ярко запылали. Она увидела, что он вытащил что-то из кармана жилетки. Часы. Потому что заметила, как блеснула золотая цепочка, когда он положил их возле кучки монет. И шагнул к ней.

Кесси попятилась. В его смехе звучало искреннее веселье... и вместе с тем была насмешка.

— Что это с тобой, янки? Неужели боишься меня? Да, она его боялась. Но боялась... как-то не так, как других...

— Я не нравлюсь тебе, да, янки?

Янки. Кесси вскинула голову.

— У меня есть имя, сэр, и я привыкла, чтобы меня называли по имени!

— Ну уж нет! Лично я считаю, что Кристофер ошибся. Янки подходит тебе гораздо больше, потому что ты такая же грубая и неуправляемая, как все они. Так что будешь янки. А теперь вернемся к моему вопросу. Так почему я не нравлюсь тебе?

— Мне кажется, милорд, что это я не нравлюсь вам. Вы так на меня смотрели...

Значит, она заметила? Габриэль сдержанно улыбнулся. Одета она была едва ли не в тряпье, и все же это ничуть не скрывало ее красоты. Габриэль задумался: имеет ли она понятие,

насколько хороша? Да что там хороша — очаровательна! Волосы — словно янтарь, а глаза — чистые топазы. И при этом уже далеко не дитя. Вот только слишком уж худая. Впрочем, округлости груди и ягодич заставляли забыть об этом.

Габриэль нахмурился, поймав себя на непривычном интересе к служанке. Вообще-то он предпочитал опытных любовниц, а не молоденьких девиц, как эта. Хотя вряд ли девчонка осталась нетронутый. Наверняка уже во многих постелях побывала, решил граф.

И нельзя было отрицать, что она волновала его кровь.

— Хватит ломаться, янки! Я больше месяца пробыл в море без женщин. Неужели не отыщешь в своем сердце хоть капельку сострадания? Неужели не сжалишься над мужчиной, изголодавшимся по мягкому женскому телу и ласковой женской руке?

Ласковой женской руке? Какие глупости! Да у нее руки краснющие, как клешни у вареного рака, и огрубели от работы так, что ими впору драить полы.

Внешне Кесси ничем не выдала своего гнева.

— Боюсь, сэ, что вам все в жизни доставалось без труда. Вам никогда ни в чем не отказывали.

В этом она была права. Габриэль никогда не испытывал нужды. У него было все... кроме отцовской любви и привязанности.

Он кивнул в сторону кучки серебра:

— Там лежит солидная сумма, янки. Если хочешь получить ее, то я потребую многого. Тебе придется остаться здесь...не на часок-другой, а на всю ночь. А утром мы можем даже вместе принять ванну.

Кесси похолодела. Она считала, что после пережитого сегодня ее уже ничем не удивить, но... купаться с мужчиной? Такое она даже представить не могла, подобного нельзя допускать!

Он жутко раздражал ее, хотя пытался добиться совершенно обратного. Кесси не была наивной дуручкой и знала, чего он хочет от нее. Не так давно Бесс говорила ей: Если мужчина нежен и терпелив, то все может получиться не так уж и плохо. Но иногда они такие грубые и быстрые, что просто ужас! Говорила так, будто каждое слово давалось ей с величайшим трудом.

Кесси всякий раз знала, когда Бесс попадался грубый клиент. Она тогда забивалась в свой уголок, молча глотая слезы. Иногда у Бесс и руки, и даже грудь были в синяках. А как-то она обнаружила, что уже месяца три как беременна. Кесси задрожала от ужаса. Она знала, что Бесс занималась этим ради денег, иначе не на что было бы жить. Именно эти деньги спасали от подобной же участи самое Кесси.

Но Кесси еще не была готова к тому, чтобы продать свою девственность за пригоршню серебра.

Габриэль не заметил ее отчаяния — он увидел лишь отвращение.

Интересно, она бы так же ломалась, если бы рядом с ней был сейчас Кристофер? Эта мысль мгновенно вывела его из равновесия. Габриэль вспомнил, как сладко она улыбалась его приятелю, а его самого не удостоила даже взглядом. И у него потемнело в глазах от ярости.

— Да, — вкрадчиво произнес он. — Совместная ванна была бы восхитительна.

Кесси вспыхнула:

— Черный Джек платит мне жалкие гроши, чтобы я скоблила полы и подавала эль. А вовсе не за это!

— А вот я не уверен, что его служанки не знают, как им подработать на маслице к хлебу!

Кесси стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони.

— О, я прекрасно знаю таких людей, как вы, сэр! Они берут от жизни все, что хотят, думая только о себе. На других им плевать с высокой колокольни.

— О, янки, видимо, какой-то парень жестоко обидел тебя! Побаловался и бросил, да?

Она гордо вскинула голову:

— Нет! Просто меня бесит, что моим мнением во всем этом деле никто не поинтересовался.

Он пожал плечами и кивнул на кучку серебра:

— Мне кажется, ты уже установила свою цену.

— Вы не поняли меня, сэр. То, что вы от меня хотите, я не отдам ни за какие деньги! — Ни тебе, ни любому другому похотливому самцу! — подумала она.

Это кольнуло его так, что он с презрительной усмешкой смерил ее с ног до головы, словно раздевая глазами и оценивая. Он бы не завелся так, если бы не выражение непримиримой непокорности на ее лице. И еще чего-то. Она смотрела на него, словно была лучше... чище его, а он обыкновенная... вошь.

А уж такого Габриэль ни от кого не мог стерпеть.

Он медленно двинулся по кругу. И тут же почувствовал ее панику и то, как она пыталась побороть ее. Голова ее была все так же гордо поднята, шея напряглась, как у солдата, стоящего по стойке смирно. Кажется, у девчонки, помимо красоты, еще и большой запас гордости, — не очень подходящая комбинация в ее положении.

Наконец он остановился перед ней. Они стояли теперь так близко, что ощущали разгоряченное дыхание друг друга.

— Ситуация крайне необычная для меня, янки. Видишь ли, женщины никогда еще не отказывали мне... Поэтому я должен убедиться, что правильно понял тебя. Не я отвергаю тебя, а ты меня, так?

Хитрый наглец! Если она скажет да, то рискует разозлить не только его самого, но еще и Черного Джека. Но как она ответит иначе, если он тут же решит, что она передумала и согласна лечь с ним в постель!

Кесси снова пришлось бороться с приступом панического страха. И мысли путались оттого, что граф рядом. В затылке покалывало и было ясно: этот мужчина представляет для нее серьезную угрозу.

Пришлось собрать все свое мужество, чтобы выдержать его стальной взгляд, и ей это удалось.

— Я, конечно, не смогу остановить вас, если вы решите взять меня силой. Наши силы неравны, и было бы глупо сопротивляться, все равно я бы проиграла. Но вы должны знать с самого начала — это произойдет вопреки моей воле. Поэтому умоляю вас отпустить меня с миром.

Габриэля поразила не сама мольба, а тон, полный горечи.

Она отвела взгляд в сторону, но он успел заметить подозрительно яркий блеск золотых глаз. Слезы? Габриэль не переносил женских слез. Он слишком рано узнал, каким чудесным инструментом они являются для женщины, добивающейся с их помощью всего, чего она хочет.

— Хорошо. Допустим, я отпущу тебя, что дальше? Нам не нужно притворяться друг перед другом, янки. Мы оба хорошо знаем, с какой целью Черный Джек прислал тебя сюда. Вряд ли он ожидает, что ты выйдешь из этой спальни раньше рассвета.

Лицо Кесси запылало от стыда. Она сосредоточила все внимание на его безупречно белом галстуке.

— Если бы вы... сказали ему, что я... доставила вам удовольствие, то никто и не узнал бы об этом, — едва слышно прошептала она.

— Хм, если мы заключаем сделку, то я вправе ожидать какой-нибудь награды. Пусть самого мизерного, но аванса.

— Аванса? — Кесси дернулась, как ужаленная, и подавила рвущееся из груди рыдание. — Вряд ли, сэр, вы примете в качестве аванса единственное платье, прикрывающее мою наготу. А больше у меня ничего нет.

— За исключением того, что ты отказываешься отдать мне.

Она зажмурилась. Нашла кого молить о милосердии! Только зря сотрясала воздух. От отчаяния у нее потемнело в глазах. Неужели вот так это и произойдет: она потеряет девственность по прихоти мужчины, которому надо лишь утолить позыв плоти, а все остальное его не волнует?

Габриэль уже почти решил, что не тронет ее. Как бы она ни была желанна, на свете полно женщин, готовых прыгнуть к нему в постель, так что ему ни к чему заниматься той, которой он почему-то неприятен. Но, дьявол бы все побрал, девчонка раздражала своим упорством, и он этого не потерпит.

— Поцелуй! — вдруг сказал он. — Подаришь мне поцелуй и можешь идти.

Она удивленно заморгала, взгляд же его глаз был тверд, и они излучали странный жар. Кесси сначала тоже бросило в жар, но вслед за этим она похолодела от страха. Его рот, такой красивый, вытянулся в тонкую, жуткую линию. Теперь в нем не было и признака мягкости.

Сильные руки потянули ее за запястья. И вот они оказались совсем рядом. Еще ближе...

Грудь ее взволнованно поднималась и опускалась. Господи, да что это с ней? Ведь это всего-навсего поцелуй! Можно сказать, легко отделалась. Это же гораздо лучше, чем то... другое...

Его рот приник к ее губам. Ее снова пронзило жаром, но она упрямо сжала губы, инстинктивно сопротивляясь. Придется стерпеть еще одно непрошеное касание противно влажных губ. Она уже не раз отбивалась от подобных в зале.

Габриэль тут же оторвался от нее. И слегка стиснул ее запястья.

— Нет, янки, так не пойдет. У меня нет желания целовать застывшую статую.

Кесси сердито сверкнула глазами.

— Сэр, — начала она, — хотела бы напомнить вам...

Стальная рука обвилась вокруг ее талии. Ее охватило странное чувство невесомости, а в следующее мгновение она уже лежала на кровати и граф тяжело навалился на нее.

Его губы снова сомкнулись на ее губах. В голове промелькнула и исчезла мысль, что этот поцелуй не похож на все испытанные ею раньше, а потом рассудок перестал подчиняться ей. Его губы были теплыми, сладкими, да, агрессивными, как у примитивного самца, но в то же время странно убедительными, лишавшими ее сил и воли. Кесси задрожала и почувствовала головокружение, словно опьянела.

Лишь через секунду она поняла, что он оторвался от нее и поднял голову.

— Не передумаешь, а, янки? — Кончиком пальца он провел по ее изящной шее. — Обещаю такую ночь, какую ты не скоро забудешь.

Она уставилась на него, потрясенная, в полном смятении. Святые небеса! Это что же происходит? Она валяется в кровати, а он лежит на ней! Рассудок мгновенно вернулся к Кесси. Она замолотила ему в плечи кулачками.

— Не надейтесь! Я выброшу вас из головы, лишь только выйду отсюда!

Она была словно по каменной глыбе: и больно, и без толку. Он изучал ее лицо, склоняя голову то налево, то направо. Наконец, ироничная бровь поползла вверх.

— Нет, янки, это никуда не годится. Ты не выглядишь, как женщина, проведшая бурную ночь с любовником. Если не хочешь, чтобы Черный Джек догадался...

Кесси охнула, когда он потянулся к ее волосам и начал вытаскивать шпильки. Шелковые пряди заструились по его рукам, словно возликовав от освобождения.

Он снова склонил голову, только на этот раз его целью оказались не губы. Кесси вскрикнула, когда он прихватил зубами кожу на ее шее, пососал ее и тут же зализал то место, которому причинил боль. Она вцепилась пальцами в его волосы. Но как она ни тянула их, он не обращал внимания, продолжая изучать губами нежную кожу. Затем его губы снова захватили в плен ее рот. Только на этот раз они были требовательными и такими безжалостными, грубыми и откровенно жадными, что она едва не задохнулась.

Что-то словно взорвалось в мозгу Кесси. Она едва сумела оттолкнуть его от себя.

Маленькие кулачки замолотили по его плечам.

— Ах вы, ублюдок с голубой кровью! Отпустите меня!

Габриэль отпустил ее. Нелл была права: девчонка корчила из себя черт знает кого.

— Ты плохо расслышала, милочка. Даже мой отец не сомневается в моем происхождении, не то что ты!

Кесси выбралась из кровати. Ее губы вспухли и слева были украшены синяком. Нежная кожа вокруг рта горела.

— Плевать мне, кто там у вас отец! Это все равно не дает вам никакого права тискать меня!

Габриэль равнодушно пожал плечами:

— Вряд ли я был грубее, чем те вонючие козлы внизу.

— А чего вы от меня ждали?! — взвилась Кесси, чувствуя себя несправедливо обвиненной. — Как я могу сопротивляться, если Черный Джек не спускает с меня глаз?

Он с минуту разглядывал ее с таким равнодушным выражением лица, словно этой вспышки и не было.

— Можешь идти, янки. Женщины, которые не жаждут объятий, еще хуже девственниц. С ними одна морока.

Ее отпустили! Он прошел к окну и уставился в ночную тьму, сложив руки за спиной. И словно забыл про Кесси, выкинул ее из головы. Ненависть всколыхнулась в ней яркой вспышкой.

Она медленно начала пятиться к двери, изрыгая все грязные слова, какие только успела запомнить, обслуживая пьяниц. Зачастую она даже не знала их смысла, понимала лишь то, что они очень мерзкие. Но если он и слышал ее, то ничем не показал этого. Он не повернулся к ней, не заговорил, не обругал в ответ... Отлично, ей это только на руку...

Она схватила часы с комода и выбежала из Розовой спальни.

Глава 3

На чердаке Кесси подскочила к кособокому столику, чтобы зажечь огарок свечи. Руки у нее дрожали так, что это простое действие удалось ей лишь с третьей попытки. Пламя затрепетало, замигало, скудно осветив небольшой круг. На стене заплясали неясные тени.

Только тогда она изучила добычу, зажатую в кулаке.

За всю жизнь Кесси не доводилось видеть более красивой вещицы. Луковичка часов была покрыта изумительным орнаментом. Она сияла и искрилась, словно лучи яркого весеннего солнца. На нижней стороне была какая-то надпись, но Кесси не обратила на это внимания. Кончиком ногтя она поддела крышку часов и открыла их. Внутренняя сторона крышки была украшена прекрасной миниатюрой: молодая женщина и мальчик стояли посреди цветника.

Мозг ее лихорадочно заработал. Часы наверняка стоят кучу денег. Если и не целое состояние, то их будет достаточно, чтобы все-таки уехать далеко-далеко отсюда, подальше от Черного Джека и его таверны — прочь из Чарлстона. Денег хватит и на то, чтобы снять комнату в приличном доме, и на то время, пока она будет искать работу. Возможно, удастся устроиться белошвейкой.

Но ты не можешь, кричал голос внутри нее. Что, если граф обнаружит пропажу? Он сразу поймет, кто украл его часы.

А что ты теряешь, тут же возразил другой голос. Ты же не веришь, что граф сдержит свое слово! А Черный Джек, сказал... В противном случае я уже утром вышвырну тебя на улицу.

Прошло часа два, а Кесси все еще сидела, скрючившись на матрасе, в углу чердака. Она ужасно боялась, что граф в поисках часов доберется сюда, а за ним по пятам и Черный Джек с пудовыми кулаками. Шум внизу, в пивном зале, уже давно стих. Нелл так и не вернулась на свой матрас. Кесси была втайне рада, что та решила согреть чью-то постель, оставив ее одну.

Постепенно страхи отступили. Чем темнее становилась ночь, тем светлее и радужнее становились ее надежды. Сейчас граф в постели. Скорее всего он не встанет до обеда. Ведь он основательно выпил вчера.

Забрезжил рассвет. Скучный лучик света прокрался сквозь запыленные стекла чердака, когда Кесси на цыпочках спускалась вниз по лестнице. Она боялась сделать неловкое движение, свалить что-нибудь. Только бы никто не проснулся и не заметил ее! Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, когда она проходила мимо спальни графа, молясь, чтобы удача не отвернулась от нее... чтоб он не заметил пропажу, пока не проснется в полдень или еще позже...

По привычке последних лет Габриэль открыл глаза с первыми лучами солнца. Он не стал залеживаться в постели, откинул одеяло и вскочил на ноги. Нагим он казался еще выше своего внушительного роста. Смутная улыбка появилась, но тут же исчезла на его резко очерченных губах. Он сразу решил, что стоит заказать ванну, в надежде, что полотенца и мыло принесет Кесси. Откажется ли она и на этот раз принять с ним ванну? Не важно. Ее протесты, конечно, были всего лишь тонким притворством, попыткой замаскировать тот отклик на его жар, который он прочел вчера на губах, оказавшихся столь сладкими и трепетными.

Четче проявились желваки на скулах, и Габриэль усмехнулся. Ну разве не забавно, что она — жалкая служанка — отвергла будущего герцога Фарли? И все же жаль, что девчонка наотрез отказалась разделить с ним постельные утехи. А уж как ему хотелось сорвать с нее ветхое тряпье и открыть под ним роскошь теплой кремовой кожи. Да-а, девчонка хоть куда горячила его кровь... Темперамент что надо. Но ее внешнее равнодушие интриговало больше всего.

Наверное, надо было надавить на нее посильнее — растопить этот лед и разжечь огонь. Превратить ее страстное сопротивление в кипящее возбуждение. Он подозревал, что стоило ей почувствовать вкус страсти, и она завелась бы так, что доставила бы радость... им обоим.

Но на сегодня у него дел невпроворот. Если все пройдет, как задумано, то его команда успеет погрузить в трюм индиго и табак, предназначенные для продажи в Англии. И если повезет, то уже в полдень они смогут отплыть.

Пять минут спустя он уже стоял у окна, одетый в простую широкую белую рубашку, темные бриджи и начищенные до блеска высокие ботинки. Туман окутал порт в мерцающее серебром покрывало. Город только начал просыпаться. Габриэль заметил лишь парочку дымков из труб.

Он уже собирался отвернуться от окна, как уловил движение — на улице прямо перед таверной. Среди неясных теней он разглядел легкую фигурку женщины, спешащей по тротуару. Лица ее он не видел. Волосы женщины были скрыты под шарфом. В одной руке она сжимала маленький узелок. Ему показалось или она действительно ускорила шаг? Габриэль прищурился — в походке этой женщины была какая-то настороженность... Она убегала от кого-то...

Он резко повернулся: на комодке блестела кучка серебра.

А часов и след простыл.

Он громко и яростно выругался. Эта поганка была не только невероятно желанной, сводящей его с ума и... равнодушной...

Она оказалась еще и воровкой.

Только оказавшись на улице, хранящей утреннюю прохладу. Кесси позволила себе дышать полной грудью. Она не задержалась ни на секунду, чтобы проститься с таверной, где прошла почти вся ее сознательная жизнь. И не сожалела, что покидает это проклятое место, надеясь, что будущее окажется чуточку лучше, чем мучительное прошлое в заведении Черного Джека.

Надо спешить! Чуть дальше, за кондитерской, был магазинчик. Она слышала, как Черный Джек как-то говори, что его хозяин торговал не только новыми, но и подержанными товарами. И молилась, чтобы тот соблазнился красивыми часами и купил их у нее за приличную сумму. Кажется, ветры судьбы дули пока в ее сторону. Она вполне могла застать хозяина одного, когда тот будет открывать свой магазин.

И тогда — она будет свободна.

Продрогнув, она стянула шаль с головы и укутала ею плечи. Но не успела беглянка пройти вдоль нескольких домов, как услышала за собой стук каблуков. В затылке закололо тысячей иголок. Она оглянулась и застыла от ужаса.

Нет! Этого не может быть! С какой стати граф поднялся бы так рано. Это просто воспаленное воображение...

Паника охватила ее и сжала горло. Она повернулась и побежала что было сил. Но шаги сзади все громче грохотали по камням мостовой. И все же она бежала, задыхаясь и рыдая на ходу, вопреки здравому смыслу.

Решительная рука схватила ее за шиворот. Она почувствовала, как ее подняли в воздух и прижали к твердой, как скала, груди. Она беспорядочно махала кулаками, пытаясь вырваться.

— Отпустите меня! — закричала она, не слыша своего голоса.

Он прошептал ей на ухо, едва скрывая торжество:

— Мы уже проходили это вчера вечером, янки. Ты не сделала нужных выводов? Я освобожу тебя лишь тогда, когда сам пожелаю этого. И не секундой раньше.

Кесси откинула голову назад и завопила во всю мощь своих легких:

— Помогите! На помощь! Умоляю, пожалуйста, помогите!

Рука, обнимавшая ее за талию, стиснула ее так, что она едва могла дышать. Габриэль тихо ругнулся сквозь зубы, когда лысый торговец высунулся из двери своего магазинчика.

— Не обращайтесь внимания на леди! — крикнул Габриэль. — Она страдает воспалением мозга, вот ей и кажется, что ее преследуют. — Он направился к небольшому скверу в конце улицы.

Кесси задохнулась от ярости. Ах так, она еще и слаба умишком! Это он хотел сказать? Она возобновила свои попытки вырваться, но безрезультатно. Он приподнял ее над землей и поволок в дальнюю аллею. Здесь он прислонил ее к кирпичной стенке углового здания. Какую-то жуткую долю секунды он прижимал ее к стене всем своим телом. Лицо его не выражало

абсолютно никаких эмоций, хотя она всем своим существом чувствовала, что он в ярости. Она слабо дернулась, когда он вырвал у нее узелок. Отступив на полшага, он запустил в него руку.

Кесси охнула.

— Что это вы делаете? — закричала она. — Это мои вещи! Вы не имеете права копаться в них!

Он даже не взглянул на нее, рассматривая старенькую ночную рубашку, которую вытащил из жалкого свертка.

— Ты прихватила с собой и кое-что мое, — заявил он в ответ. — Это дает мне кое-какие права.

— Ах вот как! — Она с криком набросилась на него. Но прежде чем успела выпустить коготки, он стальной рукой вновь прижал ее к себе.

— Кажется, ты решила привлечь к нам внимание, янки Кому-нибудь может даже прийти в голову позвать констебля, чтобы тот разобрался, в чем дело.

Злой блеск его глаз подсказал ей, как именно он поступит в этом случае. Кесси мгновенно затихла и больше не сопротивлялась. Он отпустил ее, сверкнув глазами.

— Мои часы, янки! — вот и все, что он сказал. Кесси облизала губы:

— Вы... вы опоздали, милорд. Я... я уже продала их.

— Да ну? Прости, но я тебе не верю. А потому должен обыскать тебя.

И улыбнулся такой обворожительной улыбкой, что прошло несколько мгновений, прежде чем она сообразила, что у него на уме. Она попыталась ускользнуть от него, поднырнув под его руки. Но он оказался весьма быстр и ловок. Прижав ее к стене локтем и лишив возможности к дальнейшим попыткам побега, он впился в нее глазами. Пальцами другой руки он ощупал ее рукава. А потом его проклятые пальцы скользнули ей в лиф. Он погладил ее соски и обшарил грудь, которой никто, кроме него, еще никогда не видел и не касался. Шокированная Кесси охнула.

— Прекратите! — выкрикнула она.

Но он не обратил внимания на ее возмущенный возглас и, казалось, не замечал ее гнева. Она с шумом втянула в себя воздух.

— Ради всего святого, прекратите! — навзрыд произнесла она. — Они... у меня в чулке. Отвернитесь, и я достану их!

Но он не отвернулся. Просто отпустил. Так что Кесси пришлось опускать чулок под его пронзительным взглядом. Руки у нее тряслись. Она выпрямилась и с размаху шлепнула часы в его протянутую ладонь:

— Вот! Вы получили свои часы, так что отпустите меня! Его лицо помрачнело от гнева:

— Не сразу, янки. Ты же не дура, чтобы рассчитывать, что отделаешься легким испугом. Ты украла у меня А я такого не прощаю!

Он железной хваткой вцепился в ее локоть и поволок назад, тем же путем, которым они пришли сюда.

Кесси подавила крик горького отчаяния. Он волок ее снова в таверну! Боже, неужели она зашла так далеко, чтобы ее с позором вернули назад, словно собачонку на цепи?

Уже через пару минут они оказались в просторном зале таверны. Кесси съежилась от страха и стыда. Кристофер Марли и Черный Джек сидели у огромного камина.

Черный Джек развел руки в стороны:

— Ваше сиятельство! Я видел, как вы выбежали отсюда... Что случилось?

— Эта девчонка — воровка! Она украла мои часы.

Кесси заметила удивление на лице Кристофера Марли. А вот и Нелл, застыла на верхней ступеньке лестницы. Да, нечего было надеяться, что граф пощадит ее. Он заставит ее испить чашу унижения до конца.

Черный Джек вытаращил глаза:

— Украла? Она?

— Вот именно. Похоже, решила, что больше не хочет работать на вас. А часы дали бы ей средства на побег.

Кристофер поднялся с кресла и встал рядом с Черным Джеком. Он внимательно оглядел Кесси, остановив взгляд на слабой отметине на шее. Легкое недоумение отразилось на его красивом лице. Он переводил взгляд с Кесси на графа и обратно. И Кесси поняла, что он разглядел отметину в виде полумесяца, сделанную зубами графа.

Горячий стыд залил ее щеки. Больше всего ей хотелось бы сейчас сжаться до невидимых размеров и умереть.

Нелл удовлетворенно фыркнула:

— Боже, подумать только! А ведь вечно задирала передо мной нос! Украла у его сиятельства часы и сбежала!

Черный Джек выругался.

— Надо было посадить тебя на корабль и отправить в приют в тот же день, когда твоя мамаша бросила тебя! От тебя одни неприятности, мисси! Слышишь? Одни неприятности!

Кесси непокорно вскинула голову. Ее гордость растоптали, но не уничтожили.

— Думаешь, что облагодетельствовал меня? Я скоблила полы, пока у меня не начинали кровоточить руки! Опорожняла горшки и работала с рассвета до полуночи, сколько себя помню! И это за несколько пенни в год! Да рабы на плантациях и то живут лучше!

Его лицо исказилось от гнева.

— Ах ты, неблагодарная сучка! Пришло время укоротить твой ядовитый язычок!

Он поднял кулачище. Кесси заметила ужас, промелькнувший в глазах Кристофера Марли, когда тот уставился на могучий кулак Черного Джека.

Она же внутренне подбодрила себя: не впервой ей сносить побои Черного Джека. Вот уж граф получит огромное удовольствие от ее унижения! Но она не издаст ни звука, пока он смотрит... Закусит губу и не пискнет...

Но кулак так и не опустился на ее голову.

— Если вы ударите девчонку, — холодно произнес граф, — то ответите за это. Она украла... мои часы. И только мне, и никому другому, решать, как наказать ее.

Черный Джек удивился, но не посмел перечить графу. Он опустил кулак и замялся в объяснениях:

— Да я ничего плохого и не хотел... Лишь напомнить девчонке, где ее место.

Тон Габриэля оставался равнодушным и холодным:

— А я уверен, сэр, что вы очень даже рвались причинить ей боль. Но в данном случае я сам решу, какую кару она заслуживает.

Он снова крепко сжал локоть Кесси.

Кесси чуть не вытошнило от страха. Наверное, все же лучше было вытерпеть побои Черного Джека. По крайней мере она знала, что приступы его ярости проходят довольно быстро. Что же касается графа... Его холодный, расчетливый гнев пугал. Она вяло передвигала ноги, пока он тащил ее за собой в Розовую спальню.

Уже в спальне он подтолкнул ее к изножью смятой постели. Кесси села и подняла голову. Она смело посмотрела на графа, пряча страх под негодованием:

— Ваши часы снова у вас. Что вам еще надо?

Он прошел к столу и налил себе рюмку бренди. Он не смотрел на нее, задавая свой вопрос:

— Мне любопытно, почему ты вообще взяла их, янки? И еще интересно, скольких мужчин ты уже успела обчистить?

Кесси стиснула зубы. Кажется, он собирается сейчас распять ее. Ну, если он задумал именно это, то она не собирается помогать ему.

Он повернулся к ней.

— Ну же, янки, выкладывай! — приказал он. — Или я один удостоился такой чести? Ее глаза полыхнули огнем.

— Я взяла ваши часы, потому что вы были невыносимо наглым и высокомерным, сэр. И, конечно, из-за тех денег, которых они стоят.

— Почему ты решила сбежать?

— Что вы, сэр! — с наигранным смехом ответила она. — И в мыслях не было! У меня же здесь такая роскошная жизнь. С чего бы это мне пришло в голову покинуть этот райский уголок?

— И куда же ты решила отправиться?

— Не знаю, куда угодно, лишь бы подальше от этого проклятого места!

Габриэль внимательно окинул ее взглядом поверх своей рюмки. Собственно, зачем он спрашивал? Ведь ее горькая отповедь Черному Джеку прекрасно говорила об ее участии здесь. И он ни на секунду не усомнился, что каждое ее слово — правда. Его взгляд скользнул по старому платью, которое давно пора было пустить на тряпки, рассмотрел и выцветшую ткань котомки, которую она по-прежнему стискивала так, что побелели костяшки пальцев. И, наконец, уставился на сухую, потрескавшуюся кожу ее огрубевших от работы рук.

Кесси покраснела, когда поняла, что он так пристально рассматривал. Она сглотнула и несмотря на то что мужество вот-вот готово было оставить ее, продолжила:

— Я не могу здесь больше оставаться. — Ее голос звучал глухо, но страстно и убежденно. — И не останусь. Если вы намерены передать меня констеблю, то сделайте это поскорее, и покончим с этим.

Габриэля восхитила ее отвага. У этой крошки негибкая воля. И смелость к тому же. О, он, конечно, понимал, что она напугана до смерти. Не ускользнуло от него и выражение отчаяния в ее глазах. Да-а, она была достойным противником, вынужден был признать он. Возможно, даже смогла бы противостоять его отцу. Интересно, подумал вдруг он, что сказал бы его отец об этой маленькой янки из самых низов...

И словно по волшебству, ему вспомнились вчерашние слова Кристофера. Такая красotka может рассчитывать на лучшее, чем стать женой фермера... Эта, пожалуй, взлетит гораздо выше...

Он медленно опустил рюмку и пристально уставился на нее, словно видел впервые.

Девушка, правда, была воровкой. Страстной и непокорной. Рожденная шлюхой — куда уж ниже. Без какого-либо образования...

Невежественная янки...

И тут ему пришла в голову идея — результат многолетнего пренебрежения к его собственной персоне и созерцания живописных обносков красивой девчонки.

Святые небеса, да это же просто... находка.

В один прыжок он оказался перед ней. Схватив ее за руки, он стащил ее с кровати. Затем, обхватив подбородок пальцами, повернул ее лицо к свету, чтобы подвергнуть тщательному осмотру.

— Сколько тебе лет?

Она ничего не ответила, и он переместил свои руки на ее плечи и легонько встряхнул.

— Отвечай мне, не бойся. Сколько тебе лет?

Кесси облизнула губы.

— Кажется, восемнадцать. Но точно я не знаю...

— Нелл говорила, что мать бросила тебя, когда ты была совсем маленькой. А другие родственники у тебя есть?

Ее глаза, недоуменно тарачившиеся на него, были огромными. Она помотала головой.

— Что ты ответишь, если я предложу тебе спасение от жуткой поденщины? Если я скажу, что могу увезти тебя далеко-далеко отсюда?

Она заморгала часто-часто:

— К-куда?

— Через весь океан. В Англию. А возможно, когда-нибудь и в Париж. О, тебе наверняка понравится Париж! — Он снова провел костяшками пальцев по ее лебединой шее. — Я мог бы подарить тебе драгоценности, меха. Когда у тебя в последний раз было новое платье, а, янки? Я могу позаботиться, чтобы у тебя было платье на каждый день года.

Кесси слегка встряхнула головой, чтобы убедиться, что не ослышалась.

— Не понимаю, с чего это вдруг такая щедрость? — выпалила она первое, что пришло ей в голову.

Габриэль усмехнулся. О, ясно, что не из великодушия или по доброте сердечной, ибо он был уверен, что их у него не было отродясь. Нет, это не имело ничего общего и с его щедростью, скорее... с мезтью. И какой же сладкой будет эта мезть!..

Отец жаждал увидеть его женатым? Ну, так он женится!

Кесси напряглась, как струна.

— Мне казалось, что вы хотели наказать меня?.. — напонила она дрогнувшим голосом.

— Можешь забыть об этом, дорогая. Я не намерен отдавать тебя констеблю или Черному Джеку.

— Сэр, вы... не заболели? — пробормотала Кесси. Он хохотнул резко и явно с удовольствием:

— Если честно, то никогда еще не чувствовал себя лучше. Так что ты скажешь на это, янки? Ты сегодня выбежала отсюда, не зная толком, куда отправляешься. Я же предлагаю тебе шанс увидеть Англию. А если захочешь, то и всю Европу. И даю слово: больше тебе никогда не придется скоблить полы.

Кесси закусила губу.

— Такое не делают даром, — медленно произнесла она. — А я ничего не могу дать взамен.

Тут краска бросилась ей в лицо, заметно разлившись по щекам.

— Господи! — ахнула она. — Только не говорите, что решили взять меня... в любовницы!

На его лице промелькнула мрачная улыбка.

— Мне нужна не любовница, янки, а... жена.

Глава 4

Жена.

Рассудок Кесси отказывался верить услышанному. О, граф наверняка сошел с ума! Иначе этого и не объяснишь. Или все это чудовищный розыгрыш? А может, она и не заметила, как сама... свихнулась? Такое случается, когда жизнь становится невмоготу...

Она не отрывала глаз от графа. А он стоял, подбоченясь и явно довольный собой. Но его глаза словно приковали ее цепями, потому что она заметила холодный расчет в их глубине.

Нет, она не свихнулась. И он не был похож на обитателя сумасшедшего дома.

Она начала пятиться и даже не заметила, как наткнулась на матрас. Словно в тумане, она медленно опустилась на смятое одеяло, по-прежнему не в силах выдать из себя ни слова.

А граф все так же улыбался. Странной, торжествующей улыбкой, полной вызова. В ней было и еще что-то, чего Кесси не понимала...

Наконец она сдавленно прошептала:

— Вы решили поиграть со мной, как кошка с мышкой? Тогда это просто чудовищно жестоко.

— Чудовищно? — рассмеялся он. — Чудовищно щедро, ты хочешь сказать?

— Мне трудно понять, почему мужчина вашего положения хочет жениться на такой. . как я? — Ее ответ прозвучал резче, чем она хотела.

— Зато я могу. — В глазах его зажегся какой-то мрачный огонь, который заставил ее похолодеть и ужаснуться.

— А я повторяю, сэръ, что вы играете мной! — Она вздернула подбородок. — Я-то не забыла, что вы — английский лорд...

— И я все время помню об этом. — Его губы медленно растянулись в улыбке. — Ты хоть понимаешь, что скоро можешь стать графиней... а в будущем — герцогиней Фарли?

Графиней? Герцогиней? Она? Господи, да он, кажется, решил, что она легковверная дурочка! Ее словно подбросило вверх. Кесси молча смерила глазами расстояние до двери.

— Я не сомневаюсь, что на уме у вас и впрямь женитьба, да только не на мне! — прокричала она, рванувшись к выходу.

Он ловко поймал ее на полпути. Пальцы графа стиснули ее руку, заставив мгновенно прекратить сопротивление. Он повернул ее лицом к себе. Кесси охнула, увидев глаза графа.

Его улыбка превратилась в такую гримасу, что по ее спине побежали холодные мурашки.

— Уверю тебя, дорогая, я серьезен, как никогда. Меня можно считать каким угодно человеком, но только не легкомысленным. И я не привык принимать необдуманные решения, особенно если речь идет о жизненно важных вопросах. Естественно, я думаю о женитьбе, но, как уже сказал, на тебе. Можешь не сомневаться.

— Но я не знаю вас! И была бы идиоткой, если бы вышла за вас замуж!

Его улыбка погасла.

— А вот мне кажется, что ты здорово сглупишь, если не выйдешь за меня, — холодно произнес

он. — Моих часов у тебя уже нет, янки. Продать тебе нечего. Ты хорошо представляешь себе, какая жизнь ожидает тебя, если ты останешься здесь?

— Я... довольно ловко владею иглой. — Она начала оправдываться и почувствовала, что ей это не очень удалось. — Я все равно сбегу. И могу устроиться белошвейкой.

— А если это не удастся? Кто наймет тебя? Рекомендаций у тебя нет, никто не сможет подтвердить твои таланты. Кто решится взять на работу бывшую подавальщицу из таверны? И где ты собираешься жить все то время, пока будешь искать работу? На улице? А вдруг ты приглянешься какому-нибудь мужчине? Ты собираешься защититься, если он решит взять тебя силой? Поверь мне, янки, такая жизнь не для тебя. Она кого угодно сведет в могилу, будь то в Чарлстоне или другом месте.

Кесси пыталась уговорить себя, что он специально пугает ее. Она попробовала выдернуть руку, высвободиться из его хватки. Но он не отпустил ее, лишь ближе притянул к себе.

— Ты можешь, конечно, вернуться в таверну и снова подавать эль. Возможно, ты ничего не имеешь против развязных посетителей, норовящих залезть тебе под юбку, и их похотливых взглядов.

Кесси передернуло.

— У тебя смазливая мордашка и хорошая фигурка, так что ты вполне можешь начать зарабатывать своим телом. Это, конечно, если ты готова провести остаток жизни на спине, раздвигая ноги перед мужчинами, меняя их ночь за ночью...

Щеки Кесси запылали от его откровенности. Мысли ее смешались. Что же это такое? Кошмар... или невиданная удача? Одно она знала наверняка: к прежней жизни возврата нет. Больше всего на свете она хотела оставить все это в прошлом... навсегда.

Она набрала полную грудь воздуха и подняла глаза на его жесткое лицо.

— Вы не понимаете меня, — тихо сказала она. — Назовите мне хоть одну вескую причину для такого предложения. Вот вы говорите, что все время помните про разницу в нашем положении. — Она чуть не задохнулась, волнуясь. — Тогда почему, почему именно я?

Габриэль не сказал, что именно эта разница и подвигла его на то, чтобы сделать ей предложение. Но если бы он проговорился, то все испортил бы.

Ему захотелось расхохотаться. Разве не ирония судьбы, что все эти годы он не был нужен отцу? Теперь же, когда Стюарт погиб, герцог набрался наглости управлять его жизнью. Что ж, можно ведь и подкорректировать ситуацию. Интересно, как отреагирует отец?

По крайней мере на девчонку приятно посмотреть. Он внимательно взглянул на повернутое в сторону лицо, наслаждаясь гладким кремовым совершенством ее кожи, не испорченной пудрой или румянами. А ведь она гораздо больше, чем просто приятная...

Отец жаждал покорности? Что ж, — с мрачным удовлетворением решил Габриэль, — я покажу ему покорность. Женюсь, как он того и желал, да только не совсем так, как он решил.

Он возьмет в жены эту воровку, которая родилась от шлюхи.

Но не станет объяснять ей все до конца. Он, кажется, добился ее внимания, если не согласия.

Габриэль выгнул бровь, поймав изучающий взгляд Кесси.

— Я вижу по твоему лицу, что ты не склонна тешить себя иллюзиями, янки. Мне это нравится, поскольку с твоей стороны было бы непоправимой ошибкой думать, что мной движет любовь. Ею здесь и не пахнет.

Он отпустил ее руки, но не сводил глаз с ее лица. И с радостью заметил, что она покраснела до корней волос.

— Мое предложение, — добавил он с циничной усмешкой, — не имеет ничего общего и с похотью.

Кесси облегченно выдохнула, когда он повернулся к ней спиной и уставился в окно, заложив мускулистые руки за спину. Он смотрел на порт. Через минуту он снова повернулся к ней:

— Ты спрашиваешь, почему я выбрал тебя? Буду откровенен. Мой отец — герцог Фарли. Я — младший из двух его сыновей. Старший, Стюарт, был наследником отца. Но он погиб несколько месяцев назад.

Не зная, что ответить на это, Кесси молчала. Да он, кажется, и не ждал от нее ответа. Его лицо, так же как и голос, не отразило никаких переживаний.

— Фарли, поместье отца в Кенте, граничит с землями Реджинальда Лэтема, герцога Уоррентона. Его единственная дочь, леди Эвелин, была помолвлена с моим братом Стюартом.

Когда Стюарт умер, я унаследовал его титул графа Вэйкфилда, к величайшему огорчению моего отца. Странно, но его тон стал суровым.

— Кажется, вы не очень любите своего отца? — медленно произнесла она.

Он громко рассмеялся:

— Не больше, чем он меня. Видишь ли, янки, мои желания редко совпадают с отцовскими. Кесси нахмурилась:

— И какое это имеет отношение к свадьбе? — А мысленно добавила: И ко мне.

— Как раз перед моим отплытием сюда отец сообщил мне, что рассчитывает на мою скорую свадьбу с леди Эвелин. То есть ожидается, что я унаследую не только титул брата, но и его невесту. Я же не горю желанием жениться ни на леди Эвелин, ни на ком-нибудь еще, если честно. Однако мой отец настаивает, что я просто обязан жениться, это мой долг. — На щеке Габриэля задергался нерв. — Отец у меня упрямец, каких поискать, очень могущественный человек, которому никто не осмеливается перечить, а потому он и помыслить не может, что кто-то посмеет поступить вопреки его воле. Но я не желаю позволить ему одержать над собой верх в столь важном вопросе. Если я решусь на что-то, то только потому, что сам принял такое решение. Стоит раз уступить отцу, и он начнет вмешиваться во все. Такой уж он человек. Но и открыто пренебрегать его мнением не следует, а то возьмет да и лишит наследства! Остается одно — выполнить свой долг. Но вот только невесту я себе выберу сам.

Габриэль помолчал, потом продолжил:

— А насчет того, почему я выбрал именно тебя, скажу вот что. Ты сама говорила, что родственников у тебя нет. Значит, никто больше не будет вмешиваться в мою жизнь. И буду

честен, янки: у меня совершенно нет времени искать подходящую невесту — ни здесь, ни в Англии. Если дело будет сделано до моего возвращения в Англию, то даже мой отец не сможет ничего изменить. — Он снова замолчал, обдумывая следующие слова: — Мы оба хотели бы сами управлять своей жизнью. Твое будущее будет обеспеченным. А если мы поженимся, то и меня оставят в покое все эти смущенно моргающие и краснеющие юные леди, которым бы только добраться до моего кошелька. Так что наш брак вполне устроит обе стороны, не так ли?

Самый невероятный союз — вот как честнее назвать все это, чуть не вырвалось у нее. Но она вовремя прикусила язык. Поскольку Кесси ничего не ответила, он картинно удивился:

— Ну же, янки! Я могу стать твоим спасителем, если ты только позволишь мне. Что скажешь?

Кесси едва сдержалась, чтобы не расхохотаться истерическим смехом. Она с трудом сумела справиться с горечью, медленным ядом распространившейся по всему телу. Малышкой она часто мечтала, что однажды появится отец и заберет ее далеко-далеко — в такие края, где нет ни холода, ни голода, ни запаха эля и пота. Но скорее всего мать не знала, кто был отцом Кесси.

Все эти мечты остались в прошлом. И выросла она, не сохранив особых иллюзий относительно своего будущего, ведь она не была идиоткой. Так что не собиралась верить в сказочку о спасении добрым волшебником. А этот к тому же был чужаком, которому на всех наплевать, а на нее — в особенности. Но вот дать ей возможность зажить лучше он был, наверное, в состоянии... Обещал ей красивые наряды... Как будто они имели какое-то значение для нее! Мечта о доме, которая не угасала в Кесси и которую он мог помочь осуществить, — вот что было огромным искушением...

Мысли ее беспорядочно заметались. Если она согласится, то придется плыть через океан, долгие дни провести на борту корабля... Она внутренне содрогнулась, поскольку панически боялась воды с того самого проклятого дня, когда они с матерью побывали в порту... Выдержит ли она подобное путешествие?

Будет настоящим сумасшествием сказать ему да. Почти так же, как сказать нет.

Она пыталась решить, к какому ответу склониться, а Габриэль не спускал с нее внимательных глаз.

— Думай, янки, думай, — мягко сказал он. — Это предложение может оказаться для тебя гораздо более ценным и выигрышным, чем продажа моих часов. Мне почему-то кажется, что жизнь леди придется тебе по вкусу. Есть в тебе что-то такое, янки. А моя жена ни в чем не будет нуждаться.

Кесси тяжело вздохнула и набралась смелости для следующего вопроса:

— А что будет потом? Год спустя? Десять лет? Тогда вы вышвырнете меня на улицу за ненужностью? Ведь своего вы тогда уже добьетесь.

Он шагнул к ней. Она не успела отшатнуться, и он завладел ее руками. С бесстрастным лицом он приподнял ее ладони и принялся рассматривать их загоревшую кожу. Как же Кесси хотелось выдернуть руки и спрятать в карманы! Она напряглась, но не шелохнулась, хотя внутренний голос и вопил, чтобы она держалась от него подальше.

С непроницаемым лицом он погладил большим пальцем шершавую кожу.

— Тебе больше никогда не придется работать за хлеб и кров. Наоборот, другие будут прислуживать и угождать тебе.

Ладони Кесси даже взмокли от напряжения. И ноги ослабели.

— Вы будете хорошо относиться ко мне, — с трудом выдавила она, — и никогда не поднимете на меня руку?

Габриэль удивленно сверкнул на нее глазами. Он приподнял вверх рукав ее платья, обнажив багровые пятна на запястьях. Глаза Кесси метнулись к его лицу. В его глазах появилось странное выражение, похожее на сочувствие, но оно так быстро исчезло, что нельзя было утверждать наверняка, что это было. Его губы едва шевельнулись, когда он спросил:

— Черный Джек?

Она отвела взгляд в сторону. И кивнула. Не было нужды объяснять еще что-то. Он резко отпустил ее руку.

— Меня воспитали джентльменом, янки, не важно, если кто-то начнет утверждать обратное. Тебе никогда не придется знакомиться с моими кулаками.

Кесси уставилась на носки своих туфель, выглядывавших из-под юбки.

— А когда состоится свадьба? — поинтересовалась она, — Потому что никуда я с вами не отплыву, пока все не будет сделано по закону. Т-тогда я п-пойму и п-поверю, что это не пустые обещания.

Его губы растянулись в улыбке.

— Боже, янки! Да ты, оказывается, ждешь не дожدهшься свадьбы! Или так жаждешь попасть в мою постель?

Ну уж только не последнее! Сама мысль о близости с мужчиной заставила Кесси вздрогнуть. Нелл не раз приводила своих клиентов наверх, на чердак. Кесси всегда делала вид, что спит и ничего не слышит, да только куда там! Ей довелось слышать и смешки, и кряхтенье, и стоны, и шепот, и смех. И все это мало чем отличалось от совокупления животных!

Он пожал плечами:

— Я бы хотел отплыть, как и планировал, в полдень. Мы наверняка найдем священника, который обвенчает нас. Через какой-нибудь час мы уже будем мужем и женой, если в его карман опустить достаточно золота.

Но она еще не совсем решилась.

Хотя граф стоял в нескольких шагах от нее, Кесси каждой частичкой своего тела ощущала его мужскую силу, скрытую под одеждой. Помнила потрясающую твердость его навалившегося тела и безжалостность поцелуя.

Она сцепила руки перед грудью, чтобы они перестали дрожать. Губы ее трепетали, так что какое-то время она так ничего и не могла произнести.

— Я... я не хочу делить с вами постель. У меня... совершенно нет желания... спать с вами. И если вы не согласны на это условие, я не выйду за вас. — Кесси с облегчением выдохнула. Вот

так. Она сказала все, что хотела!

— Хм, уж не прячешь ли ты под своим платьем какое-нибудь уродство? — Он решительно шагнул к ней. — Не дергайся! Хочешь заключить сделку, а может быть, ее и не имеет смысла заключать? Вероятно, мне не мешает провести тщательный осмотр всех твоих прелестей.

Она резко вздернула голову и выставила вперед руки.

— Нет!

— Я же говорил тебе, янки, что мной движет отнюдь не похоть. Сознаюсь, на свой аппетит к слабому полу не жалею, человек я весьма темпераментный. Но можешь не волноваться, я всегда найду, где удовлетворить свой голод в этом смысле. Есть уйма женщин, которые с радостью запрыгнут ко мне в постель. — Он как-то неприятно рассмеялся. — И уж чего я вовсе не желал бы, так это наследника. Так что решайся, янки: поедешь со мной в Англию или останешься здесь?

Словно в тумане, не совсем понимая, как же это она решилась на подобное, она услышала свой шепот:

— Я поеду с вами.

Он кивнул, затем двинулся в сторону двери и распахнул ее. Склонив голову, он молча сделал ей знак выйти. Она послушно прошла вперед.

Двигалась Кесси словно марионетка, которую дергают за веревочки. В голове у нее царил неразбериха, хотя она и старалась осмыслить все случившееся... Но это было настолько невероятно, почти невозможно! Всего несколько минут назад она вошла в эту спальню, ожидая, что ее строго накажут.

А вместо этого она выйдет замуж

Внизу, в просторном пивном зале, Кристофер Марли взволнованно шагал взад и вперед. Черный Джек опустил свое массивное тело на скамью в углу и, словно загипнотизированный, уставился в кружку с элем. Услышав эхо лагов на лестнице, Нелл проворно выскочила из кухни со злорадной улыбкой на губах. Она энергично вихляла обширным задом, довольная ходом событий. Нелл не сомневалась, что Кесси получит наконец по заслугам. Это навсегда отобьет у нее охоту задирать нос.

Когда Габриэль с Кесси оказались на последней ступеньке, все повернули головы к ним. Кесси страстно захотелось рвануться вперед, на улицу, и бежать отсюда что есть сил. Но Габриэль предугадал это и стиснул ее локоть. Кесси с горечью решила, что, видно, все ее мысли на лбу написаны.

Черный Джек вскочил со скамьи и поспешил им навстречу.

— А-а, вот и вы, ваше сиятельство! Давайте ее сюда, можете больше не волноваться из-за этой паршивки. — Он бросил на Кесси грозный взгляд. — Я сам займусь ею. И можете быть уверены, больше она никогда ни у кого ничего не украдет!

— Я и не сомневаюсь в этом. Моей будущей жене это ни к чему.

Глаза Черного Джека чуть не вылезли из орбит. Он зашевелил губами, но так и не смог издать ни звука.

Нелл чуть не задохнулась от ярости и вскрикнула:

— Вы не можете жениться на этой сучке!

Габриэль не обратил ни малейшего внимания на реакцию Нелл.

— Мы обвенчаемся через час, — спокойно сообщил он. — Возле доков я видел небольшую церквушку. Мы заедем туда по дороге на корабль.

Лицо Нелл побагровело.

— Но почему? Почему именно она?! — завопила толстуха. — Эта подстилка только воображает, что лучше меня. А на деле даже не сумеет доставить вам удовольствие в постели. Да она не знает и половины приемчиков, которые известны мне!

Черный Джек наконец пришел в себя после шока и снова обрел дар речи:

— Ваше сиятельство, вам нельзя жениться на этой... девчонке. Она же просто портовая шлюха!

Портовая шлюха. Кесси съежилась и уставилась в пол. Она не осмеливалась никому взглянуть в глаза. Поэтому и не заметила бешеного взгляда, которым Габриэль наградил Черного Джека. Грузный хозяин таверны даже попятился.

— Я женюсь, на ком считаю нужным. И попробуйте только возразить — ледяным тоном отрезал граф. — А теперь, будьте любезны, прикажите подать карету. Мы торопимся.

Черный Джек поспешил выполнить приказ. Нелл опалила Кесси взглядом, полным ненависти и черной зависти, и исчезла на кухне, шипя себе под нос самые мерзкие ругательства, какие только знала.

Шокированный Кристофер только в эту минуту пришел в себя. Он шагнул к Габриэлю, постучал пальцами по его плечу и мотнул головой в сторону выхода:

— На пару слов наедине, если позволишь.

Лишь теперь Кесси медленно подняла голову. Она проводила мужчин тревожным взглядом. На улице приятели повернулись лицом друг к другу.

Габриэль заговорил первым, не дожидаясь обвинений Кристофера.

— Я надеюсь, ты согласишься быть свидетелем на нашей свадьбе? — спросил он.

— Свидетелем?! — Тон Кристофера выдавал его бешенство. — Ты совсем ошалел, приятель? Это не свадьба, а издевка, плевков в лицо высшему обществу! И мы оба хорошо понимаем это.

В улыбке Габриэля не было и намека на раскаяние.

— А скажи-ка мне, дружище, разве женитьба на леди Эвелин не издевка — только надо мной? А так я хотя бы сам выбрал себе женушку.

Кристофер открыл было рот, но ничего не сказал. Как ему ни хотелось возразить, аргументов

не нашлось.

— Возможно, тебе и удалось задурить голову Кесси, но со мной этот номер не пройдет. Ты женишься на ней с одной целью, чтобы взбесить своего отца. А он будет в ярости, как и Уоррентон, когда поймет, что ты не сможешь жениться на его дочке!

Габриэль не стал возражать другу.

— Я не лгал девчонке! — уклончиво ответил он.

Может, ты и не лгал ей, но и не открыл всего, что полагалось, тут же пискнул внутренний голос. — Невеста знает о причинах этой поспешной свадьбы — знает все, что ей необходимо.

— Ты хочешь сказать, что не вынудил ее стать твоей сообщницей?

Габриэль едва сдержал новую вспышку гнева.

— Я и пальцем к ней не прикоснулся, — опасно спокойным тоном ответил он. — И если ты еще раз осмелишься намекнуть на что-то подобное, то рискуешь очень многим, дружище. Очень многим!..

— Ив мыслях не было, — выдавил Кристофер. — Но она украла у тебя часы и была поймана с поличным. Ты вполне мог заставить ее согласиться на свадьбу, чтобы избежать тюрьмы.

Глаза Габриэля превратились в узкие щелки.

— Кажется, она тебе не на шутку приглянулась? — сказал он обманчиво ласковым тоном. — Откуда вдруг столько симпатии к совершенно незнакомой девчонке? Уж не завидуешь ли ты мне?

— Глупости! — поспешил откреститься от подобного абсурда Кристофер. — Габриэль, я редко осуждал тебя. Но ответь мне, девушка знает, во что ты ее втягиваешь?

— Я, мой дорогой друг, спасаю ее от тяжелой поденщины, борьбы за жизнь и нищеты. Так что я, можно сказать, для нее посланец небес. Спаситель.

Кристофер не был согласен, но промолчал. К сожалению, Габриэль отлично понимал друга и словно читал его мысли.

— Я не потерплю вмешательства в свои планы, ясно? Ни от тебя, ни от кого-либо другого. Я принял решение и менять его не собираюсь. Так ты будешь свидетелем или мне поискать другого?

Кристофер тяжело вздохнул.

— Не надо никого искать, — решил он.

Несколько минут спустя троица садилась в карету. Кристофер сел напротив Кесси. Невеста графа забилась в угол, подальше от будущего супруга. Габриэль не обращал на это никакого внимания, задумчиво уставясь в окно. Атмосфера в карете царила отнюдь не свадебная, скорее погребальная.

Чуть позже экипаж остановился перед крошечной церквушкой. Кесси ничего не могла припомнить из беседы графа со священником, кражистым волосатым мужчиной, живот

которого торчал вперед, словно у беременной женщины. Священник то и дело переводил взгляд с ее замызанного, старого платья на элегантную одежду и царственную осанку мужчины, решившего жениться на нищенке. Столь странный выбор, конечно, озадачивал, однако священник помалкивал. И не диво, поскольку от Кесси не ускользнуло, сколько золотых монет перешло из рук графа в жирные ладони святого отца.

Дальше все происходило очень быстро. Не успела Кесси опомниться, как уже стояла рядом с графом перед алтарем. Священник прочистил горло и начал говорить, только все его слова слились для Кесси в неразборчивое бормотание.

И вот все окончилось. Кесси сглотнула, пальцы, судорожно сжимавшие сверток с вещами, задрожали. Не зная, чего от нее ожидают, она подняла глаза на графа, который был теперь по закону — святые небеса! — ее мужем.

Он был доволен. Кесси поняла это по его удовлетворенной улыбке. Иисусе сладчайший, она замужем за этим холодным и жестоким человеком... И теперь поздно что-либо менять. Дрожь охватила все ее тело.

У нее внезапно появилось необъяснимое чувство, будто она только что заключила сделку с дьяволом.

Глава 5

Был уже почти полдень, когда супруги и свидетель церемонии бракосочетания благополучно прибыли на пристань. Кристофер первым легко спрыгнул на землю. Габриэль последовал за ним, бесшумно приземлившись на кожаные подошвы своих ботинок. Тогда поднялась со своего сиденья и Кесси. Габриэль повернулся к ней и молча протянул руку.

Кесси вдруг испугалась. Ей не хотелось касаться его ладони, а спроси ее почему, она и сама не смогла бы объяснить. Она не шелохнулась, застыла, словно статуя. Стальные глаза пронзили ее.

— Прошу вас, мадам. Даже минута лишнего пребывания тут нам ни к чему. Мне казалось, что и вы хотели бы побыстрее оставить это место.

Кесси покраснела, не глядя сунула свою руку вперед и позволила ему помочь ей выйти из кареты. Как только ноги коснулись земли, она тут же выдернула пальцы из его ладони. Габриэль сжал губы, но ничего не сказал. Пока он расплачивался с кучером, Кристофер сгрузил их чемоданы.

Кесси осталась стоять на месте, словно суeta порта оглушила ее. Влажный после утреннего дождя воздух был пропитан стойким запахом морской соли и бил в ноздри. Хотя туман уже рассеялся, небо оставалось тускло-серым, без намека на солнце.

Кристофер, стоявший рядом с ней, откашлялся.

— Корабль Габриэля пришвартован вон там.

Кесси посмотрела в ту сторону. Там, где линия порта переходила в залив, на волнах покачивалось стройное трехмачтовое судно.

Она не успела даже что-то ответить, потому что Габриэль снова оказался рядом и решительно подхватил ее под локоть. Он вел ее вперед, ловко лавируя между бесчисленными ящиками с

грузом, бочонками и тюками. Прямо перед ними широкоплечий моряк с могучими ручищами взвалил на одно плечо тяжеленный ящик и, крикнув, зашагал по узким сходням, ведущим на палубу корабля.

Сердце у нее ушло в пятки. Животное чувство страха холодной змеей поползло по спине. Неужели нет другого пути на корабль? Идиотка, ругнула она себя, а как же еще ты собиралась попасть на борт? Пытаясь успокоиться, она отвела глаза от трапа, и ее взгляд упал вниз.

Под шаткими сходнями бурлила и пенилась темная, мутная вода. Волны яростно налетали на бревна, служившие опорами для деревянной пристани.

Ее парализовал страх. Перед глазами мелькнуло яркое видение: она камнем падает вниз, открывая рот в беззвучном крике, а темно-зеленые воды словно разинули пасть, готовясь поглотить ее. Дыхание ее стало прерывистым, воздуха не хватало, легкие словно прожигало насквозь. Она точно знала, что это такое, когда задыхаешься и пытаешься ловить воздух ртом, а вместо этого легкие и рот наполняются гнилым бульоном прибрежной воды...

— Поторопись, янки! Иди первой, а я за тобой. Его слова прогнали страшное видение, но не страх. Она вытаращила глаза, помотала головой и попятилась:

— Я... н-не м-могу...

— Теперь уже поздно менять что-либо, девочка. Мы сделали первый шаг к цели, а сейчас сделаем и второй. — Глаза его сердито сверкнули, а тон не допускал возражений.

Кесси попыталась подавить подступившую тошноту:

— Я не передумала. Но... я не умею плавать... и если оступлюсь...

— Не оступишься.

Ох, ей бы хоть немного его уверенности! Но колени уже предательски задрожали, как и ее голос:

— Пожалуйста...

Он не стал ждать конца ее фразы. Прикусив язык, чтобы не сорвалось проклятие, Габриэль подхватил ее на руки. Он и впрямь торопился: время поджимало.

У Кесси не оставалось выбора, кроме как обнять его за шею. Она зажмурилась, когда он быстрыми шагами направился вверх по трапу. Через минуту он оказался на палубе, но не остановился, а спустился с ней вниз, в свою каюту.

Снова почувствовав под ногами твердую почву, Кесси решила открыть глаза. На секунду-другую они замерли. Габриэль насмешливо выгнул бровь — только тут она сообразила, что все еще обнимает его. Она вспыхнула и поспешно убрала руки, тут же отскочив от него.

— Устраивайся здесь поудобнее. Мы скоро поднимем якорь. Он ушел, плотно прикрыв за собой дверь. Кесси осталась одна и огляделась. Каюта была довольно просторной и, очевидно, принадлежала ее супругу. Эта мысль вызвала в ней внезапную дрожь, но она усилием воли уняла ее. Еще будет время обдумать все в спокойной обстановке. Кесси с любопытством принялась осматриваться вокруг.

У стены стояли громоздкий морской сундук и огромный шкаф, оба из красного дерева. К стене был привинчен откидной столик, а центр каюты занимал солидный стол, заваленный картами. Имелась даже маленькая печурка, возле которой стояло простенькое кресло. Но более всего внимание Кесси привлекла широченная постель у противоположной входу в комнату стены.

Неожиданно раздался скрип, и пол слегка закачался под ногами. Казалось, что он то поднимается, то опускается в такт волнам. Но потом все выровнялось.

В груди Кесси теснились два противоречивых чувства: страх и возбуждение. Узкое сиденье под небольшим окошком притянуло ее словно магнитом. Устроившись на коленях, она протерла стекло.

Корабль стремительно набирал скорость, скользя по волнам залива. Берег, поросший лесом, быстро таял вдали.

И тут до нее дошла наконец... значимость совершенного поступка. Все происшедшее с ней за сутки просто не укладывалось в голове. Она больше никогда не увидит Чарлстон! И Черного Джека! И больше не будет гнуть спину на безжалостного хозяина, не будет скоблить полы и увертываться от жадных рук, тянущихся к груди и норовящих забраться под юбку... Ее больше никогда не потревожат похотливые взгляды пьяных матросов... Боже, неужели это правда?

Неудивительно, что она не чувствовала и капли грусти, прощаясь с родным городом. Но не ощущала и радости... или облегчения, которое должна была бы испытывать. Неизменными остались лишь чувство полного одиночества и снедающая душу тревога... Кто знает, какие еще испытания готовит ей судьба?.. Хотелось надеяться, что будущее сложится лучше ее прошлого.

Чувство оторванности от реального мира и заброшенности не покидало ее весь день. Кесси не осмелилась покинуть каюту, чтобы ознакомиться с кораблем, а к ней так никто и не заглянул. Начало смеркаться, в каюте стало темно. Она решила, что... про нее забыли.

В эту минуту в дверь постучали. Едва Кесси прокричала «Войдите!», и дверь распахнулась. На пороге появился высокий парень в ярко-красном шерстяном берете, лихо надвинутом на рыжие кудри. Он катил за собой столик на колесиках. Стоило ему освободить порог, как двери заслонила массивная фигура.

— Знакомься, дорогая, это — Иан. Он будет сервировать наши завтраки, обеды и ужины и убирать каюту. Иан, это моя жена.

Вскочив на ноги, Кесси улыбнулась молодому моряку. Он казался жизнерадостным парнем, так что она поневоле просияла.

— Привет, Иан! — поздоровалась она.

— Миледи... — Моряк стащил с головы берет и прижал его к животу, поклоном и улыбкой во весь рот отвечая на ее приветствие.

И тут же принялся выставлять на стол всевозможные блюда и приборы для двоих. Аппетитные ароматы блюд наполнили комнату и защекотали ноздри Кесси, у которой тут же заурчало в желудке от голода. Она и не подозревала, что проголодалась до такой степени. Иан закончил свое дело и быстро удалился. Дверь каюты захлопнулась за ним.

И Кесси осталась наедине со своим мужем.

Он прошел к столу, выдвинул стул и выжидающе посмотрел на нее. Прошло с полминуты, прежде чем до нее дошло, что он решил поухаживать за ней. Он выдвинул стул именно для нее. Тут же в мозгу вспыхнула тревожная мысль, а вдруг это не так... Снова хочет посмеяться над ней? Или все же проявил хорошие манеры? Кесси покраснела и поспешила сесть на предложенный ей стул.

Он ни о чем не спросил, а наполнил ее тарелку. Не то чтобы Кесси возражала. Возможно, это было бы глупо, но перспектива сидеть с ним за одним столом и есть пугала ее. Она не знала, о чем с ним разговаривать. И как себя вести. Смущенная, но решившая ничем не выдать этого, она сосредоточилась на еде. Пища была простой, но сытной и вкусной: чудесное заливное с большим количеством мяса. А хлеб хрустел, крошился и был еще теплым. И хотя несколькими минутами раньше это казалось невозможным, чувство голода вытеснило все ее тревоги, включая и присутствие мужчины, сидящего напротив нее.

Она успела прикончить вторую порцию заливного, когда наконец решилась взглянуть на него. Оказывается, он не отрывал от нее неожиданно прозрачных глаз. И в этом взгляде застыло такое странное выражение, что ее щеки мгновенно запылали от стыда. Несомненно, она показалась ему грубой и жадной.

Она отложила в сторону вилку и опустила глаза.

— Прошу прощения, — пробормотала она. — Я не должна была...

Он покачал головой.

— Тебе не за что извиняться, янки Судя по твоей худобе, тебе надо многое наверстать. — Он помолчал и мягко добавил: — Приятно видеть, когда едят с таким аппетитом, а не ковыряются в тарелке. Было бы жаль выбрасывать такую хорошую еду.

Он ни словом не обмолвился о том, что, наблюдая за ней, почувствовал легкий укол совести: ведь он всегда относился к изобилию пищи как к чему-то само собой разумеющемуся.

Когда она снова покраснела и сцепила ладони на коленях, он чуть заметно улыбнулся:

— Должен заметить: искренне рад, что ты оказалась неплохим моряком — ни признака морской болезни.

— Кроме чувства голода, мой желудок никогда не доставлял мне беспокойства. — Ее улыбка тоже была мимолетной, и все же на душе у нее стало намного легче. Возможно, рассудила она, он умеет быть и вежливым.

Он потянулся за ее бокалом, чтобы снова наполнить его вином, но она решительно замотала головой. Он внимательно посмотрел на нее и проговорил:

— Прости, но я должен объяснить тебе ряд нерушимых правил поведения на корабле. Здесь находятся только мужчины. И ты, наверное, знаешь не хуже меня, что матросы — народ грубоватый. Запомни: бродить по кораблю в одиночку запрещается. Это небезопасно.

Кесси подумала о темных, бездонных водах, окружавших корабль. Он мог не волноваться на этот счет, подумала она, подавив мгновенно возникшую дрожь.

В каюту зашел Иан и быстро и ловко убрал все со стола. Граф встал и направился к столу с картами. Там он уселся надолго, внимательно изучая их. Кесси бесшумно опустилась в кресло

перед пузатой печуркой.

Минута текла за минутой. Граф, казалось, забыл о ее присутствии, погруженный в свои бумаги. Кесси не возражала. Только не могла удержаться от того, чтобы не бросать в его сторон любопытные взгляды.

Он снял камзол и закатал рукава рубашки. От запястий до локтей его мускулистые руки были густо покрыты темными, шелковистыми на вид волосами. Воспоминание о том, как эти руки крепко обняли ее, когда поднимали на борт корабля, тут же ярко вспыхнуло в мозгу. Ясно, что он отнюдь не вел праздную жизнь, как она сначала предположила. Пальцы у него были длинные и загорелые, ногти квадратные и чистые. Поморщившись, она взглянула на свои собственные и тут же спрятала их в складках юбки. Поджав под себя ноги, она поглубже устроилась в кресле, словно желая сделаться как можно незаметнее.

Прошло немного времени, и прошлая бессонная ночь дала о себе знать. Она поймала себя на том, что уткнулась подбородком в грудь. А в следующий момент Кесси почувствовала, что ее тормозит, и, широко раскрыв глаза, она увидела перед собой лицо мужа.

— Ты измоталась, янки. Думаю, тебе пора отдохнуть. Все еще сонная, Кесси медленно выпрямилась. Со сна голос ее прозвучал с легкой хрипотцой:

— А где же мне лечь?

Бровь мужа немедленно поползла вверх:

— Не требуется особой сообразительности, чтобы вычислить это. Особенно если вспомнить, что второй кровати в каюте нет.

Его тон, даже больше чем слова, заставил Кесси понять — ее только что оскорбили. Что он себе позволяет? И подумать только, еще недавно она по глупости решила, что в нем есть искорка доброты!

Кипя от негодования, она выпрямила спину и опустила ноги на пол.

— У меня нет желания спать в платье, — чопорно возразила она. — И я не собираюсь раздеваться у вас на глазах.

— Что? Только не говори, что я должен выйти. Кажется, ты забыла, что это моя каюта. И чтобы пресечь в корне дальнейшие недоразумения... должен тебе сказать, я не намерен спать на полу, в то время как ты будешь возлежать на моей постели. Она достаточно велика, чтобы вместить и тебя, и меня.

Кесси ахнула. Какое бесстыдное и бессовестное чудовище! А еще называл себя джентльменом! Ведь он уверял, что не собирается спать с ней. Все это она и выпалила ему в лицо.

Серые глаза потемнели.

— Пет особой нужды повторяться, янки, но я все же сделаю исключение для тебя. Трудно найти более темпераментного мужчину, чем я, ибо всегда с большим удовольствием доставляю радость своей плоти. Но не такое уж ты и искушение, а я не настолько похотливый козел, чтобы не суметь провести ночь в постели с женщиной, не набросившись на нее и не изнасиловав.

Каждое слово впивалось в нее, словно рыболовные крючки. Сердце Кесси бунтовало и требовало высказать этому высокомерному графу все, что мучило ее, но она была достаточно мудра, чтобы вовремя признать себя побежденной.

— Отлично, — пробормотала она. — Тогда буду весьма благодарна вам, если вы соизволите отвернуться.

Губы его по-прежнему были вытянуты в тонкую, презрительную линию:

— Ты не первая женщина, которую я увижу в ее первоизданном виде.

— Меня вы обнаженной не видели! И не увидите! Он презрительно фыркнул:

— Надеюсь, тебе скоро надоеет притворство? Потому что я не верю ложной скромности.

Больше всего на свете Кесси хотелось завопить, что это не притворство и не ложная скромность. О, она прекрасно знала, что он думает о ней... Для него она не больше чем портовая шлюха. Что бы он сказал, если бы узнал, что это клевета? Рассердился бы? Нет, ему ведь плевать на нее. И Кесси поняла, что ничего не знает о мужчине, за которого вышла замуж. За исключением того, что он непредсказуем! Нет, она не станет рисковать и злить его, чтобы он, чего доброго, не повернул корабль в сторону Чарлстона, потому что и представить страшно, что там ее ждет!

Тогда снова придется вернуться к Черному Джеку... А судя по теперешнему настроению графа, достаточно мелочи, и именно так он и поступит.

По крайней мере он повернулся к ней спиной. Кесси в спешке скинула туфли и чулки, а затем через голову стянула платье. Потому что этот хитрый дьявол вполне мог передумать. Она почувствовала себя почти голой, потому что из одежды на ней осталась лишь тонюсенькая шемизетка и тонкая хлопковая нижняя юбка. Она на цыпочках пробежала к кровати и нырнула под одеяло, натянув его до подбородка.

— Все в порядке, — запыхавшись, произнесла она. — Можете повернуться.

Он так и сделал, но даже не взглянул в ее сторону. Она вздрогнула, увидев, что его рубашка уже расстегнута. Заметив ее настороженный взгляд, он пожал плечами. Его грудь и живот были образцом мужской силы. Загорелые мышцы густо поросли темными волосами. Когда его руки опустились к застежке бриджей, Кесси даже затаила дыхание. Она в ужасе поняла, что он и не думает отворачиваться и стесняться. Ему это чувство, очевидно, неведомо.

Она повернулась лицом к стене, решительно не желая следить за ним. В каюте стало темно, хоть глаза выколи, едва он задул висящую на крюке лампу. Кесси закрыла глаза и не открыла их даже тогда, когда он улегся рядом.

Она отчаянно пыталась успокоить заколотившееся сердце. Они не соприкоснулись, но ей трудно было избавиться от страха, что во сне это может произойти совершенно нечаянно. И она думала лишь о том, что он совершенно голый! Стараясь не привлекать его внимания, она тихо ерзала туда-сюда, сантиметр за сантиметром отодвигаясь все дальше и дальше.

Сильная рука решительно опустилась ей на бедро.

Его шепот, сердитый и усталый, раздался прямо у уха:

— Янки, если ты немедленно не успокоишься и не уснешь, то спать тебе придется на полу, обещаю!

Кесси замерла, боясь не только пошевелиться, но и вздохнуть. Там, где его ладонь касалась ее тела, начало так жечь, словно прислонили горячий утюг. Слишком тонкая шемизетка. Уснуть? — усомнилась она. — Рядом с этим мужчиной? Это просто невозможно!

Но как ни странно, усталость взяла свое. И не прошло и получаса, как мерное поскрипывание матч, покачивание корабля и плеск волн укачали ее. Она уснула... и спала как убитая.

Глава 6

Утром Кесси просыпалась медленно. Матрас под ней был мягкий и удобный. Она лежала на боку, прильнув к такому сильному источнику тепла, что ощущала себя в полнейшей безопасности. Раньше ей еще никогда не приходилось спать в таком уюте и комфорте. Какое-то время она никак не могла вспомнить, где находится. Ясно одно — это не ее чердак в таверне. Прошло несколько минут, прежде чем Кесси осознала: она в постели не одна. И только тогда она вспомнила, чье тело дарило ей такое ощущение уюта и безопасности.

Глаза ее моментально распахнулись. Вот как: щека ее, оказывается, прижималась к теплому и твердому плечу мужа. А ее рука, такая маленькая и бледная, покоилась на его бронзовой от загара волосатой груди. Контраст между его и ее кожей был потрясающим. Она вздрогнула, заметив, что стеганое одеяло лишь слегка прикрывает его бедра. Глаза сами по себе стрельнули чуть ниже, бегло оглядев те части его тела, которые, по идее, не должны были бы интересовать ее. Кесси покраснела до корней волос.

Проглотив непонятный ком в горле, она подняла глаза к его лицу и увидела, что он тоже не спит, а внимательно изучает то, что позволяла рассмотреть сбившаяся шемизетка. И ничуть не стесняется своего занятия.

— Доброе утро, янки, — протянул он. — Кажется, моя кровать понравилась тебе?

Кесси закусила губу, чтобы не выпалить в ответ колкость, вертевшуюся на кончике языка. Но в следующую секунду она заморгала и зарылась лицом в подушку, потому что он просто откинул одеяло в сторону и встал. Как он может так запросто ходить нагишом? Это не укладывалось у нее в голове.

Едва он повернулся к ней спиной, она натянула одеяло до подбородка. Услышав, как заплескалась вода в Тазу, она осмелилась взглянуть в его сторону. Слава Богу, он уже натянул бриджи, но заметил ее попытку подсмотреть.

На губах графа заиграла самодовольная улыбка.

— Я не возражаю против того, что ты подглядываешь, янки, но было бы только справедливо, если бы и мне была позволена такая вольность.

Она хмуро уставилась на него:

— С чего бы это? Ведь я не представляю собой искушения для вас. Вы сами так сказали.

Он вытер руки полотенцем и подошел к кровати. Присел на краешек. Нахальный палец обвел контуры обнаженного плеча, высунувшегося из-под одеяла.

— Ах, янки, меня можно и переубедить! Она резко отбросила его руку с плеча:

— Я попросила бы вас обойтись без этого!

Габриэль молча смотрел, как ее пальцы судорожно вцепились в одеяло, натянув его чуть ли не до макушки. Его и забавляло, и слегка злило, что она выбрала такую тактику. Он, конечно, не ожидал, чтобы женщина с ее опытом и прошлым так цеплялась за скромность. Пожав плечами, он снова отошел к тазу для умывания.

И не обращал на нее внимания, пока брился. Лишь вытерев с лица остатки мыльной пены, он повернулся к ней и с удивлением заметил, что она все еще таращится на него. Выражение ее лица выдавало напряжение, и он почувствовал: у нее что-то на уме.

Бросив полотенце на столик, он спросил:

— Тебя что-то тревожит, янки? Давай выкладывай, пока у меня есть время выслушать тебя.

Кесси кончиком языка облизала пересохшие губы. Почему он так хорошо понимал ее? Это тревожило. Придется в будущем быть настороже.

— Я просто не знаю, как... мне обращаться к вам. Дьявольская бровь снова поползла вверх. Он потянулся за рубашкой.

— А как бы тебе хотелось называть меня, янки?

Янки. Почему он упорно не называет ее по имени? Ее это уже начало раздражать. Ее глаза вспыхнули, и она дернулась вверх, чуть не выставив себя на обозрение. Но вовремя спохватилась и подтянула одеяло.

— Мне приходят на ум тысячи подходящих прозвищ, но, боюсь, ни одно из них вам не понравится!

Он натянул рубашку на свои широченные плечи:

— Я и не сомневался в этом. Но у меня уже есть имя, янки.

— У меня тоже. И это никак не Янки! Уголок его рта дернулся вверх:

— Не вижу причины, почему бы тебе не звать меня Габриэль. А что касается тебя, то я уже объяснил вчера, что Кесси тебе абсолютно не подходит.

— Мы оба абсолютно не подходим друг другу и все же, как видите, женаты! — отрезала она, прежде чем успела хорошенько подумать.

Улыбка Габриэля тут же угасла. Ее упорство и воинственность, стремление одержать победу в словесной перепалке возбуждали его. Что гораздо хуже, это заставляло его острее ощутить ее очарование и... чисто по-мужски реагировать на это. Так или иначе, но его жена представляла собой очень приятную картинку с рассыпавшимися по плечам густыми волосами просто роскошного оттенка. Одно плечо опять обнажилось, хотя в пылу их спора она этого и не заметила. Очень соблазнительная и приглашающая к большему картинка. Но тут он поймал себя на опасном желании заставить высокомерную ведьмочку пожалеть о недавней резкости. Уж он-то сумел бы быстро превратить всю ее пикировку в стоны удовольствия.

Проклятие! Что за ерунда? Наверное, было бы куда лучше жениться на уродине. Если бы она

не была такой милашкой, он бы не торчал здесь и не пытался препираться с ней... и не хотел бы большего. Он рассердился. Где это видано, что приходится напоминать себе об уйме важных дел, ждущих его, а он теряет без толку время с нищенкой, которую выбрал себе в жены!

— Ты права, — прохладно ответил он. — Но думаю, что будет мудрее не заострять на этом внимание.

Он быстро натянул ботинки и прошел к двери. Там он еще раз повернулся к ней:

— На твоём месте я бы оделся. Скоро Иан привезет наш завтрак.

Его насмешка язвила. Как Кесси ни пыталась, она не могла избавиться от чувства, что совершила какую-то ошибку... Но какую?

Улыбка Иана была широкой и приветливой, но после того как он ушел, Кесси снова почувствовала себя брошенной и забытой.

Она беспокойно ходила по каюте, остановившись наконец перед небольшой книжной полкой у стола. Уставившись на томики в кожаных переплетах, она — в который раз! — пожалела, что совершенно неграмотна. О, она, конечно, умела писать свое имя, но это было все. Вот если бы она умела читать, то и время бы не тянулось так изматывающе медленно.

В полдень дверь каюты с шумом распахнулась. Кесси, как раз расположившаяся на кровати, подняла недоумевающий взгляд. Фигура ее муженька заслонила весь дверной проем.

— Море на удивление спокойно, янки. Вот я и подумал, что ты захочешь прогуляться по палубе.

По палубе? Она предпочитала одиночество каюты куда больше, чем сомнительное удовольствие испытывать судьбу в окружении устрашающего океана. Ей и так с трудом удавалось избавиться от паники при одной только мысли об этой кошмарной воде без конца и края. Ее даже передернуло.

— Не стоит взваливать на себя лишнюю заботу из-за меня. Уверена, что у вас уйма куда более важных дел, требующих постоянного внимания. — Ей даже удалось улыбнуться. — Возможно, позже.

Кесси затаила дыхание. Прошло несколько секунд, он молча продолжал смотреть на девушку, вызывая у нее панику. Она молилась, чтобы он не стал настаивать... К счастью, он не сделал этого. Просто пожал плечами:

— Как пожелаешь, янки. Дай знать Иану, если тебе что-нибудь понадобится.

Повернулся и ушел.

Три дня спустя он уже не был столь любезен, когда она снова вежливо отказалась от прогулки. На сей раз он не сдвинулся с места и, прищурившись, уставился на нее.

— Ты потрясающе упряма, янки!

— Вряд ли, сэр. — Она постаралась отделаться от него, превратив все в легкую шутку. Даже рассмеялась. — Как я вам уже сообщила, меньше всего я хотела бы стать вам обузой. И если

честно, то нет никакой нужды...

— Напротив, янки. — Он был мрачен и не расположен к шуткам. — Нельзя же оставаться взаперти так долго. Тебе просто необходимы солнце и свежий воздух. Иначе ты заболеешь.

Она выпрямилась, сидя на кровати:

— Ерунда, не заболею.

— Только потому, что я не допущу этого. Не хватало еще твоей хворобы на моей совести.

Он решительно пересек комнату. В глазах читалась непоколебимость. Он привык добиваться своего. Для такого не существовало отказов. Во всем черном — даже накидка, спускавшаяся до носков ботинок, была угольно-черной — он напомнил ей дьявола.

Скорее всего им двигала вовсе не забота о ее здоровье. Нет, просто она вывела его из себя своим отказом.

Все ее протесты не помогли. Он рывком поставил ее на ноги и прижал к себе, обняв за талию. Она вырвалась и негодуя уставилась на него:

— Я много лет справлялась без чьей-либо помощи! Он шутливо поклонился:

— Как вам будет угодно, мадам.

У нее не оставалось иного выбора, как первой подняться по трапу; он следовал за ней по пятам. Как только они оказались на палубе, сердце ее панически, до боли застучало в груди. Она молила Бога, чтобы ей удалось справиться со страхом, потому что не хотела, чтобы этот мужчина стал свидетелем ее слабости. Вне всякого сомнения, он сочтет ее глупой трусихой, а этого она просто не вынесет.

Шаги ее замедлились, и она замерла как изваяние, даже не сознавая этого. Как она ни старалась не обращать внимания на плещущиеся волны, деться от них было некуда. Куда ни кинь взгляд, их окружали мрачные, серые волны — от горизонта до горизонта. Ужас охватил Кесси, когда она поняла, что стоит прямо у борта. Взгляд ее поневоле опустился вниз.

Спазм страха стиснул горло. Волны яростно бросались на корабль, который бесстрашно взрезал их носом. Но Кесси показалось, что их голодные языки направлены прямо на нее, они стремились смыть ее и утащить в бездонную пучину, где она и умрет в ледяных объятиях моря.

— Пожалуйста!.. — взмолилась она голосом, которого и сама не узнала. — Я... я не могу оставаться здесь.

Габриэль пристально посмотрел на нее. Лицо у нее было белее мела, отчего глаза казались еще больше и ярче. Память услужливо перенесла его в Чарлстон, когда они сидели на корабль. Тогда он подумал, что девчонка не уверена в себе от всего случившегося и боится собственной неловкости. И только сейчас сообразил: она умирала от страха. Он-то думал, что ей немного страшновато смотреть вниз и идти по узкому мосточку сходен. Очевидно, дело было не в этом...

— Это твое первое плавание по морю? Она кивнула:

— И молю Бога, чтобы оно стало последним!..

Она прижалась к нему, словно хотела слиться и таким образом обрести уверенность. Он поразился ее страху, почувствовав, как ее трясет.

— Спокойнее, — тихо проговорил он. — Дыши глубже и медленнее. Думай о чем-нибудь приятном.

— Не могу! — Голос ее прозвучал полузадушенно. Она зажмурилась.

Он обнял ее за плечи.

— Конечно, можешь, янки. Только надо чуть-чуть постараться.

Кесси неистово замотала головой и, мертвой хваткой вцепившись в руку Габриэля, уткнулась лицом в его плечо. Он невольно поморщился.

— Если можно, янки, отпусти мою руку. Я бы хотел вернуться в Англию целым и невредимым.

Услышав его спокойный голос, Кесси открыла глаза. Наверное, уши подвели ее, ведь в его голосе не было ни насмешки, ни презрения. И лицо не выражало ничего такого. Ее пальцы чуть разжались, но она так и не выпустила его руку, цепляясь за нее, как за спасательный круг.

— Отлично. Теперь, когда глаза у тебя открыты, посмотри вокруг и ответь мне, видела ли ты еще когда-нибудь такое голубое и ясное небо? Должен сказать, однако, что ясный день на море не столь потрясающее зрелище, как ночь в полнолуние, когда небеса окрашены поистине в цвет серебра. Клянусь, столько звезд ты не видела ни разу в жизни!

Он продолжал говорить, а сам возмущался своим поведением. Что за чепуху он мелет, болтая о красотах ночи и о лунном свете? Он не помнил, когда последний раз обращал внимание на небо. Но ее жалобный стон вызвал совершенно непонятные эмоции в его груди. Габриэлю очень не нравилось то, что с ним творилось, но нельзя же было просто отмахнуться от искреннего ужаса в ее глазах.

Она вновь задрожала.

— Что случилось, янки? Все еще боишься? Она покачала головой.

— Нет, я просто замерзла, — солгала она.

— В следующий раз захватишь свою накидку.

— У меня ее нет. — Она необдуманно сказала правду и тут же покраснела, потому что он снова уставился на нее, словно не верил своим ушам.

Габриэль же стоял и молча проклинал себя за полную бестолковость. Надо было сообразить, что в ее скудном гардеробе много чего не хватает. Он стащил с себя плащ и обернул ее. Она изумленно взглянула на него, а потом тихо улыбнулась в благодарность за щедрый жест. Странное чувство охватило его. Она была такой крохой, что полы его шикарного плаща лежали на палубе. И выглядела она такой юной и беззащитной...

Габриэль снова рассердился, потому что перестал понимать себя.

— А теперь, янки, — резко бросил он, — пора посмотреть вверх, как я просил.

Хотя его легкое нетерпение не укрылось от нее, он лишь мгновение спустя снял ладони с ее плеч. Тепло его прикосновения странным образом успокаивало, и Кесси послушно подняла голову вверх. Солнце тут же согрело ее щеки, пахнувший морем бриз был свежим и таким чудесно чистым. Кесси скользнула взглядом по раздутым ветром парусам и по ярко-голубому небу над ними. Чуть выше торчали верхушки мачт, покачивавшихся и поскрипывающих на ветру.

— Ну вот, так-то лучше. Все еще страшно?

— Нет, — осторожно призналась она и помолчала. — А теперь можно мне вернуться в каюту?

Габриэль почувствовал, как его губы невольно сложились в улыбку: ее мольба была полна детской надежды! Но он тут же заверил себя, что она расчетливо апеллирует к его жалости.

— Побудем здесь еще немного. А потом я провожу тебя в каюту.

Странно, но на этот раз его настойчивость не рассердила ее. Нет, решила она, то чувство, которое он вызывает в ней, не похоже на неприязнь. Его запах словно приклеился к плащу, и он такой приятный, хотя и... с какой-то горчинкой, — этот запах был уже знаком ей. Она чувствовала жар его тела. — Габриэль так и стоял почти вплотную к ней.

Сверху что-то прокричали. Кто-то из его команды, стоявший на капитанском мостике, назвал его имя, и Габриэль поднял голову.

— Проклятие! — выдохнул он, поморщившись. — Меня зовут.

Он быстро взглянул на Кесси, но та уже опустила голову. Однако Габриэль успел заметить мелькнувшую в ее глазах панику.

Как раз в эту минуту на трапе появился Кристофер. Габриэль позвал его:

— Кристофер! Ты не окажешь мне любезность? Побудь с моей женой, пока я побеседую с Симмсом. Кристофер шагнул вперед:

— Сочту за честь.

Кесси открыла было рот, чтобы запротестовать, но Габриэль уже покинул ее. Перспектива остаться наедине с Кристофером слегка пугала ее. Она хорошо помнила, как он стоял за их спинами во время бракосочетания — трезвый и неулыбчивый. Она очень боялась, что Кристофер не одобрял женитьбы своего приятеля на женщине, намного ниже его во всех отношениях.

Она попыталась улыбнуться.

— Вам незачем торчать здесь из-за меня, — пробормотала она.

Он учтиво поклонился ей — манеры его оставались безукоризненными, как всегда.

— Но мне это доставит большое удовольствие, уверяю вас. Оба замолчали, ощущая неловкость.

Кесси поплотнее укуталась в плащ Габриэля и уставилась на носки своих туфель.

— Мне очень жаль, что вы невзлюбили меня, — выдавила она наконец из непослушного горла. Кристофер заморгал:

— Прощу прощения? Кесси сглотнула.

— Я... я знаю, вы не одобряете того, что я согласилась выйти замуж за вашего друга. — Слова все еще с трудом слетали с ее губ. — Потому что я... недостойна его по своему происхождению.

Так и не услышав ответа, она подняла голову. И удивилась, потому что он улыбался ей во весь рот.

— Кесси... Надеюсь, вы не против, если я буду звать вас Кесси? Более того, надеюсь, что и Габриэль воспримет это нормально. Так вот, рад сообщить вам, что ни чуточки не сержусь на вас. Если уж на то пошло, то отмутузить следовало бы Габриэля.

— Почему? — Вопрос был задан исключительно из любопытства. Кесси поняла, что практически ничего не знает о мужчине, который стал ее мужем.

Кристофер отвел ее к груде перевернутых пустых ящиков, на которые торжественно и усадил ее. Сам он устроился рядом.

— Вы знаете, что его брат Стюарт умер и именно поэтому он получил свой титул? Стюарт должен был жениться на леди Эвелин Лэтем, дочери герцога Уоррентона.

Кесси кивнула:

— Габриэль сказал, что отец настаивал, чтобы он женился на ней вместо брата.

— Все так и есть. И легко понять, почему герцог хотел этого союза. Родословная Уоррентонов очень древняя, ведется со времен Вильгельма Завоевателя. Такой длинный список предков да соединенный с богатством Шарли — это был бы не союз, а мечта... — Он смущенно замолчал и улыбнулся: — Простите. Иногда меня заносит.

Тут он снова посерьезнел и продолжил свой рассказ:

— Отношения между Габриэлем и отцом крайне сложные. Почему, этого даже я не понимаю, поскольку он отказывается говорить на эту тему. Но уверяю вас, Кесси, я вовсе не сноб и не собираюсь осуждать Габриэля за то, что он выбрал жену из низшего сословия. Но вряд ли было мудро с его стороны втягивать вас в это... противоборство с отцом.

Кесси какое-то время молчала, обдумывая его слова.

— Только сейчас начинаю понимать, что я уже не Кесси Маклеллан. Теперь я... миссис Синклер.

— Нет, — мягко поправил ее Кристофер — Вы теперь — графиня Вэйкфилд... Леди Вэйкфилд. Кесси вздохнула.

— Графиня! — негодуяще выпалила она. — Герцог! Граф! Господи, да я даже не понимаю, какая между ними разница!

Он хохотнул:

— Ну-у, тогда я с огромным удовольствием посвящу вас во все тонкости происхождения благородных семейств...

Когда Габриэль вернулся, они были увлечены обсуждаемым предметом. К собственному восторгу, Кесси быстро разобралась, что к чему, и Кристофер не переставал нахваливать ее сообразительность. Это вызвало у нее улыбку, а щеки порозовели от удовольствия. Но когда она подняла глаза и увидела, что Габриэль возвышается над ними мрачной глыбой, сердце у нее болезненно сжалось. Не теряя времени на пустые разговоры, он тут же увел жену в каюту. Но мрачное выражение его лица еще долго преследовало ее. Его профиль был словно высечен из камня... или изо льда. Так он холоден и отстранен. Совершенно чужой! А ведь еще недавно был так добр к ней... И проявил такое терпение.

Кесси и не подозревала, что это она вызвала приступ его ярости, а с этим чувством он справлялся именно так: становился чужим и далеким, уходил в сторону. А что еще он мог почувствовать, когда увидел, что его друг и жена склонились друг к другу, с видимым удовольствием обсуждая что-то очень интересное. Она даже покраснела и улыбалась Кристоферу, которому явно с большим успехом удалось преодолеть ее страхи, чем самому Габриэлю

События минувшего дня все еще не давали покоя Кесси даже в постели. Она привычно отвела взгляд, когда Габриэль потушил лампу и лег рядом. Хотя сегодняшний день прошел гораздо быстрее, чем обычно, у нее и в мыслях не было отважиться на еще одну прогулку по палубе. Как она ни старалась, но вид этих жутких волн, этой дьявольской стихии немедленно вселял в нее панический страх и выворачивал желудок наизнанку. Страшно было даже думать об этом. Она снова заворочалась.

В темноте раздался сердитый возглас Габриэля:

— Что с тобой творится сегодня?

Кесси оцепенела, а когда открыла глаза, то ее взгляд уперся в его обнаженную грудь. Оказалось, он лежит так близко, что жесткие волоски на груди щекочут ее соски.

— Это плавание, — выдохнула она в панике, — сколько оно продлится?

— Шесть недель, — тут же ответил он. — Иногда бывает чуть больше, иногда чуть меньше — в зависимости от ветра и погоды.

Кесси постаралась не думать о его обнаженной груди. Было непонятно, что хуже: шесть недель плавания по ненавистному морю или шесть недель делить с ним постель? И то и другое вызывало дрожь от одной мысли о подобной перспективе.

Хотя она дрожала едва заметно, Габриэль мгновенно уловил это. Он не двигался, вытянувшись вдоль ее тела.

— Почему ты так панически боишься моря, янки?

Кесси заколебалась, отвечать или нет. Наверное, он принял ее за слабовольную идиотку, неспособную справиться с безотчетным страхом? Его глаза словно сверлили ее, требуя ответа.

Поскольку она так ничего и не ответила, Габриэль решил зайти с другого бока:

— Ты сказала, что это первая поездка морем в твоей жизни, так ведь?

Она жалко улыбнулась:

— Я, если честно, даже окраин Чарлстона не знаю. Вообще нигде, кроме этого города, не бывала.

— Ты всегда жила с матерью С отцом не пришлось? Ее улыбка погасла. Глупые, непрошенные слезы защипали глаза:

— Я даже не знаю, кто он. Им мог оказаться кто угодно из многочисленных мужчин матери. Видите ли, моя мать была... э-э...

— Знаю! — Довольно странно, но Габриэлю не хотелось услышать из ее уст слово шлюха. — Так что случилось? Наверняка произошло что-то такое, из-за чего тебя всякий раз лихорадит при виде воды? Несчастный случай?..

Габриэль подозревал, что все это имеет более глубокие корни, чем обычная неуверенность или страх.

Кесси напряглась, вспомнив далекое прошлое, когда она была ребенком.

— Я была малышкой, — услышала она свой голос. — Но никогда не забуду тот день... хотя очень хотела бы вычеркнуть его навсегда из своей памяти... — Она вытянулась на спине и расслабилась, уставясь в потолок. — Было очень рано, но мы уже прибыли в порт и стояли неподалеку от доков, наблюдая, как отплывают корабли. Моя мать была с темноволосым, хорошо одетым мужчиной. Я стояла чуть впереди. Она смеялась, повиснув на руке у мужчины. Она думала, что я не слушаю, о чем они болтают, но я слышала каждое словечко.

Она снова задрожала. Несмотря на то что прошло много лет, память об этом происшествии по-прежнему кровоточила и причиняла невыносимые страдания. Она постаралась спрятать воспоминания об этом дне поглубже, не желая больше думать о нем, но вот помнила так, словно все это случилось лишь вчера...

— И что же она сказала?

— Я услышала, как она прошептала своему кавалеру. Только подумай Здесь же никого, кроме нас. Никто и не увидит. Если она утонет, то перестанет постоянно мешать нам.

Странное чувство охватило Габриэля. Иисусе многострадальный! Не может быть! — в ужасе подумал он. Неужели родная мать могла предложить...

— И что было дальше?

Кесси до крови закусил губу. Затем зашептала:

— Я почувствовала толчок в спину, а в следующее мгновение летела в воду. И сразу же меня обступила темнота... И было так холодно... Я вспоминаю, как вопила и барахталась, но от этого лишь быстрее наглоталась воды и начала задыхаться. И подумала, что вот сейчас опущусь на дно и на этом моя жизнь кончится. Но стоило мне только подумать о смерти, как мужчина ухватил меня за руку и вытащил.

— Подожди, — медленно проговорил Габриэль. — Я думал, что это он столкнул тебя в воду.

Прошла почти вечность, прежде чем она снова заговорила. Голосом, совершенно лишенным эмоций, она сказала:

— Нет. Это была моя мать.

Глава 7

Габриэль проклял ту минуту, когда решил поинтересоваться истинными причинами ее панического страха перед водой. Потому что теперь он очень хорошо понимал ее...

А ему это совсем ни к чему — он вовсе не стремился сочувствовать или жалеть ее, проявлять участие...

Впрочем, фактически это ничего не меняло. Конечно, история ужасная, но он не мог позволить себе размягчиться, иначе весь его замысел рухнет. А Габриэль не собирался отступать от своего плана ни на йоту. Он выполнит его до конца и не допустит, чтобы что-то помешало ему.

Для Кесси неделя потянулась за неделей монотонной и нескончаемой рутинной. Габриэль приходил теперь в каюту, чтобы лишь раздеться и лечь спать, и это всегда происходило очень поздно, когда она давно уже лежала в постели или вообще крепко спала. Чаще всего она не слышала его и по утрам, когда он вставал. Целыми днями ока была предоставлена самой себе. Что было и к лучшему. Оставаясь с ним наедине, она ничего не могла поделать с собой — частил пульс, билось сердце. И каюта мгновенно становилась маленькой и тесной, стоило его рослой фигуре появиться на пороге.

Он по-прежнему настаивал, чтобы она время от времени гуляла по палубе. Кесси ни за что не отваживалась на это в одиночку, поэтому он либо сам сопровождал ее, либо просил Кристофера.

Так и вышло, что она поневоле проводила довольно много времени в обществе приятеля мужа, жизнерадостного и доброго человека. Улыбка почти никогда не сходила с его загорелого и обветренного лица. Кесси заворожено слушала его истории о высшем свете, особенно о тех, кто задавал тон, и быстро выучилась называть их сливками общества, как это было принято. Ей не надоедали рассказы о Лондоне, знаменитых театрах и клубах. Хотя иногда она что-то не понимала и тогда переспрашивала. Кристофер был бесконечно терпелив и, кажется, не имел ничего против ее вопросов. И через некоторое время она стала прекрасно разбираться во всех светских титулах и родословных. Кроме того, с Кристофером она чувствовала себя вполне естественно.

С Габриэлем этого никогда не получалось.

От Кристофера Кесси узнала, что они познакомились с Габриэлем, когда оба были еще школьниками. Кесси ничуть не удивилась, узнав, что Габриэль отнюдь не принадлежал к послушным и погруженным в книги ученикам. По словам Кристофера, он с детства был дерзок и до сих пор остается таким.

— Для меня по-прежнему загадка, почему такой грубиян и задира всегда пользовался огромной популярностью у женщин, — усмехнулся Кристофер, когда они однажды вышли на палубу после ужина. — Подозреваю, немало девиц упадут в обморок от известия, что он женился, не оставив им никаких надежд. Да-а, эта новость просто разобьет их сердца. Но не отчаивайтесь, — тут же добавил он с лукавой искоркой в глазах, — я могу с уверенностью предсказать, что не один молодой повеса в обществе позавидует ему в выборе жены.

Хотя Кесси прекрасно понимала, что он шутит и поддразнивает ее, она все равно покраснела. Сцепив ладони на коленях, она улыбнулась:

— Я не сомневаюсь: все, что вы рассказали о Габриэле, — чистая правда. Позвольте полюбопытствовать: сами вы, Кристофер, такой же... повеса и любитель женщин?

Он подмигнул:

— А кто, как вы думаете, научил его всем этим уловкам и приемчикам, как лучше всего поймать... э-э... бабочку в сачок?

Кесси расхохоталась. Но ничуть не поверила этой болтовне. Кристофер был сама честность и добропорядочность. Именно на такого можно положиться полностью и во всем.

Ни Кесси, ни Кристофер не замечали мрачного и подозрительного взгляда с капитанского мостика, который буквально впился в них. Под внешне спокойной и невозмутимой внешностью бурлило темное и неумное чувство, которое Габриэль старался держать под контролем. Но его самого смущало, что это чувство возникло и не ослабевало. Взгляд Габриэля не отрывался от двух склоненных голов. Он довольно часто видел эту парочку в последнее время — они беспечно болтали, иногда смеялись. Он в общем-то не осуждал Кесси за то, что ей приятно общество Кристофера, иначе плавание стало бы просто невыносимым для нее. Да и Кристоферу он доверял безраздельно, в ином случае просто не допустил бы их совместных прогулок, веселой болтовни. Но почему лицо Кесси мгновенно теряло радостное выражение, стоило ему лишь окликнуть ее?

Вот и сейчас то же. Кристофер издали заметил друга и вскочил на ноги. Горящие глаза Габриэля устали на Кесси.

— Я полагал, вы заметили, что ветер крепчает. Приближается шторм. Так что спустись-ка от греха подальше в каюту, янки.

Он повернулся и двинулся на капитанский мостик, но вновь остановился и обратился к жене. Не только она, но и Кристофер все еще стояли на месте, не спеша исполнить его приказ.

— Советую поторопиться, янки, не то очень скоро вообразишь себя на дне морском.

Сделав этот неделикатный выпад, он ушел. Кесси ошарашенно смотрела ему вслед, сраженная его ядовитым тоном. Он рассердил и обидел ее, потому что заставил почувствовать себя виноватой. А для этого не было никаких причин!

Кристофер же в эту секунду с удовольствием задушил бы приятеля собственными руками. Но приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Он беспомощно взмахнул рукой.

— Увы! — пробормотал он. — Он прав. Небо стало свинцовым, да и ветер разгулялся. Так что вам и правда будет безопаснее в каюте. Пойдемте.

Кесси позволила ему взять себя под руку, однако метнула на мужа убийственный взгляд.

— Сомневаюсь, что его хоть в какой-то степени обеспокоила моя безопасность. У него и мысли об этом не было, пока мы не попались ему на глаза.

Кристофер протестующе помотал головой:

— Он не хотел быть грубым. Просто иногда, имея самые лучшие намерения, ведет себя не лучшим образом. Кесси сердито поджала губы:

— Я его совершенно не понимаю!

Кристофер смущенно улыбнулся.

— Габриэля не просто понять, — задумчиво произнес он. — Даже с людьми, с которыми он делает одно дело, Габриэль держится особняком. Как и вы, он прожил большую часть жизни в одиночестве. По характеру он отшельник.

Но Кесси отнюдь не была склонна считать его родственной душой. Она покачала головой:

— Если вы решили, что мы похожи друг на друга, то глубоко ошибаетесь.

Сказав это, она решительно направилась вниз, в свою каюту.

Ошибается? Кристофер задумчиво постоял у двери каюты, и на его губах заиграла торжествующая улыбка. Если он и ошибался, то лишь в самом начале, решив, что они не самая подходящая пара. Теперь же он так не считал. Они гораздо больше подходили друг другу, чем многие известные ему супружеские пары. Во всяком случае, он очень надеялся на то, что они придут к взаимопониманию.

Ради Кесси... и ради его друга Габриэля.

Вот только Кесси мало напоминала в эту минуту покорную женушку, которая тянется к семейной гармонии и идиллии. Она нервно вышагивала по каюте взад-вперед. И ее раздражение росло с каждой минутой. Все в ней возмущалось высокомерным муженьком-лордом и его отвратительными манерами. Ишь распушил перья! Обращается с ней словно она недоумок какой-то! И очень скоро пожалеет об этом! Пусть она бедна, как церковная мышь, но безмозглой никогда не была! Ей всегда была присуща гордость, да и смелости ей не занимать, так что пусть новоиспеченный муженек не думает, что она позволит так с собой обращаться! И пусть она чудовищно невежественна и не знает, как положено вести себя истинным леди, но уж грубиянов-то она на своем веку повидала немало и умела поставить их на место! Ему, возможно, не помешает такая же отповедь — это всегда отлично отрезвляет! А уж тут она кому угодно сто очков вперед даст!

Она остановилась перед малюсеньким зеркалом для бритья, висевшим над комодом. На ее щеках горели два ярких пятна. Глаза же воинственно пылали. О, он очень ошибался, если думал, что она трусливо подожмет хвост и кинется исполнять его приказы! Она не была грубой и вульгарной, но и никак не походила на безропотную мышку, покорно воспринимающую грубость. Настала пора, чтобы и он узнал об этом!

Кесси резко повернулась и распахнула дверь каюты. Подхватив подол платья, она решительно поднялась по трапу.

Совершенно забыв о смысле его предупреждения, она была задета его тоном. Лишь ступив на палубу, она поняла, что совершила ошибку. Паруса хлопали громче, чем пушечные выстрелы, высоченные мачты угрожающе скрипели и раскачивались из стороны в сторону, как былинки. Она окаменела от ужаса и едва слышала крик, который тут же порывом ветра унесло в сторону. Повернувшись на звук, она увидела Габриэля. Он смотрел на нее с мостика расширившимися от бешенства глазами, и от его взгляда у нее и вовсе перехватило дыхание. Таким она его еще не видела. Габриэль снова что-то прокричал и замахал руками в сторону трапа. Он велел ей немедленно спуститься вниз. Она бы и сама хотела оказаться подальше от всего этого ужаса. Но когда Кесси повернулась, чтобы поскорее укрыться в каюте от

разбушевавшейся стихии, то не смогла сделать и шага — в грудь ей ударил ветер такой яростной силы, что она покачнулась. Она пятилась назад, но только теряла силы, не сдвинувшись с места. У нее перехватило дыхание. Вокруг бушевали волны, злобно пенясь и бросая корабль, словно щепку, то вверх, то вниз.

И тут она вообще обмерла, потому что увидела нечто чудовищное: огромный водяной вал, выше самой большой мачты, катился на корабль, словно карающая рука смерти. Крик ужаса вырвался из ее груди. Этот вал шел прямо на нее! Беспомощный мозг успел прокричать напоследок, что нельзя стоять, разинув рот, надо немедленно, хоть ползком, покинуть палубу. Но в эту секунду чудовищной силы волна налетела на корпус корабля. От удара Кесси, как тряпичную куклу, подбросило вверх.

На мгновение перед глазами стало черно.словно она рухнула в бездонную пропасть. Чернота окружила все так плотно, что она не поняла, куда ее швырнуло. Затем она почувствовала, как на нее обрушилась вода, такая холодная, что обожгла ее как кипятком. Слабея, она осознала, что ее куда-то поволокло и завертело в водовороте. Поэтому Кесси и не почувствовала боли, когда на нее упало что-то жутко тяжелое, пригвоздив ее к палубе. Вода заполнила вокруг все пространство. Она шумела в ушах и рвала грудь на части, не давая возможности дышать. Кровь стыла в ее жилах от ужаса — она чувствовала, что вот-вот вода уволочет ее в свои глубины, чтобы спрятать там навсегда... Кесси открыла рот, чтобы закричать от страха, но вода тут же набросилась на нее, и она чуть не захлебнулась.

Корабль угрожающе накренился, подвергнувшись яростной атаке чудовищного вала, он заскрипел и застонал, но все же устоял и медленно выпрямился.

Габриэль чудовищным усилием все же добрался до цели. Он поднялся на колени и дотянулся до жены. Глаза у нее были закрыты. Ее тело казалось безжизненным, она не двигалась. Ее губы были цвета воска. Его охватила паника.

— Янки! — хрипло выдохнул он. — Янки!

И тут она зашлась в жутком приступе кашля, изо рта и носа хлынула вода, в груди что-то захрипело и засвистело. Содрогнувшись, она попыталась избавиться от мешающей дыханию воды. Ресницы Кесси задрожали — и она открыла глаза.

— Только ничего не говорите, ладно? — прохрипела она. — Я и сама понимаю, что умерла!

Габриэль не смог сдержать счастливой улыбки. Но ведь на то была причина. От облегчения у него мгновенно прибавилось энергии. Он прижал к себе утопленницу.

— Боже, янки! Неужели я так похож на ангела, что ты решила, будто попала на небеса?

Кесси невидящими глазами смотрела на чье-то красивое лицо, которое расплывалось неясным пятном. Тут ее словно ударило молнией. Нет! Она не на небесах! Потому что две твердые руки обвили ее тело и плотно прижали к груди. И реальность оглушила ее. Она молча наблюдала, как прекрасные мужские губы, только что нежно улыбавшиеся ей, вдруг сжались в прямую линию.

— Ты соображаешь, что творишь, а, янки? Ты же не самоубийца, надеюсь? Я велел тебе оставаться внизу! За каким чертом тебя понесло на палубу? Тебя чуть не смыло волной!

Кесси отвернулась и до боли в висках сжала веки, борясь со жгучими слезами. Волосы у нее растрепались и мокрыми прядями свисали на лицо и плечи. Она молилась, чтобы он не

заметил слезинок, предательски выкатившихся из-под ресниц и тут же смешавшихся с влагой на щеках. Ему все же удалось поставить ее на ноги и подтолкнуть к трапу.

— Пошли! — прокричал он. — Иначе нам точно каюк на этом пронизывающем ветрище.

Он махнул ей рукой, показывая путь, но Кесси покачнулась и чуть не упала. То ли от потрясения, то ли от холода ноги у нее отказывались идти. Скрипнув зубами, Габриэль подхватил ее на руки.

В каюте он опустил ее на пол, но на всякий случай задержал руки на галии, пока не убедился, что она стоит.

— Со мной все в порядке... — Голос ее дрожал и был еле слышен. — Можете... отпустить меня.

У него заходили желваки на лице. Он разжал объятия.

— Сними все эти мокрые тряпки! — приказал он. — Я не допущу, чтобы ты умерла, а ответственность за это взвалили бы на меня.

Он был прав. Оба насквозь промокли. Вода капала с них, расплываясь огромной лужей на полу, Кесси отвернулась, мгновенно застыдившись. Он, кажется, не видел ничего зазорного в том, что ей придется раздеваться у него на глазах. До сих пор она старательно избегала подобных ситуаций, а он решил, что может спокойно уступить ей в такой малости. Дескать, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Но шнуровка ее корсета пропиталась влагой, а пальцы слишком заledenели, чтобы распутать непослушные узлы. Она дергала и дергала за них — все без толку. В два шага Габриэль оказался перед Кесси. Сильная мужская рука решительно убрала в сторону ее неуклюжие пальцы. Он уже успел стащить с себя мокрую рубашку и остался только в бриджах. Капли воды маленькими бриллиантами сверкали в густой темной поросли на груди.

Дрожа от холода и потрясения всем происшедшим, Кесси подчинилась молчаливым приказам его пальцев, которые в два счета стянули с нее не только платье, но и нижнее белье. При этом был так безразличен, что без слов становилось понятно: все это не доставляет ему никакого удовольствия. Продрогшая до косточек, Кесси вдруг почувствовала, что щеки ее запылали от стыда и негодования. Кажется, пытка подошла к концу. Нет, напрасно она радовалась, потому что он, не обратив внимания на ее переживания, протянул руку за полотенцем и сначала хорошенько вытер ее волосы, а затем растер и тело. Все у него получалось так ловко и сноровисто, словно он всю жизнь только и делал, что спасал чересчур чувствительных девиц.

Наконец он легонько шлепнул ее по ягодице:

— А теперь марш в кровать, янки!

Повторного приглашения не потребовалось. Ее зубы уже выбивали чечетку. Она заползла под одеяло и натянула его до подбородка. Когда Габриэль стянул с себя бриджи, Кесси с силой зажмурилась, словно свет резал ей глаза.

Она услышала, как промокшие бриджи шлепнулись на пол. Он задул лампу у изголовья и тоже забрался под одеяло.

Тишина оглушала. Кесси свернулась в маленький напряженный клубочек и замерла, упорно пытаясь стереть кошмар пережитого из памяти. Она тысячу раз прокляла свой страх, но

ужасная волна, готовая поглотить ее, так и стояла у нее перед глазами. Святые небеса! Она уже решила было, что через секунду погибнет... точнее... утонет. С ее губ нежданно-негаданно сорвалось рыдание.

И в ту же секунду твердая мужская ладонь опустилась на ее обнаженное бедро.

— В чем дело, янки? Ты заболела?

— Нет, — прошептала она.

— Наверное, замерзла? Может, принести еще одно одеяло?

Замерзла? Да она, наверное, уже никогда не согреется! Но он-то не виноват в этом, а даже беспокоится о ней, так что ей следовало бы с благодарностью принять его предложение. Но, немного помолчав, она нерешительно помотала головой.

— Тогда давай немного поспим. — Он убрал свою руку и повернулся к ней спиной.

Минута проходила за минутой, а она все так же дрожала.

— Ради всего святого! Ты уже давно в безопасности, сухая, укрыта теплым одеялом. Что еще надо сделать, чтобы эта чертова дрожь прекратилась?

— П-пр-рошу п-про-щ-щения. — Она с трудом выговаривала слова. — Я не с-собиралась мешать вам спать.

Он снова повернулся к ней, матрас под ним закрипел и прогнулся. В темноте она почувствовала на себе его взгляд.

— Должен заметить, янки, ты выбрала неудачный момент для доказательства, что перестала бояться воды, — сухо проговорил он.

— Ив мыс-слях не б-было, — продолжая дрожать, ответила она. — Я просто разозлилась, что вы так обращаетесь со мной... Если вам так хотелось, чтобы я спустилась в каюту, могли бы и повежливее сказать мне об этом. А вы заставили меня почувствовать себя виноватой во всех смертных грехах. Слово меня впору сослать на край света. С глаз долой. — Она сдвинула брови. — Я-я н-не с-сделала ничего п-плохого, так что вы н-не имели н-никакого права набрасываться на меня.

А ведь девчужка права! Хотя Габриэль был полностью согласен с ее доводами, какой-то бес не позволял ему признаться в этом. Он разозлился на них — на Кристофера и Кесси, хотя понимал, что виной всем) — примитивная ревность. Но ему неприятно было в этом признаться. А если так, то по какой причине склонившиеся друг к другу Кристофер и Кесси так взбесили его? Нет, они ни в чем не виноваты... Извиниться...

Кесси спасла его от неприятной церемонии. Выговорившись, она демонстративно повернулась к нему спиной. Но не прошло и пяти минут, как она вновь задрожала.

— Господи, ты переупрямишь даже осла, янки! Утверждаешь, что не замерзла, а сама только и делаешь, что дрожишь, — прорычал он. — Ну-ка иди ко мне, иначе тебе ни за что не согреться. Ведь так и мне не удастся выспаться.

Он обнял ее и притянул к своему боку, властно пристроив ее голову на своей груди. А сам

немного удивился, что она не стала на этот раз сопротивляться, а ее хрупкое тело, кажется, с готовностью прильнуло к нему. С обреченным вздохом она свернулась калачиком, устроив поудобнее голову на его груди, словно это была самая привычная для обоих поза. Словно они так и спали всю жизнь.

Жесткие курчавые волоски щекотали щеку, но Кесси не имела ничего против этого: его руки были такой теплой и надежной гаванью, что отказываться от них в штормовую ночь было просто безумием. Понемногу жар его тела согрел и ее. Дрожь прекратилась, мышцы расслабились, а дыхание стало более глубоким. Она погрузилась в сон.

Как всегда, Габриэль проснулся утром первым. Золотистые, искрящиеся лучи утреннего солнца проникли в иллюминатор, но он не вскочил по привычке с кровати. Вместо этого он позволил себе насладиться ощущением мягкого женского тела, уютно прижавшегося к нему.

Кесси ни разу не пошевелилась за ночь. Он стиснул зубы, вспомнив заношенную чуть не до дыр и противно мокрую шемизетку, которую стянул с нее, прежде чем отправить девушку в кровать. Какая все же нищета: не шемизетка, а одна видимость! Он был уязвлен оттого, что у его жены всего два платья, и те заслуживали одного — сожжения, что он и собирался сделать в самое ближайшее время.

Мысленно браня себя, ибо прекрасно понимал, что вскоре пожалеет о содеянном, он все же стянул с Кесси одеяло и слегка отодвинулся, чтобы получше рассмотреть ее. Медленно и неспешно он обвел ее взглядом, впитывая каждый изгиб ее тела. В конце концов, он мужчина, а не ангел безгрешный, и излучаемое ею физическое очарование заставляло его забыть даже об остром язычке жenuшки, который он сразу недооценил.

Волосы ее в беспорядке разметались по подушке, и поза позволяла увидеть все, что его интересовало. Красивой формы руки и ноги, а кожа чистая и гладкая, нежного бледно-кремового оттенка. С начала их путешествия через океан она слегка прибавила в весе, удовлетворенно заметил он. И все же Кесси невероятно хрупкая — былинка, да и только. Он мог бы обхватить оба ее запястья одной рукой.

Кровь прилила к его лицу жаром возбуждения. Да-а, его никак не назовешь равнодушным к женским прелестям янки. Глаза его остановились на вишнево-красных сосках, венчавших маленькую, но совершенной формы грудь. Треугольник рыжеватого-золотистых волос охранял ее женскую суть. Желание опрокинуть ее на спину, вонзиться в нее напряженной плотью и почувствовать, как ее мышцы туго обхватят его влажным жаром, на мгновение пересилило все доводы рассудка.

Он попытался напомнить себе, что их брак — пустая формальность и лишь чуть лучше, чем женитьба на Эвелин. И хотя это был его собственный выбор, гордиться было нечем. Внутренний голос тут же предостерег его: не следует превращать фиктивный брак в настоящий. Это чревато многими сложностями и неприятностями. Но что такое голос разума против мощного зова плоти? Мужской инстинкт убедительно нашептывал ему, что любить ее будет весьма приятно... Какое там отвращение, когда девочка просто персик! Слава Богу, что Габриэль давным-давно научился властвовать над своими страстями и эмоциями.

Но тянущее чувство в паху не проходило, настырно заставляя мозг изыскивать уйму доводов в пользу того, что брак признается действительным лишь тогда, когда союз на бумаге скреплен союзом в постели.

Он легонько развернул Кесси, и она вытянулась вдоль его тела. Руки его бессознательно

измерили ее невероятно узкую талию. Сонная, сладкая и мягкая, она чуть приоткрыла губы, словно безмолвно приглашая его.

На них-то он и уставился.

— Янки... — еле слышно прошептал он.

Кесси пошевелилась. Ее ресницы затрепетали и веки чуть приоткрылись. Казалось, время остановилось, и она никак не могла понять, почему на нее смотрит этот красивый мужчина с каким-то мрачным весельем во взгляде. Глаза ее расширились, когда она с ужасом поняла, что лежат они, тесно прижавшись друг к другу — и оба обнаженные! Она ощутила жесткую поросль волос на его ногах. А уж о том, что еще чувствительнее прижималось к ней в области живота, она и думать не смела...

Кесси тут же протиснула меж их телами ладони, пытаясь оттолкнуть его. Но Габриэль даже не шелохнулся. Наоборот, он напрягся и прижал ее к себе еще теснее.

— Что за глупые капризы, янки? В таверне ты не противилась моим объятиям.

Он запустил пальцы в ее волосы, затем обхватил ладонями ее личико и заставил взглянуть в глаза.

— Ну же, девочка, хватит ломаться! Что значит такой пустяк, как поцелуй между мужем и женой?

— Но вы добиваетесь не поцелуя, а гораздо большего! Она снова попыталась оттолкнуть его, но безуспешно. Его тело попросту вжало ее в матрас.

— Ого, у нас налицо прогресс! Теперь ты настолько хорошо знаешь меня, что угадываешь мои желания!

Кесси прекратила бесполезные тычки в его плечи, лишь потемневшие от гнева глаза продолжали пылать. Как же она ненавидела его сарказм!

Кесси никогда не считала себя слабой и беспомощной, но на этот раз поняла: она загнана в угол, он ни за что не отступит от задуманного. Ее обуял тошнотворный страх. Даже ладони взмокли, когда поняла, что ей не остается ничего другого, как сдаться на его милость. И тут он вдруг ее отпустил.

Она отодвинулась к стене и прикрыла одеялом грудь. Он никак не прокомментировал свой поступок, лишь оперся на локоть и стал внимательно смотреть на нее. Сердце Кесси тревожно заколотилось. Она ни на йоту не доверяла ему, потому что логика его поступков была ей недоступна. Что он думал и почему поступал так, а не иначе — оставалось для нее тайной за семью печатями. И он пугал ее, лежа вот так на боку, не произнося ни слова и не сводя с нее глаз. А ведь на ней ни лоскутка одежды, и лишь одеяло как-то скрывало ее обнаженное тело.

— Наш брак, — вдруг заявил он хриплым голосом, — и не был скреплен, как полагается. И любой из нас сможет аннулировать его, стоит только захотеть. И это положение надо исправить до того, как мы прибудем в Лондон.

Кесси побелела. Мысли ее забурлили так же, как волны во время недавнего шторма. Неужели он предлагал ей... Она разжала губы:

— Но... вы же обещали... Вы сказали, что нам незачем... Вы обещали, что оставите меня в покое!

— И кажется, погорячился. — Тон его был жестким и непререкаемым. — Я не позволю, чтобы кто-то мог поставить наш брак под сомнение.

Сердце Кесси от страха ухнуло куда-то в пропасть. Он потянулся к ней рукой. Она в оцепенении смотрела, как его наглый палец очертил контуры ее груди поверх одеяла.

— Я очень нежный любовник, янки, — мягко проговорил он, словно решив успокоить ее.

— Возможно. Но моим любовником вам не быть! — Она беспомощно, по-детски замахнулась.

Он перехватил ее руку. И сразу стало ясно, что их спор не что иное, как попытка доказать, чья воля сильнее.

— Мой поцелуй был тебе приятен, янки. Сознайся!.. Ведь не будешь же ты отрицать очевидное?

Ее грудь взволнованно заходила ходуном, хотя она и пыталась не допустить прикосновений к его мускулистой груди.

— Он не только не был приятен, он еще был и навязчив.

Это было, конечно, ложью. Его поцелуй в таверне вызвал в ней ощущение странной сладости, но она прекрасно понимала, что любая попытка продолжить в том же духе окажется жуткой и унижительной.

В глазах Габриэля сверкнула злость, однако голос его остался спокойным и равнодушным:

— Извини, янки, но ни за что не поверю, что я такое чудовище, каким ты меня пытаешься изобразить. Господи, да в Лондоне многие женщины отдали бы состояние за то, чтобы заменить тебя в моей постели!

Ну и самомнение же у этого негодяя!

— Я с радостью уступлю им это место! — с жаром воскликнула она.

Его лицо превратилось в мрачную и грозную маску.

— К сожалению, это невозможно. И совершенно непонятно, почему ты так упорствуешь. Подумаешь, переспешь еще с одним мужчиной!

Он рванул одеяло на себя и отбросил его в сторону. Кесси задрожала под его пристальным взглядом. А он оценивающе разглядывал то, что открылось его глазам.

— А мне непонятно, почему вы стремитесь силой взять то, что принято получать лишь с согласия женщины! — чуть не задохнулась от возмущения Кесси. — Или мое мнение уже ничего не значит? Вы решили, что я не имею права выбора?

Он лишь покачал головой и прижал ее руки к постели, подняв их вверх. Его близость ошеломляла, тело его твердой тяжестью навалилось на нее. И была в нем еще одна твердыня, которая пульсировала и упиралась в живот Кесси, отчего ее бросило в жар...

— Вы же сами утверждали, что вам ни к чему наследник! Что, если я забеременею?

На какое-то мгновение ей показалось, что он не расслышал ее. Но уже в следующую секунду Габриэль скатился с нее и встал.

Все еще оглушенная происшедшим, но безмерно благодарная ему за то, что он все же уступил ей, Кесси тут же укуталась в одеяло. Она едва отваживалась дышать, пока он в спешке одевался. Габриэль резкими движениями натягивал на себя вещи. Чувствовалось, что он в ярости — дикой, первобытной...

А убедилась она в этом, когда он повернулся к ней лицом. Подбородок у него был угрожающе выпячен, лицо напоминало маску, голос бесцветен и равнодушен более, чем обычно.

— Не обольщайся, янки. Ничего не изменилось. И если возникнет подозрение, что наш брак — формальность, тебе придется отвечать, что все у нас произошло так, как и у всех нормальных людей, ясно?

Кесси резко подняла голову.

— Что? — непонимающе пробормотала она. — Вы хотите сказать, что заставите меня лгать?..

— Настоятельно советую сделать это, иначе у меня не останется выбора. Придется сделать так, чтобы лгать не пришлось. И не надейся, что в следующий раз протесты помогут тебе. И рекомендую хорошенько подумать, прежде чем решишься подвести меня. Особенно если с пристрастными вопросами подступится мой папаша... Ты должна хранить секрет нашего брака как зеницу ока. Только в этом случае ты будешь в безопасности. — От его горящих, сумасшедших глаз, казалось, невозможно скрыться. — Учти, это единственное, что спасет тебя.

Кесси вжалась спиной в стену, пораженная до глубины души. В желудке у нее все свернулось в тугую узел от страха. Святой Иисусе, да ведь он угрожал ей... Ее целомудрию? Или даже жизни?

Глава 8

Неделю спустя Габриэль, выходя из каюты утром, объявил, что через часок-другой они причалят в Лондоне.

Сон как рукой сняло. Кесси сбросила с себя одеяло и вскочила на ноги. Сердце неистово билось в груди, когда она проворно наливала свежую воду в таз. Она драила лицо и шею, пока кожа не запылала, затем быстро причесала волосы и уложила в тяжелый узел на затылке. Со вздохом она потянулась к изношенному и выцветшему платью. Ведь только вчера заштопала очередное расползшееся от ветхости место и подшила подол, и вот опять что-то распустилось. Взяв в руки иголку с ниткой, она снова привела все в порядок. Но больше всего ее расстраивало не старое платье, а дурацкий и пошлый вырез, из-за которого она чувствовала себя просто ужасно. Никогда еще это чувство не угнетало ее так сильно, как сегодня.

В дверь каюты постучали.

— Кесси? Я подумал, вам захочется подняться на палубу, чтобы собственными глазами увидеть, как мы бросим якорь в Лондоне. — Это был Кристофер.

В последнюю неделю Кесси почти не выходила подышать свежим воздухом. Воспоминание о

том, как ее чуть не смыло за борт, было слишком болезненным, такое не скоро забудется.

Как ни странно, Габриэль не настаивал. Кесси приоткрыла дверь.

Кристофер радостно заулыбался:

— Буду счастлив, если вы составите мне компанию. И клянусь, что мы и близко не подойдем к борту.

Кесси закусила губу, затем кивнула. Кристофер был таким добрым, нежным и смотрел с такой надеждой, что было бы жаль разочаровать его. Может быть, сегодня ей удастся справиться со своими страхами. Все равно ведь придется спускаться чуть позже на берег.

— Я лишь накину шаль, — пробормотала Кесси.

По палубе разгуливал ветер, но не очень холодный, скорее бодрящий. Кристофер остановился в нескольких шагах от нее и не делал даже попыток приблизиться или поддержать ее под локоть. Сердце Кесси начало было снова метаться, но, видимо, все же не из-за воды, а из-за близости Лондона. Она сама не понимала — то ли подспудно все время страшилась прибытия в новую для нее обстановку, то ли мечтала об этом всей душой и поэтому так волновалась?! Вскоре к ним присоединился и Габриэль, но он почти все время молчал. Кесси вытянула шею, чтобы не пропустить миг, когда на горизонте появится нечто величественное — таинственный Лондон. Ей было невдомек, что оба мужчины наблюдают за ней: один — с понимающей улыбкой на губах, мысли другого были тщательно скрыты от посторонних глаз.

Кесси смотрела на тянувшиеся вдоль берега ряды складских помещений. А вот и порт! Жизнь здесь бурлила, как, вероятно, во всех портах мира. Одни корабли разгружались, другие загружались. Над всем этим клубился дым из труб домов, находящихся рядом с портом. Капитан довел корабль до места стоянки. Бросили якорь.

Кесси взяли под локоть, и голос мужа тихо пророкотал ей на ухо:

— Подожди здесь, пока я прослежу за разгрузкой.

Кристофер отправился в каюту за своими вещами. Он вернулся с кожаным чемоданом в руке, на голове у него красовалась сдвинутая набок шляпа. Он остановился перед Кесси.

— Кажется, пришла пора прощаться, — мягко произнес он.

Даже не вспомнив о муже, который вполне мог наблюдать за ними, Кесси поцеловала Кристофера в щеку.

— Спасибо вам за все. Я... я буду скучать без вас.

Он весело рассмеялся в ответ и опустил чемодан на палубу. Затем сердечно стиснул ее ладони в своих.

— Не думайте, что расстанетесь со мной надолго. Я скоро навещу вас с Габриэлем.

Он снова подхватил свой чемодан и зашагал к сходням. Спустившись на причал, он помахал ей рукой и вскоре исчез в толпе. Как Кесси ни старалась, но грусть тяжелым грузом навалилась на сердце. Что ни говори, а Кристофер был ее единственным и настоящим другом, ведь Бесс-то уже нет в живых.

Разгрузка проходила споро, руководимая опытной рукой. Прошло совсем немного времени, и Габриэль снова возник рядом с женой, тут же взяв ее под руку:

— Ну как? Готова поприветствовать Англию, янки? Изобразив воодушевление, которого отнюдь не испытывала, она положила ладонь на его руку. С первых же шагов вниз по сходням ей показалось, что сердце вот-вот выскочит из груди от страха. Она не смотрела на воду, сосредоточившись на суетящихся в порту людях, и медленно переставляла непослушные ноги. Так и спустились, слава небесам!

Она слегка побледнела, оказавшись на твердой земле, но уже была спокойна. Воздух здесь был влажный и прохладный, намного холоднее, чем в Чарлстоне. Лишь тут она заметила карету, поджидавшую их. Кучер спрыгнул с козел и услужливо распахнул перед ней дверцу. Кесси застыла в нерешительности, не зная, как велют поступать в таких случаях приличия. Должна ли она сама сесть в карету или кто-то обязан помочь ей? Ей не пришлось долго размышлять по этому поводу. Габриэль решительно подсадил ее и поднялся вслед за ней. Но сел не рядом, а напротив. Обменявшись парой фраз с кучером, он откинулся на спинку сиденья, и карета тронулась в путь. Кесси молчала, пока карета с грохотом петляла по мощным булыжником улочкам. Издали доносились крики торговцев, во все горло рекламировавших свой товар. Прошло минут двадцать, и она снова обратила внимание на сидящего напротив спутника. Элегантный незнакомец, безучастный и равнодушный ко всему окружающему. В последние дни они обменялись минимумом слов, только если без них нельзя было обойтись. И вот он сидит напротив, молчаливый, властный и... загадочный.

Она нервно расправила юбки смятого платья. Как она ни мечтала навсегда избавиться от своего прошлого, но о будущем и вовсе не осмеливалась пока думать: слишком оно было туманно и неопределенно.

Наконец она решилась нарушить воцарившееся в карете молчание:

— У вас есть дом в Лондоне?

Холодные серые глаза уставились на нее.

— Да, в районе Вест-Энда. Но мы не задержимся в Лондоне.

Кесси судорожно стиснула ладони. Ей очень не понравилось то, что она услышала.

— Тогда где же мы заночуем?

Она ненавидела себя за противную дрожь в голосе, выдававшую страх, но ничего не могла поделать с этим.

Он так пристально изучал ее лицо, что ей впору было заерзать от неловкости.

— В Фарли-Холле, нашем фамильном поместье в Кенте, — проговорил наконец он. — Но сначала сделаем небольшой крюк, — тут его бровь выгнулась вопросительной дугой, ибо он наконец соизволил заметить, что ей не по себе, — чтобы нанести визит модистке.

Модистка. Значит, портниха. Хм, выходит, он не врал насчет платьев. Тьфу, будь ты неладен! Ну почему он читает в ее мыслях, как в собственных? Ишь заухмылялся!

— Не понимаю, чему ты так поражаешься? Я ведь обещал разодеть тебя в пух и прах.

...Наряды, сшитые у Лилиан Уиллисон, были последним писком моды в Лондоне, хотя Кесси об этом и не подозревала. Она во все глаза рассматривала вышедшую к ним женщину с цепкими темными глазами, от которых не ускользало ни единой мелочи. Лилиан уже пережила расцвет своей красоты, но все еще была очень привлекательной особой.

— Моей жене необходимо полностью обновить гардероб, Лилиан. Я имею в виду именно полностью, все до единой вещи. — Тут Габриэль расцвел в такой обворожительной улыбке, что у обеих женщин перехватило дыхание — так он стал неотразим. — И вот еще что, Лилиан. Ты знаешь, я никогда не скуплюсь, но можешь считать, что заключила свою выгоднейшую сделку, если все это останется строго между нами, ясно? Никаких подробностей о том, что именно мы у тебя купили! Никому! Идет?

Лишь с огромным трудом опытной Лилиан Уиллисон удалось скрыть потрясение. Красавец лорд действительно не скупился, когда оплачивал туалеты своих любовниц. Конечно, она будет молчать как рыба. Она не дура. Никому не пожелаешь такого врага, каким мог стать Габриэль Синклер, если что-то вызовет его неудовольствие. Но Боже мой! Сколько же сплетен и слухов поползет по Лондону, как только станет известно, что граф женился! А ведь она первая узнала об этом!

— Вы прибыли как раз туда, где ваши желания — закон, милорд.

Темно-вишневые губы модистки расплылись в угодливой улыбке. Но и только. Держалась она спокойно и с достоинством. Кесси мгновенно почувствовала, что перед ней необыкновенно умная, хитрая и проницательная дама, которая успешно ведет свои дела, — вон как разодела! Наверное, деньги гребет лопатой! Не покажется ли ей... странным и подозрительным брак графа с такой замухрышкой, как она? Не успела Кесси додумать мысль до конца, как их уже провели в примерочный салон.

Боже! Вот это выбор тканей! Глаза разбегаются! Отрезы муслина, шелка и бархата располагались на полках, тянувшихся вдоль стен от пола до потолка. Кесси и не мечтала увидеть такое богатство расцветок.

Следующие несколько часов прошли в лихорадочной суете. Кесси покраснела, как маков цвет, когда Лилиан начала раздевать ее. Габриэль развалился тут же в кресле, как будто так и надо, и не сводил с нее глаз. Она же не осмелилась и покоситься в его сторону — не дай Бог встретиться с ним взглядом. Боже, какой стыд! Смущало и то, что он, казалось, чувствовал себя как рыба в воде в примерочной. А ведь тут были выставлены все образцы женской одежды, включая и нижнее белье. Но вкрадчивый внутренний голосок быстро растолковал ей, что все это давно уже не представляет для лорда никакого интереса, тем более тайны. Он побывал не в одной женской спальне — какие уж тут секреты...

Перевалило за полдень, когда они наконец покинули салон модистки. Лилиан вынесла несколько готовых платьев, которые какая-то клиентка не сумела выкупить. Кесси искренне обрадовалась: они сидели на ней как влитые и ничего не пришлось переделывать. Перед тем как уехать, Габриэль попросил упаковать покупки в несколько больших картонных коробок. Кесси разочарованно наблюдала, как коробки прикрепили веревками за козлами. Как бы ей хотелось сменить свое убогое платье на одно из тех, что только что упаковали! Но она благоразумно промолчала. Ей не предложили переодеться, значит, так надо.

По дороге они сделали еще одну остановку — у лавки ювелира, где Габриэль купил для Кесси красивое обручальное кольцо. Когда он надел его ей на палец, в голове почему-то завертелась странная мысль, что кольцо как бы скрепило их брак, сделало его гораздо реальнее, чем до сих

пор...

Когда город остался позади, Кесси уже совсем перестала понимать: то ли она дрожит от возбуждения, то ли ей не дают покоя самые мрачные предчувствия. В голове царил полный сумбур. Габриэль же пребывал в приподнятом настроении и с удовольствием, расслабившись, вытянул вперед ноги. Так и не дождавшись каких-либо объяснений от заботливого супруга, Кесси вздохнула и принялась рассматривать пейзаж, мелькавший за окном. Местность разительно отличалась от той, к какой она привыкла в Чарлстоне. Хотя к чему она там привыкла? Знала кусочек Чарлстона да пару раз ездила на окраину за продуктами для Джека. Здесь, насколько видел глаз, простирались пологие зеленые холмы, на которых разноцветными пятнами выделялись фермы да бродили стада овец.

Она, видимо, задремала, потому что очнулась оттого, что кто-то громко звал ее по имени. Спросонку она не сразу поняла, что с ней происходит. Но было четкое ощущение уюта, тепла и безопасности. Щека ее прижималась к мягкому сукну, а стук сердца под ухом звучал ровно и успокаивающе. Она медленно приоткрыла веки... и уставилась прямо в смеющиеся серые глаза.

Она подпрыгнула, словно ее ужалили. Габриэль привычно вскинул брови и едва заметно улыбнулся:

— Ты уснула в такой неудобной позе, что потом бы не смогла повернуть шею. Вот я и решил спасти тебя от этой беды.

Кесси сложила руки на коленях, досадуя на себя за то, что не смогла сдержать дрожь в пальцах. И почему это она всякий раз оказывается в его объятиях? Вот уж чего ей никак не нужно! А уж ему-то и подавно!

Габриэль махнул рукой в сторону окна:

— Мы почти дома, янки.

В этот момент они въезжали в огромные чугунные ворота, возле которых стояла небольшая кирпичная сторожка. Подъездная дорога была аккуратно вымощена булыжником. По обеим ее сторонам тянулись аккуратно подстриженные газоны, за которыми располагались террасы роскошных садов. Кесси зачарованно смотрела на все это великолепие, так что не заметила, как карета замедлила ход и остановилась. Через несколько секунд Габриэль уже ловко опустил жену на землю.

— Вот и наше фамильное поместье, янки. — Габриэль улыбнулся, но как-то странно, одними губами, в глазах же не отразилось никакой радости. — Фарли-Холл.

Кесси никогда не видела ничего подобного. Стройные колонны из камня украшали центр фасада. От центра в обе стороны тянулись два массивных крыла здания, которое невольно вызывало благоговейный трепет. Кесси и не подозревала, что подобное великолепие существует. Но ее новоиспеченный муж не дал ей времени оглядеться. Он быстро подхватил ее под руку и заторопился вверх по широким каменным ступеням.

Двери гостеприимно распахнулись, словно их ждали с минуты на минуту. Встретил их совершенно седой и уже слегка ссутулившийся пожилой дворецкий. Справа от входа находилась длинная галерея, увешанная портретами, слева чередой тянулись затейливо украшенные резьбой высокие двойные двери. Прямо перед ними была широкая лестница, разветвлявшаяся после первого пролета.

Хотя дворецкий и не улыбался, глаза его светились теплом и добротой.

— Милорд! Какое счастье снова видеть вас в поместье!

— Спасибо, Дэвис. Отец в гостиной?

— Нет, милорд. Он отправился на верховую прогулку с герцогом Уоррентоном. Должен вот-вот вернуться.

— Отлично, — пробормотал Габриэль. Он вовремя успел ухватить за руку Кесси, которая незаметно попятилась назад. — Хочу представить тебе мою жену, Дэвис.

Старый дворецкий был, конечно, ошеломлен этой новостью, но слишком вышколен, чтобы выказать свои истинные чувства. Он лишь низко поклонился — учтиво, но отнюдь не угодливо.

— Миледи, позвольте приветствовать вас в стенах Фарли-Холла, — несколько церемонно сказал он.

— Благодарю, — прошептала Кесси. Собравшись с духом, она робко улыбнулась, чувствуя себя совершенно крошечной и незначительной среди всей этой роскоши.

— Дэвис, прикажи, пожалуйста, занести наши чемоданы. И еще: пусть приготовят спальню для моей жены. Думаю, желтая подойдет лучше всего.

— Хорошо, милорд.

Сцепив руки за спиной, Габриэль повернулся к Кесси:

— Ну, янки, надеюсь, все здесь заслужило твое одобрение?

Ее улыбка мгновенно угасла. Он казался таким самодовольным и в его глазах сверкал такой шальной огонек, что она тут же ощутила тревогу. Не к добру все это.

— Вы полагали, что я не поверила вам? — как можно спокойнее спросила она.

Он расхохотался, но смех его был каким-то фальшивым, неестественным.

— Нет, янки, и в мыслях не было! Полагаю, ты ни за что бы не согласилась на мое предложение, если бы тебе не было от этого никакой выгоды.

Кесси вонзила ногти в ладони. Неужели была необходимость выставлять ее такой... такой алчной? Этот человек хочет видеть в ней самое дурное. Но она избавлена была от необходимости дать муженьку отповедь, потому что в холле как раз появилась служанка.

— Ваша комната готова, миледи, — сказала она, скромно потупив глаза. — Если желаете, я тотчас же провожу вас туда.

Кесси бросила на мужа испепеляющий взгляд, затем демонстративно повернулась к нему спиной. Она шла, распрямив плечи и выпрямившись так, словно проглотила аршин. В конце длинного коридора на втором этаже служанка открыла дверь и робко улыбнулась:

— Кстати, миледи, меня зовут Глория. Кесси мгновенно перестала кипеть.

— Спасибо, Глория.

Было странно слышать, как к ней обращались миледи. Она с трудом удержалась от того, чтобы поискать глазами ту, к кому это относилось.

Кесси прошла в комнату и не смогла сдержать восхищенного восклицания. Спальня была колоссальных размеров — намного больше, чем пивной зал в таверне Черного Джека. Бледно-желтый атласный балдахин скрывал огромную кровать. Умывальник был искусно расписан нежными цветами. В комнате располагался еще и широченный шкаф для одежды, а также очаровательный туалетный столик на витых ножках, на котором лежали щетка, расческа и оправленное в серебряную рамку зеркальце. Два стула с низкими спинками были обтянуты белым бархатом и придвинуты к камину.

Кесси поймала себя на том, что передвигалась по комнате на цыпочках — так здесь все было возвышенно. Она все еще не могла поверить, что эта комната предназначена для нее.

Глория во все глаза смотрела на новую хозяйку:

— Надеюсь, комната вам по душе, миледи?

— Она... очень милая. — Это все, что сумела выдавить из себя потрясенная Кесси. Залитая солнечным светом и теплом, комната была воплощением самых дерзких мечтаний.

Свежий ветерок играл занавесками на окне, наполняя комнату сладкими ароматами сада. Кесси слегка отодвинула в сторону отделанную кружевами занавеску. Не должна ли она стыдиться внезапного приступа необъяснимого счастья? Кесси вдруг почувствовала себя страшной эгоисткой. С болью в сердце она подумала о Бесс — мягкой, женственной и добрейшей Бесс, которая бы просто расплакалась от счастья, если бы ей повезло просто взглянуть одним глазком на такое великолепие.

— Может, миледи желает, чтобы я помогла ей переодеться?

Кесси вспомнила о присутствии Глории и повернулась к ней. Та уже успела выложить одно из платьев на кровать — вечернее, изумрудное, как его называла Лилиан.

— Спасибо, я...

— В этом нет необходимости, Глория. — Знакомый мужской голос резко прервал их беседу. Габриэль раскованной походкой прошел в спальню — как всегда, образец элегантности, мужественности и... высокомерия.

— Пожалуйста, позвоните мне в колокольчик, как только я понадобится вам, миледи. — Глория поспешно сделала книксен и удалилась, оставив хозяйку наедине с мужем.

— Пошли, янки! Нас уже ждут внизу. Кесси выпустила занавеску. Она с тоской посмотрела на изумительное платье на кровати.

— Пожалуйста, — ее голос сник до полупшепота. — Разве нельзя задержаться хоть на минуту, чтобы переодеться... Габриэль запретил себе замечать мольбу в ее глазах.

— Но у нас нет этой минуты! — резко ответил он. — Мой отец вернулся, а он не любит ждать.

Она совсем сникла, уничтоженная его решимостью. Ее пальцы нервно затеребили юбки старенького платья:

— Но... это ведь то, что я носила у Черного Джека.

— Ну и что? — равнодушно бросил он. — На сегодня сойдет и так.

Она опустила ресницы, но не раньше, чем ее глаза подозрительно ярко заблестели. Габриэль шепотом выругался, проклиная и себя, и ее. Это, конечно, жестоко с его стороны, просто бессердечно, но он не позволит девчоночьим слезам сбить его с толку, смягчить. Иначе он упустит минуту триумфа.

Кесси не проронила ни звука. Габриэль тоже никак не прокомментировал происходящее, он просто взял ее за локоть и подтолкнул вперед, почувствовав молчаливое сопротивление. Он никогда не уступает, и ей следует сразу же понять это. Пусть усвоит раз и навсегда, что не стоит проявлять характер в ситуации, когда он владеет ею. Пусть не тратит понапрасну сил — ничего доброго из подобных фокусов не выйдет.

Они вместе спустились по лестнице. Кесси с каждым шагом все больше напрягалась, предчувствуя жуткий скандал. У нее даже мышцы сводило от страха.

Двойные двери в гостиную были распахнуты настежь, и Кесси успела мельком заметить золотистый узор бумажных обоев и алые с золотым рисунком шторы. У камина стояли двое мужчин, одетые в костюмы для верховой езды. У одного была тяжелая челюсть и обширная лысина. Другой стоял так гордо и прямо, словно ему было всего двадцать, хотя серебряные нити в волосах выдавали его солидный возраст. Услышав шаги, он повернулся, так что Кесси могла рассмотреть орлиные черты и обдающие холодом глаза старого джентльмена. Она поняла: это отец Габриэля...

Оба господина сразу же замолчали, едва Габриэль и Кесси вошли в комнату. Габриэль остановился у дверей.

— Ваша светлость... — Он медленно кивнул головой, на миг склонив ее в приветствии.

— Наконец-то! Тебе давно пора было объявиться. Я уже начал волноваться, что ты решил навсегда остаться у проклятых янки! — Сверкнули сталью серые глаза.

На губах Габриэля появилась улыбка, которую Кесси уже успела узнать и считала ее исключительно опасной.

— Что ты, папа! Откуда такие мысли? Мне подобное и в голову никогда не приходило!

Лицо Эдмунда Синклера выражало крайнее неодобрение.

— Как обычно, твое пренебрежение правилами приличия не имеет предела, — едко заметил он. — Если не возражаешь, мы уединимся вдвоем? — Глаза его метнули искры на Кесси. — Чтобы обсудить кое-что исключительно важное. Точнее — то, что связано с твоей свадьбой.

Опасная улыбка на губах Габриэля расплылась еще шире.

— А я как раз и приехал поговорить о моей свадьбе, папа! — Он слегка подтолкнул Кесси вперед. — Позволь, дорогая, представить тебе моего отца, Эдмунда Синклера, герцога Шарли, а также Реджинальда Лэтема, герцога Уоррентона. Джентльмены... это Кесси, моя красавица жена, из Америки.

Молчание, наступившее после этих слов, было предгрозовым, словно затишье перед штормом.

Казалось, воздух набух напряжением и пульсировал, как живой. Впервые со времени отъезда из Чарлстона Кесси вдруг с тоской и ужасом подумала, что, наверное, было все же мудрее и безопаснее остаться у Черного Джека...

— Жена?! — завопил вдруг Уоррентон, первым нарушив молчание. У него от возмущения даже выступили вены на висках. — Если это какая-то извращенная шутка, то уверяю вас, мне совсем не смешно!

— Клянусь, ваша светлость, что и не собирался никого развлекать. Я совершенно не расположен шутить на эту тему. Кесси — моя жена уже больше месяца. Мы поженились в Чарлстоне, и, надеюсь, вы прекрасно понимаете, почему я не мог устоять. Кто бы не ослеп от такой красоты?

Он коснулся пальцем ее щеки, но жест был демонстративной пародией на нежность. Кесси застыла на месте подобно изваянию изо льда.

Уоррентон взвился и закричал:

— Вы должны были жениться на моей дочери! Боже милостивый, да я вызову вас на дуэль за такое святотатство! На что Габриэль ответил с убийственной вежливостью:

— Как пожелаете, ваша светлость. Но я просил, чтобы о нашей свадьбе не объявляли, пока я не вернусь из Америки. Значит, мою просьбу не выполнили?

В комнате повисла оглушительная тишина. Ее прервал голос Эдмунда:

— Мы не делали объявления о свадьбе.

— Тогда не понимаю, к чему такая крайность, как дуэль, ваша светлость. Я не обесчестил и не опозорил леди Эвелин. Ей не придется страдать от сплетен, поскольку никто, кроме присутствующих в данной комнате, и понятия не имеет, что такая свадьба вообще задумывалась. А если здраво рассудить, то никому бы и в голову не пришла идиотская мысль, что я женюсь на ней вместо брата. С вашей стороны будет сущим безумием устраивать скандал по этому поводу. Только привлечете никому не нужное внимание ко мне и леди Эвелин. Но это, конечно, на ваше усмотрение, ваша светлость... — В голосе Габриэля прозвучала откровенная издевка.

— Он прав, Реджинальд. Если ты вызовешь его на дуэль, то лишь рискуешь навлечь неприятности на обе наши семьи. Нам этот скандал ни к чему. — Тон Эдмунда оставался ровным и бесцветным. — Я не хочу вражды между нами. Если это как-то успокоит тебя, то мы можем обсудить... некоторую... э-э... денежную компенсацию.

Уоррентон схватил свой кнут со стула. Он уже не был таким пунцовым, как вначале, но все еще кипел от ярости.

— Можешь быть уверен, Эдмунд, — рявкнул он, — я скоро свяжусь с тобой!

Резко повернувшись, он покинул гостиную.

После его ухода в комнате воцарилось гнетущее молчание. Кесси хотелось лишь одного: убежать отсюда без оглядки и спрятаться подальше и понадежнее, но она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, словно приросла к полу.

Эдмунд повернул голову и уставился на парочку с такой яростью, что его трясло.

— Американка! — гневно выплюнул он. — Как ты мог? Зная, что я ненавижу само это слово, не говоря уж о нации, которую оно олицетворяет... Даже презренная француженка и то была бы предпочтительнее, чем американка. — В его устах это слово приобрело какое-то непристойное значение, словно это была нация маньяков и убийц. — Клянусь Богом, я не потерплю этого! Слышишь, Габриэль? Я не потерплю этого!

Черты лица Габриэля были жесткими, словно высеченными из мрамора,

— Наш брак освящен церковью и заключен в присутствии свидетелей, отец. И с тех пор прошло уже больше шести недель. Кристофер Марли был свидетелем с моей стороны. Так что наш брак абсолютно законен.

Рука Габриэля обвилась вокруг талии Кесси и погладила ее плоский живот:

— Перед тобой, папа, колыбель нашего потомства. Хм, вполне возможно, Кесси уже сейчас вынашивает твоего внука.

Кесси наконец все поняла. Боже, да он просто наслаждается всем этим!.. Что же это за человек, который радуется, причиняя родному отцу такую боль?

Глаза Эдмунда уставились на кремовую плоть этой янки, обнаженную вырезом платья. Губы его презрительно выпятились:

— И на какой же помойке ты отыскал ее?

— Если по правде, то в пивнушке. — Голос Габриэля превратился в довольное урчание. — Я очень удивлен, что ты никак не отметил мое великодушие и доброту, ведь я практически спас девушку от тюрьмы. И избавил от нищенской доли до конца жизни.

Взгляд герцога помрачнел еще больше.

— Пожалуйста, оставьте нас! — резко приказал он. — Я хотел бы побеседовать с сыном наедине.

Упрашивать Кесси не пришлось. Она подобрала юбки и чуть ли не бегом покинула гостиную. Но не помчалась сломя голову вверх по лестнице, хотя именно этого ей хотелось больше всего. Какая-то неведомая сила — сильнее страха и желания избавиться от всего этого кошмара — удержала ее на месте. Она прислонилась к стене рядом с дверью и прислушалась к голосам, доносившимся из гостиной. Эдмунд вопил:

— Шлюха из пивной! Боже милостивый! В скольких же постелях она успела побывать до того, как попала в твою?

Габриэль — она словно видела это — равнодушно пожал плечами:

— Не знаю и знать не хочу. — Он немного помолчал, разглядывая отца. — Да будет тебе известно, отец, я только сейчас понял, что на самом деле любопытен до чертиков. И просто должен узнать, что тебя раздражает больше всего: то, что она американка, или то, что она не соответствует твоим требованиям к происхождению невесты?

— Происхождению? — Герцог захлебнулся негодованием. — Да у этой подзаборной шлюшки

нет никакого происхождения!

— Верно, ее родовая линия не так безупречна, как твоя. Ее мать была шлюхой, а отец... Короче, им мог быть любой из нас.

Габриэль прошел к камину, руки, как всегда, сложены за спиной. Он уже не столь пристально наблюдал за лицом герцога, но испытывал все такое же наслаждение, видя гневное отчаяние отца.

— Должен сразу предупредить тебя, отец: можешь не тратить силы на угрозы, что лишишь меня наследства. Я все еще твой сын, сколько бы ты ни проклинал этот факт. И я знаю, что ты никогда не отдашь свой драгоценный Фарли-Холл в руки чужака. О да, в конце концов в тебе, несмотря на гнев и сомнения, пересилит чувство долга. — Он полуобернулся к отцу и одарил того саркастической улыбкой: — Ведь именно из чувства долга ты и женился когда-то на маме: чтобы у Стюарта была мать?

— Какая разница, лишу я тебя наследства или нет? — горько заметил Эдмунд. — Я уже умру тогда и ничего этого не увижу!

Улыбка, похожая на гримасу, искривила губы Габриэля:

— Очень даже большая разница. Я ведь слишком хорошо знаю тебя, отец, не хуже, чем самого себя. Эдмунд побелел от ярости:

— Чего ты хочешь, Габриэль? Что нужно для того, чтобы ты избавился от нее?

Находясь за дверью, Кесси схватилась за сердце, которое вдруг перестало биться. Грудь просто разрывало от боли. А ведь он предупреждал ее, что любви в этом браке не будет, устало припомнила она. В их сделке любовь не играла никакой роли. И все же она и не предполагала, что их брак был заключен лишь из чувства мести... А сейчас ей стало до боли ясно: месть была единственным мотивом Габриэля...

Габриэль, несомненно, ненавидел своего отца. Иначе зачем бы он все это затеял?!

От его смеха волосы вставали дыбом.

— Я не Уоррентон, папа, а посему деньги меня не соблазнят. Видишь ли, мне от тебя ничего не надо. Совсем ничего! И не надейся, что тебе удастся уговорить мою жену покинуть этот дом, исчезнуть, растаять без следа.

Голос герцога зазвенел от ярости:

— Смена платья не превратит ее в леди. Только подумай, какой скандал разразится по твоей милости!

Кесси отпрянула от стены. Она больше не могла выносить этого откровенного издевательства. Повернувшись, она помчалась вверх по ступенькам, пытаясь подавить рвущиеся из груди рыдания.

— Как будто общество не привыкло к скандалам вокруг моей персоны! А вот для тебя все это будет в новинку, отец. На твоем месте я бы и не пытался отделаться от Кесси. Иначе, клянусь, устрою такой скандал, что чертям в аду жарко станет! И в центре этого скандала будет твоя многоуважаемая персона! А мы оба знаем, что герцог Фарли не переживет этого. Так что

лучше смиришься с моей женитьбой. Кесси станет частью твоей жизни, так же как и моей.

Герцог остановился посреди гостиной, он уже успел овладеть собой и был спокоен и холоден. Таким его и помнил нелюбимый сын с детства. Габриэль никак не отреагировал на перемену в поведении отца, он лишь молча наблюдал за ним, понимая, что и в полной тишине слышны фанфары победы над очень сильным противником.

Да, он оказался прав, что решил привезти ее сюда. Фарли-Холл был предметом отцовской гордости и светом в окошке для него. И его будет бесить каждая минута пребывания здесь этой шлюшки, этой янки... Вот и хорошо: пусть побесится, пусть потрепыхается в бессильной ярости!

Габриэль склонил голову.

— Отлично! Вижу, что мы поняли друг друга. — Подняв темную бровь, он добавил: — Извини, что не останусь переночевать, папа. Я должен срочно выехать в Лондон. Мы привезли ходовой товар, так что дел у меня сейчас по горло. И вот еще что, папа, — легкая улыбка заиграла на его губах, — будет мудро, если ты велишь собрать все серебро в доме и запереть на ключ. Моя дорогая женушка страдает от странной привычки тащить все, что плохо лежит. Представляешь, она пыталась стащить у меня мои часы в первую же ночь, которую я провел в порту?!

Наверху была зажжена маленькая лампа, которая уютно осветила небольшой уголок спальни. Но Кесси от этого не почувствовала себя уютнее. Она рухнула на кровать и прижала ледяные ладони к пылающим щекам. Все ее удовольствие от роскоши этой комнаты испарилось. Габриэль специально задумал этот фарс, чтобы его жена-простолюдинка из ненавистного племени янки взбесила старика. Она ощутила себя нищенкой, абсолютно неуместной в этом шикарном доме... Он все задумал и рассчитал до мелочей.

Она и сама не поняла, когда вдруг почувствовала, что он вернулся и наблюдает за ней от порога. Да и наплевать ей было на это!

Ее возмущало само его присутствие в одной с ней комнате, в ее жизни! Но тебе, милая, только что преподали отличный урок! — горько возразила она себе. — Тебя ловко превратили в послушную марионетку! Сделали бездумной игрушкой! Только она больше не позволит ему вертеть собой! Пусть больше не рассчитывает на нее! Ни за что!

Она медленно подняла голову и взглянула на него. Габриэля не смутил ее испепеляющий, полный презрения взгляд. Да он настоящий монстр! Этот человек встретил ее гневные слова с высоко поднятой головой.

— Вы ненавидите его! — выпалила Кесси без всякой преамбулы. — Он — ваш отец, и все же вы ненавидите его. Почему? Он не дрогнул. Его ответ был спокоен и четок:

— Мое отношение к отцу именно такое, какого он заслуживает, янки. Впрочем, это моя забота и тебя совершенно не касается.

— Вы женились на мне, потому что я американка. И потому что ваш отец — герцог, а я... никто. И вы были уверены, что он возненавидит меня. Буду откровенен! — передразнила она его, процитировав слова Габриэля. — Как же, вы откровенный! Будьте вы прокляты! — выкрикнула она. — Зачем вы лгали мне?

— Ты не права, янки. Я сказал тебе правду, но при этом не открыл все свои карты. Мой отец настаивал, чтобы я женился на леди Эвелин вместо моего погибшего брата. Я же не собирался уступать его воле, и женитьба на тебе была самым верным способом избежать такой участи.

Лицо ее смертельно побледнело, а глаза засияли подобно двум драгоценным камням.

— Тогда по крайней мере объясните мне, почему он так ненавидит американцев! Ведь вы не можете отрицать, что он их просто на дух не переносит?

— Да, янки, это правда. Видишь ли, у моего старшего брата, Стюарта, и у меня — разные матери. Первой женой герцога была Маргарет. Говорят, он безумно любил ее.

Странно — словно он говорил о ком-то другом. Тот мужчина в гостиной не похож на человека, способного испытывать подобные чувства. Любовь и... герцог? Но Кесси приказала себе не отвлекаться на посторонние мысли, а внимательно слушать то, что ей рассказывают.

— У Маргарет была сестра в колониях. Когда Стюарт был еще совсем маленький, они втроем переправились через океан, чтобы навестить эту сестру. Тогда как раз закончилась война за освобождение колонии от английского владычества. Сестра Маргарет и ее семья оставались лояльными короле, но народ смертельно ненавидел таких людей. Война за освобождение была настоящей мясорубкой, где погибла уйма народу... И вот во время визита отца с женой негодяи подожгли дом сестры. Отец как раз ушел куда-то со Стюартом, и они остались в живых. Остальные погибли в огне.

Габриэль немного помолчал, как бы собираясь с мыслями.

— Мой отец буквально обезумел от горя. Ужасная смерть жены породила в нем неугасимую ненависть ко всем американцам, без разбора... И это задолго до того, как Стюарт погиб на том же континенте в битве за Новый Орлеан шесть месяцев назад.

Кесси закрыла глаза. Две молодые жизни, так нелепо прерванные в расцвете лет, — две трагические смерти, в которых обвиняли граждан ее страны... Но ведь это все равно несправедливо! Ведь она-то никак не повинна в их смерти!

Она широко раскрыла глаза, чувствуя, как грудь буквально стиснули стальные обручи. Болело сердце, болела душа. Она судорожно сцепила ладони на коленях.

— Пресвятая Богородица, неудивительно, что он возненавидел меня всей душой. А вы?.. Вы же знали, что иначе и быть не может!

Габриэль не стал отрицать очевидное.

Она с трудом проглотила ком в горле.

— Я не претендую на то, чтобы разобраться в том, что двигало вами, — медленно проговорила она. — В одном я уверена полностью: вы искали способ унижить и уязвить своего отца — и нашли его. Но, поступив таким образом, вы унизили и меня. И я... ненавижу вас за это, поскольку не могу изменить своего происхождения.

Одинокая слеза выскользнула из-под ее ресницы. Но он не должен видеть ее отчаяния — она решительно смахнула слезу ладонью. Взмахнув рукой, она указала в сторону широкого шкафа, где Глория развесила те платья, которыми они запаслись у модистки, — примерно одна десятая всех заказанных.

— Не сомневаюсь, вы решили, что я быстро утешусь всем этим тряпьем, даже если вы и вышвырнете меня на улицу!

Габриэль молчал. Он хотел бы забыть предостережение Кристофера, который предсказывал ему, что все именно так и случится: она оскорбится не меньше отца.

Он мрачно усмехнулся:

— Я не собираюсь никуда выбрасывать тебя, янки. Ты — моя жена и ею и останешься. Я довольно богатый человек, так что не волнуйся не только относительно тряпок, но и всего прочего. Ты больше никогда не будешь испытывать нужды в деньгах. Я обещал позаботиться о тебе и сделаю это.

Глаза Кесси внезапно высохли, они стали сухими до рези.

— Вы и правда собираетесь всю жизнь заботиться обо мне? — Ее голос был едва слышен.

— Да, янки. Ты мое пожизненное обязательство. — Он не смог скрыть насмешки в голосе, потому что именно так воспринимал все это его отец. — О, я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь себя обманутой! Преданной! Так что считай, что это — заслуженное мной наказание. — Он с подчеркнутой вежливостью поклонился: — И успокойся, тебе ни минуты больше не придется терпеть мое присутствие рядом. Потому что я пришел попрощаться.

— Вы уезжаете?

— Да. Я возвращаюсь в Лондон.

Ее глаза мгновенно округлились от ужаса. Она не успела еще подумать, как отреагировать на это его заявление, как уже вскочила на ноги.

— Вы решили оставить меня здесь одну?!

— В доме полно слуг, чтобы удовлетворить любую твою нужду. Только скажи им, чего ты хочешь, и все будет исполнено. А что касается твоего нового гардероба, то Лилиан заверила меня: она завершит работу в течение десяти дней. Так что жди обновок.

— Я вовсе не это имела в виду! Как насчет вашего отца?

Его губы вытянулись в тонкую линию:

— Это такое огромное поместье, дорогая, что ваши пути никогда не пересекутся. Поверь мне, уж я это испытал на собственной шкуре! А теперь иди сюда, янки. Мне бы хотелось получить на прощание поцелуй от своей любящей женушки, чтобы было о чем вспоминать в долгие ночи, которые нам придется провести порознь.

Вот скотина! После всего что умудрился натворить, он еще надеется, что она будет изображать перед ним покорную жену! Наглец!

— Нет! — гневно выкрикнула она. — И не надейтесь, что вам удастся заставить меня сделать это!

Свет лампы прекрасно очерчивал упрямо поднятый подбородок. Как же он умудрился не заметить столь существенной черты в ее характере? Его глаза сверкнули вызовом. Он довольно улыбнулся:

— Вне всякого сомнения, я могу, янки, и сделаю это.

— Да уж, с вас станется! — с презрением произнесла она.

Его ленивая поза была обманчива, ибо уже в следующую секунду он в три прыжка пересек комнату и оказался перед ней. Она даже не успела попятиться или возмутиться, как сильные руки обхватили ее за плечи.

Она в ужасе заметила страстный блеск в его глазах, а после этого его рот впился в ее губы.

Он не просил ее о покорности — он просто требовал этого, как это сделал бы любой мужчина... Любой мужчина, хорошо разбирающийся в женщинах. Сердце Кесси неистово забилося. И некуда было деться от этих обжигающих губ. Его рука ловко обхватила ее голову, чтобы удержать в том положении, какое было удобно ему. Его поцелуй был властным и до отвращения откровенным. Но он был к тому же жарким и весьма убедительно доказывал, что она беспомощна против этого великана. Она почувствовала себя жертвой предательского жара, темного и сладкого. И чуть не задохнулась, когда через какую-то секунду его язык вторгся к ней в рот. Хотя... появившиеся вслед за этим ощущения нельзя было назвать неприятными... Нет, так назвать их было бы нечестно...

Он притянул ее к себе, словно хотел познакомить ее с каждой своей мышцей. Ее грудь уперлась в его широкую грудную клетку так, что сначала ей стало больно. Она ощущала твердость сильных мускулов на его ногах, прижавшихся к ней. И глубоко внутри зародилось какое-то странное тепло, разраставшееся и медленно охватывавшее все ее тело.

Кесси дрожала, когда он наконец отпустил ее. Все плыло перед ней. На губах мужа блеснула самодовольная улыбка. Он коснулся пальцем ее губ и отступил на шаг.

— Вспоминай обо мне, янки! — Вот и все, что он сказал на прощание.

Рассудок вернулся к ней приступом отвращения к себе. Растаяла в его объятиях, словно созрела для того, чтобы ею воспользовались как последней шлюхой! Да еще и испытывала при этом удовольствие! Можно не сомневаться, что со временем она обо всем забудет в его объятиях.

— Подождите! — крикнула она.

Он повернулся, стоя уже на пороге. На лице его снова застыло равнодушное выражение. И в эту секунду Кесси ненавидела его так, как еще никого и никогда в жизни.

Безрассудная отвага вдруг забурлила в ней.

— Не надейтесь, что я теперь хоть когда-нибудь поверю вам, — четким, звонким голосом произнесла она. — Потому что сегодня вы убедительно показали мне, кто вы есть на самом деле!

Глаза его тут же заледенели:

— Да ну? Интересно, и кто же я?

Кесси набрала полную грудь воздуха:

— Вы такой же бессердечный и жестокий, как и ваш отец! Поэтому и решились причинить ему

такую боль!

Он, казалось, застыл на пороге. Но когда наконец ответил, голос его был спокоен, как обычно:

— Это даже к лучшему, что ты, янки, узнала, какой я на самом деле, чем навоображала бы уйму глупостей, к которым я не имею никакого отношения.

Глава 9

На следующее утро Кесси разбудил осторожный стук в дверь. Открыв глаза и увидев проникшие сквозь шторы веселые солнечные лучи, она с трудом вспомнила, что находится в Фарли-Холле. Стук в дверь повторился, и она сонно прокричала: Войдите!

Невысокая плотная женщина с начинающими седеТЬ волосами вошла в спальню с подносом в руках.

— Доброе утро, миледи. Я — миссис Мак-Ги, экономка. Я принесла ваш завтрак.

Кесси уже почти проснулась и заставила себя принять сидячее положение — Она убрала пряди волос с лица, боясь, что выглядит неопрятно. Хотя... слуги уже наверняка знают все и рады ее присутствию здесь не больше, чем их хозяин. Она решила вести себя очень осмотрительно. Миссис Мак-Ги поставила поднос ей на колени.

Она приподняла серебряный кофейник.

— Надеюсь, вы не возражаете, но я взяла на себя смелость сварить не чай, а шоколад.

Она налила ей горячую коричневую жидкость в тончайшую фарфоровую чашку и мгновенно пристроила на шее у Кесси льняную крахмальную салфетку. Выходило все это у нее так ловко, что Кесси поневоле восхитилась.

Со своими пухлыми красными щеками и веселой улыбкой на губах миссис Мак-Ги была полна сердечности и теплоты. В ее искренности Кесси не могла ошибаться. Она даже перестала стесняться экономки, хотя и очень осторожно взяла фарфоровую чашку — не дай Бог расколется прямо у нее в руках. Она еще никогда в жизни не держала что-то столь же хрупкое и красивое! Кесси осторожно взяла чашку и поднесла к губам. Сделала осторожный малюсенький глоток. Ей ведь раньше не приходилось пробовать шоколад, а кофе она терпеть не могла — такой горький! Вдруг это похоже на него?

Но жидкость была горячей и сладкой, совершенно непохожей ни на что из того, что ей доводилось пробовать.

— Да он божественно вкусный! — поразилась она.

— А-а, я так и знала, что вам понравится! Приятного аппетита, миледи. Наша повариха выпекает самые лучшие круассаны по эту сторону пролива.

Так, значит, это круассаны. Кесси откусила кусочек хрустящего и крошившегося рогалика. Он был таким восхитительным и воздушным и так чудесно сочетался с шоколадом, что просто таял во рту. Кесси закатила глаза от удовольствия. Миссис Мак-Ги расцвела:

— Я сразу же сказала поварихе, как только увидела вас прошлой ночью. Вот достойная ее задача: постараться подкормить вас, чтобы на ваших косточкахросло хоть немного мяса.

Круассан немедленно стал напоминать по вкусу золу. Кесси похолодела от ужаса. Значит, они все же видели ее! Интересно, что они подумали, когда рассмотрели рядом с сыном хозяина жену-оборванку?

Миссис Мак-Ги дружески потрепала ее по руке:

— Что вы, миледи! Вам нечего смущаться. Его светлость рассказал нам, что ваш бессердечный дядя заставлял вас работать целыми днями и у вас руки стерты до крови! И при этом скупился потратить лишней пенни на новое платье! Стыд и позор! Вам повезло, что лорд Габриэль приметил вас и женился. А еще лучше, что он привез вас в Фарли-Холл, чтобы вы набрались сил и поправились.

Его светлость. Значит, герцог снизошел до того, что придумал извинительную историю, объясняющую появление здесь нищей девушки в качестве жены его сына! Кесси с трудом удалось скрыть потрясение. Вот это да! А что касается того, что ее оставили здесь поправить здоровье и окрепнуть, так это вообще остроумно. Если говорить прямо, без приукрашиваний, то муж попросту бросил ее на произвол судьбы...

Миссис Мак-Ги подскочила к шторам и раздвинула их.

— Какая вы у нас красавица! Понятно, почему вы сразу же привлекли внимание лорда Габриэля.

Миссис Мак-Ги довольно хихикнула и оглянулась через плечо. Как она и ожидала, щеки миледи покраснелись, только совсем не по той причине, какую она подозревала.

— Вы уж извините меня, что я по привычке зову его лордом Габриэлем... Только я знала его с колыбели, и хотя он стал теперь графом, как-то странно называть его лордом Вэйкфилдом!

Кесси поневоле заинтересовалась болтовней экономки:

— А вы знали его старшего брата?

— Стюарта? Конечно, мэм. Я была личной служанкой леди Каролины — это мать Габриэля, — когда была молодой. Поэтому и попала сюда.

— Стюарт был намного старше Габриэля? — Как Кесси ни старалась, ей трудно было представить себе Габриэля ребенком.

— Кажется, на четыре года. О, они были очень разные: Габриэль и Стюарт! Матерью Стюарта была первая герцогиня — леди Маргарет. Вы, наверное, и сами это знаете.

— Д-да, з-знаю...

Кесси затаила дыхание, втайне надеясь, что миссис Мак-Ги продолжит свои воспоминания. Она не очень надеялась, что женщина проболтается о том, почему Габриэль так ненавидит своего отца. Но возможно, она расскажет нечто такое, что Кесси удастся понять этого холодного и скрытного человека, который стал ее мужем. Возможно, ей удастся заглянуть в его душу,

— Так, говорите, они были непохожими в детстве? Миссис Мак-Ги осуждающе сжала губы:

— Его светлость носился со старшим сыном. Гордился и занимался только им. А Габриэль был

скорее нарушителем спокойствия. Вечно затевал нечто такое, за что ему сильно попадало. — По ее лицу пробежала смутная тень. — Я всегда говорила своему мужу Ангусу — он здесь заведует конюшнями, — что потеря матери ужасно повлияла на бедного мальчика. Они были очень близки: леди Каролина и Габриэль.

Кесси проглотила последний кусочек круассана и задала следующий вопрос, надеясь, что не покажется экономке слишком любопытной:

— А сколько лет было Габриэлю, когда она умерла?

— Кажется, восемнадцать или девятнадцать. Это была такая трагедия! И случилось все так внезапно — кто же мог ожидать подобного? Габриэль очень изменился после ее смерти. Конечно, я никогда не верила во все эти жуткие сплетни, что он пустился в разгул в Лондоне, творил там всякие глупости... — Тут экономка прикрыла свой рот. — О Боже, мэм, я совсем заболталась с вами, а ведь дела сами по себе не делаются!

Она бросила взгляд на опустевшие тарелки на подносе и одобрительно кивнула. Проворно сняв с колен Кесси поднос, она направилась к двери.

— Прикажете прислать Глорию, чтобы она приготовила вам горячую ванну?

Глаза Кесси засияли:

— Да, пожалуйста! И спасибо вам за все, миссис Мак-Ги.

Экономка широко улыбнулась:

— Не за что. Здесь все просто счастливы, что вы появились в доме!

Глория появилась в спальне почти вслед за ушедшей экономкой. Хотя Кесси и робела раздеваться в присутствии служанки, она знала, что у богатых людей так принято. Пока она купалась, Глория разложила на ее кровати новую шемизетку, нижние юбки и чулки — все вещи были приобретены только вчера у модистки. Кесси осторожно, почти со страхом потрогала воздушную ткань батиста, из которого была сшита шемизетка. Она никогда и не мечтала, что ей посчастливится когда-нибудь иметь столь изящные и красивые вещицы. Натянув белые чулки из тончайшего шелка, она застыла на месте. Сердце ее сжалось от цемпящей тоски. Бесс, милая Бесс! Как же она мечтала когда-то о паре белых чулок!

— Это утреннее платье нравится вам, миледи?

Кесси медленно повернулась к Глории. Та держала платье из белого муслина, скроенное по последнему писку моды, — с завышенной талией. Два ряда очаровательных пуговиц поднимались от талии до горловины.

— Конечно, — пробормотала Кесси.

Пока Глория застегивала крючки на спине и не видела ее глаз, Кесси попыталась справиться с малодушным желанием разреветься. Она слышала, как Лилиан вчера говорила что-то насчет утренних нарядов, дневных, вечерних и платьев для прогулок... Кажется, еще что-то о бальных... Сама она ни за что не отличит одно от другого, и ее пронзил страх, что она никогда не научится таким вещам и непременно опозорится.

Глория умело закрепила ее волосы на макушке. Кесси не двигалась. Она совершенно не

узнавала себя в зеркале. На нее смотрела абсолютно чужая женщина с округлившимися от удивления глазами.

Ночью она долго лежала без сна в своей мягкой постели и напряженно думала, но в ее воспаленном мозгу вертелась только одна мысль — побег, только побег, пока ее не затянуло в опасный омут. Она презирала себя за нерешительность, за отсутствие смелости, но куда бы она отправилась? В чужой стране, без крыши над головой, без денег... Короче, она беспомощна, и ей не хватало духу совершить такое безумство.

Габриэль был прав: она чувствовала себя обманутой. Но как бы она ни злилась на него, на себя она досадовала еще больше. Потому что сама виновата во всей этой истории. Ведь знала же с самого начала, что Габриэль женился на ней, чтобы взбесить герцога. Она вздрогнула, вспомнив жуткую сцену между отцом и сыном. И несмотря на то что Габриэль торжественно поклялся, что не собирается вышвыривать ее вон, она все равно опасалась этого — ведь он уже добился своей цели. На что она теперь ему?

Она медленно опустилась на обитый мягким бархатом стул. Глазами обвела спальню. Боже, эта спальня, весь дом... Все, как в сказке! Такое она не могла даже представить себе. Так ли уж это плохо с ее стороны цепляться за комфорт? Такой ли это грех — тянуться к тому, чем жизнь обделила ее?

А ведь как все могло прекрасно... нет, изумительно устроиться, если бы только она не чувствовала себя здесь такой лишней! Чужой... Как будто все это не для таких, как она! Боль наполнила ее сердце. Еще ни разу в жизни она не ощущала себя такой растерянной и жалкой. Ей всего-навсего хотелось прилепиться к кому-то, найти пристанище... Боль затопила ее сердце, и она застонала. Но Кесси была не из тех, кто упивается жалостью к себе. Она прекрасно знала, что ее могла ждать и более печальная участь. В лучшем случае она бы работала в таверне, разнося пиво. А в худшем... предлагала бы собственное тело. Черный Джек мог вынудить ее пойти и на это.

Сжав всю свою волю в кулак, заковав себя в невидимую броню, Кесси спустилась по лестнице вниз. Перед ней неожиданно появился Дэвис.

— Надеюсь, вы не возражаете, миледи, но я подумал, что вам будет приятно, если кто-нибудь покажет вам дом и уголья. — Он слегка посторонился, и из-за его спины вынырнул парнишка лет четырнадцати. — Уиллис уже справился со своими обязанностями на конюшне и с удовольствием покажет вам все, что вас заинтересует.

Кесси улыбнулась мальчику. На его лице читалось желание угодить хозяйке. Он был милым парнишкой, симпатичным, как и все, с кем она успела познакомиться. На скулах и на переносице у него красовались симпатичнейшие веснушки, глаза озорно сияли — в общем, Кесси он понравился.

— Привет, Уиллис, — мягко сказала она. — Тебе и правда не составит труда познакомить меня с усадьбой?

— Ничуть, мэм. Буду только рад.

Парнишка, сняв с головы шляпу, галантно поклонился. Будучи слишком юной и неопытной, Кесси и не подозревала, что мальчик был убежден: красивее новой графини он еще никого в жизни не встречал. У него появился предмет для обожания.

Уиллис был слегка разочарован тем, что Кесси не умеет ездить на лошади, тем не менее они провели чудесный день, исходив дом и сады усадьбы пешком. Неподалеку от дома Уиллис указал ей на блеснувшую среди деревьев воду. Это озеро абсолютно не было видно из особняка. На берегу его была построена маленькая пристань. Мальчик начал объяснять, почему озеро нельзя увидеть из окон. А Кесси вдруг зазнобило.

И все же день прошел гораздо быстрее и приятнее, чем она ожидала. Ноги у нее буквально отваливались от усталости, когда она наконец отослала Уиллиса ужинать. Войдя в дом, она задержалась в холле. Она стояла и улыбалась: пока Господь щадил ее — она ни разу не столкнулась с герцогом!

Ей везло.

Любопытство задержало ее у длинного ряда портретов в тяжелых позолоченных рамах, висевших в холле и на лестнице. Ясно же, что все эти суровые леди и джентльмены — предки Синклеров. С тем же дьявольским разлетом бровей, породистыми тонкими носами. Она остановилась у портрета темноволосого мужчины, горделиво опирающегося на рукоять шпаги. На нем был костюм прошлого века, шляпа украшена пышными страусовыми перьями и лихо сдвинута набок. Он был неотразим, его смеющиеся глаза искрились жизнелюбием. Она машинально улыбнулась ему в ответ.

А вот у следующего портрета ее улыбка сникла. Этот Синклер был таким тонкогубым и высокомерным, что она невольно вздохнула. Не было нужды гадать, от кого герцог и его сын унаследовали свою жесткость. Двигаясь дальше, она увидела большой портрет, на котором была изображена улыбающаяся элегантная женщина с маленьким мальчиком на коленях. В расцвете молодости и красоты, она буквально излучала счастье. У Кесси перехватило дыхание. Наверное, это и есть первая жена герцога и их сын Стюарт. Белокурый ангелочек с кудрявой головкой.

Возле последнего портрета в галерее Кесси застыла надолго, и сама бы не могла сказать, сколько времени простояла у него. В центре картины — женщина, чинно сидевшая в кресле у камина со сложенными на коленях руками. Волосы у нее были гладкие и черные — такие же, как у Габриэля. Значит, это и есть вторая жена герцога, мать Габриэля. Кесси почувствовала, как у нее сжалось сердце: какие же они разные — эта печальная женщина и Маргарет, лучащаяся счастьем...

— Перед вами Каролина, мать Габриэля.

Голос герцога, прозвучавший у самого уха Кесси, так испугал ее, что она вздрогнула. Взяв себя в руки, она повернулась к нему. И сердце тут же ухнуло вниз — на нее смотрели полные враждебности глаза. Облив ее презрением, герцог повернулся к ней спиной, собираясь уйти.

— Подождите! — воскликнула Кесси, не думая, что скажет в следующую секунду.

Он бросил взгляд через плечо, напряженный, как струна, готовая лопнуть в любую секунду. Кесси тоже выпрямилась, решив защищаться.

— Я считаю, что вы должны знать, я... зарабатывала себе на жизнь вовсе не так, как вам говорил Габриэль. Густые брови поползли вверх.

— Ваше имя — это ведь сокращенное от Кассандры? Кесси кивнула.

— Хорошо, Кассандра. И как же вы зарабатывали на жизнь? — В его тоне сквозило полнейшее

равнодушие. — Мой сын сказал мне, что нашел вас в какой-то пивной.

Она сражалась с собой, чтобы не опустить глаза под его жестким взглядом. Крепись, приказывала она себе, хоть он и держится так надменно.

— Так и было, — ответила она, гордо вскинув голову. — Но не тем... Он сказал неправду. Я всего лишь подавала эль и еду, драила полы, работала на кухне... Но это все, клянусь вам!

Он издал горлом какой-то слабый звук — то ли отвращения, то ли недоверия. У нее похолодело в желудке.

— Еще он упомянул, что вы воровка. Горячий стыд окрасил ее щеки:

— Скажу правду, сэр. Я украла часы, надеюсь, что сумею продать их. Я... хотела покинуть Чарлстон и устроиться где-нибудь белошвейкой... — Кесси кивнула на портрет Маргарет: — Габриэль рассказал мне, как она умерла. Наверное, это было ужасно — потерять ее именно так... Злобные и мерзкие люди посягают на невинные души...

— Злобные и мерзкие люди? Да все янки — дикий и грубый народ, смердящее племя варваров! Каждый из вас! Кесси резко выдохнула:

— Я не сделала ничего дурного в своей жизни, сэр. За исключением того, что родилась в стране, которую вы всей душой ненавидите. — Она не опускала глаз. — Но если вы обвиняете меня в убийстве вашей жены наравне с истинными виновниками, не зная обо мне ничего, тогда вы ничем не лучше их! И кстати, сэр, мне кажется, что и в остальном вы отнюдь не так безгрешны, как пытаетесь убедить всех. Я ведь точно знаю: вы с три короба наврали слугам обо мне!

Эдмунд рассвирепел. Что эта паршивая девчонка позволяет себе! Дерзкое ничтожество, она осмелилась разговаривать с ним в таком непозволительном тоне! Но, увы, она стала женой его сына...

И раздражала она его так же сильно, как и сын.

— Не ищите себе оправданий, юная леди. Я прекрасно осведомлен, кто вы на самом деле. И можете быть спокойны, я не горю желанием узнать о вас пикантные подробности. Но на будущее советуем не забывать: не вам судить меня!

Он оставил Кесси стоящей посреди холла с открытым ртом и посылавшей ему вслед испепеляющие взгляды. Проклятие! Невыносимо надутый старикан! Он даже хуже, чем его отвратительный сынуля.

Габриэль был прав. Этот дом имел необъятные размеры, так что двое его обитателей могли при желании прекрасно избегать друг друга. Кесси удивилась, когда однажды после полудня экономка вплыла в ее спальню со словами:

— К вам гости, миледи. Кесси часто-часто заморгала.

— Ко мне? — растерянно спросила она, затем нахмурилась. — Вы, наверное, ошиблись, миссис Мак-Ги? Боюсь, что не знаю здесь ни души...

— Никакой ошибки, миледи. Гостья просила позвать именно вас. Я провела ее в гостиную,

чтобы она подождала там.

Она. Кесси что-то это не очень понравилось. Она встала. В глазах поплыли крути. Какая же она трусиха! Но, кажется, у нее нет выбора. Придется спуститься и узнать, что это за гостя. С дрожью в коленках она спустилась вниз по лестнице. Ей не пришлось долго ждать, чтобы проникнуть в эту тайну. На краешке дивана примостилась поразительно красивая девушка — красивее всех, кого когда-либо видела Кесси. Волосы цвета спелой пшеницы были уложены вокруг головы короной, черты лица поразительно нежны, овал лица напоминал сердечко. На ней было платье модного светло-персикового цвета, отделанное белым атласом.

Заметив Кесси на пороге комнаты, девушка поднялась с дивана — просто образец грации и красоты.

— Добрый день! — несколько смущенно произнесла она. — Вы, должно быть, молодая жена Габриэля?

Голос у красавицы был таким же приятным, как и черты лица. Она протянула Кесси руку, затянутую в перчатку:

— Меня зовут Эвелин.

Эвелин. Кесси готова была провалиться сквозь землю и умереть. Никогда еще не было для нее столь очевидно собственное ничтожество. Эта светловолосая девушка, маленькая и грациозная, с мягким голосом, чарующим слух, — та, на ком хотели женить Габриэля. Кесси вся съезжилась: у этой девушки было все то, чего никогда не приобрести ей...

— О Боже! Вы... дочь герцога Уоррентона.

Едва Кесси произнесла эти слова, она тут же готова была проглотить язык.

Девушка улыбнулась в ответ едва заметной улыбкой. Но все же улыбнулась

— Я вижу, вы слышали обо мне? Если честно, то это значительно облегчает задачу. Извините, но я не знаю вашего имени.

— К-кесси.

— Отлично. Что ж, тогда, может, нам лучше присесть? — Девушка элегантно махнула ручкой в сторону дивана.

Кесси покраснела. Впервые она осознала, до какой степени не подготовлена к роли хозяйки дома.

— Конечно, — пробормотала она.

Они уселись: одна — на одном конце дивана, другая — на противоположном.

На губах Эвелин появилась слабая улыбка.

— Знаете, — мягко произнесла она, — я хотела нанести вам визит уже несколько дней назад. Только ужасно боялась вас: я ведь не уверена была, что меня ждет.

Кесси смущенно замялась:

— С-скажу вам честно .. я чувствую то же самое!

Признание сорвалось с ее губ, прежде чем она успела прикрыть рот ладошкой. Но Эвелин лишь с облегчением рассмеялась в ответ. И напряжения между ними как не бывало. Словно кто-то взмахнул волшебной палочкой.

— Не... хотела бы показаться грубой, — нерешительно начала Кесси, — но мне казалось, что вы должны... ненавидеть меня?

В глазах Эвелин блеснула искорка понимания:

— Потому что это я должна была выйти замуж за Габриэля, а он взял да и женился на вас? Кесси кивнула:

— Вас, наверное, очень огорчило известие о том, что он натворил?

Эвелин сложила маленькие ручки в белых перчатках на коленях.

— О Боже, дорогая, вовсе нет! Это мой отец был сначала просто неумолимым из-за этого. Ведь это он носился с идеей объединить две наши семьи. Но и он смирится с этим. Мне кажется, что отец уже начал привыкать к данному факту. А я хочу быть честной с вами, Кесси. Я испытала огромное облегчение оттого, что освобождена от обязанности выходить замуж за Габриэля. Он вечно пугал меня до полусмерти. — Эвелин грустно улыбнулась. — И, если честно, до сих пор пугает. Стюарт всегда был милым и беззаботным. А Габриэль намного мрачнее и... как бы это сказать... в нем постоянно что-то бурлит... Господи, я даже не могу толком объяснить все это!

Кесси была абсолютно согласна с девушкой. У нее Габриэль тоже вызывал дрожь.

— Вы любили Стюарта? — спросила Кесси и тут же покраснела, потому что вопрос был слишком личный, а значит, неприличный. — Не обращайтесь внимания, — быстро поправилась она. — Это меня совершенно не касается...

— Но я ни чуточки не обиделась, честное слово! Мне нравился Стюарт. Но любить? Нет, я не любила его. Уверена, из нас вышла бы отличная пара, и я искренне оплакиваю его смерть. Но у меня никогда не было желания выходить замуж лишь из-за отличной родословной жениха. Во всяком случае, я хотела бы выйти не потому, что дед моего деда был какой-то знаменитой личностью, а до него и его дед и прочее. О, я нормальная девушка и наслаждаюсь сезоном в Лондоне, всеми этими балами, суаре и светскими раутами, но мне никогда не нравилось, что нас выставляют напоказ, словно на ярмарке лошадей, — все осматривают и прицениваются. Было бы чудесно выйти замуж по любви, хотя такие вещи сейчас совсем не в моде. Но в моем случае это и вряд ли возможно. Мама бы поняла меня, благослови Господь ее бесценную усопшую душу, но отец совсем другого склада. И он ожидает, что я выполню свой долг по отношению к семье. Так что я давно смирилась со своей участью и не протестую.

Эвелин немного помолчала, прежде чем продолжить:

— Я знаю, что невыносимо бестактна и сую нос не в свои дела, но я просто умираю от любопытства. Вы можете не отвечать на мой вопрос, только... Вы вышли замуж за Габриэля... по любви?

Любви? Кесси бы расхохоталась в ответ, если бы ей не захотелось разрыдаться... Тут же глаза защипало. Даже сейчас, когда она немного привыкла ко всей ситуации, у нее щеки запылали от унижения, обиды и гнева, стоило лишь подумать о невыносимо высокомерной парочке —

отце и сыне. И как бы это ни было неожиданным, она вдруг ощутила внутреннюю близость именно с этой девушкой, которая так же отличалась от нее, как сажка от снега... И все же была такой же, как и она. Она и сама не успела заметить, как история ее злоключений, встреча с Габриэлем в таверне Черного Джека, его планы привести отца в бешенство своей женитьбой — все это как-то само собой вылилось на голову ошарашенной Эвелин.

Но Эвелин скрыла потрясение, чувствуя, что иначе еще больше расстроит Кесси. Она сочувственно стиснула ладошку Кесси. Разве можно было не пожалеть бедную девушку? Жизнь оказалась жестока к ней, а новоиспеченные родственники обращались с ней хуже некуда. Это совершенно несправедливо!

— В свете все знают, что Габриэль вечно на ножах со своим отцом. — Эвелин нахмурилась. — Боже, и все равно это возмутительно! Такое поведение просто недопустимо!

— Если бы это было в моей власти, я бы ничего больше так не желала, как утереть нос этой подлой надменной парочке. Если б только доказать им, что они очень и очень ошибаются на мой счет! — Голос Кесси был больше похож на шепот. Она сжимала и разжимала ладони. — Они убеждены, что я обязательно провалюсь, опозорюсь! Но, клянусь вам, этого не случится!

Тут глаза Эвелин загорелись энтузиазмом:

— Замечательно, Кесси! Это же чудесная идея! — Она воодушевлялась все больше с каждым словом. — Это же именно то, что надо!

Кесси в волнении потерла виски.

— Не понимаете? Я говорю вам, что вы правы, Кесси. Нельзя позволить этим двум возмутительным снобам победить вас! Надо постараться стать такой, чтобы самый взыскательный взгляд не нашел, к чему придраться, — настоящей леди! То есть и правда утереть им нос!

— Но как? — Кесси уставилась на свои покрасневшие от цыпок руки. — Вы забываете, что я... всего-навсего девчонка из таверны. — Боже, как же больно было выговорить эти простые, но унижительные слова! Просто язык не поворачивался. — Я не отличила бы утреннее платье от вечернего, если бы не моя служанка.

Но оказалось, что она нашла неожиданную союзницу в лице Эвелин.

— Неужели вы не понимаете? Я смотрю на вас и вижу прекрасную молодую девушку, которая может поспорить очарованием с любой из девиц на выданье в Лондоне! И если бы вы сами не рассказали мне, я бы и не подумала, что у вас было такое печальное прошлое. Да это и не имеет значения, потому что я научу вас всему необходимому, отполирую ваши манеры и обучу поведению. Я могу научить вас, как надо вести себя хозяйке вечера. Или как вести хозяйство. И не думаю, что это такая уж тяжелая задача, потому что подозреваю: у вас есть врожденный инстинкт, вы чувствуете, что уместно, а что нет.

А это уже полдела.

Прекрасную. Неужели эта милая девушка действительно считает ее красивой? Кесси чуть сама не поверила в это... Но тут же трезво напомнила себе, что было бы глупо давать расцвести подобным надеждам. И все же сама мысль о том, что она может утереть нос двум высокомерным и жестоким Синклерам, была очень соблазнительна.

Но больше всего ее вдохновляла идея стать леди, настоящей леди... Ее сердце подпрыгнуло от волнения.

— Но почему? — спросила она. — Почему вы решили помочь мне?

— У меня никогда не было настоящей подруги. После смерти мамы папа почти все время оставался в деревне. Меня отдали на попечение учителя и гувернантки, и они были моими единственными компаньонами.

Эвелин протянула руку и коснулась ладони Кесси:

— А с вами — я и сама не понимаю почему — я чувствую себя так, словно знала вас всю жизнь! Кесси улыбнулась:

— Странно, правда? Но и у меня точно такое же чувство. Глаза Эвелин засияли от радости.

— Тогда позвольте мне помочь вам, Кесси. Я буду лишь счастлива сделать это!

Кесси стиснула ее пальцы.

— Знаете, — мягко проговорила она, — мне кажется, что вы уже стали моим другом. И я с радостью приму любую помощь, какую вы мне сможете оказать.

Эвелин засмеялась нежным, звонким смехом:

— Великолепно! А теперь давайте-ка придумаем что-нибудь насчет ваших рук... Просто здорово, что истинная леди всегда носит перчатки, не правда ли?

Так началось воплощение в жизнь плана по превращению нищенки в леди.

Глава 10

В следующие несколько недель Эдмунд Синклер следил за развитием событий с возрастающим беспокойством. Леди Эвелин ежедневно заявлялась в гости. Она и Кассандра просиживали в саду почти до полудня. Хоть убей, Эдмунд не мог придумать ни одной вразумительной причины, по которой Эвелин заинтересовалась этой девкой и проводила с ней столько времени! Хотя чуть позже ему пришлось, стиснув зубы, признать, что, скинув жалкие лохмотья, невестка стала вполне презентабельной. А если уж совсем честно, то можно было бы и ошибиться, приняв ее за леди. Но он-то знал, что это не так, и не собирался доверять этой прожженной шлюхе! Особе, для которой его сын был всего лишь золотым слитком!

Сердце старика словно сжали тиски. Боже, как же ему не хватало Стюарта! Потеря Стюарта была равносильна потере Маргарет. словно умерла частичка его души. Теперь Габриэль — все, что у него осталось.

Если бы жизнь сложилась иначе! Но они с Габриэлем никогда не были близки... И не станут. Теперь уже поздно, обреченно признал Эдмунд, потому что силы у него уже на исходе. Неужели это такое преступление с его стороны — попросить сына жениться и родить наследника? Синклеры — гордая фамилия, хотя, как выяснилось, Габриэлю плевать и на это. Эдмунда ужасно печалило, доводило до отчаяния, что столь славный род вымрет, что сам он умрет, так и не увидев своего внука, но он никогда не признается в этой печали Габриэлю. Между ними — бесконечная полоса отчуждения, и герцог не знал, как положить конец их противостоянию. Даже будучи малышом, Габриэль всегда вел себя своевольно, иногда просто

агрессивно, постоянно испытывая терпение отца.

Горестный вздох исторгся из глубин его души. Эдмунд устало добрал до стула у своего стола, внезапно почувствовав себя древнее самих небес. Через открытое окно свежий ветерок донес до него звук женских голосов... и кое-что еще, отчего его сердце странно заныло, потому что он не слышал этого в своем доме долгие годы...

Звук смеха.

Габриэль уверенно поднялся по ступеням своего элегантного дома в Лондоне. Шаги его были верны, а глаза ясны, несмотря на то что сам он был абсолютно уверен, что еще никогда в жизни так не напивался.

Но даже одурманенная алкоголем совесть не давала ему покоя.

Много часов спустя он все еще сидел в библиотеке своего дома, вытянув длинные ноги. В руке он держал рюмку. На столике рядом с ним стоял хрустальный графин с бренди. Габриэль уставился на золотистую жидкость, его мысли были столь же мрачны, как и его чувства. Уличный шум давно стих, поскольку приближался рассвет.

Его возвращение в Англию прошло именно так, как он и задумал. Отец пришел в ярость от того, что его сын связал свою жизнь с женщиной из ненавистного племени янки...

Но триумф Габриэля оказался весьма кратким и принес гораздо меньше удовлетворения, чем он предполагал. И чего он совершенно не понимал, так это разъедающего чувства вины — кто бы мог подумать? — которое постоянно терзало его. В его сердце с новой остротой возродилась боль от всего того, что Эдмунд сделал с его матерью, всплыла память о годах напрасных горько-сладких надежд и разочарований... ощущение тоски и боли в сердце, с которыми жила его мать,

Он один знал об этом. И страдал вместе с ней. Габриэль не мог простить отцу ее жизни и ее смерти.

Но мысли об отце неизбежно напоминали ему о Фарли. Он тосковал по родному дому, не понимая, до какой степени ему не хватало Фарли, до тех пор, пока не вернулся туда! И все же частичка его души ненавидела этот дом.

Нет, шептал внутренний голос. Ты ненавидишь не Фарли, а воспоминания, которые всплывают там на каждом шагу... Они не хотят прятаться в дальний уголок памяти, а мучают и мучают... Слишком много их было, этих воспоминаний... о матери... о ее смерти. Он поклялся после ее похорон, что не останется в Фарли, не сможет остаться! Он выполнил то, что задумал: бросил Кесси прямо к ногам этого старого маразматика — вот тебе! А сам вернулся в Лондон.

Но теперь его терзали еще более мучительные воспоминания: о теплых губах и коже, свежей и нежной, как только что взбитые сливки, мягче лебяжьего пуха... о сладко пахнущих волосах. Вкус триумфа не был и наполовину столь же сладок, как эти губы...

Сумасшествие какое-то! Рот его конвульсивно дернулся. Он же не совсем еще свихнулся, чтобы вести себя как влюбленный юнец. Настроение его окончательно испортилось. Он сознательно ожесточал свое сердце против своей нищей, но прекрасной жены. Он не хотел никакой жены! Вот уж кто ему совершенно не был нужен, в этом он мог бы поклясться. Он и в Лондон-то вернулся, решив полностью забыть о том, что женат...

Оказалось — это легче сказать, чем сделать.

Для Кесси дни летели, словно понесшие от испуга лошади. Она научилась разливать чай, знала, что говорить при обмене любезностями и чего нельзя говорить ни в коем случае. Вечером, когда она ложилась спать, в голове у нее вертелось все выученное за эти дни. Она безумно уставала, но не сдавалась, полная решимости выиграть необъявленную схватку.

Однажды она осмелела настолько, что позволила уговорить себя Эвелин присоединиться к герцогу за чаепитием. Что они и устроили как-то в полдень. Кесси была ненавистна сама мысль, что герцог следит за каждым ее жестом. И хотя он не был откровенно враждебен, она каждой клеточкой тела ощущала его неодобрение. Пальцы Кесси дрожали так, что она боялась облить чаем свое платье, но после чаепития Эвелин буквально рукоплескала ей:

— Такое чувство, словно вы были рождены для этого! Ох, Кесси, я была уверена: все это вам по силам!

Именно тогда Кесси позволила себе то, чего не осмеливалась делать раньше: она дерзнула мечтать. И начала по-настоящему верить в то, что, несмотря на все обстоятельства и трудности, ей все же удастся построить для себя какой-то уголок счастья. Она была одета так, как ей и не снилось раньше, была в безопасности, не волновалась из-за каждого пенни, не знала чувства голода. Габриэль поклялся ей, что у нее всегда будет крыша над головой... Она цеплялась за эту жизнь, хотела верить этой клятве, потому что не видела другого выхода. И только иногда ей казалось, что однажды, когда утром она откроет глаза, все исчезнет, как красивый сон.

Как-то в конце июля Дэвис объявил о приезде Кристофера Марли, Глаза Кесси вспыхнули от радости.

— Пожалуйста, Дэвис, пригласите его в гостиную!

Несколько секунд спустя вошел Кристофер, выглядевший сногшибательно красивым в светлых панталонах и темном смокинге.

— Кристофер! Мне даже трудно выразить словами, как я рада снова видеть вас!

Кесси протянула ему обе руки. Она с трудом удержалась от того, чтобы обнять его. Не будь рядом Эвелин, она именно так бы и поступила.

Он рассмеялся:

— А я-то боялся, что вы совсем усохли тут, в деревне, от скуки. Вот и решил, что пора нанести визит и собственными глазами увидеть, как тут идут дела.

От Кесси не ускользнула тревога в глазах Кристофера. Это согрело ее сердце.

— Со мной все в порядке, — ответила она, беспечно улыбнувшись. — Мы можем с вами говорить откровенно, ведь леди Эвелин в курсе, при каких обстоятельствах мы с вами встретились... Кстати, вы знакомы?

Кристофер ловко скрыл свое удивление. Естественно, он не ожидал увидеть сцену, которая предстала его глазам. Но искренне порадовался за Кесси.

— Мы встречались несколько раз во время прошлого сезона, но я не надеюсь, что вы запомнили меня, — Он склонился над рукой Эвелин и прижал губы к ее пальчикам.

Эвелин ответила грациозным реверансом:

— Я прекрасно помню вас, сэра.

— Крайне польщен, миледи.

Когда щеки Эвелин окрасились в розовый цвет, Кристофер повернулся к Кесси. Его глаза с одобрением отметили положительные перемены в девушке: изумительно идущее ей платье из белого муслина с вышитыми на нем цветами, красиво зачесанные наверх волосы.

— Должен заметить, что вы превратились в настоящую красавицу! — не смог не восхититься он. Наступила ее очередь краснеть:

— Буду не менее откровенна, чем вы, Кристофер. В этом повинна только Эвелин.

Эвелин тут же решительно замотала головой:

— Не смейте принижать собственных достижений, Кесси! Я всего лишь советую, все остальное — ваши заслуги!

Кристофер довольно засмеялся:

— Сразу две застенчивые женщины! Да это невиданная вещь, награда из наград, выше всяких похвал! Очевидно, вы обе достигли великолепных результатов, потрудились на славу. Я в восторге!

Эвелин расцвела, но очень скоро ее улыбка увяла.

— К сожалению, — вздохнула она, — возникли два маленьких, но весьма существенных затруднения. У нас пока еще не было времени, чтобы серьезно заняться уроками верховой езды. И хотя мы и выучили все основные па большинства танцев, было бы гораздо разумнее заполучить в качестве партнера для Кесси джентльмена, тогда бы все пошло как по маслу!

Кристофер торжественно поклонился двум красавицам:

— Что ж, думаю, вам повезло, что я остановился в деревенской гостинице, ибо я полностью к вашим услугам. Буду лишь счастлив оказаться полезным.

Несколько следующих недель эта троица стала неразлучной. Каждое утро они проводили или в саду, или в гостиной. После обеда отправлялись в музыкальную комнату, где Эвелин и Кристофер успешно обучали Кесси танцевать. Вечерами выезжали на верховую прогулку по поместью. Кесси так и подмывало спросить Кристофера, видел ли он Габриэля. Этот вопрос висел у нее на кончике языка, и все же она так и не набралась смелости задать его.

Судя по всему, Габриэль намеревался навсегда остаться в Лондоне. И Кесси не знала, как ей реагировать на это: то ли обижаться, то ли испытывать облегчение. Герцог, слава Богу, тоже уехал по делам в Лондон на несколько дней. А Кристофер и Эвелин были такими славными и дружелюбными, что Кесси искренне наслаждалась их обществом. Она с нетерпением ожидала каждого урока верховой езды, хотя прошло немало времени, прежде чем она почувствовала себя уютно в седле.

Наибольшую радость ей доставляли уроки танцев. Здесь она преображалась и расцветала. Под умелым руководством Эвелин и Кристофера она уже недурно овладела менуэтом и контрансом. В тот памятный солнечный день они как раз разучивали самый скандальный танец года — вальс. Сначала Эвелин лишь напевала мелодию, показывая новые па, затем села за фортепьяно, чтобы наиграть мотив, а Кристофер кружился под ее аккомпанемент. Кесси была очарована зажигательной музыкой и начала умолять, чтобы и ей позволили на практике усвоить весь рисунок танца. Очень скоро она уловила ритм и с упоением начала повторять движения вместе с Кристофером. Кружась в такт музыке и выдвигая ногу вперед, она с упоением кружилась, чувствуя необыкновенную окрыленность. Никогда еще не ощущала она себя так беззаботно, так радостно, что могла позабыть обо всем на свете, даже о своем скрывшемся с ее глаз супруге... Она смеялась, и все плыло перед ее глазами. Внезапно музыка кончилась, и они остановились. Все еще счастливо хохоча, она склонилась в реверансе, затем грациозно выпрямилась...

На нее сыпались молнии из серых удивленных глаз.

Кристофер первым отреагировал на появление хозяина дома, хотя позже и проклинал себя за необдуманное и неуместное приветствие:

— Габриэль! Я слышал, что ты все еще в Лондоне? Что привело тебя в Фарли?

Ухмылка Габриэля не скрывала его неудовольствия:

— Могу лишь переадресовать тебе тот же вопрос, приятель. Но кажется, ответ на него очевиден.

Его взгляд скользнул по Кесси, затем снова вернулся к другу.

Пока он еще ни слова не сказал самой Кесси. Это было хлестче любой пощечины. Она почувствовала себя, как ребенок, которого поймали на чем-то нехорошем и теперь он ждет наказания розгами.

Было очевидно, что Габриэль в бешенстве. Он полагал, что сплавил свою женушку в деревню, и теперь все — можно забыть о ней. Но она почему-то не уходила из памяти, прокравшись в его мысли и заполонив их до такой степени, что он вынужден был вернуться в Фарли. Однако он совершенно не ожидал найти свою жену в объятиях чужого мужчины, тем более этого мужчины — своего лучшего друга!

И его жена уже не была той жалкой особой, какую он оставил здесь, в Шарли. Если бы он сейчас случайно встретил ее на улице, то не сразу бы и узнал. А вот дерзкий вызов в этих прекрасных золотых глазах был ему хорошо знаком.

Леди Эвелин тенью скользнула к Кристоферу и встала рядом с ним. Габриэль приветствовал ее легким поклоном.

— Леди Эвелин, — протянул он, — очень приятно видеть вас! А теперь, если вы, конечно, не возражаете, я хотел бы забрать свою жену. Надеюсь, вы извините меня. Я слишком долго был лишен ее очаровательного общества и успел соскучиться.

— Конечно! — весело ответила ему Эвелин и повернулась к Кристоферу: — Не могу ли я заинтересовать вас ранним ужином, сэр? Открою вам тайну: наша повариха печет самые лучшие в графстве пироги с голубятиной.

— Замечательная идея, леди Эвелин, — поддержал ее Кристофер. Взгляд его был так же холоден, как и у Габриэля. — Не стоит провожать нас, старина. Мы и сами отлично знаем дорогу.

Как только они вышли, Кесси резко повернулась к мужу лицом. Спина ее даже заболела от напряжения:

— Это было до неприличия грубо!

— Да ну? — Он презрительно выпятил губу. — Да что ты можешь знать о грубости и приличиях?

— Очевидно, намного больше вас.

Насмешливо-презрительный взгляд смерил ее с ног до головы, жадно впитывая все изменения в ее внешности.

— Должен заметить, янки, что ты с потрясающей легкостью вошла в роль.

Кесси вызывающе приподняла подбородок.

— Видимо, именно это и взбесило вас?

Отнюдь нет, хотя и должно было взбесить, — мысленно отметил свою странную реакцию Габриэль. Но ей он так ничего и не ответил. Все его внимание сосредоточилось на изящном изгибе шеи жены, где гладкая, словно отполированная слоновая кость, кожа встречалась с рыжевато-золотистыми локонами ее волос.

— Ты уже думала, как проведешь сегодняшний вечер, янки?

— Если вас это действительно интересует, то да. Кристофер был столь любезен, что согласился давать мне уроки верховой езды, что и делал в течение всей прошлой недели.

— Тебе нет нужды просить чужих мужчин о подобной любезности, янки. У тебя есть муж! — сдержавшись от грубости, ответил Габриэль.

— Которого, однако, днем с огнем не сыщешь! — едко заметила она.

— Теперь он здесь, так что оставим эти препирательства, янки. В любом случае, если ты так загорелась покататься, не смею разочаровывать тебя.

Разочаровывать? Да он откровенно издевается над ней! Скорее это можно назвать пыткой!

Он повернул ее в сторону лестницы.

— Иди переоденься! — приказал он. — Я буду ждать тебя у конюшни через пятнадцать минут.

Оказавшись в своей комнате, Кесси вызвала звонком Глорию. А сама в смятении рухнула на краешек кровати. С каким удовольствием она заставила бы его ждать — бесконечно долго! Но была уверена, что он ворвется и силой уволочет ее. Так что не стоит и затевать с ним подобные игры.

С помощью Глории она быстро переделалась в изящный темно-зеленый костюм для верховой

езды из бархата. И ничуть не удивилась, увидев, что муж уже ждет ее у денников. Рядом с ним стоял грум, державший за поводья двух лошадей. Сердце ее странно екнуло при виде Габриэля. Он в каждой мелочи выглядел аристократом: от носок своих начищенных до блеска сапог до складок белоснежного жабо на шее. Облегающие бриджи подчеркивали его налитые мышцы, словно были второй кожей. Широкие плечи так натянули темную ткань сюртука, что на нем не было ни одной морщинки. На лице мужа читалось нетерпение.

— Ты готова?

Она кивнула и прошла вперед, чтобы сесть на Ариэль, маленькую спокойную кобылу, на которой она ездила уже неделю. Кесси, однако, не собиралась вести себя подобно своей смирной лошадке.

— Жаль, что мне нельзя сесть на лошадь так, как это делаете вы, — вслух пробормотала она. Только, разумеется, не на его лошадь, тут же уточнила она свое желание. Черный и сильный жеребец Габриэля выглядел таким же яростным и непокорным, как и его хозяин.

Взлетев в седло, Габриэль повернулся к Кесси и презрительно оттопырил губу:

— Леди не садятся на лошадь по-мужски.

— А-а, но ведь я не леди, не так ли?

Если честно, то Кесси не ожидала ответа на свой выпад. И не получила его. Пока Габриэль ехал впереди, Кесси полностью сосредоточилась на том, чтобы не вывалиться из седла. Если бы это приключилось в компании с Кристофером и Эвелин, она бы только посмеялась и потеряла ушибленное место.

Но пережить подобное унижение перед супругом? Да ни за что! Но он ехал медленно, за что она благодарила небеса.

Оказалось, что они направляются в сторону озера. Это было единственное место в поместье, которое Кесси еще предстояло изучить. Недоброе предчувствие вдруг охватило ее. Когда они ездил втроем, то обычно покидали земли усадьбы и выезжали на открытое пространство. Слава Богу — Габриэль направил лошадь мимо озера. Кажется, он решил заехать в небольшую рожицу. Облегченно вздохнув, Кесси принялась с любопытством поглядывать по сторонам.

Габриэль не останавливался до тех пор, пока они не добрались до небольшой поляны. На ней располагалась крошечная, но уютная деревянная беседка, выкрашенная в белый цвет. Кесси даже охнула от восторга, заметив ее.

— Я и не подозревала, что здесь может быть подобная прелесть! Ее ведь совершенно не заметишь из дома, да?

Габриэль кивнул и помог ей спуститься с лошади. На ее губах заиграла довольная улыбка, потому что эта беседка была великолепным убежищем от всего мира. Шумный зяблик даже не обратил внимания на их присутствие и звонко высвистывал свою подругу на свидание. В воздухе стоял дурманящий запах леса. Вот только вид у беседки был заброшенный, краска на ней облупилась, сорняки росли прямо у ступенек, а кое-где проросли и прямо через них.

— Когда-то это, наверное, было очень милое местечко, — вслух размышляла Кесси. — Как жаль, что его так запустили!

Она склонилась над ступенькой и рукой в перчатке смела с нее засохший кусок грязи. Кесси выпрямилась и оглянулась как раз вовремя, чтобы заметить странное выражение грусти, мелькнувшее на лице супруга.

Губы Кесси шевельнулись, высказав вслух догадку.

— Позвольте, — медленно проговорила она, — это беседка вашей матери, да?

Габриэль тут же разозлился на себя. На кой черт он притащил ее сюда? Да, его мать любила этот уголок. Он вспомнил, что ей нравилась уединенность этого места, излучавшего какую-то умиротворенность.

— Да, она часто приходила сюда.

Кесси хотелось поподробнее расспросить его, потому что она часто размышляла о его матери. Она и сама не понимала почему. Возможно, оттого, что ее окружала какая-то аура таинственности... Но лицо Габриэля мгновенно стало замкнутым и отчужденным. Кесси почувствовала, что сейчас неподходящий момент, чтобы лезть к нему в душу.

Он подошел к ней:

— У тебя врожденный талант к верховой езде, янки. Как выясняется, у тебя много талантов.

Кесси облизнула губы. Хотя все это и говорилось как-то походя, без интереса, чувствовалось, что настроение у него препаршивое.

— И вот еще что. Лучше сразу признавайся во всех своих грехах. После того как я снова застал тебя с Кристофером, меня разобрали сомнения. Ты уже отдала ему то, что принадлежит исключительно мне?..

Она уставилась на него в полном замешательстве.

— Не стоит разыгрывать передо мной невинность. Ты уже спала с ним?

— Спала?! — Она даже задохнулась от возмущения. — Боже, да за кого ты меня принимаешь? Говоришь так, словно я...

— Портовая шлюха? Что ж, от грязного прошлого не так-то просто избавиться, дорогая. Но я тебя предупреждаю: я не позволю навесить себе рога. И не потерплю убудка в качестве наследника моего состояния.

Он был шокирующе груб... и до ужаса жесток. В эту секунду она возненавидела его всей душой — такой ненависти она еще никогда и ни к кому не испытывала.

— Вы сообщили своему отцу, что спасли меня от тюрьмы. Спасибо! Теперь он тоже ненавидит меня. Почему бы вам не остаться навсегда в Лондоне? Тогда бы никому не пришлось терпеть ваши приступы бешенства!

Она была права. Его темперамент взвыл не на шутку. Он злился на нее за то, что она вынудила его вернуться в Фарли. Еще больше злился на самого себя за то, что сегодня привез ее на место, которое принадлежало исключительно светлой памяти его матери.

— Мое настроение было бы иным, если бы по приезде я не застал тебя в объятиях Кристофера Марли.

— Прекратите! — прошипела она. — Вы хотите меня видеть не больше, чем я вас.

Он поймал ее за руки и двумя рывками стянул с них перчатки. Она почувствовала себя так, словно он обнажил ее душу.

Габриэль резко притянул жену к себе. Ее лицо оказалось как раз перед ним — прекрасное лицо, искаженное яростью.

— В том-то и дело, янки, — хрипловато признался он, — что я вовсе не так уж равнодушен к твоим прелестям.

Он наклонил голову. Его рот поймал ее губы в ловушку. Он снова и снова ласкал шелковистую глубину ее рта; ритм его языка становился все более диким и эротичным. Напрягшиеся руки обхватили ее и подтянули ближе и выше, так что она оказалась прижатой к его бедрам и ногам. Кесси попыталась оттолкнуть его, упершись ему в грудь, но ее попытки оказались слишком слабыми. Господи прости, но происходило нечто совершенно необъяснимое. По всем ее жилам мгновенно распространился странный огонь. Его поцелуи разжигали в ней такое жаркое пламя, что вскоре она запылала. Рот его стал более жадным, а объятия еще более страстными, но при этом и более нежными, и... странно сладостными, так что остатки здравого смысла покидали ее. Она застонала. Звук этот просочился меж их губами и стал как бы знаком того, что она слепо последует за ним, куда бы он ни повел ее.

Как сквозь туман она расслышала, как он удовлетворенно хохотнул. Щеку Кесси обдало его горячим дыханием.

— Ты стоила мне солидную сумму, янки. Так что дай мне убедиться, за что же я все-таки заплатил?

Он стиснул пальцами скрытый бархатом сосок. Она охнула, а сосок мгновенно напрягся. И — Боже праведный! — ощущение отнюдь не было неприятным. И тут она переключилась на его пальцы, такие теплые и ловкие, начавшие в спешке расстегивать крючки ее лифа.

Ее мозг охватила бешеная паника. Она-то отлично знала, к чему приводят подобные игры! У нее и без того хватает проблем! Она не может позволить ему взять ее так грубо, с такой холодной расчетливостью — без единой эмоции, кроме похоти. Если бы он любил ее, если бы заботился о ней, тогда другое дело. Она могла бы и подчиниться тому, чего властно требовало от нее его тело.

Она попыталась вывернуться из его объятий. Но он тут же стиснул ее еще сильнее.

Медленно-медленно он поднял голову и заглянул ей в глаза. На горячих губах появился намек на улыбку.

— Я всего лишь мужчина, янки, — мягко произнес он. — Ты волнуешься из-за того, что мной овладело желание:

Что ж, она имела все причины волноваться. Его жезл был налитым и готовым к любовной схватке. И частичка его разума одобряла стремление погрузиться в нее, средоточие его желания болезненно запульсировало от этой жажды. И дьявол побери все последствия! О нет, он вовсе не был равнодушен к ее поцелуям, как пытался изобразить... и как предполагал... А это значило, что он должен быть очень и очень осторожен...

Ответ он прочел в ее широко распахнутых и откровенно выражавших панику глазах. Габриэль

усмехнулся:

— Не волнуйся, янки. Не искушай меня, и я не стану тревожить тебя.

Он отпустил ее.

Удивленная Кесси тут же отскочила от него, переключив свою ярость на собственное тело, которое так предательски отреагировало на его ласки. Ее вдруг сразила жуткая мысль, только что пришедшая ей в голову. Боже всемилостивый, может ли быть так, что она такая же распущенная, как и ее мамаша? Может быть, Кесси унаследовала от нее развратные замашки?

И вдруг где-то совсем рядом раздался громкий хлопок! Ноздри тут же уловили резкий запах чего-то жженого. И почти в ту же секунду ее левую руку что-то больно ужалило. Она инстинктивно прижала пальцы к заболевшему месту.

Поднеся их к глазам, она с ужасом увидела, что они липкие и красные. Кесси непонимающе уставилась на них. Кровь!.. — словно в тумане сообразила она. И вдруг у нее не осталось никаких сил, чтобы думать. В ушах как-то странно зашумело, и звук этот становился все сильнее с каждой секундой. Что, к дьяволу... Лишь с большим опозданием ее разум отреагировал и понял, что это был за звук.

— Господи! — еле слышно прошептала она. — Меня ранили.

И упала в обморок.

Глава 11

Габриэль дотянулся до нее в ту секунду, когда ее колени подкосились. Выругавшись, он подхватил ее и скрылся со своей ношей в беседке. Напомнив себе, что должен держать голову пониже, чтобы не высовываться, он разорвал рукав ее костюма. Вытащив из кармана носовой платок, прижал его к ране и нежно стер следы крови и пороха вокруг нее.

Панический ужас тут же исчез. Слава небесам, пуля лишь слегка задела ее. Ранка была неглубокой, и кровь уже начала свертываться прямо у него на глазах. Несомненно, ее обморок — следствие шока, а вовсе не последствие раны. Он заколебался, решая, стоит ли оставить ее и броситься на поиски мерзавца. Но не захотел оставлять ее одну в таком состоянии.

Наконец Кесси шевельнулась. Воспоминание о выстреле вернулось с ужасающей ясностью. Она раскрыла глаза, но не увидела ничего, кроме сплошной черноты. Она дернулась с криком ужаса на губах.

— Боже! Только не говорите мне, что я уже умер...

Сильная и нежная рука успокоила ее.

— Нет, янки, — заявил суховатый голос, — ты не умерла. Ты жива и невредима, хотя и вообразила, конечно, что попала на небеса. — Он немного помолчал. — Тебе повезло, янки. Пуля только чиркнула по твоей руке. Кровь свернулась уже через минуту.

Ах, это же Габриэль! И находились они внутри беседки, медленно начала соображать Кесси. Он прислонился спиной к стене беседки. Она лежала у него на коленях. И он обнимал ее. Хотя было вовсе не так темно, как ей показалось вначале, но надвигались сумерки. Через пару минут ее глаза немного привыкли к полумраку беседки, и она разглядела разорванный рукав

костюма.

У нее вырвалось полусдавленное рыдание. Она перестала думать об опасности, которая все еще могла угрожать им. Все как-то разом навалилось на нее: выстрел... кровь на пальцах... испорченный костюм...

Она заплакала:

— Мой чудесный костюм... У меня никогда не было такой чудной вещи... Я так его любила... Такой великолепный .. А теперь вот испорчен...

Она уткнулась лицом в его плечо и зарыдала.

Сильная рука погладила ее по волосам:

— Прекрати, Кесси. Ну же, тише! Я куплю тебе другой, сотню других, если они так тебе нравятся...

Она стиснула зубы и не позволила вновь вырваться рыданию. И хотела четче увидеть лицо мужа. Но оно расплывалось перед глазами темным пятном. Может, это не он, а какой-то незнакомец? Он ведь назвал ее Кесси, и в голосе у него звучало нечто отдаленно напоминавшее нежный укор. И его глаза... Наверняка зрение подвело ее, потому что не могла же она и правда увидеть в них тревогу... Чтобы он тревожился из-за нее? Странно...

Она захотела сесть, но он лишь крепче обнял ее и не позволил этого сделать.

— Сиди тихо, как мышка, — предупредил он шепотом. — Лошади испугались выстрела и умчались. Стрелял наверняка браконьер, но было бы глупо рисковать. Мы побудем здесь, пока совсем не стемнеет, и лишь тогда отправимся домой.

Кесси кивнула, подавив дрожь страха. Она прижалась щекой к его груди и свернулась в клубочек, находя утешение в его силе и равномерном стуке его сердца прямо под ухом.

Прошло чуть больше часа, прежде чем они добрались до Фарли-Холла. Эдмунд стоял рядом с Дэвисом, когда Габриэль распахнул дверь.

— Проклятие, Габриэль, где вас носит? Ангус только что сообщил мне, что лошади вернулись без... — Тут Эдмунд замер с раскрытым ртом, заметив, в каком они виде. Оба с ног до головы в грязи, пыль и мокрые разводы покрывали щеки Кесси. На них отчетливо виднелись следы слез.

Челюсть Эдмунда отвисла.

— Боже милостивый, что случилось?!

Габриэль тут же поджал губы и помрачнел:

— Мы были в беседке, когда кто-то выстрелил в нас.

Эдмунд тут же внимательно всмотрелся в Кесси:

— С вами все в порядке, Кассандра?

Кесси. Кассандра. Она с трудом подавила неуместную улыбку. Наверное, это нервное, шок от

пережитого. А если она все же умудрилась завоевать хоть толику уважения у этих невеж Синклеров? Кесси кивнула, все еще не в состоянии вымолвить ни слова. И покорно стояла, пока Дэвис вызывал Глорию.

Габриэль дождался, пока возле нее захлопотала служанка, и лишь затем повернулся к отцу:

— Если позволишь, отец, я бы хотел переговорить с тобой наедине...

Он прошел в гостиную. Эдмунд проследовал за ним, аккуратно закрыв за собой двойные двери. Габриэль налил себе щедрую порцию портвейна, прежде чем повернулся к отцу:

— Не могу отделаться от мысли, отец, что этот выстрел не случаен... Судя по всему, ты жаждешь увидеть меня вдовцом...

Лишь через мгновение до герцога дошел смысл сказанного сыном. Плечи Эдмунда дернулись и расправились, словно сработала пружина, в глазах старика блеснул гнев.

— Я считал, что уже целиком и полностью могу знать, на что ты способен, Габриэль. Но чтобы ты обвинил меня в попытке убить девчонку?! — Эдмунд едва сумел справиться со вспышкой негодования.

— Я не обвиняю тебя, — спокойно ответил Габриэль.

Взрыв отца был абсолютно искренним. Кроме того, как бы отец ни бесился, он никогда не был склонен к физическому насилию.

— Возможно, никто не собирался причинить вред именно ей, — выдавил из себя герцог. Габриэль нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, ты опять рвал яблоки в чужом саду?

Габриэль мгновенно уловил намек отца, растянувшего губы в тонкой улыбке.

— Да будет тебе известно, что я всегда очень тщательно выбираю своих женщин. Ни одна из них не обременена мужем или родственниками мужского пола, которым может взбрести в голову оскорбиться и попытаться устранить меня.

— Тогда скорее всего мы имеем дело с браконьером. Надо предупредить Кассандру не ездить верхом в зарослях, пока мы не будем знать все наверняка.

— Можешь не волноваться на ее счет. Она уезжает со мной в Лондон.

Во взгляде Эдмунда мгновенно сверкнула подозрительность.

— Зачем?

— Вдовствующая герцогиня Гринсборо устраивает завтра вечером небольшой прием.

— Я в курсе. И сам собирался появиться там. Но ты не можешь взять ее туда! — Несмотря на попытки леди Эвелин отполировать манеры Кассандры, герцог все еще был настроен крайне скептически на ее счет.

Габриэль в ответ на это заявление лишь поиграл своими дьявольскими бровями.

— Приглашения вдовствующей герцогини не принято игнорировать. Как бы себе дороже не вышло. На мой взгляд, этот бал — весьма скромн, с узким кругом приглашенных. Так, пустячок перед началом сезона. Кроме того, мы с тобой уже обсуждали это, отец. Не понимаю, из-за чего ты больше кипятишься: из-за своей или моей репутации?

Эдмунд едва подавил желание затопать ногами.

— Поступай как знаешь! — буркнул он. — Но удовольствие это доставит лишь тебе, никому больше.

Он резко повернулся и размашисто вышел из гостиной.

Габриэль молча уставился ему вслед, на лице его застыло горькое выражение.

— Я так и поступлю, отец. И получу массу удовольствия. В конце концов, я давно понял, что стараться угодить тебе бессмысленно.

Он силой заставил себя думать о другом, более насущном, разглядывая янтарную жидкость в своем бокале. Затем сделал большой глоток. Возможно, отец все же прав. Но тогда возникает вопрос: кто стрелял в них? Было ли это хладнокровно рассчитано кем-то заранее или обычная случайность? Если же умысел, то кто намеченная жертва? Кесси... или он сам?

Он сильно прикусил нижнюю губу. Ему не приходил в голову ни один человек, который бы настолько желал ему смерти. Но с чего это вдруг кому-то стрелять в Кесси? Круг ее знакомств очень скуден — что здесь, что в Чарлстоне. Скорее всего выстрел был случайным, без злого умысла. И все же он не мог оставить ее здесь, а вдруг это все же рискованно?..

Наверху, в своей комнате, Кесси сидела за туалетным столиком, а Глория расчесывала ее волосы. Она хмурилась, напряженно размышляя; на переносице залегли тревожные складки, тут же исчезнувшие, как только в спальню вошел Габриэль.

— Как твоя рана?

Кесси покраснела, до сих пор смущенная тем, что так расчувствовалась в его объятиях. Она опустила глаза и принялась внимательно разглядывать позолоченную рамку ручного зеркала.

— Все в порядке. Ранка лишь чуть покраснела, но это и все.

— Отлично. Значит, можно не откладывать поездку в Лондон. Пожалуйста, вели Глории утром же упаковать твои вещи.

Она мгновенно подняла голову. А в следующую секунду уже повернулась и остановила его на пороге.

— Подождите! — выдохнула она. — Значит ли это, что... я еду с вами?

— Именно так, янки. Кстати, весь Лондон гудит, как растревоженный улей, все говорят о новой графине Вэйкфилд.

Я должен представить свету жену, иначе все решат, что я просто блефовал... И в конце концов, ты — моя жена, так что где еще твое место, как не рядом с мужем?

Он что, издевается над ней? Кесси совершенно не понимала, что происходит. Но в данный момент это было не важно. Она все смотрела на дверь, хотя он уже давно ушел. И чувствовала испуг, усталость и... возбуждение — все разом.

Кажется, ей выпало счастье наконец-то увидеть Лондон.

Городской особняк Габриэля никак нельзя было назвать скромным, хотя он не был и наполовину столь величественным, как Фарли-Холл, И все же Кесси он казался великолепным.

Купол холла при входе мягко отсвечивал позолотой, которая покрывала утонченную резьбу. Цветы и херувимы. Сразу за холлом возвышались две стройные колонны, от них вверх шла лестница на второй этаж. Библиотека казалась уменьшенной копией той, что находилась в Шарли, только ее украшали богатые панели красного дерева. В гостиной стены были покрыты не обоями, а красным шелком, ковер на полу потрясал шикарными золотыми, коричневыми и голубыми тонами. Вокруг камина, поближе к уюту пылающих дров, стояло несколько кресел и диван. Кесси была очарована обстановкой, где все словно приглашало чувствовать себя, как дома.

Она была в восторге и от своей комнаты, оказавшейся такой же милой и уютной, как и ее спальня в Фарли. Здесь преобладали бледно-голубой и желтые тона. Бросив один-единственный взгляд на кровать типа канапе, она тут же влюбилась в нее.

— Если что-то из мебели не устраивает тебя, — сухо сообщил ей муж, — можешь заменить ее. Располагайся.

Даже его мрачность не могла испортить ей настроение. Кесси пощупала желтую скатерть на туалетном столике, щедро украшенную кружевными оборками, и улыбнулась Габриэлю.

— Здесь все замечательно и без моего вмешательства, — мягко ответила она. — Я и думать не смею о том, чтобы менять здесь что-нибудь.

Именно в эту секунду она заметила дверь рядом с гардеробом.

— А куда ведет эта дверь?

Но успела и сама найти ответ на свой вопрос. Одного взгляда на скудную мебель и огромную кровать с пологом хватило, чтобы понять, чья это комната. Щеки Кесси мгновенно покраснели багровым румянцем.

— Это ваша спальня?

Он кивнул. Выражение его лица осталось непроницаемым, ни намека на то, что он действительно думал по этому поводу. Но для Кесси воздух в комнате вдруг сгустился до такой степени, что она начала задыхаться. Оба никак не прокомментировали наличие двери между спальнями.

Чему тут удивляться? Ведь оба прекрасно понимали, что никогда не воспользуются ею по назначению.

— Кстати, янки, вечером нам предстоит весьма серьезное мероприятие.

— Мероприятие?

— Да. Нас пригласили на бал к вдовствующей герцогине Гринсборо.

Он прошел к двери, затем остановился и слегка повернул к ней лицо:

— Я скоро приду, чтобы помочь тебе выбрать платье.

Кесси гордо выпрямилась.

— Я и сама в состоянии выбрать подобающий наряд, — проговорила она.

— О, я в этом и не сомневался, янки! Тем не менее буду счастлив оказать помощь своим советом.

Хотя она понимала, что он считал вопрос решенным, Кесси все равно открыла рот, чтобы решительно возразить. Что это еще за новости? Но одного взгляда ледяных серых глаз хватило, чтобы ее решимость растаяла без следа. Однако не в ее характере было покорно подчиняться чужой воле. Когда он вновь появился в ее спальне, она все еще была в халате после недавно принятой ванны. Собравшись с духом, она прошла к гардеробу и достала белое газовое платье, которое предполагала надеть. Набросив его на одно плечо, она молча повернулась к супругу, ожидая его реакции. Медленная улыбка раздвинула его губы.

— Не подойдет, — как бы дразня ее, протянул он. — Рядом с тобой в этом платье я буду выглядеть злым волком из сказки. Да и ты сама в нем слишком невинна — словно юная девственница.

Потому что это так и есть! — хотелось завопить ей. О, с каким бы удовольствием она рассказала всю правду о себе этому надменному и самодовольному типу! Но не была уверена, как он отреагирует на ее признание, так что лучше прикусить язычок до поры до времени. Стиснув зубы, она повесила белое платье в гардероб и вытащила следующее.

Оно его снова не удовлетворило: слишком уж девчоночье, не солидно как-то. Следующее он отверг из-за его простоты, еще одно показалось ему слишком официальным и чопорным. Кесси медленно начала закипать. Уже не глядя, она сунула руку в гардероб и наобум вытащила то, что попало под руку.

Габриэль задумался, разглядывая бледно-персиковое платье из шелка.

— Цвет довольно приятный, — пробормотал он. — Но мне бы хотелось, чтобы ты засияла сегодня как драгоценность, которой и являешься. Надо что-нибудь более яркое.

Снова он издевается над ней. Как же она презирает его за беспричинный яд!

— Тогда наиболее подходящим цветом будет черный! — в тон ему ответила она.

Он отреагировал знакомым жестом: брови картинно поползли вверх.

— Черный? А-а, чтобы выразить твое настроение.

— Нет, это в тон с вашим сердцем!

Подбородок Кесси был мятежно поднят, сама она готова к бою. Он лишь рассмеялся в ответ:

— Можешь довериться мне в этих вещах, янки. У меня такой опыт, какой ты приобретешь лишь через несколько лет.

Пройдя к гардеробу, он вытащил вечернее платье из шелка ярко-рубинового оттенка.

— Вот это, — кивнул он.

Кесси выхватила платье из его рук.

— Что-то вас не очень волновало, как я была одета, когда вы знакомили меня со своим отцом! — отрезала она. — Так что не понятно, с чего вдруг столько волнений из-за какого-то бала!

И попала в самое яблочко. Хотя тон муженька-тирана остался мягким, по заигравшим на его щеках желвакам Кесси поняла, что ее стрела нанесла ощутимый укол.

— Видишь ли, янки, сегодня ты будешь под прицелом всего высшего общества. Тебя будут рассматривать и оценивать так, как тебе и не снилось.

Больше он ничего не сказал, оставив ее одну.

Наконец она была готова. Глория нежно подтолкнула ее к зеркалу, а сама встала за ее спиной, восторженно всплеснув руками.

— О мэ, — выдохнула она с сияющими глазами, — вы прямо сказочная фея в этом наряде!

Какое-то время Кесси молча смотрела на свое отражение. Глория зачесала ей волосы наверх, убрав все со лба и обнажив чувственную линию шеи и плеч. Горловина платья была вырезана глубоким ромбом — спереди и сзади. По мнению Кесси, декольте было скандально глубоким, но Глория убедила ее, что это писк моды. Юбка ниспадала от лифа до туфельек мягкими шуршащими складками. И хотя Кесси вначале была решительно настроена против этого наряда, Габриэль сделал великолепный выбор, ибо о вкусе той, кто предстанет в нем в обществе, однозначно скажут: классическая элегантность.

Она почувствовала себя окрыленной, изящной, женственной... и прекрасной. В уголках глаз начали собираться слезы — так это чувство было непривычно для Кесси. А что увидит в ней Габриэль? Понравится ли ему ее новый облик? Она вдруг заволновалась.

И пришла в ужас от того, что хочет понравиться Габриэлю. С чего вдруг возникло это необъяснимое волнение, она и сама не понимала, да это было и несущественно. Но она хотела увидеть улыбку на его губах, услышать слова одобрения...

Он ждал ее в холле, нетерпеливо меряя его шагами. Кесси постаралась поскорее спуститься по лестнице, немножко побаиваясь, что споткнется, запутавшись в складках платья... Ее рука судорожно вцепилась в перила. Когда она дошла до последней ступеньки, он наконец поднял глаза.

Они уставились друг на друга — глаза в глаза. Сердце ее бешено заколотилось, она замерла на последней ступеньке словно статуя. Его взгляд вобрал ее в себя с ног до головы, затем принялся скрупулезно изучать весь ее облик. Кесси молчаливо стерпела, уговаривая себя, что это очень важно для него. Но его осмотр длился так долго, что она заволновалась: неужели она все же совершила какую-то ошибку?

Наконец он протянул ей руку.

— Сойдет, — заявил он.

Выйдя из дома, он посадил ее в карету, богато декорированную бархатом, с замечательно мягкими сиденьями. Впряжены в нее были два великолепных горячих рысака, но Кесси даже не обратила на них внимания. Как не отреагировала и на то, что Габриэль сел рядом с ней. Она отвернулась, чувствуя себя совершенно уничтоженной, раздавленной его равнодушием. Ни разу в жизни у нее не было подобного платья, это же просто сказка, а не творение человеческих рук! И она еще никогда не выглядела так... прекрасно. Поэтому она и думала — надеялась! — что Габриэль придет в восторг от ее чудесного преображения. Но на его лице не отразилось ровным счетом ничего. Ни раздражения, ни одобрения. Он остался холодным и чужим — бесчувственное бревно!

По правде говоря, дался ему этот обман нелегко. От брошенного в ее сторону первого же взгляда у него перехватило дыхание. Легкие застыли, словно забыв вновь наполниться воздухом. И слава Богу, потому что иначе ему бы с трудом удалось справиться с безумным порывом, — ему хотелось схватить ее на руки, сорвать с нее это платье, каким бы милым оно ни было, и узнать наконец, что за сладкие тайны скрывает воздушно легкая ткань.

Но он не мог поддаться на такой порыв. Не мог позволить ей одержать победу над собой. Сдаться на ее милость.

И он застыл на сиденье рядом с ней, проклиная в ту самую минуту, когда ее отчаяние достигло апогея, чертовку янки за ее красоту, за ее огромные, чарующие глаза, которые сияли предвкушением и надеждой. А еще больше он проклинал себя. За то, что был так бесконтрольно похотлив, с трудом контролируя себя. Слава Богу, он прошел великолепную школу и стал мастером по сокрытию истинных эмоций. За его спиной годы жизни с отцом.

Спасибо отцу — по крайней мере хоть какой-то прок от его равнодушия и черствости.

...Особняк Гринсборо сиял тысячью огней: и внутри, и снаружи. Кесси наблюдала, как длинная цепочка карет ожидала своей очереди, чтобы высадить гостей, медленно подъезжавших к зданию. Как вдруг поняла: они следующие! Теперь, когда наступил решающий момент, она вдруг помертвела от страха. Как там сказал Габриэль? На тебя будут нацелены глаза всего общества.

И вот их карета уже остановилась перед домом с массивными дверями. Опершись ледяной ладонью на руку Габриэля, она вышла из кареты и позволила ему ввести себя в дом.

Вскоре они остановились перед входом в бальную залу. Запахи одеколona и духов смешивались здесь с ароматом свежих цветов. Повсюду звучали смех, шум голосов.

При виде такого скопления людей ею овладела паника. Она начала дрожать. Только тут она полностью осознала, что собирается сделать: сыграть перед этой толпой роль леди! Это она-то! Когда отлично знает, что может быть кем угодно, только не леди. Господи, это же смешотворно! Болезненно понимая всю свою никчемность, она пожалела, что находится не за тысячу миль от этого дома. Но потом, машинально разглядывая толпу, заметила одно знакомое лицо. Вряд ли его можно было назвать дружеским — нет, ни в коем случае...

Это был отец Габриэля.

Как раз в этот момент мажордом объявил:

— Граф и графиня Вэйкфилд!

Она даже не поняла, что плотно прижалась к Габриэлю, словно искала у него защиты и поддержки. Но Габриэль-то ощущал это каждой клеточкой тела. И моментально разозлился и на себя, и на нее. Он-то думал прилюдно облить ее презрением и холодом, отвернуться от нее с раздраженным недоумением и оставить одну, понимая, что это приведет в бешенство отца, не спускавшего с них глаз. Но одного взгляда на побелевшее лицо Кесси и ее полные ужаса глаза оказалось достаточно, чтобы отказаться от жестокой затеи.

Он нежно стиснул ее руку на своем локте.

— Улыбайся, янки, — шепотом произнес он. Лицо Кесси перекосило в гримасе, словно такое простое движение мышц было ей не под силу:

— Н-не м-могу...

— Конечно же, можешь. Улыбнись.

Произнеся эти слова, он шагнул вперед. Позже она решила, что лишь его сила воли заставила ее держаться подобающим образом.

Последовала дюжина представлений. У Кесси закружилась голова, все лица сливались в одно. Она полуистерично подумала, что Эвелин может гордиться ею. Словно по волшебству, она умудрялась вполне вразумительно отвечать на все адресованные ей вопросы.

Молодой человек приятной внешности по-приятельски хлопнул Габриэля по плечу:

— Прекрасно понимаю, почему ты прячешь такую жемчужину от завистливых глаз... Кстати, как вышло, что мы никогда раньше не видели твою красавицу жену? Наверное, мне придется обзавестись биноклем — клянусь Иовом, я так и сделаю, потому что глупо с моей стороны прозевать такую куклолку. А я совершенно точно вижу ее впервые. Уж я бы не забыл такое лицо!

Взгляд Габриэля слегка остудил приятеля:

— Это виконт Рейберн, дорогая. Кесси склонила голову в приветствии.

— Тут нечему удивляться, виконт, — мягко ответила она. — Я раньше никогда не бывала в Лондоне.

Хотя манеры виконта были довольно фамильярны, улыбка отличалась бесшабашностью и особым очарованием.

Его бровь вопросительно поползла вверх:

— Впервые в Лондоне? Боже, что же происходит? Дьявол бы тебя побрал, Вэйкфилд! Тебе вечно везет в карты, а теперь еще и на этом фронте! Где ты отыскал свою блистательную женушку?

Прохладные серые глаза с усмешкой остановились на виконте:

— Там, где ты еще не успел побывать. За океаном.

Рейберн заморгал:

— Что? Не может быть! Вы — янки?

Габриэль лишь пожал плечами, а Рейберн вновь обрушил поток своего очарования на Кесси.

— Слава небесам, что эта проклятая война закончилась! — выпалил он. — Так что теперь можно обратить свое внимание на более приятные вещи. Сознаюсь, что не представляю себе Вэйкфилда в роли ревнивого супруга. Но с этого момента, дорогая, вы не должны позволять ему зарывать вас в деревне...

Когда к Габриэлю подошел граф Харкасл, Рейберн ловко увел Кесси от мужа.

Вот так и вышло, что отсутствие мужа рядом прошло для Кесси без особых переживаний. Но она то и дело ловила на себе взгляды то мужа, то его отца. Было неприятно находиться под столь неусыпным контролем: взгляд одного был насмешлив и высокомерен, другого — выражал холодное презрение и неодобрение. Но она совершенно напрасно волновалась, что останется в одиночестве. Стоило Рейберну отойти, чтобы принести ей бокал вина, как ее обступила группа молодых людей, жаждавших познакомиться.

Прошло совсем немного времени, и Кесси услышала властный женский голос:

— Дайте-ка мне дорогу, молодые люди! Я хочу побеседовать с леди, которую вы окружили таким вниманием.

И толпа расступилась перед ней, как море перед Моисеем.

Глаза Кесси округлились от волнения. Это и была вдовствующая герцогиня, и она, вне всякого сомнения, направлялась прямо к ней! На долю секунды все мысли трусливо упорхнули из ее головы: она просто растерялась, что же теперь делать? Но длилось это не больше секунды. В следующее мгновение она уже склонилась в глубоком и почтительном реверансе перед дамой.

— Ваша светлость!.. — проговорила она.

Герцогиня была дородной, импозантной женщиной. На голове у нее красовался тюрбан из золотой парчи со вставленным сбоку шикарным страусовым пером. Известная своей прямолинейностью, она не стала тратить времени на преамбулы, а внимательно осмотрела Кесси с головы до ног.

— Манеры у вашего муженька преотвратительные! — с ходу заявила она. — Не соизволил даже представить вас мне.

Зашуршав юбками, она уселась на маленькой банкетке и выжидающе посмотрела на Кесси:

— Ну же, дорогая! Садитесь и расскажите мне все о себе.

Улыбка Кесси вышла несколько тоскливой:

— Боюсь, особенно рассказывать не о чем, ваша светлость.

— Не стесняйтесь, дорогая. Эдмунд вскользь упомянул, что когда Габриэль нашел вас, вы уже успели стереть себе пальцы до крови, работая в Чарлстоне.

Эдмунд. Кесси не смогла удержаться. Она выпрямилась и поймала взгляд герцога, брошенный на нее из другого конца комнаты. И вздернула подбородок, словно посылая немой вызов. О, с каким бы удовольствием она уличила его в этой лжи! Но она не совершит подобной ошибки,

ибо если она что и усвоила за прошедшие недели от Эвелин, так это то, что мужчине все сходит с рук, а женщину может погубить даже легкое подозрение. Причем навсегда.

А Кесси не испытывала ни малейшего желания быть изгнанной из общества. Потому что хотела пережить и вкусить чувство принадлежности к нему, а не отверженности. Именно об этом долгие годы мечтало и молило ее сердце.

Но не в ее характере было лгать.

— Да, я была вынуждена работать в качестве платы за комнату и содержание, — ответила она.

— Боже мой! Ну, это не так уж и страшно, дорогая. Труд закаляет характер, как любил говорить мой покойный супруг. Честно говоря, в последнее время среди молодежи все реже встречаешь кого-то с характером.

Кесси слабо улыбнулась:

— Боюсь, вы правы.

— Должна заметить, что когда я впервые услышала, что Габриэль женился на вас, то решила, что это кошмарная ошибка! — Герцогиня жизнерадостно рассмеялась. — Прекрасно понимаю, как на это отреагировал Эдмунд! Габриэль всех озадачил своим неожиданным браком. Он у нас всегда был такой распутник, понимаете, но теперь-то любому понятно, почему он потерял от вас голову. Вы совершенно не похожи на наших лондонских красоток.

Кесси покачала головой:

— Вряд ли меня можно назвать красавицей, ваша светлость.

— Вот видите, дорогая... Я наблюдала за вами полвечера и не заметила никакого кокетства. Вы и не пытаетесь произвести впечатление! Мой супруг назвал бы это качество просто драгоценным, на вес золота...

В этот момент Габриэль бросил взгляд в их сторону. Ее светлость тут же подозвала его пальцем, и пару секунд спустя он уже стоял перед ней.

— Ваша светлость! — выдохнул он, склоняясь над рукой властной старухи. — Как вижу, вы уже познакомились с моей женой?

— Верно, и должна сказать, что весьма довольна твоим выбором. — Герцогиня бросила на него осуждающий взгляд. — Я только надеюсь, что ты окажешься достоин ее.

Вежливая улыбка Габриэля буквально замерзла на его губах. Он не верил своим ушам. Кажется, эта чертовка умудрилась околдовать герцогиню! А это значит, что она добилась невозможного... Она только что утвердилась в высшем обществе.

Глава 12

И это было только начало.

Габриэль сидел в своем кабинете все следующее утро за бумагами. Свой чай он так и не выпил. Бумаги тоже лежали нетронутыми. Прислуга мигом уловила, что настроение хозяина далеко от лучезарного. Они торопливо выполняли любой его приказ и тут же оставляли в одиночестве, зная по опыту, что лучше не попадаться ему на глаза, когда он кипит от гнева.

Установить причину его дурного настроения не составляло никакого труда. Ранним утром прибыл посыльный от герцогини Гринсборо с приглашением для графини Вэйкфилд. Она сегодня днем пьет чай с герцогиней. С этого момента дверной звонок не умолкал, постоянно нарушая покой в доме И груды визитных карточек и приглашений на серебряном подносе росла с каждым часом.

Когда звонок прозвонил в очередной раз, Габриэль решительно отодвинул свой стул и встал. Дьявольщина! Больше он не останется здесь ни минуты! Даже в шумных доках и то больше покоя, чем дома. Какое-то сумасшествие!

Но ему пришлось остановиться на пороге кабинета, потому что в холл вошел не кто иной, как его отец. Он передал шляпу и трость Джайлзу.

После этого Эдмунд повернулся и заметил сына.

— На ловца и зверь бежит, Габриэль. Ты-то мне и нужен.

Габриэль даже не скрывал раздражения:

— Я вообще-то собирался выйти.

— Уверяю тебя, это не займет много времени, — спокойно возразил Эдмунд.

Габриэль нахмурился, но повернулся и прошел в кабинет. Эдмунд закрыл за собой дверь.

— Полагаю, мы должны обсудить первый выход Кассандры в свет.

Глаза Габриэля раздраженно блеснули. Но он промолчал.

— Все прошло на удивление гладко, ты не находишь?

— Нормально, на мой взгляд.

— Если честно, — мягко продолжил герцог, — то и ее речь звучала без акцента, вполне приемлемо. И имя у нее не плебейское, слава Богу. И ее поведение вчера вечером заслуживает всяческих похвал.

Габриэль прищурился:

— Что ты пытаешься этим сказать, отец?

— Только то, что сказал, Габриэль. У девочки оказались способности, которых я в ней и не подозревал.

— Ну и?.. — Каждый мускул в теле Габриэля внезапно напрягся, превратившись в сталь. Его отец что-то замышлял, но что?

— Исходя из этого, я решил, что устрою через две недели бал в честь вашей женитьбы. Так сказать, официальное признание вашего бракосочетания.

Жесткая улыбка раздвинула губы Габриэля:

— О, это просто бесподобно! Ты забыл, что она американка: или решил, что пора забыть о ненависти к ним и принять ее в лоно семьи? Прижать к своей груди?

Эдмунд гордо выпятил грудь.

— Мои чувства ни на йоту не изменились, — заявил он ледяным тоном. — Я никогда не смогу позабыть, что эти проклятые янки сотворили с Маргарет и Стюартом, — никогда!

— Насколько мне помнится, отец, именно ты заявил, что новое платье не сделает из нее леди.

— Леди Эвелин многому научила ее, но даже я не понимал, до какой степени эта затея удалась — пока вчера сам не убедился, что она вела себя просто блистательно!

Габриэль стоял, словно громом пораженный:

— Леди Эвелин?!

— Да. Она была частой гостьей в Фарли в последние недели. Она и Кассандра в полном восторге друг от друга. Что они нашли друг в друге, для меня тайна за семью печатями. Странная дружба, правда? Так же, как и твой брак, должен заметить.

Габриэлю было уже не до фальшивых улыбок.

— Ты сошел с ума! — отрезал он. — Она не готова к такому испытанию и лишь опозорит себя и нас. Ты хочешь скандала?

— Позволь мне напомнить тебе, — спокойно ответил Эдмунд, — что я всего лишь продолжаю игру, которую начал ты. Именно ты женился на ней, Габриэль. Так что у тебя нет иного выхода, как постараться сделать этот брак сносным.

Глаза Габриэля не отрывались от лица отца.

— Сделать сносным? — медленно повторил он. — Скажи, отец, это именно то, что ты устроил маме?

Эдмунд ничего не ответил. Поза его была застывшей, деревянной, но лицо оставалось по-прежнему невозмутимым.

Холодная ярость овладела Габриэлем, рот его дернулся.

— Ах да, я же упустил самое главное! — ядовито добавил он. — Моя мать всегда была пустым местом для тебя, так же как и я.

Отец не стал отрицать очевидное. Не стал и защищаться.

Габриэль сверкнул на него гневными глазами и распахнул дверь.

— Поступай как знаешь, — яростно прошипел он. — Мне все равно!..

Вскоре входная дверь с такой силой захлопнулась за вышедшим графом, что стекла задребезжали.

Эдмунд медленно и сокрушенно прошел к стулу с прямой спинкой. Ноги его словно налились свинцом. И на сердце лег тяжелый камень. Ненависть в глазах Габриэля потрясла его до глубины души. Боже праведный! Он закрыл лицо руками и устало спросил себя, когда же все это началось — эта непримиримая ненависть и горечь.

И когда эта вражда между ними наконец прекратится?..

За его спиной вежливо кашлянули. Он даже не поднял головы, решив, что это кто-то из слуг.

— Оставь меня одного, — пробормотал он. — Я сам потом запру за собой дверь. Дверь захлопнулась.

— Извините, но вы хорошо себя чувствуете?

Эдмунд дернулся. Перед ним стояла Кассандра. На ее лице была написана тревога, в глазах читался вопрос. Смущенный Эдмунд тут же среагировал по закоренелой привычке: с достоинством поднялся со стула, решив ничем не выдать своего состояния.

— Со мной все в порядке, — несколько резковато заявил он. — Можешь не волноваться насчет меня и моего здоровья, девочка.

Кесси мгновенно отреагировала, гордо подняв голову.

— Как я уже неоднократно объясняла вашему сыну, — с достоинством произнесла она, — у меня есть имя, и я была бы очень обязана вам, если бы вы запомнили его.

На мгновение герцог, казалось, онемел от подобной наглости.

— Отлично, Кассандра. — Он выпрямился и снова превратился в гордого лорда, холодного и неприступного, полностью владевшего своими чувствами. Словно никогда и не предавался отчаянию. — Ваше появление здесь очень кстати. Я, собственно говоря, и пришел повидать вас.

В глазах Кесси мелькнула паника. Этот несносный и высокомерный старик опять замышляет какую-то пакость — это несомненно. Потому что добра от него ждать нечего. Но она быстро справилась со своими страхами и даже сумела одарить герцога слабой улыбкой.

— Да? Зачем же я вам понадобилась, ваша светлость?

— Я намерен устроить бал через две недели — в честь вашего бракосочетания. Так принято, это как бы официальное признание. И прошу вас помочь мне.

— Помочь? — Ее уверенность в себе, и без того не очень сильная, растаяла, словно тонкий ледок под палящим солнцем. Жуткое предчувствие холодными пальцами стиснуло ее сердце.

— Да. Я заготовил список гостей. — Он вытащил из кармана аккуратно сложенный листок бумаги. — Не сомневаюсь, что Габриэль дополнит список, но ваша помощь нужна мне, чтобы написать приглашения. . Кесси побледнела.

— Боюсь, это невозможно. — Ее голос был еле слышен.

— Прошу прощения? — Его тон был, наоборот, резким и раздраженно громким.

Кесси опустила глаза на богатый ковер. Пальцы ее нервно теребили складки муслиновой юбки.

— Б-боюсь... что н-не... смогу помочь вам. Эдмунд продолжал давить на нее:

— Не можете... или не хотите?

Его слова пронзили ее, словно острый кинжал. Но Кесси продолжала мужественно терпеть эту пытку. Господи, в горле, как на грех, запершило, к глазам подступили слезы.

— Я хотел бы получить четкий и ясный ответ, Кассандра! Она глубоко вздохнула. Делать нечего, придется вытерпеть и это.

— Могу... хочу... какая разница? Я бы помогла вам, если бы могла, но это просто невозможно, ваша светлость.

— Мне хотелось бы понять почему! Ее голос сник до полупшепота и прозвучал полузадушенным рыданием:

— Потому что... я могу кое-как нацарапать свое имя, но... это и все!

Воцарилось тягостное молчание, которое прервалось его новым вопросом:

— Вы хотите сказать, что не умеете читать и писать?..

Кесси грустно кивнула. Еще никогда в жизни ей не было так стыдно. Слезы градом покатались из глаз.

Эдмунд полез в карман за носовым платком. Найдя его, тут же сунул в ее ладошки. Он был уверен, что девушка не склонна к истерикам, но, видимо, ситуация была для нее не из легких. Его же плачущие женщины всегда расстраивали. Господи, не хватало еще, чтобы она разжалобила его! Именно его!

Он уставился на ее подрагивающие плечи.

— Ну, хватит, Кассандра. Не из-за чего так убиваться. — Он неумело попытался утешить ее, потрепав по плечу. — Это дело поправимое.

— Как? — с трудом спросила она.

— Ну а как вы думаете? Нанять учителя, конечно. Это же стоит совсем недорого...

— Учителя? Для жены графа Вэйкфилда? И полагаете, ваше высокочтимое общество упустит возможность обсудить такую дивную тему? Они будут просто в восторге! Находка для сплетников.

Он на минуту задумался:

— Вы правы. Остается лишь один выход: вашим учителем стану я.

— Вы? — Она в ужасе уставилась на него.

— Конечно. Уверю вас, Кассандра, мне это вполне по силам.

Кесси в этом и не сомневалась. Она быстро промокнула глаза его носовым платком.

— Почему? — прошептала она. — Почему вы решили помочь мне?

Он смерил ее надменным взглядом, мгновенно превратившись в неприступного и властного лорда.

— Я не позволю, чтобы весь Лондон обсуждал то, что вы не умеете читать! Видит небо, этим жадным до сенсаций хищникам и так хватает пищи для сплетен. Не стоит давать им лишнего повода позлословить.

Кесси заглянула ему в глаза.

— Тогда я попрошу вас еще об одной любезности, — медленно произнесла она. — Ничего не говорите об этом Габриэлю!

Эдмунд вздохнул:

— Хорошо, если вы так на этом настаиваете. Я ничего ему не скажу.

Кесси не обманывалась. Эдмунд взвалил на свои плечи тяжелую и неблагодарную задачу отнюдь не по доброте сердечной. Его волновало одно: не допустить, чтобы их имя безбожно трепали в свете.

Она нерешительно тронула его за рукав:

— Благодарю вас, сэра.

Эдмунд кашлянул, явно смущенный всей ситуацией. В глазах у него появилось какое-то странное выражение, которого Кесси так и не поняла.

— Насколько мне известно, — резко произнес он, — Габриэль днем всегда бывает занят у себя в конторе. Приезжайте ко мне после полудня. Заниматься начнем с завтрашнего дня.

И она начала учиться. Кесси приехала в первый день со страхом, смешанным с любопытством и восторгом. И хотя ей безумно хотелось научиться читать и писать, Эдмунду стоило лишь холодно взглянуть на нее, как она готова была провалиться сквозь землю. Но когда неделя подошла к концу, ее страхи и сомнения развеялись. Манеры герцога были чопорными и официальными, иногда он проявлял нетерпение и всегда был очень требователен. Короче, спуску ей не давал. Как и его сын, герцог редко улыбался. Но ей стало казаться, что он вовсе не такой монстр, каким она его воображала.

Исподтишка она изучала его. Виски сэра Эдмунда густо покрылись сединой. Тонкие губы аристократического рта и орлиный нос придавали лицу надменное выражение. Но для мужчины его лет он выглядел красавцем. И она невольно подумала о том, что и Габриэль, несомненно, будет его копией, когда состарится...

Ей не удавалось не отвлекаться на разные мысли. Все чаще и чаще она задумывалась: что же должно было произойти, чтобы между отцом и сыном поселилась такая непримиримая вражда?.. Стоило им оказаться вместе, как между ними сразу же возникало напряжение, которое они даже не пытались скрыть. Кесси не могла не отметить про себя, что и теперь герцог часто упоминал о Стюарте, и голос его при этом сразу же менялся — теплел. Если бы старик и Габриэль не были так похожи, то Кесси бы даже начала сомневаться, был ли Габриэль вообще сыном Эдмунда...

Однажды Кесси возвратилась после своего урока с герцогом и увидела неожиданную гостью.

— Эвелин! — радостно воскликнула она. — Вы и представить себе не можете, как я рада видеть вас!

Эвелин возбужденно стиснула ладони подруги.

— Я убедила папу, что мне пора возвратиться в Лондон. — Она счастливо смеялась. — Бедный папуля! Он ни в чем не может отказать мне!

Кесси кивнула, хотя в глубине души считала, что герцог Уоррентон такой же холодный и бесчувственный старик, как и Эдмунд Синклер. И вообразить его нежным и любящим отцом ей не удавалось. Его лицо, всегда мрачное, вселяло в нее страх.

Если бы не Эвелин, Кесси отвергла бы большинство пришедших ей приглашений. Она видела Габриэля лишь за ужином, после чего он сразу же поднимался из-за стола и с поклоном сообщал ей, что проведет остаток вечера в своем клубе. А она чувствовала себя слишком неуверенно, чтобы отправиться куда-нибудь самостоятельно. И слишком боялась допустить какой-либо промах, хотя Эвелин заверила ее, что такое нередко случается и с завсегдатаями светских салонов. С помощью и при поддержке Эвелин Кесси побывала на чае у вдовствующей герцогини Гринсборо и посетила вечеринку в саду, которую устроила кузина Эвелин — графиня Лэнгстон. И хотя Эвелин заверила ее, что она вела себя просто безупречно, Кесси до того извелась, превратившись в комок нервов, что сумела расслабиться и уснуть только к утру.

Наконец, наступил вечер бала, устраиваемого Эдмундом. Ее платье отличалось красотой и элегантностью. Мягкий шелк изумрудного цвета подчеркивал золото ее глаз и очень шел к рыжеватому оттенку волос. Крошечные, стянутые в фонарик рукава украшала блестящая серебряная тесьма. Мягкие бальные туфельки в тон платью Глория выставила у кровати, а на кровать положила изумрудный, изящно расшитый бисером ридикюль. Приняв ванну и благоухая изысканными ароматами,

Кесси сидела перед туалетным столиком, а Глория укладывала ее волосы в пышный шиньон чуть ниже макушки.

Наконец последняя шпилька была закреплена. Кесси улыбнулась Глории в зеркало:

— Ты не принесешь мне чашечку шоколада? От волнения мне кусок в горло не идет, желудок бунтует при одной мысли о еде, но вот от горячего шоколада я бы не отказалась.

— Сию секунду, мэм.

Как только девушка вышла, Кесси вскочила со стула. Разве можно усидеть на месте, когда предстоит такое волнительное событие! Не имело смысла тянуть время, поэтому она решила завершить процесс одевания. Зашла за ширму и осторожно натянула на себя платье. Она как раз сражалась с крючками на спине, когда услышала, как дверь открылась.

— Глория, — позвала она. — Видно, мои пальцы такие же неуклюжие, как и мозги. Недаром говорят: Поспешишь — людей насмешишь. Мне понадобится твоя помощь, чтобы застегнуть крючки на спине.

По ковру прошелестели шаги. Кесси молча повернулась к служанке спиной, слегка нагнувшись вперед, чтобы девушке легче было справиться с застежками. Ловкие пальцы быстро справились с этой задачей.

— Спасибо, — засмеявшись, сказала Кесси, деловито расправляя складки юбки. Затем она повернулась: — Ты так ловко управилась с этими крючками...

Серые глаза довольно сверкнули в ответ. Габриэль лукаво улыбался ей.

— Буду счастлив оказать вам любую услугу, — протянул он. — И не только сегодня.

Кесси строптиво передернула плечами:

— Могли бы и постучать!

— В собственном доме? Вот еще!

К сожалению, подходящий ответ не пришел ей в голову, и Кесси лишь гневно сверкнула глазами на мужа. Однако вся ее злость мигом исчезла, едва она посмотрела на него. Всегда красивый, сегодня он был великолепен. На нем был фрак из бархата темно-зеленого цвета, из-под которого виднелся искусно вышитый серебром жилет. Туго облегающие бриджи подчеркивали совершенную форму ног. У шеи и на манжетах пенились кружева, но это ничуть не умаляло, а чудесным образом подчеркивало его мужественность.

Она и не подозревала, что Габриэль думает в эту минуту о ней. Пока его пальцы были заняты крючками, глаза его жадно впитывали великолепную форму ее обнаженной спины. Ему лишь с трудом удалось подавить желание прильнуть губами к соблазнительной линии лебединой шеи. Хотя платье и было настоящим произведением портновского искусства, та, кому принадлежал наряд, была само совершенство. Ее шея и плечи, без единого украшения, тоже были образцом классической красоты. Такая красота не нуждалась ни в каких дополнениях. Но он не мог допустить, чтобы она выглядела нищенкой, которой нечего надеть на бал...

Габриэль вытащил из нагрудного кармана длинный плоский футляр и ногтем поддел застежку. Протянул ей, чтобы она заглянула внутрь. Кесси затаила дыхание — там лежал сверкающий бриллиант, яркий и живой, вокруг которого змейкой свернулась нежнейшая золотая цепочка искусной работы.

Он вытащил кулон из футляра, и тот повис на его пальце.

— Это должно подойти к твоему платью, янки.

Кесси стояла, покорно склонив голову, пока муж застегивал цепочку на ее шее. Он положил ладони на плечи Кесси и подвел ее к зеркалу.

— Ну как, янки, одобряешь?

Кесси была просто потрясена. Ей и в голову не приходило, что он может расщедриться на такой подарок. Она с благоговением коснулась грушевидного камня на груди. Бриллиант сверкал и переливался радужным огнем. Но если честно, то в эту минуту Кесси было не до драгоценности — какие же горячие у него пальцы! Вот о чем думала она. Казалось, они могут насквозь прожечь кожу у нее на плечах.

— Он прекрасен, — мягко сказала она. Губы ее, дрогнув, раздвинулись в слабой улыбке. — Я даже не знаю, что и сказать, кроме... как поблагодарить. Большое спасибо.

— Я же обещал тебе драгоценности, янки. Надеюсь, ты еще не забыла об этом? Хотя я и имел в виду более существенное вознаграждение.

Ее улыбка превратилась в жалкую гримасу.

— Я думала, что это... подарок, — призналась она. — А это, оказывается, нечто, за что придется платить.

— Без сомнения, и в этом нет для тебя ничего нового. И если честно, то меня вполне устраивает то, что ты можешь предложить мне в обмен. Да какой мужчина в здравом уме откажется от страстных объятий такой красотки? — закончил он, смеясь.

Кесси взвилась, словно он пронзил ее кинжалом. Боже праведный — какой же он бессердечный! Стыд, яростный и обжигающий, заполнил каждую ее клеточку. Он все еще считал ее шлюхой! Ах ты, сукин сын! Надменный ублюдок! Ярость захлестнула ее подобно волне прибой. Кесси не могла припомнить, чтобы когда-нибудь еще испытывала такую жгучую ярость.

Пальцы ее дрожали, но она все же умудрилась снять цепочку. Приказав себе немедленно успокоиться и не подавать вида, насколько уязвлена, она сумела сдержаться и не швырнуть чертов камень прямо ему в лицо. Порывисто схватила его ладонь и молча уронила в нее украшение — такая же внешне бесстрастная, как и он.

Когда же достаточно успокоилась, чтобы голос не выдал ее, обронила как само собой разумеющееся:

— Мне не нужно это украшение. Я никогда не надену его, так что лучше вернуть бриллиант в магазин.

— В чем дело? Ты предпочитаешь изумруды?

Внешне она была само спокойствие, хотя внутри все кипело.

— Я не продаюсь, милорд. И отказываюсь спать с вами даже за все золото и драгоценности мира. Более того, я уже не раз пожалела, что не осталась у Черного Джека.

Он расхохотался. Черт бы побрал эту строптивцу! Эту девку! Она имеет наглость смеяться над ним!

— О! Но я-то не верю в этот бред, янки. Ты просто забыла, как жаждала сбежать из той вонючей дыры.

— Если бы я знала, что вы такой отвратительный, презренный тип...

— Боже, янки! — протянул он издевательски, словно задумал окончательно свести ее с ума, довести до бешенства. — Твоя речь стала заметно богаче и выразительнее.

Ногти Кесси впились в ладони.

— Вы ничего... ничегошеньки не знаете обо мне! — с вызовом произнесла она. — А я не забыла ни единой мелочи!

Его рот скривился, превратив улыбку в довольно неприятную гримасу.

— Чушь! Ты заключила со мной наивыгоднейшую сделку, и мы оба знаем это! Или, может, ты уже передумала? Вероятно, нам следует раз и навсегда прояснить все неясные места и развеять все сомнения. Так что признайся мне, как на духу, янки: ты предпочла бы быть шлюхой для всех мужчин... или только для одного?

Ярость сломала, снесла все препоны в ее мозгу, и, прежде чем Кесси осознала, что делает, она влепила ему звонкую пощечину.

Это было ошибкой. Она явно погорячилась. Стальная рука крепче любых орудий пыток стиснула ее запястье и притянула Кесси к себе, да так близко, что она поневоле почувствовала всю мощь его напрягшихся мышц Кесси не осмелилась даже выдохнуть, хотя легкие уже разрывались от напряжения. То, что она ощущала сейчас в нем, внушало ей панический ужас.

— Это первый и единственный раз, когда я прощаю тебя. Ибо должен признаться: сам спровоцировал это. — Слова его резали, как лезвие острейшего ножа. — Но не смей и помышлять о чем-то подобном, иначе... очень пожалеешь о последствиях. I Он резко оттолкнул ее. На щеке у него все еще алел отпечаток ее ладони, но это лицо казалось высеченным из камня Испуганная, но внешне спокойная, Кесси молча смотрела, как Габриэль вытащил из кармашка часы, которые она когда-то пыталась украсть у него, и взглянул на циферблат.

— Пора ехать на бал, — холодно произнес он. — Поскольку бал дается в нашу честь, — с издевкой растянув последние слова, добавил Габриэль, — мы не имеем права опаздывать.

Бал подходил к концу. Хотя танцующих пар было еще достаточно, гости уже начали потихоньку разъезжаться.

Как Кесси удалось продержаться до конца, она и сама толком не понимала. Не иначе — вмешались могущественные силы и помогли ей включить второе дыхание. Она ела, улыбалась, даже несла вежливую чепуху о погоде. Весь первый час Габриэль словно приковал ее к себе цепями и не отпускал ни на шаг. Со стороны они, наверное, смотрелись счастливой и влюбленной парой. Но это длилось лишь час...

Остановившись у двери на террасу, Кесси потеряла ноющие виски. Она могла лишь мечтать о той благодатной минуте, когда сможет наконец подняться в свою спальню и рухнуть на спасительную постель. Чтобы уснуть и навсегда забыть эту проклятую ночь.

— Ха, наконец-то одна-одинешенька! Я пытался пробиться к вам весь вечер, да где уж там!

Она вздрогнула и повернулась к говорящему — Кристофер. Пару минут назад он танцевал с Эвелин. Теперь смотрел на нее восхищенным взглядом.

— Вы выглядите истинной королевой бала, Кесси! — Он улыбнулся. — Только вы и без меня об этом знаете.

И Кесси тотчас же захотелось разрыдаться. Несмотря на недавнюю стычку с Габриэлем, все сначала шло хорошо... Если бы только Габриэль не стал вдруг игнорировать ее, она смогла бы как-то пережить или даже забыть ужасную сцену! Если бы он хоть намеком дал ей понять, что она для него что-то значит...

Был момент, когда вся ее злость на него испарилась, а вместо нее возникла глубокая рана в сердце... Ведь она хотела подарить Габриэлю радость... Ей хотелось, чтобы он почувствовал себя счастливым!..

Но все ее попытки наталкивались на глухую стену равнодушия.

— Жаль, что мой супруг так и не заметил этого. — Слова сорвались с ее губ прежде, чем она успела прикусить язык.

— Неправда, Кесси. Вот уж во что не поверю, так это в подобную чепуху! Он никогда не пройдет мимо красивой женщины, уж вы-то знаете...

У Кесси из горла вырвался какой-то странный звук, словно она хотела рассмеяться, да вовремя остановилась.

— О да, — услышала она, словно со стороны, свою реплику. — Тут ему нет равных. Орлиный взгляд и повадки охотника.

И лишь в это мгновение Кристофер понял, что она ужасно расстроена. И смотрит куда-то вдаль, за его спину, через всю залу. Он повернулся и проследил за ее взглядом.

А Кесси не могла оторвать глаз от пары на противоположном конце залы. Высокая красавица с темными волосами и рядом — ее муж. Пышнотелая, с созревшей соблазнительной грудью женщина. Кесси невольно вспомнила, как Эвелин рассказывала об ухищрениях некоторых кокеток, которые обдавали паром свои платья, чтобы те облепляли их фигуру. Что еще хуже, на некоторых из этих дам под платьем не было ни нитки. Похоже, брюнетка рядом с Габриэлем была как раз из их числа, потому что Кесси через весь зал видела, как сквозь тонкую ткань торчат соски брюнетки, темнеют круги вокруг них.

Кесси не ожидала, что все это причинит ей такую боль — словно острая спица проткнула сердце. Две темноволосые головы склонились друг к другу слишком интимно. В следующее мгновение Габриэль слегка повернул голову в сторону, при этом их губы мимолетно коснулись. Ничего не скажешь, опытный сердцеед! И он улыбался — улыбался! То есть делал то, чего никогда не позволял себе в ее присутствии, если только улыбка была не с издевкой. Женщина весело рассмеялась над каким-то его замечанием и наклонилась вперед, да так низко, что Кесси не сомневалась: Габриэлю удалось не только в деталях рассмотреть грудь красотки, но увидеть все до самого пупка, не меньше!

Что там ее муженек говорил о своих пассиях когда-то давно в Чарлстоне? Есть уйма женщин, готовых пойти на все. чтобы я разделил с ними постель. Мне есть, с кем удовлетворять свои потребности. И у Кесси возникло подозрение, что брюнетка не раз побывала в постели Габриэля.

— Кристофер, — услышала она свой взволнованный шепот. — Кто эта женщина? Та, что рядом с Габриэлем? Кристофер смутился:

— Кесси...

— Скажите мне, я должна это знать! — упрямо произнесла Кесси, почти не шевеля губами.

— Ее зовут леди Сара Джейн Дэвон. Она — вдова графа Харкорта.

— И... любовница Габриэля, верно?

Господи, как же больно произносить такое! В горле жжет так, словно она глотнула уксуса. А думать о том, как Габриэль проводит время с этой женщиной, вообще невыносимо. Но почему это причиняет ей такую боль, Кесси не знала...

— Была, — сознался наконец Кристофер. — Но с момента его женитьбы не слышно никаких сплетен. Скорее всего эта связь закончилась.

Зачем он лжет? Кесси набралась храбрости и заглянула Кристоферу в глаза. То, что она там

прочла, убило последние крохи надежды, еще теплившейся в ней.

— Я все больше и больше задумываюсь, Кристофер, не совершила ли ужасную ошибку, выйдя замуж за Габриэля? Он ненавидит родного отца, но странным образом его ненависть объединила меня с герцогом, а он видит в нас лишь врагов...

К ее величайшему конфузу, голос Кесси предательски дрогнул.

Кристофер взял ее за руку.

— Не переживайте так, милая вы девочка, — пробормотал Кристофер. — Я понимаю, каково вам с этим ослом, который переупрямит самого черта. А что касается его отца, то тут много такого, о чем никто из нас толком и не знает. — Он крепко стиснул ее пальцы, пытаясь приободрить. — Только не опускайте рук. Еще рано отчаиваться. Вы еще многое можете изменить.

— Почему вас это волнует? Разве вам не все равно, как мне живется в этой атмосфере ненависти? В этом пекле, если быть точнее? — Голос ее исподволь выказал накопившуюся горечь.

Он отругал ее, но упреки его были дружескими и нежными.

— Конечно, мне не все равно, Кесси. Вы считаете, что если я друг Габриэля, то не могу или не захочу стать и вашим?

Кристофер всегда подозревал, что Габриэль так и не понял, какое сокровище попало ему в руки. Такая удача выпадает лишь раз в жизни! И Кристофер вдруг с невероятной четкостью осознал: то, против чего так яростно и страстно протестует Габриэль, как раз и нужно, необходимо ему больше всего на свете. Боже, да в этом же его спасение!

— Кончайте хандрить, Кесси. Улыбнитесь! Слышите, играют вальс? Вы просто осчастливите меня, если станцуете его со мной.

Он легонько крутанул ее. подхватил одной рукой за талию, и они завальсировали. Партнер был само очарование и остроумие и в конце концов заставил Кесси робко улыбнуться. Затем улыбка осветила все ее лицо. Пока они кружились по блестящему паркету, Кесси удалось немного расслабиться. Она даже начала получать удовольствие от танца, когда вдруг поймала на себе взгляд мужа.

Любовница уже не висела на его локте. Он же смотрел на Кесси так тяжело и мрачно, что щеки ее мгновенно запылали, а сердце испуганно заколотилось. Но тут, слава Богу, какая-то вальсирующая пара заслонила ее от пронизывающего взгляда супруга. Она облегченно вздохнула и снова отдалась танцу,

— Если ты не против, Кристофер, то я хотел бы потанцевать со своей женой, — произнес невесть откуда взявшийся Габриэль прямо над ухом Кесси. Он не просил, а требовал.

— О, пожалуйста!..

Так Кесси оказалась в руках мужа. Она бросила лишь мимолетный взгляд на его мрачное лицо и поспешила отвести глаза в сторону.

Его близость смущала. Руки его уверенно держали ее за талию. Танцевать с Кристофером было

удовольствием, а танец с мужем превратился в пытку, — так он был напряжен сам и невольно заставил напрячься ее. Все еще злится из-за пощечины? Что за идиотский вопрос! Стоит лишь взглянуть на него, чтобы узнать ответ.

— А ты, оказывается, отлично танцуешь, янки. Кого следует благодарить за это? Кристофера? Она мгновенно вскинула голову:

— А что, если это действительно так?

— Остается лишь гадать, чему еще он успел тебя научить. А может, все было наоборот? Не сомневаюсь, женщина с твоим прошлым знает уйму приемов, как доставить удовольствие мужчине.

Боже, сколько же в нем яда и жестокости!

— Кристофер — просто друг, — почти прошептала она. — Не больше, но и не меньше. И я могу поклясться в этом.

— Клятва воровки? — Он рассмеялся. — О, прошу прощения, достопочтенная миледи!..

Лишь огромным усилием воли Кесси удалось сдержаться.

— Вы предпочитаете не верить мне, это ваше дело. Но я-то знаю правду, и только это имеет для меня значение.

Губы Габриэля сжались. Господи прости, но она вела себя с ним так, словно она королева, снизошедшая до объяснений с простолудином. Столько достоинства... и надменности! Уж не его ли она копирует? Какой-то уголок его сознания возликовал: истинная графиня! Кто бы мог ожидать подобного от безродной девчонки? Это же подарок судьбы!

Да ведь она дрожит, минуту спустя сообразил Габриэль. И тут же притянул ее к себе. И хотя она чуть напряглась, он моментально почувствовал это. Дьявол бы побрал эту паршивку, в ярости подумал он. Только и знает, что сопротивляться ему на каждом шагу! И притянул ее еще ближе, как бы слился с ней.

Она умоляюще прошептала:

— Пожалуйста, Габриэль, отпустите. Это неприлично!

— Плевать я хотел на приличия, янки!

— Ну пожалуйста. Люди смотрят...

— Пусть смотрят. Ты моя жена, янки! — И его пальцы еще глубже впились в ее талию.

О да, — горько подумала она. — Жена — нежеланная, нелюбимая.

Наконец танец окончился. Габриэль отпустил ее.

— Я велел подать нашу карету к крыльцу. Жди меня в холле.

Ему не пришлось повторять дважды. Кесси исчезла в ту же секунду.

А Габриэль, не теряя времени, занялся поисками друга. И через минуту отыскал его.

Кристофер стоял на террасе, дыша свежим воздухом.

— Кажется, моя жена не нарадуется на тебя, приятель? Она нашла себе галантного кавалера в твоём лице.

Кристофер проигнорировал ядовитый тон приятеля, лишь сверкнул глазами.

— Кесси ценит вежливость в людях и хорошие манеры, — спокойно парировал он.

— Позволь повторить тебе то, что я уже растолковал ей. Я не потерплю, чтобы мне наставляли рога: ни ты, ни кто-либо другой!

Кристофер вновь и ухом не повел.

— И, как всегда, оскорбил ее своим недоверием. Не стоит недооценивать свою жену. Я кое-что объясню тебе, Габриэль, но в первый и последний раз. А ты, если ценишь нашу с тобой дружбу, прислушайся к моим словам. Кесси нет дела ни до каких проявлений чувств с моей стороны. Все, что она ждет от меня, — это понимание и доброе отношение, то есть — дружбы. Я же пытаюсь еще и утешить ее, поскольку ты сам не собираешься этого делать. Ты хоть раз задумывался, как она одинока? Каково ей в чужой стране, без друзей и знакомых, со свекром, который обливает ее презрением, с мужем, который выбрал ее в качестве орудия мести?.. Кажется, тебе наплевать на ее чувства, иначе ты не бросил бы ее одну в Фарли и не умчался бы развлекаться в Лондон!

На лице Габриэля появилась злая ухмылка.

— Для холостяка ты проявляешь завидное понимание отношений между мужем и женой!

— Я знаю одно: если бы я был женат, то моя жена не испытывала бы недостатка внимания с моей стороны. Оно положено ей по статусу, а что касается Кесси, то она ужасно расстроилась, когда увидела тебя с любовницей.

— Тут нет моей вины. Ее скорее всего пригласил отец, не подозревая о наших близких отношениях в прошлом. А ты и сам знаешь, какая она липучка. От нее и за полчаса не отвяжешься.

Кристофер вдруг расслабился. На его губах заиграла улыбка понимания. От него не укрылось раздражение приятеля. Теперь ясно, в чем тут дело.

— Кажется, я понимаю, чего ты так взбеленился, — протянул он. Теперь он даже не скрывал своих чувств и по-приятельски хлопнул Габриэля по спине. — Езжай-ка домой, дружище. И окажи супруге столько внимания и нежности, сколько требуется каждой молодой жене. Уверен, ты не пожалеешь об этом.

Но Габриэль не разделял оптимизма своего друга. Приехав домой, Кесси тут же скрылась в своей спальне. Габриэль же отправился к себе в кабинет мрачнее тучи.

Налив себе полный бокал бренди, он плюхнулся в кресло с мягкими подлокотниками. Еще по пути он открепил жабо, и теперь оно валялось на полу. Отставив бокал в сторону, он стянул с себя и фрак, который швырнул вслед за жабо. Прикрыв глаза, задумался о только что прошедшем бале и... о своей женушке. И невольно стиснул зубы: она великолепно справилась с ролью любящей жены. Когда находилась рядом с ним, не было нежнее, улыбчивее и счастливее женщины.

Тут его мысли ненадолго вернулись к леди Саре. Пылкая Сара с успехом удовлетворяла все его мужские запросы и потребность в женской ласке... до последней поездки за океан.

Вернувшись в Англию, он как-то заявился к ней, решив, что пора бы снять возникшее в чреслах напряжение. Однако на сей раз все ее обольстительные позы и уловки оставили его холодным и равнодушным. А ведь она очень хотела угодить ему! Не то что его жена. Видимо, именно поэтому леди Сара выглядела распушенной шлюхой в сравнении с его простолюдинкой женой, одетой теперь в элегантное платье, которое, однако, носила с врожденным изяществом и достоинством. Господи, кто бы мог предвидеть это?

Он одним глотком осушил бокал. Что кроется за этой проклятой тягой, которую он испытывает к Кесси? Может, просто все дело в том, что она из тех редких женщин, которым плевать на его желание и неоднократные амурные авансы?.. Он тут же горько усмехнулся над самим собой. Она не просто отталкивала его! Нет, она всем видом показывала, что он ей отвратителен...

Он помрачнел еще больше. Хотел он того или нет, но Кесси изводила его днем и ночью. И постоянно владела его мыслями... Но только мыслями.

Ярость вспыхнула в нем ослепительной вспышкой, стоило ему вспомнить, как эта зарвавшаяся нахалка отвергла его бриллиант, можно сказать, отшвырнула его! Да она же фактически... отвергла его самого! А сама... Хотя ее манеры и остались ровными, спокойными, в душе она осталась развратной и ненасытной особой! Соблазнительницей! Завораживающей сиреной, зазывно улыбавшейся каждому сопляку, который пялился в ее сторону! И сегодня их было больше чем достаточно — на этом чертовом балу!

Настроение его стало еще более мрачным, когда он вспомнил, как весело она смеялась с Кристофером. Танцевала с ним. Он не был готов к своей бурной реакции на то, что увидел ее танцующей, то есть в объятиях другого мужчины, пусть и друга. Нет, это было еще хуже! Больнее.

Ему просто осточертело смотреть на то, как все жадно плятятся на то, что принадлежит лишь ему.

Три тысячи чертей, она же его жена! Она живет под одной крышей с ним. Носит его имя. Правда, отказывается делить с ним постель.

Он резко отшвырнул в сторону бокал. Кресло опрокинулось на ковер. Подогретый выпитым и обезумев от желания, он рванулся вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Он и не подумал постучать, а просто распахнул дверь в спальню Кесси настежь.

Одетая в белую ночную рубашку до пят, Кесси стояла у кровати, собираясь задуть керосиновую лампу. Она медленно повернула голову на шум.

— В чем дело? — выдохнула она испуганно.

В тебе, чуть не ответил он, но промолчал. Лишь растянул губы в улыбке.

— Ночь еще не закончилась, янки. Откровенно говоря, она лишь начинается.

На мгновение сердце замерло у нее в груди. Тонкая рука дернулась к горлу, она едва не задохнулась.

— Что вы имеете в виду? — прошептала она.

Он медленно и со значением закрыл за собой дверь.

— Я женился на тебе, то есть ты моя, но пока формально, — мягко ответил он. — Пришла пора сделать тебя совсем моей.

Глава 13

Он шагнул к Кесси.

— Я понял, что преступно пренебрегал тобой, янки. Но теперь опомнился. Самое время выполнить обязанности, которые не зря называют супружескими.

Она побледнела, в глазах мгновенно заплескалась паника. Ее тут же замутило от страха. Она едва сумела раздвинуть губы и выдохнуть его имя:

— Габриэль...

Сердце бешено забилося. Она не могла заставить себя даже пошевелиться, едва осмеливалась дышать. Казалось, спальня съежилась от его внезапного вторжения. Его рубашка была расстегнута, обнажая мускулистую грудь до пояса.

— Ты справилась с ролью леди так, что комар носа не подточит, янки. И я просто сгораю от любопытства: вдруг ты не менее блестяще справишься и с ролью жены и... любовницы?

Их взгляды встретились: ее — нервный и неуверенный и его — пылающий вожделием и полный решимости. От того, что она прочла в его глазах, у нее запылали щеки.

— Вы, наверное, шутите? — прошептала она.

— Серьезен, как никогда. Если уж ты столь безупречно сыграла роль любящей жены перед обществом, то сможешь разыграть ее и для меня лично.

Кесси почувствовала, что задыхается, словно кто-то затянул петлю на ее шее.

— Но мы с вами заключили сделку!

— Я передумал, янки.

— А я нет!

Она с ужасом смотрела в его глаза — холодные глаза, в которых не было и намека на доброту и нежность.

— Трусиха! Тебя неплохо поднатаскали, как вести себя в приличном обществе. Надо же убедиться, что и в постели ты не ударишь в грязь лицом. Ведь тебе есть чем порадовать мужчину, а, янки?

— Нет! — выпалила она. — Я... не легла бы с вами, будь вы даже последним мужчиной на земле!

Глаза от ужаса, казалось, заняли пол-лица и блестели от слез. Габриэль рассвирепел, но в то же время его смутило ее странное поведение. Что за игру она затеяла? Если бы он не знал, кто она и из какой грязи ее пришлось вытащить, то мог бы подумать, что она страшится объятий мужчины. Словно это ее первая ночь. Глупости! — тут же отмахнулся он от идиотской

мысли. — С ее-то прошлым остаться девицей? Ха-ха!.. Все, что угодно, только не это.

— Так, значит, не легла бы со мной, даже если бы я был последним мужчиной? Отлично, янки, потому что у тебя и будет лишь единственный мужчина. Я! — Он остановился в двух шагах от нее. — Подойди ко мне!

Кесси не шелохнулась. Она уже знала, как на нее действуют его поцелуи... Правда, не представляла еще, каково это, когда ее коснутся его руки... Кажется, сегодня придется испытать и это...

В его голосе прозвучала язвительная насмешка:

— Не подозревал, янки, что ты не понимаешь смысла столь простых фраз.

Кесси покосилась на дверь, мысленно измерив расстояние до нее. Если рвануться к выходу изо всех сил...

— И не думай. Сбежать тебе не удастся.

Несмотря на решительное выражение лица, голос его смягчился. Кесси судорожно набрала полные легкие воздуха, пытаясь справиться со все растущей паникой. Но он уже оказался рядом — настолько близко, что она почувствовала жар, исходящий от его тела, и ощутила теплое дыхание на своей щеке.

Кесси отчаянно хотелось попятиться назад, но она не посмела. И лишь оцепенела, когда его дерзкий палец очертил контуры ее лица и линию подбородка. Затем он смело спустился вниз по шее, погладил ее плечо...

Кесси замерла: что-то у них решительно изменилось... Его прикосновения стали волнующе теплы и странно нежны — легче пуха, словно он хотел усыпить ее страхи и соблазнить...

— Почему ты всегда так яростно сопротивляешься мне, янки? Именно мне?

Кесси не ответила. Если честно, то она не могла даже здраво рассуждать в этот момент. Все ее существо сосредоточилось на пальцах Габриэля, который зачарованно гладил ее ключицу. Кожа Кесси стала вдруг поразительно чувствительной и запылала. Голова кружилась, сердце сладко ныло, и Кесси как никогда раньше ощутила себя женщиной, рядом с которой находился мужчина... да еще какой!

Его пальцы скользнули по горлу Кесси. А в следующую секунду они уже оказались на обнаженных плечах жены и страстно притянули ее к груди.

— Я не забыл, как у нас все произошло в Чарлстоне. Ты тогда тоже разыгрывала из себя недотрогу. Словно тебе это даже противно... Но меня не одурачишь, янки! Я точно знаю, что ты тоже была очень не прочь...

Она протестующе замотала головой:

— Неправда! Ничегошеньки я не чувствовала! И появилась там только потому, что Черный Джек угрожал вышвырнуть меня, если откажусь!

На какую-то долю секунды его глаза зло сверкнули. Но уже через мгновение это выражение сменилось темным пламенным обещанием, которое испугало ее еще больше.

Он медленно растянул губы в улыбке.

— Черного Джека не было с нами в комнате, янки. И как я ни старался, мне не удалось забыть то, что случилось между нами.

А его руки уже по-хозяйски обняли ее талию. И голова начала клониться к ее лицу.

Кесси открыла рот, чтобы решительно опровергнуть его выдумки.

— Зачем вы так? — Вопрос, как стон, вырвался у нее из груди. — Ни за что не поверю, что вами овладела страсть. Я же для вас лишь вещь, пешка в вашей игре! И... в тот день, когда мы заключали сделку, вы сами сказали, что не хотите меня!

Его ладони нырнули в ее волосы и заставили поднять лицо.

— Ты явно недооцениваешь себя, — пробормотал он и впился в ее губы.

Его поцелуй оказался неожиданно нежным. И все же она упрямо стиснула губы, сопротивляясь произволу. Но он оказался бесконечно терпелив.

— Умница, именно так, сладкая моя... А теперь открой ротик чуть шире, счастье мое...

Их дыхание смешалось. Кесси была абсолютно беспомощна против любовной атаки такой мощности. Сладостная нега сотрясла все ее тело, когда он прижался к ней так, что она ощущала каждую его мышцу — невероятно широкую грудь, пылающие любовным жаром бедра, взбухший жезл, трепетавший меж ними.

Она охнула, когда его язык обвел контуры ее губ, чтобы затем дерзким захватчиком ринуться в медовые глубины рта и заявить свои права и на него...

Одно движение опытных пальцев, и воздушная ночная рубашка Кесси соскользнула вниз, улегшись пышными волнами у щиколоток. Она инстинктивно попыталась прикрыться, из последних сил защищая себя и свою попорченную скромность. Но Габриэль безжалостно прижал ее руки к бокам, не разрешая и этого. С хриплым смешком он стиснул ее ладони.

— Не поступайте так!.. — Она презирала себя за мольбу в голосе, но ничего не могла с собой поделать. Что еще остается, как не молить его о пощаде?

— Почему? — Его голос звучал приглушенно, ибо он прижимался губами к ее горлу. — Господь свидетель, я дорого заплатил за эту привилегию.

Габриэль и не смог бы остановиться, — это все равно что остановить по приказу сердце. Она была бесподобна, какой и оставалась в его памяти. Волосы ее разметались роскошными, густыми прядями по плечам, груди и спине; ее нагота была столь призывной, что только идиот отказался бы от такого лакомого кусочка. А Габриэль на свой разум не жаловался. Грудь у нее была небольшая, но совершенной формы, темно-розовые соски дерзко торчали среди янтарных прядей. Золотистая поросль между ног отмечала начало пути к ее главному сокровищу.

Кровь зашумела, забурлила в его жилах, оглушая его. Его жезл, и без того уже налитой и удерживаемый лишь тесными бриджами, запульсировал с такой силой, словно готов был взорваться лишь от предвкушения этого прекрасного тела.

Он отстранился от нее, но лишь на секунду. Его ладони обхватили ее грудь. Он с наслаждением

чертил круги вокруг нежных сосков. Бутоны мгновенно вздернулись и затвердели. Кесси закусила губу, потому что они болезненно заняли, впервые зажив своей жизнью, чутко реагируя на его близость. И в ту же секунду Кесси пережила пронзительное наслаждение.

Она простионала прямо ему в губы. И это еще больше распалило его. Не прекращая поцелуя, он приподнял ее и уложил на кровать.

Отуманенная необъяснимо сладостными ощущениями, Кесси не сразу пришла в себя и открыла глаза, лишь когда его туфли со стуком упали на пол. Она не сумела отвести взгляд от мужа, в спешке стягивавшего с себя рубашку. Мерцающий свет керосиновой лампы играл бликами на его могучих плечах и мускулистых руках. У нее мгновенно пересохло во рту. Она с удивлением уставилась на его грудь и живот, густо заросшие волосами. Тут ее взгляд беспомощно метнулся еще ниже, потому что он снял и бриджи.

Она уже видела его раздетым... Но никогда — возбужденным...

Глаза Кесси округлились. Она охнула. Ей и в голову не могло прийти, что желание у мужчин выражается так откровенно и... достигает таких невероятных размеров! Невежественная в сексуальных делах, Кесси поняла лишь одно: любовный орган ее мужа чудовищно огромен, он поднялся вверх, недвусмысленно заявляя о своем возбуждении. Только в этот миг ей многое стало понятно... Святые небеса, да как же он войдет в нее? Он же просто разорвет ее пополам!

Она и рванулась бы, да только опоздала. В следующую секунду он уже оказался на ней. Его руки, словно стальные клещи, стиснули ее. Он словно хотел, чтобы их тела срослись...

— Прекратите! — закричала она в отчаянии. — Немедленно прекратите!

Он громко расхохотался:

— Кончай свои игры, янки! Я не идиот и вижу, что ты тоже хочешь меня. Хотя ты и стараешься скрыть это, только глаза выдают тебя. Да и как я могу не чувствовать, как ты дрожишь подо мной от вожделения? И губы у тебя стали такими сладкими, мягкими, зовущими... Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя.

Она попыталась оттолкнуть его, упершись ладонями в широкую мужскую грудь.

— Если я и дрожу, то только потому, что мне отвратительна сама мысль, чтобы переспать с таким, как вы! Я не хочу вас, слышите? Не хочу!

Холодные серые глаза тут же подернулись изморозью. Он буквально пришил ее к кровати, навалившись всем телом.

— Очень жаль, коли так, упрямица моя редкая, потому что я решил воспользоваться супружескими правами и от своего не отступлюсь...

Выработанное годами самообладание покинуло его. Кесси мгновенно почувствовала в нем темную, яростную силу, которая всегда заставляла ее бояться мужчин. О Боже, что же она наделала, где совершила ошибку? Надо было прикусить язык и помалкивать, ведь теперь он просто обязан наказать ее!

Он возвышался над ней, как опасный в гневе зверь. Лед из его глаз давно истаял, теперь они сверкали похотливым огнем. Остатки рассудка подсказали Кесси, что сегодня ей никак не избежать постельной кары.

— Нет! — упрямо прокричала она и забилась под ним, правда, без особого успеха.

Что-то она делала не так, в результате все только испортила, ибо от природы он не был жестоким человеком. Жестким, требовательным, властным — да, временами — безжалостным, но не садистом. Ее воспаленный мозг сумел даже припомнить, как совсем недавно в беседке в Фарли, когда в них стреляли, он склонился над ней, и лицо его искажилось в тревоге за нее. И когда ее чуть не смыло за борт, он ринулся спасать ее и пригвоздил своим весом к палубе, а ведь очень легко мог бы оставить ее на произвол судьбы. Хотя его и не назовешь добрым и внимательным, но он мог быть очень нежным...

Но сейчас в нем не было и следа мягкости. А была лишь целеустремленность страсти, так пугавшая ее.

Его рот снова впился в нее — горячий, необузданный и требовательный. Она содрогнулась. Через некоторое время она уже перестала понимать, когда кончался один поцелуй и начинался следующий. Казалось, они соприкасались каждой клеточкой. И она не переставала ощущать его напрягшийся жезл на своем животе.

Его ладони снова завладели ее грудью. Она охнула, когда его пальцы сомкнулись на сосках, потягивая, поглаживая, потирая их, словно дразня. Она вцепилась в его напрягшиеся плечи. Внизу живота возникло странное тянущее ощущение. Пока она прислушивалась к себе, за побаливающий сосок принялись его губы. Его язык медленно обвил нежный бутон. Кесси даже оцепенела от неожиданности. А его губы полностью сомкнулись на этом чуде природы и... Габриэль начал сосать его, словно дорвавшийся до груди младенец. И эти потягивания... оказались восхитительными, полными неги... Кесси откинула голову и заморгала. Возле сосков покалывали тысячи крошечных иголок — невероятно, но ее грудь стала каким-то пульсирующим центром возбуждения. Но стоило лишь ей отдаться на волю этой потрясающей волны удовольствия, как его рука двинулась дальше.

Его пальцы, не стыдясь, трогали ее между ног! Намеренно. Откровенно. Ему и в голову не приходило, что он действовал слишком напористо, что эта женщина не имеет никакого сексуального опыта.

Кесси напряглась и застыла, невольно стиснув бедра, защищая их от наглого вторжения. Она была потрясена до глубины души. Это уж слишком! Ни один джентльмен не станет так себя вести с леди! Тут она пришла в себя и вспомнила...

Он же по-прежнему убежден, что она портовая шлюха!

Он думал, что она ничем не лучше своей матери. Эта горькая истина пронзила ее, и Кесси чуть не задохнулась от гнева. Это стало последней каплей. Этого она просто не могла вынести.

— Нет! — прорыдала она. — Будьте вы прокляты!

Она изо всех сил толкала его в плечи. Но это было все равно что пытаться сдвинуть стену замка, и ее жалкие попытки не принесли результатов.

Он лишь поднял голову. В глазах его снова застыло бесстрастное выражение, а рот искривился в неприятной ухмылке.

— Почему ты все время борешься со мной? — недоуменно спросил он. — Почему отказываешь мне, своему мужу, в том, что свободно дарила другим?

И не дал ей даже крохотного шанса ответить. В ту же секунду он приник к ее губам с яростью и страстью. Он поймал ее ладони и переплел ее пальцы со своими, прижав их к матрасу по обе стороны от головы. И раздвинул коленом бедра.

Резким и страстным рывком он вторгся в нее, ощущая лишь невероятное облегчение, что наконец оказался там, куда жаждал попасть.

Какая она невероятно тугая... даже странно. Пока он размышлял над этим, из ее горла вырвался крик боли.

Осознав, что произошло, Габриэль замер. Разум подсказывал ему: надо отступить, пока не поздно, но тело решило по-своему. У него не было сил сражаться с темной страстью, которая овладела им, с огнем, пылавшим в нем с того самого момента, когда он впервые увидел ее. Раскаленное желание требовало высвобождения. Застонав, он задвигался, сначала медленно, затем быстрее, пока не достиг апогея. Он задрожал и наконец излился в нее.

Габриэль первым пришел в себя. Скатившись с нее, он тут же потянулся за бриджами.

— Как такое могло случиться? — тоном обвинения спросил он. — Черный Джек сам предложил мне твои услуги. Как же ты оказалась девственницей?

Она медленно открыла глаза. Выглядела она униженной до такой степени, словно ее только что втоптали в грязь... Его губы дернулись. Отвращение к самому себе на вкус напоминало пыль...

Он молча смотрел, как она потянулась за простыней, сбившейся в ногах. Заметил, как она дрожит. Одним рывком он прикрыл ее наготу. И молча проклял себя за проявленную слабость. И ее — за то, что не сумела защититься.

Кесси старалась не смотреть на него.

— Черный Джек не заставлял нас спать с посетителями, если мы не хотели этого. В этом не было нужды, потому что Нелл всегда охотно подрабатывала и обслуживала всех желающих... — Ее голос стих до шепота. — И моя подруга Бесс делала это ради денег, чтобы прокормиться. Она умерла за несколько дней до вашего приезда. Я... я бы не хотела окончить жизнь так, как это выпало ей...

— Так почему ты не сказала мне правду? Все это время ты позволяла мне считать тебя опытной в обращении с мужчинами!

Наконец Кесси осмелилась бросить на него беглый взгляд. И успела лишь заметить его напрягшийся подбородок. Он еще смеет обвинять ее! Она медленно села в постели, прикрывая грудь простыней.

— Позволяла? — Ее глаза потемнели. — Вы не скрывали, что думали обо мне, милорд. Называли меня воровкой. Считали меня шлюхой. — Боже, до чего же больно произносить все это вслух! — Скажи я вам правду, вы бы все равно не поверили. Вы верите лишь в то, во что вам хочется верить.

А ведь она права! — молча размышлял Габриэль. Однако уже поздно что-либо менять, все равно сделанного не вернуть.

— Тем не менее, — раздраженно произнес он, — этого бы никогда не случилось, если бы ты была со мной честной с самого начала., .

Глаза Кесси вспыхнули от ярости.

— Хотите сказать, что это остановило бы вас? Кого вы хотите одурачить? Плевать вы на меня хотели! Я уже давно поняла, что главное для вас — настоять на своем, а до всего остального вам нет дела! Ненавижу вас, слышите? Не-на-ви-жу! — Тут ее голос сорвался на визг: — И оставьте меня в покое!

Габриэль посуровел.

— Ты права, янки. — На его лице вновь появилась бесстрастная маска, а голос прозвучал совершенно ровно: — Это не должно было произойти. И можешь быть уверена: подобное не повторится!

Глава 14

Следующее утро было пасмурным и мрачным, под стать настроению Кесси. Она ворочалась, ее подсознание не желало просыпаться, требуя передышки, но перед глазами так и мелькало то, что она изо всех сил старалась забыть. До чего же судьба сурово наказывает ее! Кесси раскрыла глаза и тут же наткнулась на свидетельство того, что произошло вчера в этой спальне.

На полу возле стула валялась ее ночная рубашка.

Кесси вскочила, чтобы подобрать ее. Натягивая рубашку через голову, она ощутила в теле знакомый жар. И в деталях вспомнила, как Габриэль одним махом снял ее. Кесси тут же попыталась остановить поток воспоминаний, которые были по-хлестче ночных кошмаров. Но ничего у нее не вышло: пережитое вставало перед ее глазами, словно наяву. Он видел ее обнаженной. Господи прости, да он же трогал ее повсюду! И с содроганием вспомнила, как его горячий, пульсирующий жезл разорвал ее девичью плоть — пронзил ее до самого основания!

Кесси закипела от гнева и каких-то иных смутных чувств. Отрешиться от событий прошедшей ночи не удавалось, они продолжали сводить ее с ума. Она устала лежать на голубой атласный полог кровати, и горло у нее судорожно сжалось. При холодном свете дня Кесси успела пожалеть о вырвавшихся сгоряча словах ненависти. Несмотря на все случившееся, она не ощущала ненависти к Габриэлю. Что она ненавидела, так это его дурацкий план унижения отца... А вот его самого она... жалела.

Как бы Кесси ни была неопытна в постельных делах, она инстинктивно понимала, что все могло выйти гораздо лучше, нежнее... не так ужасно, если бы он остался с ней после всего, обнял бы и утешил, приласкал и согрел своим теплом... Если бы проявил к ней нежность и внимание...

Из-под ресниц сами собой полились слезы. Все это лишь если бы... Он же вместо этого оставил ее одну... Как всегда...

В дверь робко постучали. В спальню вошла Глория, неся поднос с вкусно пахнущей сдобой и пузатым серебряным кофейником с горячим шоколадом. Кесси смахнула горькие слезы разочарования и потянулась за халатом. Глория недоуменно покосилась на нее, когда заметила, что она так и не притронулась к круассанам. Шоколад, который Кесси успела полюбить, не развеял мрачного настроения. Горячая ванна, из которой она вышла через час,

тоже мало помогла снять боль в ноющих мышцах...

И ничто не могло утолить боль, занозой застрявшую в сердце.

Она испытала невероятное облегчение, когда, сойдя вниз, узнала от Джайлза, что Габриэль уже уехал в свою контору в порту и, вероятнее всего, не вернется до вечера. Кесси не была уверена, как герцог отреагирует на ее своеволие, но все же прибыла на их урок гораздо раньше назначенного срока. Хотя Эдмунд редко высказывался на эту тему, Кесси чувствовала, что он доволен ее успехами. Она очень быстро усвоила алфавит и уже начала связывать короткие слова в предложения.

Сегодня же все пошло наперекосяк. Кесси поняла, что не в состоянии сосредоточиться. Ее мозг был оглушен целым клубком чувств, сомнений и страхов. А вдруг Габриэль решит вернуться к ней в постель? Его обещаниям нельзя верить. Прошлая ночь — яркое тому подтверждение. Ее передернуло, стоило лишь вспомнить о пережитой боли, о его напрягшемся теле, ритмично вонзавшемся в нее... Ей вовсе не хотелось испытать что-либо подобное еще раз, но какой у нее выбор? Протесты на него не действуют, горько вздохнула она. Тут Кесси совершенно некстати вспомнила кое-что из того, что рассказывала болтушка Нелл. Если ей можно верить, конечно. Она утверждала, что мужчина может взять женщину за ночь не один раз, а несколько! Кесси пришла в ужас. Такого ей не пережить!

Ее мозг в отчаянии заметался, не видя выхода из тупика, и она сникла, как и погода за окном. В какое-то мгновение она чуть не расплакалась, но уже в следующее вспылила и наговорила лишнего герцогу, сделавшему ей замечание из-за орфографической ошибки. Эдмунд закрыл толстенную книгу, лежавшую перед ним, и отодвинул стул.

— Не вижу смысла продолжать сегодняшний урок! — сердито пробурчал он. — Возможно, завтра вы будете больше настроены извлечь из него пользу.

Устыдившись, Кесси молча собрала свои вещи и попрощалась. В карете она прижалась лбом к обитой бархатом стенке, чувствуя себя опустошенной. Боже, этот день когда-нибудь кончится? Она с щемящей тоской подумала о благословенном моменте, когда сможет забраться в постель, закрыть глаза и отгородиться от всего мира.

Неожиданно карета дернулась и остановилась, да так резко, что Кесси слетела на пол. В полном замешательстве она поднялась на ноги и открыла окошко, чтобы узнать, в чем, собственно, дело.

— Томас, — позвала она кучера. — Что случилось? Почему мы стоим?

Томас спрыгнул с козел. Прямо перед ним, откуда ни возьмись, возник мужчина, одетый в грязные лохмотья. Лицо у него было худое и все в оспинах. Кесси и глазом не успела моргнуть, как наглый оборванец замахнулся на Томаса, в его руке тускло блеснул металл. Святые небеса, да это же пистолет! Не прошло и секунды, как рукоять пистолета с размаху опустилась на висок Томаса. Кучер беззвучно рухнул на мостовую.

Кесси вскрикнула и кинулась открывать дверцу. Но ее опередил тот самый оборванец. В один прыжок он оказался перед ней, распахнул дверцу и расплылся в злорадной ухмылке:

— Та-ак, что тут за птичка прячется?

Сердце Кесси ухнуло вниз. Во рту все сразу запылало так, что язык прилип к нёбу. Она повидала немало бандитских рож в Чарлстоне. Законченный негодяй, вор, а возможно, и

убийца, так что пощады от него не жди. Такого не разжалобишь, но попытаться все же стоит.

— Пожалуйста, сэр, — умоляюще произнесла она, и голос ее предательски задрожал. — У меня нет ни денег, ни драгоценностей.

Дурочка, так ведь можно все испортить, мелькнуло у нее в сознании. И она вспомнила о золотом кольце на среднем пальце. Хотя ее брак и был пародией на супружеские отношения, ей невыносима была даже мысль, что ее обручальное кольцо отнимет этот негодяй. Кесси спрятала руки в складках платья. Бандит довольно ухмыльнулся, обнажив щербатые, почерневшие зубы:

— Не волнуйся, пташка. Уж я найду, чем у тебя поживиться. — Он обшарил ее глазами. — Хм, а ты аппетитная штучка! Мы с тобой неплохо развлечемся, куколка, прежде чем перейти к делу.

Кесси отпрянула раньше, чем он захлопнул дверцу. В следующую минуту просвистел кнут. Лошади рванулись. Сумасшедшая скачка — и это посреди Лондона! — так отбросила ее назад, что она с размаху ударилась затылком о стенку.

Но Кесси некогда было обращать внимание на боль. Безумный ужас охватил ее. Боже праведный! Неужели она попала в руки сумасшедшего маньяка? Чего он хотел добиться, выкрыв ее подобным образом? Ведь очень скоро выяснится, что она сказала правду, — ничем ценным она не владеет, не считая дорогого платья на ней да обручального кольца на пальце! Так в чем же дело?

Логичный ответ на этот вопрос заставил ее содрогнуться. Они с грохотом мчались по улицам Лондона; карета с каждой минутой набирала все большую скорость. Она слышала возмущенные крики, вопли, полицейские свистки и проклятия. Вскоре они выехали за город, где дорога была более свободной от транспорта. Карета накренилась, делая крутой поворот, и именно в этот миг Кесси приняла решение. Не могла же она сидеть сложа руки! Кто знает, что задумал этот маньяк и какая участь ждет ее?

Она решительно распахнула дверцу и прыгнула.

Приземлилась Кесси неудачно, больно ударившись о придорожный камень. Мелкие камешки впились в ладони, словно тысяча маленьких кинжалов. Несколько драгоценных минут было потеряно, чтобы восстановить дыхание и встать на ноги. После чего она почти вслепую бросилась в сторону небольшой рощицы.

Но удача отвернулась от нее. Сзади раздалась площадная ругань, и карета с шумом остановилась. Кесси изо всех сил рванулась вперед. Длинные юбки путались в ногах, неровная почва за дорогой тоже мешала бежать. Ветки кустарника хлестали по лицу. Она споткнулась и упала, расцарапав колени и ладони до крови. За ее спиной шумно топал похититель. От отчаяния Кесси затряслась в рыданиях и вскочила на ноги.

Похититель бросился на нее. Его пальцы вцепились в рукав ее платья. Раздался треск ткани. Вывернуться Кесси не удалось, потому что он схватил ее другую руку и вывернул так, что она закричала от боли. Грязные ругани насильника впились в ее предплечья.

— Сука! — плюнул он. — Думала, сумеешь удрать от меня?

Он поволок ее к карете. Она упиралась, лягалась и вырывалась, но все напрасно. Отчаявшаяся Кесси открыла рот и завопила так, что на миг оглушила бандита, хотя и понимала, что это глас вопиющего в пустыне. Кто ее тут услышит?

Похититель резко крутанул ее, чтобы повернуть к себе лицом, и с размаху врезал ей кулаком по лицу. Кесси рухнула на колени и ощутила на языке привкус крови. Взбешенный бандит ощерил свои гнилые зубы. Он прямо-таки излучал зло — пакостное и зловонное, как запах из его рта.

— Я хотел отложить тумачи на потом, после того как мы с тобой развлечемся, — прошипел этот ублюдок. — Но придется, видимо, убить тебя сразу, раз ты такая прыткая!

Он замахнулся своим кулачищем. Кесси закрыла глаза в ожидании удара. Внезапно послышался топот ног.

— Стой! — прозвучал голос. — Отпусти девушку, слышишь? Немедленно отпусти ее!

Кесси распласталась на земле. Для нее эти слова прозвучали райской музыкой. Спасена!

Вечерело, когда Габриэль вернулся домой. В холле он остановился и долго смотрел на лестницу. Выражение его лица выдавало тревогу и несвойственную ему неуверенность.

Его не радовала перспектива встречи с женой. Весь день совесть не давала ему покоя. И никуда не деться от холодной самооценки, понимания идиотизма его поступков и редкостной слепоты. Он не мог забыть ее взгляда, когда уходил от нее. Оставил ее одну! В таком состоянии! Перед глазами то и дело возникал ужас в ее глазах, когда он вторгся в нее. Боже, что же он натворил? Она была такой узкой... В его ушах снова и снова звучал ее крик...

Его мучило от отвращения к самому себе. Он давно должен был догадаться, что она невинна. Кто-нибудь более внимательный и догадался бы, горько подумал он. Ведь все признаки были налицо... Как она робела, когда он целовал ее! Его же это умиляло. Как она несмело откликнулась на его поцелуй... Да вспомнить только, как округлились ее глаза, когда она впервые увидела его обнаженным... Воистину, если Бог хочет наказать, он отнимает разум!

И это он, воображавший себя величайшим знатоком женщин и несравненным любовником, не раз хваставшийся своими победами! Нет, это какое-то безумие! Мужланы и то проявляют больше внимания к своим партнершам! А он просто содрал с нее одежду! Куда, к дьяволу, подевались его манеры? Что, кроме отвращения, может испытывать сейчас его жена, так и не узнавшая, что в постели можно таять от блаженства, содрогаться не от боли и омерзения, а от движения к пику страсти...

Он овладел ею как шлюхой. А ведь она ему жена, не важно, как у них все сложилось, — она его законная жена...

Габриэль редко терял самообладание. И сейчас откровенно проклинал себя за то, что позволил желанию отмести прочь все доводы рассудка. Нельзя было допустить того, что случилось между ними. Он выругался про себя. Все у них с самого начала пошло не так, как он задумал. Но полностью он осознал это лишь прошлой ночью. Но больше он не допустит ничего подобного!

— Добрый вечер, милорд.

Габриэль поднял глаза и увидел перед собой дворецкого.

— Добрый вечер, Джайлз. Моя жена у себя в спальне?

— Нет, милорд. Она еще не возвратилась.

Тугой узел в желудке слегка расслабился. Какое-то время он страшился, что мог сломить ее дух. Слава Богу, этого не случилось.

— Понятно. Она выехала куда-то с леди Эвелин?

— Не знаю, сэр. У ее сиятельства нет привычки сообщать, куда она направляется во время своих послеобеденных прогулок.

Глаза Габриэля превратились в щелки.

— Послеобеденные прогулки? Так она выезжает каждый день?

На верхней губе дворецкого выступила нервная испарина.

— Да, милорд.

— И вы только теперь сообщаете мне, что она исчезает каждый день, и в доме никто понятия не имеет, где она? Джайлз смущенно кашлянул.

— Думаю, сэр, что кучер Томас может рассказать вам совершенно точно, куда они ездят. Сам я его не расспрашивал, потому что если бы должен был знать это, то миледи обязательно поставила бы меня в известность...

— Понятно.

Дьявольщина! Габриэль неожиданно пришел в ярость. Эта паршивка околдовала всю его челядь. Готовы смотреть ей в рот, словно оттуда посыплются розы! Неужели он единственный в доме, кто не поддался ее чарам?

— Извините, милорд, — деликатно кашлянув, снова заговорил Джайлз. — Но я уже начинаю волноваться из-за ее сиятельства. Она всегда была очень пунктуальна... до сегодняшнего дня.

Рот Габриэля сжался.

— Когда она уехала?

— Как всегда, милорд, почти в час.

— И ни разу не упомянула, куда направляется?

— Никак нет, милорд. Она лишь сказала, что вернется, как обычно.

Габриэль сдвинул брови на переносице и задумался. Женщины обожают ездить по магазинам, да только вряд ли эти прогулки объясняются так просто. Кесси ни разу не похвасталась хоть одной обновкой, да и чеки ему не приходили. Так где же она бывает?

Возможно, точнее будет спросить... с кем? Но ему не пришлось ломать голову над этой загадкой, ибо в эту минуту прозвенел колокольчик на двери. Джайлз пошел открывать, и на пороге возник коренастый сержант полиции. Рядом с ним стояла маленькая фигурка. Габриэль был потрясен. — Боже праведный! Кесси!

С ней явно случилась какая-то неприятность. Платье порвано и испачкано грязью. Лицо блее

мела, со следами слез на щеках. Волосы растрепаны и в беспорядке рассыпались по плечам.

Она нерешительно шагнула вперед. Но, видимо, так ослабела, что чуть не рухнула к его ногам. Габриэль импульсивно обвил ее руками за талию и прижал к себе.

Ее тело послушно прильнуло к нему. Маленькая рука вцепилась в лацкан его камзола, а лицо уткнулось в плечо. Габриэль всем телом ощутил, как ей страшно и как она пытается успокоиться.

Он тихо спросил:

— С тобой все в порядке?

Ее волосы защекотали ему подбородок, когда она кивнула.

Полицейский вступил в разговор:

— Боюсь, произошел несчастный случай, милорд. Ваша жена возвращалась домой, когда на вашего кучера напали, ударили чем-то тяжелым и оглушили. В это время вашу жену похитили.

— Похитили?! — Габриэль был в шоке.

Он опустил взгляд на Кесси. Где это ее черти носили? — в ярости спросил он себя. — Искала приключений на свою голову? И с кем это она проводит время каждый Божий день? Ладно, все это он выяснит позже.

Он повернулся к дворецкому:

— Джайлз, проводи, пожалуйста, миледи в ее комнату. И будь добр, проследи, чтобы ей сразу же приготовили горячую ванну.

— Будет исполнено, милорд.

Дворецкий шагнул вперед и согнул руку в локте. Глаза его наполнились нежностью.

— Миледи?..

Как только Кесси с Джайлзом удалились достаточно далеко, чтобы не слышать его, Габриэль повернулся к сержанту совершенно преобразенным: каждая его черточка была словно высечена из камня.

— А теперь поподробнее, сержант. Вы утверждаете, что мою жену похитили?

— Да, милорд. Когда кучера оглушили, бандит вскочил на козлы и, зная, что ваша жена осталась в карете, погнал лошадей так, что Господи спаси того, кто попался ему навстречу. Эти бандиты — та еще шайка, им все нипочем, ничего не боятся! Просто счастье, что я оказался рядом и бросился за ними. Вашей жене удалось выпрыгнуть из кареты на полном ходу, но бандит заметил это и остановился. Тут как раз подоспел я.

— Он не успел ничего сотворить с ней?

— Нет, милорд, она заверила меня, что нет. Напугал, конечно, до полусмерти. Бедняжка, ей пришлось натерпеться страху!.. — Грудь сержанта распирало от гордости: — Даже и не знаю, что могло случиться, не подоспей я вовремя. Обобрал бы ее до нитки — это само собой, а что

еще у него было на уме, о том только Бог ведает.

— Весьма благодарен вам за своевременную помощь, сержант. Надеюсь, вам удалось поймать негодяя? Тут сержант слегка смутился:

— К несчастью, пока я помогал вашей жене подняться, бандит скрылся. — Полицейский покрутил головой. — Теперь ищи ветра в поле. Уж он постарается спрятаться так, что его днем с огнем не сыщешь. И убегал так, что пятки сверкали. Конечно, спасался от виселицы.

— Поня-ятно... — протянул Габриэль. — А скажите, сержант, на ваш взгляд, это похищение было случайным, не спланированным?

Полицейский удивился:

— Спланированным? Вы имеете в виду, что кто-то хотел похитить именно вашу жену?

— Совершенно верно.

Сержант с минуту подумал, почесывая подбородок.

— Вряд ли, милорд. Скоро сюда добредет ваш кучер Томас — у него, слава Богу, рана не очень серьезная. Так даже для него эта история — полная неожиданность. Бандит словно выскочил из-под земли. Надеюсь, вы понимаете, милорд, что богато одетые джентльмены и леди — постоянная приманка для этих негодяев?..

Габриэль согласно кивнул и проводил сержанта до двери:

— Позвольте еще раз поблагодарить вас, сержант. Я буду очень вам обязан, если вы сообщите мне, удалось ли схватить этого мерзавца.

— Будьте уверены, милорд. Если его схватят, я тут же дам вам знать.

После ухода полицейского Габриэль решительно направился в спальню Кесси. Он остановился на пороге, загородив весь проход. Глория как раз вылила последний кувшин горячей воды в сидячую ванну, пар от которой поднимался к потолку.

Кесси застыла у окна. Габриэлю почему-то показалось, что она стоит там с тех самых пор, как вошла в спальню. И ни слова не проронила, низко склонив голову и одной рукой все еще придерживая порванное место на платье.

— Кесси...

Жена и служанка одновременно повернулись к нему. Глория тут же сделала книксен, а Кесси продолжала молча стоять. Он подошел к ней.

— Ты, наверное, проголодалась? — начал он. — Приказать, чтобы принесли поднос сюда?

Кесси отвернулась.

— Нет, — шепотом ответила она. — Я не голодна. Тут подала голос Глория:

— Если позволите, сэръ, может быть, миледи выпьет немного горячего шоколада? Она очень любит его и пьет каждое утро.

— Спасибо, Глория. Проследи, чтобы его приготовили и принесли сюда, ладно?

— Конечно, сэр.

Габриэль догнал шуструю служанку на пороге и что-то прошептал ей на ухо. Затем вернулся к Кесси и положил руку поверх ее пальцев. Они были ледяными.

— Ванна готова, Кесси.

Она испуганно взглянула на него. Габриэль вдруг улыбнулся:

— Я ведь обещал тебе, что однажды мы обязательно примем ее вместе?

Ужаса, мелькнувшего в ее широко раскрытых глазах, не заметил бы только слепой. Улыбка Габриэля тут же погасла. Его глаза скользнули по ее губам — таким мягким и слегка приоткрытым. Желание прильнуть к ним, проникнуть в сладость ее рта на мгновение овладело им с яростной силой, так что ему пришлось подавить этот несвоевременный всплеск эмоций. Ни на минуту не расслабляйся, — приказал он себе.

— Тебе нечего бояться, — успокаивающим тоном сказал он. — Не такой уж я похотливый козел, каким ты меня воображаешь.

Он не дал ей времени ответить, потому что принялся энергично расстегивать крючки на ее спине. Она не сопротивлялась, но покрасневшие щеки выдавали смущение. То, что она безропотно подчинилась, лишний раз свидетельствовало о том, какое потрясение ей пришлось пережить. К тому времени, когда он закончил раздевать ее, Габриэль уже снова был мрачен: ее гладкую кремовую кожу покрывало более полусотни уродливых синяков и царапин.

Кесси вспыхнула, когда он поднял ее на руки и усадил в ванну. Она понимала, что тщательного осмотра не избежать, и лишь постаралась сесть так, чтобы грудь была полностью скрыта водой. Она до сих пор болезненно стеснялась своей наготы и нервно вздрогнула, почувствовав его прикосновение. Тыльной стороной ладони он провел по ее щеке, затем твердые пальцы приподняли ее подбородок и повернули к свету так, чтобы получше рассмотреть синяк. Его палец погладил опухшую с правой стороны губу:

— Это все... дело рук этого бандита?

Ее ресницы опустились в знак согласия. Она подтянула колени к груди и промолчала, потому что никаких комментариев и не требовалось.

Габриэль и сам не понимал причин слепой, безрассудной ярости, овладевшей им. Решил, все дело в том, что такое незащитное создание обидел человек, намного сильнее... А вовсе не потому, что ему это небезразлично. Но задержавшийся у глаза нерв выдавал всю глубину испытываемых им чувств.

— Ты сможешь узнать его, если вдруг увидишь снова?

Кесси передернуло. Тепло горячей ванны уже успело согреть ее мышцы и слегка успокоить раненую душу. А тут ее словно снова сунули под ледяной душ:

— Да... Нет... — Она смутилась, внезапно растерявшись: — Н-не з-знаю...

Габриэль молча подал мочалку и отвернулся, предоставив ей тот минимум интима, о котором

молили ее глаза. Кесси поспешно вымылась, сходя с ума от волнения, что он мог в любую секунду повернуться к ней лицом. Внутренний голос взывал к разуму, ведь теперь это не имело никакого значения. Он уже видел то, что, кроме него, не видела ни одна душа. И трогал ее так, как ни один мужчина, по ее понятиям, не должен касаться женщины... Рука с мочалкой вдруг застыла на уровне груди. Сердце ее странно затрепетало.

Часть ее разума отчаянно жаждала, чтобы он наконец ушел и оставил ее в покое. Но другая часть молила, чтобы он остался, потому что ей было страшно оказаться в одиночестве. Однако его близость беспокоила, поскольку живо напоминала о событиях прошлой ночи... Боже, неужели это было этой ночью? Кажется, прошла целая вечность!

Габриэль словно читал ее мысли. Вся она была перед ним, как прозрачное стеклышко. Вот плеск воды прекратился. Он оглянулся через плечо и увидел, что она смотрит на него — грустно и просяще.

Он справился с жаром, вспыхнувшим в крови и заставившим мгновенно напрячься пах. Ее плечи поблескивали от влаги. Никогда раньше он так остро не реагировал на женщину, никогда так сильно не ощущал себя мужчиной, самцом... Да ведь и женщина, надо признать, была особенной. Вот его мужское эго и рвется в бой в неукротимом желании овладеть ею. Но именно ее нагота, заставлявшая его собрать в кулак всю силу воли, чтобы не натворить глупостей, и спасла ее — уязвимость стала лучшей защитой от него.

Только он мог так решительно вскинуть брови: — Закончила?

Она кивнула. Опершись на края ванны, она встала и чуть повернулась, чтобы ожидавшее ее необъятное банное полотенце обернулось вокруг всего тела.

Сначала ее окутала мягкость махровой ткани, затем тепло его рук, поднявших ее из ванны и поставивших на коврик. Кесси послушно замерла на месте, пока он насухо вытирал ее. Банщик из него получился великолепный, касался он ее легко и осторожно, особо нежно промокая те места, где были синяки. Но она все равно вспыхнула — так это все было ей внове. Наконец он надел на нее мягкую ночную рубашку и отнес в кровать.

В дверь постучали Габриэль открыл ее и принял из рук Глории поднос. Кесси обхватила руками плечи, чувствуя себя, несмотря на ночную рубашку, раздетой. Габриэль кивком указал ей на стул у камина. Она послушно прошла туда и села. Он протянул ей тонкую фарфоровую чашечку и кофейник. Сладкий аромат шоколада распространился по комнате и дразняще защекотал ноздри.

Кесси глотнула горячую сладкую жидкость, радуясь, что руки хоть чем-то заняты. Она не заметила, что пронзительные серые глаза внимательно следят, чтобы она выпила все до последней капли. Она допила и подняла взгляд.

Он успел снять камзол и засучить рукава, обнажив сильные, мускулистые руки. У нее вдруг странно заныло под ложечкой. Габриэль оперся локтем на каминную полку — непринужденная мужская поза. Он первым нарушил молчание:

— Джайлз сообщил мне, что все последние недели ты ежедневно выезжала на прогулку. — Он не спускал с нее глаз. — Почему же ты ни разу не упомянула мне об этом?

Хотя он и говорил спокойным тоном, чувствовалось, что просто так ей не отвертеться. Кесси вздохнула и собралась с духом. Когда он хмурится, так легко испугаться.

— Я не знала, что вам это небезразлично. Габриэль помрачнел еще больше:

— Это не ответ. Будь любезна, скажи мне, где ты проводила все это время? Особенно меня интересует сегодняшний день.

Кесси запаниковала. Она не могла выложить ему все, не раскрыв причины. Он ведь не отвяжется, пока не узнает ответа на вопрос С какой целью?, а как раз этого она и хотела избежать. У него и так сложилось о ней превратное мнение. Стоит ему узнать правду, и она вообще превратится в грязь под его ногами.

— Почему ты такая упрямая, а? Черт побери, янки, я волнуюсь за тебя, за твою безопасность! Это же Лондон. Здесь море всякой швали и бандитов, а тебе вздумалось разгуливать по городу в одиночку!

Она все еще старательно избегала его взгляда.

— Можете не волноваться из-за меня. Я не бродила по улицам, как вы себе вообразили. И... до сегодняшнего дня все было в порядке.

— Тогда почему ты скрываешь от меня, где была?

Складки вокруг его рта побелели от злости, когда она упрямо помотала головой. В два прыжка он оказался перед ней. Взяв у нее из рук чашку и кофейник, он отставил их на полку, схватил ее за плечи и поставил перед собой.

— Ты с кем-то встречалась? — По тому, как она вздрогнула, он понял, что угадал. — С Кристофером? И поэтому боишься сказать мне? Это было любовное свидание?

— Нет! — возмутилась она. — Кристофер — мой друг, не больше. Могу даже поклясться в этом на распятии, если это способно хоть как-то убедить вас.

— Тогда с кем?

Его терпение подходило к концу. Глаза его метали молнии. Кесси боролась со слезами, из-за которых в горле возник горький ком.

— Я была... у вашего отца, — прошептала она. — Я проводила у него ежедневно пару часов после полудня.

Габриэль застыл, словно изваяние.

— Что?.. Ты и мой отец? Надеюсь, это шутка?

Сгорая от стыда, она проронила:

— Это... все... потому, что я... не умею читать.

В комнате на несколько мгновений воцарилось молчание.

— Святой Иисус! Уж не хочешь ли ты сказать, что он учил тебя?

— Да! — Неужели он такой бессердечный, что заставит ее повторить все сначала? — Да, он учит меня сам, чтобы никто не проведал об этом. Чтобы о вас не начали сплетничать на каждом углу.

Злость Габриэля бесследно исчезла. Он шумно выдохнул:

— И почему же ты решила скрыть это от меня?

— Почему? — едва не плача, спросила она. — Мне что, запрещается защищать себя от новых унижений? Представляю, как бы вы повеселились, узнав, что я не умею читать! Ликованию не было бы предела! Новая причина и меня растоптать, и батюшку вашего довести до белого каления, не так ли? Бедняжечка оборванка янки, которую я подобрал в сточной канаве без единого гроша, к тому же и понятия не имеет, что люди давно изобрели алфавит! Абсолютно невежественна!

Он поморщился:

— Насколько я могу судить, единственная, кто язвит по этому поводу, это ты...

— О, стоило вам только узнать об этом чуть раньше, все бы так и случилось! Я ведь отлично помню ваши поступки.

К великому огорчению Кесси, храбрая отповедь настырному муженьку была слегка подпорчена — по ее щеке поползла предательская слеза. А за ней еще одна, потом следующая.

— Признайтесь, что все бы так и было!

Ей так не хотелось, чтобы Габриэль видел ее в минуту слабости. Надо же было так глупо разреваться. Давно хотелось высказать ему в глаза все, что накопело на душе! Сказать и отвести душу — и нате вам, слезы! Но силы вдруг разом покинули ее. Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Беспомощная дура!

Медленно-медленно, словно боясь вызвать у Кесси новый всплеск возмущения, Габриэль нежно обнял ее за плечи. Ее пальцы судорожно вцепились в его рубашку — так утопающий хватается за соломинку. Он уже смелее склонился над ней, поднял на руки, сел в кресло и поудобнее устроил ее у себя на коленях.

Всей кожей он ощущал, как она пыталась справиться со слезами. Тщетно...

— Извините, — захлебываясь, произнесла она. — Все вышло так, как я и боялась... с самого начала... Я действительно обуза... Вы, наверное, уже успели пожалеть, что тот бандит не прикончил меня на месте? А он именно это и собирался сделать... Сам сказал... Боже, лучше бы ему это удалось!

Габриэль окаменел.

— Никогда не говори такие жуткие вещи! — Его шепот выражал искренний ужас. — Не смей даже думать об этом!

Он погладил ее волосы, провел костяшками пальцев по впадинке позвоночника. Постепенно начало сказываться действие лауданума. Она недоуменно попыталась подвигать плечами.

— Что-то со мной не так. — Отуманенный мозг девушки продолжал сражаться с сонливостью. — Я себя как-то странно чувствую.

Кончиками пальцев он убрал влажные от слез пряди медовых волос с ее щек.

— Все в порядке. Я попросил Глорию добавить в шоколад несколько капель лауданума, чтобы

тебе спокойнее спалось. Без кошмаров. Ты просто расслабься, не противься его действию.

Кажется, его объяснение успокоило ее. Ее ресницы, темные и все еще в капельках слез, начали слипаться. Вскоре она затихла у него на руках.

Он поднялся, донес ее до кровати и осторожно опустил на матрас. Затем заботливо укрыл одеялом. Хотел уже выпрямиться, когда она вытянула руку и вслепую нашла его ладонь.

— Не покидайте меня, Габриэль. Мне страшно одной. Она неожиданно раскрыла глаза. И пока он смотрел на нее, они снова наполнились слезами.

— Почему вы так ненавидите меня? — хриловато спросила она. — Вы так и будете всю жизнь ненавидеть меня?

Габриэля словно с размаху шарахнули железной палкой в солнечное сплетение. Он замер, а в сердце впились стальные когти вины. Еще никогда раскаяние не терзало его с такой силой.

Его вдруг пронзила такая острая боль, что, казалось, он задохнется, ибо не решался даже сделать вдох. Иисусе, что же она такое творит с ним?

Кристофер тоже попал под ее чары. Так же, как и вдовствующая герцогиня Гринсборо, как Джайлз. Боже праведный, кажется, ей удалось покорить даже его упряма отца! Какой же магией владела эта малышка, если околдовала всех, с кем так или иначе общалась?

Если он не дурак, то отпустит ее на все четыре стороны. Пока не произошло чего-нибудь ужасного. Пока ей не причинили такую боль, какой она просто не переживет. Идиот, ядовито заметил внутренний голос, ей уже причинили боль.

Что-то темное и зловещее зависло над его душой. Он презирал те эмоции, которые Кесси неизменно вызывала в нем. Он годами выработывал в себе привычку существовать с сердцем, закованным в глыбы льда. И его бесило все то, что он начал вновь чувствовать благодаря ей. Все то, что она заставляла его испытывать. Он не хотел этого.

Но пусть ему плюнут в лицо, если он отвернется от нее!

Он вздохнул, и этот горестный вздох означал капитуляцию. Сняв с себя ботинки, он прилег на кровать рядом с ней и вытянулся на одеяле. Затем пристроил ее голову у себя на плече. Лежа на кровати, Габриэль уставился на тени, мечущиеся на потолке, рассеянно поглаживая ее спутанные волосы одной рукой и неосознанно меряя другой ее стройную талию.

А ведь именно она имеет полное право ненавидеть меня! — мрачно подумал он. Как ей только пришла в голову дикая мысль, что он ненавидит ее? Желает ей смерти? Тут Габриэль застыл, сердце его похолодело от мрачной догадки.

Бог ведал, он не желал ей зла, тем более смерти. Но что, если кому-то она мешала так, что тот пойдет на все, чтобы уничтожить ее?..

Глава 15

Несколько дней спустя они вернулись в Фарли.

Решение переехать туда Габриэль принял на следующее же утро после нападения на Кесси. Потому что так и не смог избавиться от подозрения, что это не обычная попытка ограбления,

как утверждала полиция. У него кровь начинала закипать, стоило подумать, что по улицам Лондона бродит убийца, которому, вероятно, заплатили за убийство Кесси. С каким наслаждением он собственноручно придушил мерзавца или разорвал бы его на куски!

Но Габриэль уже давно не мальчик, бросающийся во всякие авантюры. Это позволительно лишь безрассудной юности. Так что он не станет никого обвинять и делать поспешные выводы, пока нет доказательств. Возможно, все его подозрения беспочвенны — тем лучше. Но он дал объявление в газете о награде — на тот случай, если подонка поймают. А еще нанял сыщика, которого отправил в Чарлстон. Он не сомневался, Кесси рассказала все, что знала: ее матери наверняка не было известно, кто отец ее дочери, и почему эта подлая тварь бросила ребенка. Но если в ее прошлом есть хоть какая-то зацепка, которая объяснит нападение, он хотел бы докопаться до истины. Возможно, существует какая-то связь между выстрелом в Кесси и похищением, а значит, надо выявить ее. В любом случае в Фарли легче заботиться о безопасности Кесси, чем в многолюдном Лондоне. Он, правда, ничего не сказал жене о своих тревогах. К чему лишний раз волновать ее, тем более что доказательств у него никаких.

Хотя любой нормальный человек охарактеризовал бы его поведение по отношению к жене как очевидную влюбленность, Габриэль не признавался в этом даже себе... особенно себе.

Шли дни, недели. Он пытался держаться подальше от красотки, своей собственной супруги, сохраняя прохладцу в отношениях с ней, но чувства его были весьма далеки от холодности... Какое там! Она слишком сильно действовала на него, чтобы можно было забыть о ней. Он никак не предполагал, что придется держать в узде желание, которое она постоянно возбуждала в нем. Жить рядом с ней стало такой пыткой, что не приведи Бог: вот она, под рукой, а трогать не смей!

Всякий раз, когда она входила в комнату, все мужское в нем остро реагировало на нее. Кровь начинала бешено пульсировать, отчего он не мог не раздражаться, более того — приходил в ярость. Во всем, что касалось Кесси, его эмоции вышли из-под контроля. Случайное прикосновение, аромат ее духов, шелест ее платья тут же разжигали огонь в его чреслах.

Но хуже всего было то, что спали они разделенные лишь тонюсенькой стенкой. Даже во сне ему не было покоя. Его память услужливо подсовывала восхитительные видения ее тела, и он тосковал по ее губам, нежным и сладким, как первые ягоды земляники. У него оказалось такое богатое воображение, что он почти ощущал ее под собой, губы его заново переживали вкус ее кожи, а руки словно вновь сжимали ее грудь. Сводило с ума то, что он мог во всех деталях вспомнить, как ее плоть туго обнимала его возбужденный пенис... Сотни раз он просыпался с плотью твердой, как мрамор, и готовой излиться в ее лоно... Нет, Габриэль не забыл потрясающую ночь, которую они провели.

Она тоже ничего не забыла.

Кесси с облегчением вздохнула, когда они покинули Лондон. Суматошная жизнь столицы совсем не импонировала ей. Столько пришлось посетить балов и раутов, что на всю жизнь хватило бы, — и все как один скучнейшие. Люди, с которыми ей довелось беседовать, поражали своей пустотой, за исключением нескольких действительно интересных собеседников. Но после ужасного нападения она стала бояться любой тени, любого незнакомца. Так что отъезд в Фарли заслужил ее полное одобрение.

Ей нравилась тишина и умиротворенность поместья, свежий деревенский воздух и пышная зелень. У нее появилось новое хобби — прогулки верхом, которые внесли замечательное

разнообразие в ее провинциальную жизнь. Она часто скакала на пару с Эвелин, которая вместе с отцом тоже вернулась в Уоррентон. Если же Эвелин не могла составить ей компанию, то Кесси сопровождал грум. Так приказал Габриэль.

Но жилось ей в Шарли теперь совсем не так, как раньше. Все изменилось. Конечно, напряженность в отношениях с Габриэлем существовала и раньше. Но ощущалась и разница: теперь у нее чуть сердце не выскакивало из груди, если он оказывался поблизости. И он постоянно занимал ее мысли, как она ни пыталась выкинуть его из головы.

Поведение Габриэля было совершенно непредсказуемым. Сегодня он был вежлив и любезен, завтра же вел себя так отчужденно, что хотелось плакать. Кесси гадала, появится ли он снова у нее в спальне. Сама мысль об этом заставляла ее трепетать, но от возбуждения или от страха — она и сама не понимала.

Прошлым вечером он, например, проводил ее до самой спальни. У двери она робко пожелала ему спокойной ночи. Кесси предполагала, что он тут же уйдет к себе, однако Габриэль продолжал стоять с опасными огоньками в глазах.

Сердце ее опалил страх. Что это за огонь? Пламя желания? А может быть, злости? Она и в лучшие моменты не страдала от самомнения. А с ним вообще перестаешь быть в чем-то уверенной. Возможно, он по-прежнему считает ее вульгарной? Эх, если бы она хоть чуточку была похожа на Эвелин — светловолосую, милую и утонченную! Ей казалось, что Габриэль предпочитает именно такой тип женщин...

Леди... Ее пронзила боль разочарования. Одному Богу известно, сколько она потратила сил, но ей никогда не стать настоящей леди — такой, как Эвелин. Не важно, что о ней думает общество, — Габриэль никогда не увидит в ней истинную леди...

— Вы хотите что-то сказать мне?

Она не сумела скрыть свою нервозность, как не смогла и отвести глаза. В голове у нее царил неразбериха. От него по-домашнему пахло мылом и накрахмаленной рубашкой. Она с трудом поборолась желание коснуться его худой щеки, потрогать шершавый подбородок.

Он уставился на ее губы. Она отнюдь была не против того, чтобы он поцеловал ее, — и он ее понял. Поцеловал так, чтоб забыть обо всем на свете. Но стоило только подумать об этом, как перед глазами замелькали такие кошмарные видения, что ей стало не по себе. Уж лучше этих воспоминаний не касаться!

Позже, у себя в спальне, она обругала себя: Радуйся, идиотка, что он просто пожелал тебе спокойной ночи и ушел к себе! Но Кесси не лукавила перед собой и знала, что сникла именно от разочарования. Боже, вразуми несчастную! Она, видите ли, хочет, чтобы ее поцеловали... чтобы он поцеловал ее...

А сегодня вечером он вообще не сводил с нее глаз весь ужин, так что ее бросало то в жар, то в холод и она не знала, куда девать глаза. После ужина она и Эдмунд сели за карточный столик из розового дерева, чтобы сыграть в вист. К ее полному восторгу, она сумела сосредоточиться и обыграть герцога. Габриэль сидел в углу, вытянув перед собой ноги и поигрывая рюмкой с бренди.

Еще не было и десяти, когда Кесси начала зевать. Она в последнее время стала быстро уставать и постоянно хотела спать. И жутко смущалась, что все в доме успевали переделать тысячу дел, когда она наконец просыпалась.

Кесси виновато улыбнулась Эдмунду:

— Вы, сэр, терпеть не можете проигрывать. Но если надеетесь отыграться, то вынуждена просить вас о снисхождении. Я что-то сегодня не в форме.

Эдмунд нахмурился:

— Но еще совсем рано! Кесси взглянула на мужа:

— Возможно, Габриэль составит вам компанию? Уголки рта герцога уныло опустились.

— Как же, не буду даже просить его об этом! Габриэль — это вам не Стюарт. Господи, Стюарт мог играть всю ночь напролет! А Габриэлю и в голову не придет играть во что-то ради спортивного интереса. Я знаю из достоверных источников, что он терпеть не может карточные игры и сядет за стол лишь в том случае, если заключил пари или точно знает: ставки так высоки, что можно выиграть состояние!

Тот, о ком шла речь, поднялся и подошел к карточному столику. Его по-мужски жестко очерченные губы улыбались, но, как обычно, на отца он посмотрел довольно холодно:

— Я давным-давно не бывал в игорных домах, отец. Должен заметить, что в играх, где все зависит от удачи, мы с тобой на равных. Там же, где требуются мозги и сноровка, мы оба не любим проигрывать. Ты, наверное, уже успела это заметить, любовь моя.

Любовь моя. Лицо Кесси запылало. Она покосилась на Эдмунда. Хотя лицо его и не выразило откровенного неудовольствия, она почувствовала, что герцог бурлит от негодования. Тон Габриэля был подчеркнута вежлив. На самом деле фраза была сказана с единственной целью — поддразнить отца, в этом Кесси была уверена.

Разгладив юбки, она встала, с усилием изобразив улыбку.

— Увы, я должна откланяться, иначе усну прямо за столом. Желаю всем спокойной ночи.

— Я провожу тебя.

Габриэль поставил свою рюмку на столик и взял Кесси под руку. Ни один из них не заметил внимательного взгляда, каким герцог проводил их.

Дойдя до своей спальни, Кесси подняла глаза на мужа.

— Если не возражаете, — ровным тоном произнесла она, — то я вас задержу на пару слов.

Насмешливая бровь картинно поползла вверх.

— Боже, янки, — дразнящим тоном протянул Габриэль, — уж не приглашаешь ли ты меня к себе в спальню? Приятный сюрприз, что и говорить.

Кесси покраснела, но сумела сохранить невозмутимый вид и прошла в спальню. Габриэль вошел вслед за ней.

Воцарилось молчание. Кесси прошла к камину, чувствуя, что лучше сохранить какую-то дистанцию между ними. Как всегда в присутствии Габриэля, она робела и терялась. Он и не думал касаться ее, но у нее возникло ощущение, что она у него в объятиях.

Стиснув ладони перед собой, она собралась с духом к заговорила:

— За все то время, что мы женаты, я ни разу вас ни о чем не просила.

Он с улыбкой кивнул:

— Верно, янки. Хотя ты и стоила мне уйму денег, сама ты ничего не требовала. И, надо сказать, не осталась внакладе.

Кесси стиснула зубы. Вечно он выставляет ее алчной особой с расчетливой душонкой!

— Речь пойдет не о деньгах или о чем-то таком, что можно купить.

Он сунул руки в карманы.

— Интересно! Ты меня заинтриговала, янки. Но это легко поправимо, не правда ли? Так что не тяни, выкладывай, что тебе от меня понадобилось?

— Отлично, тогда слушайте. Иногда вы смотрите на отца так, словно ненавидите его. — Она произнесла это не как вопрос, а как утверждение. — И подозреваю, у вас на то гораздо больше причин, чем вы когда-то рассказали мне... Мне хотелось бы узнать их.

На красивом лице Габриэля промелькнуло изумление. Было ясно, что он ожидал чего угодно, только не того, что услышал. Губы его искривились в гримасе, лишь отдаленно напоминавшей улыбку.

— Поверь мне, янки, наши с отцом чувства взаимны.

— Неужели? А вот я так не думаю! Наступила его очередь сжать зубы.

— Я знаю отца значительно дольше тебя, янки. И лучше.

— А мне кажется, что вы вообще не знаете его. Потому что не позволяете ему даже приблизиться к вам. — Так же, как и мне, хотелось закричать ей. — О, я знаю, что в этом вы схожи, как фасолины в стручке, потому что достаточно насмотрелась на ваши маневры! Он старается скрывать свои чувства от окружающих. Но когда смотрит на вас, то в глазах у него боль и грусть...

— Тебе показалось, янки... Но Кесси настаивала:

— Я много раз наблюдала за ним. Независимо от того, что вы оба пережили в прошлом, могу поклясться, что ему ваши отношения причиняют огромные страдания... Ему больно...

— Это всего лишь гнев. Ведь наследником состояния стал не его драгоценный Стюарт, а — увы! — я.

— А вам не кажется, что он мог измениться за это время?

— Исключено. Горбатого могила исправит. Кесси решительно замотала головой:

— Как вы можете утверждать это с такой уверенностью? Ведь это же человек, а не кукла! Я знаю, с ним зачастую нелегко общаться, он нетерпим и высокомерен... Никто не знает этого лучше, чем я... Но ведь вы — точная его копия, даже в этом.

— Хм, а ему удалось одурачить тебя! Ловка-ач! Со мной такой фокус не пройдет. Видишь ли, мой отец тот еще фрукт. И Стюарта воспитал таким же. Два высокомерных джентльмена, из тех, что никому не позволят даже догадаться об их истинных чувствах. Мой дорогой папаша приложил немало сил, чтобы скрыть свою суть, но исчезни я прямо на его глазах из его жизни, он только поблагодарит небеса за щедрый дар

В словах Габриэля сквозила горечь, но какая-то привычная, обреченная. Кесси во все глаза смотрела на окаменевшую спину мужа, который уставился в окно, словно темень за окном помогала ему отвлечься. Оба молчали, и вскоре эта тишина стала такой невыносимой, что нервы Кесси не выдержали.

— Я вижу, вы все время пытаетесь наказать его за что-то, даже на мне женились с той же целью. Я бы хотела понять, за что?

Он резко повернулся, и в глазах его полыхнуло такое жаркое пламя, что Кесси инстинктивно отшатнулась.

— Думаешь, у меня нет причин для этого? Ошибаешься, янки. Если уж тебе так приспичило узнать это, то слушай. Я не сомневаюсь, что ты уже не раз позавидовала моему детству. Еще бы! Ведь ты росла в условиях такой нищеты, а я купался в роскоши! Тут ничего не скажешь, я действительно ни в чем не нуждался, как и моя мать. Мы всегда были сыты, обуты и одеты. Но никогда не забывали... Стюарт был сыном Маргарет — женщины, которую мой отец боготворил. А я был лишь сыном той, на ком он женился по необходимости.

В голосе Габриэля прозвучала грусть.

Кесси сочувственно вздохнула. Она вспомнила, что ей удалось подслушать в ту жуткую ночь, когда Габриэль привез ее в Фарли...

— Он женился на ней, — прошептала она, — чтобы Стюарт не испытывал тоски по материнской ласке?

— Совершенно верно. Не думай, что мать или я не любили Стюарта. Но моему детскому умишку не сразу удалось понять такую простую вещь: отца интересовал лишь он. А на меня ему было глубоко наплевать.

У Кесси упало сердце. Наверняка это преувеличение! Ни один отец не станет пренебрегать собственным сыном. Хотя... если вспомнить ее собственную мать, то, очевидно, случаются и такие казусы в жизни... Наверное, это вообще в природе человека...

Габриэль горько рассмеялся:

— Я был глупым малышом, жаждавшим отцовской любви. Ведь любил же он Стюарта и никогда не скрывал этого. Но Стюарт был послушным и покладистым. И что бы он ни сделал, все было правильным. Лучше и не придумаешь. Со мной же все обстояло иначе. Что бы я ни сделал, меня либо ругали, либо просто не замечали. Не видели в упор. Малышом я старался встать поближе к Стюарту и молился, чтобы отец заметил меня и улыбнулся так, как всегда улыбался брату. Но мне так и не посчастливилось заслужить его улыбки, не говоря уже об одобрении. Я помню, как однажды он приехал из Лондона и привез в подарок Стюарту пони. Я тогда чуть не разревелся от обиды, потому что мне он ничего не привез... как всегда.

Всегда. В одном-единственном слове — целая история отношений двух людей со всем богатством оттенков. У Кесси болезненно сжалось сердце, потому что она вдруг совершенно

ясно представила себе, что пришлось пережить бедняжке Габриэлю.

— Возможно, ты скажешь, что все это ерунда. Но я был малышом и... ревновал, злился на них обоих. Если мне не суждено иметь пони, то и Стюарту он не достанется, — решил я. В ту ночь я прокрался на конюшню и выпустил пони на волю. Он, конечно, убежал. На следующий день один из грумов отыскал его. Он хромал, потому что сломал переднюю ногу. И его пришлось пристрелить. Я никогда еще не видел отца в такой ярости. Как сейчас помню, как он бесновался, — кричал, что я жестокий, жадный и эгоистичный.

Кесси инстинктивно прижала руку к груди. Она и не думала осуждать Габриэля. Боже милостивый, разве его есть за что осуждать? Ей не составило труда вообразить его мальчишкой, молившим о том, чтобы его заметили, услышали, полюбили... Ему пришлось немало пережить, поскольку им открыто пренебрегали, а брату дарили ласку и нежность.

— Но ведь вы были всего лишь ребенком! — воскликнула Кесси. — Если кто и был жесток, так это ваш отец! Иначе его поведение и не назовешь!

— Мой отец не согласился бы с тобой, янки. И все же, несмотря на все эти жизненные уроки, я ни о чем так не мечтал в детстве, как о его одобрении! Но он так никогда и не нашел в себе силы сказать мне доброе, ласковое слово. Я был неприятной обузой, неслухом, шалуном. Мать пыталась смягчить ситуацию, но я же не дурак. Он не любил меня. И никогда не любил ее. Нас терпели по необходимости. Мать тоже была обузой, но она хотя бы ухаживала за Стюартом...

Кесси поежилась. Боже, да ведь это прямо про нее!

— Она вышла за него замуж в надежде, что когда-нибудь он оценит ее и полюбит. Знаешь, как это бывает... И так старалась... Но он был слеп ко всему, кроме Стюарта и памяти о своей несравненной Маргарет...

Он произнес это имя как проклятие.

— Значит, ваша мать любила его?

— Да, но тайно, ведь он не нуждался в ее любви. Мать считала, что я ни о чем не догадываюсь, но только дурак не понял бы, отчего у нее вечная тоска в глазах! Такую боль не скроешь. Отец и ее не баловал знаками внимания. Мне так и не довелось увидеть, чтобы он хоть раз нежно коснулся ее, пошутил с ней, сделал комплимент или проявил какую-то ласку. Он терпел ее лишь ради Стюарта, не больше. Он не из тех, кто попусту растрчивает свои драгоценные ласки.

Сердце Кесси ныло от жалости и сочувствия. Сколько же он пережил, чему стал свидетелем, а ведь был еще совсем ребенком, когда осознал равнодушие отца и к себе, и к матери. Видел, как молча мучается мать. Она вспомнила о портрете, висящем в галерее. Теперь она понимала, откуда такая печаль в глазах Каролины Синклер.

— Но она никогда и слова не сказала против него и мне не позволяла осуждать его. Она была мягкой и сердечной женщиной, очень доброй. И пошла бы ради него на все. По ночам я иногда слышал ее рыдания, но утром она здоровалась со мной, словно в ее жизни все радужно и безоблачно. День за днем, год за годом она продолжала любить его. В конце концов эта безнадежная любовь и сгубила ее...

Кесси нахмурилась. Была в этой фразе какая-то странная недосказанность, но она не решилась переспросить, к тому же он снова заговорил.

— Мой отец разбил ее сердце! — резко бросил Габриэль, — Он своим равнодушием сделал жизнь матери невыносимой... и сломал ее. Если бы дело касалось только меня, то я смог бы выкинуть все это из головы, забыть про его безразличие, про свое безрадостное детство — Бог ему судья. Но я никогда не прощу ему то, что он сотворил с моей матерью. Я уже не наивный мальчик, полный благих порывов, так что и не проси меня о милосердии. Для моей матери у него не нашлось даже жалости, так что и от меня пусть не ждет ничего подобного. Я научился жить без отцовской любви, вырос в такой атмосфере. Мы терпим друг друга — и ладно, большего и не требуй. Он не может расстаться со своими драгоценными воспоминаниями? Ну так и мне есть что вспомнить.

С гордо выпрямленной спиной он вышел в дверь, ведущую в его спальню.

А Кесси так и застыла, не сводя глаз с двери, через которую он вышел. Каким же одиноким и горьким было его детство! Ей стало безумно жаль его, ведь именно поэтому он вырос таким жестким и циничным человеком. Теперь ей не надо гадать, какие демоны искушают его. И все же было невыносимо грустно думать, что отец и сын навсегда останутся врагами, так и не сумеют простить друг друга. Она помолилась, чтобы они нашли в себе силы для прощения. Иначе так никогда и не узнают настоящего счастья. Но особенно не обольщалась на этот счет.

Возможно, уже слишком поздно что-либо менять.

Сон не приходил. Хотя тело и ныло от усталости, мозг Кесси отказывался отрешиться от тревог и дать ей уснуть. Она ворочалась и металась около двух часов, когда вдруг ночную тишь нарушил звон битого стекла. Кесси испуганно дернулась и села в кровати.

Звон донесся из спальни Габриэля.

Соскочив с кровати и быстро набросив на себя халат, Кесси подбежала к двери между их спальнями. Не раздумывая, распахнула ее и вбежала в комнату. Спальня освещалась лампой в углу. Огромное зеркало у стены покрылось паутиной трещин, а толстый обюссонский ковер возле него был усеян мелкими сверкающими осколками. Кесси двинулась к ним словно в трансе.

— Соскучилась? — ядовито поинтересовался Габриэль.

Кесси застыла на месте. Краешком глаза она заметила, что Габриэль приподнялся в кровати и оперся на локоть. Вид его внушал опасения. Кесси так перепугалась, что чуть не убежала к себе. Но сдержалась.

Она облизнула губы. Вся ее поза выражала крайнюю неуверенность, маленькие руки вцепились в полы халата.

— Мне послышался звон стекла. И... я подумала... вы могли пораниться.

— Как видишь, со мной все в порядке. Так что отправляйся спать.

Он свесил ноги с кровати. Рубашка у него была расстегнута и обнажала волосатую грудь. У Кесси мгновенно пересохло во рту, но она не отвела взгляда.

Он, не обращая на нее никакого внимания; прошел к столику, где стоял наполовину опустошенный графин с бренди.

Кесси и сама не помнила, как оказалась рядом с ним. Габриэль продолжал игнорировать ее, но стоило ему наклонить графин, чтобы наполнить свой бокал, как она решительно вцепилась в него.

— Пожалуйста, Габриэль! — взмолилась она. — Вы уже достаточно выпили сегодня.

Он рывком повернулся к ней. Глаза его зажглись гневом:

— Больше чем достаточно, янки. Тут ты права. Есть и другие способы заставить мужчину забыть про свои проблемы. Может, возьмешь на себя роль утешительницы?

Он обхватил ладонью ее грудь. Кесси едва не завопила от страха.

— Не хочешь? Я так и думал. — Он презрительно оттопырил губу.

Убрав руки, он снова повернулся к графину. Кесси изрядно трусила, но решила не отступать. Она стиснула его пальцы.

— Пожалуйста!.. Вы ничего не добьетесь, если будете пьяны.

— Боже, янки, да ты и понятия не имеешь, какое чудодейственное средство — бренди! Поразительно, ведь ты столько времени проработала в баре.

Кесси сдержалась, запретив себе реагировать на его язвительные выпады, хотя его насмешки всегда били в цель без промаха, о чем он, конечно, знал.

— Поскольку ты не желаешь присоединиться ко мне в постели, то, может, хотя бы выпьешь за компанию?

— Нет!

Он прищурился, мрачней прямо на глазах.

— Тогда советую тебе немедленно вернуться в свою постель.

Она упрямо замотала головой. Чертыхнувшись, Габриэль попытался отцепить ее пальцы. Но Кесси отреагировала раньше. Она обеими руками обхватила его у локтя, чуть не повиснув на нем. Он сразу же напрягся так, что мышцы под ее пальцами стали твердыми, как камень.

— Ты зачем пришла сюда? Захотелось понаблюдать, как я накачиваюсь спиртным?

— Конечно, нет!

Он уставился на нее так, словно решил выяснить всю ее подноготную. Ей следовало бы немедленно удалиться к себе, как он того и требовал. Потому что глаза его засияли, словно расплавленное серебро. В них было все: злость, отчаяние и что-то еще, что пугало больше всего. Она прекрасно понимала: Габриэль вот-вот сорвется, потеряет контроль над собой... И все же непонятная сила удерживала ее рядом с ним, ибо она не могла избавиться от ощущения, что если отвернется сейчас, то уже никогда не достучится до него.

— Я рад, что мы уехали из Лондона, — вдруг заявил он. — Я ненавидел всех этих юнцов, распускавших сопли, когда они глядели на тебя. А сами в это время гадали, такие ли у тебя сладкие и мягкие губы.

От неожиданности она удивленно округлила глаза.

— Да ладно тебе, янки! — Он неприятно рассмеялся. — Не так уж ты наивна, чтобы тебя это шокировало. При этом они пыжатыся и изображают из себя обаятельных весельчаков, джентльменов до мозга костей. А сами в это время умирают от желания попробовать тебя, раздевают тебя глазами, воображая все то, что скрыто платьем... А самый наглый из них — виконт Рейберн.

— Но... я же... замужняя женщина... — растерялась Кесси.

— Рейберну это даже на руку. Ты успела неплохо узнать высшее общество. Какой у них там писк моды? Правильно, игра в карты и скандальные любовные связи. Стоило тебе лишь мигнуть в знак согласия, и он тут же залез бы к тебе под юбки.

Глаза Габриэля недобро мерцали. Неожиданно он стиснул ее руки и притянул к себе.

— Благодарю Бога, что он так ничего и не добился от тебя, иначе его смерть оказалась бы на твоей совести. А твое нежное сердечко этого просто не выдержало бы.

Его собственнические замашки вдруг стали ей приятны, но вместе с тем ей стало крайне неудобно, а по спине пробежали мурашки.

— Габриэль, — потрясенно произнесла она, — вы не должны говорить такие вещи!

Ледяная маска снова стянула его лицо.

— Почему? Это ведь правда. Так что заруби себе на носу: я убью любого, кто посягнет на то, что принадлежит мне! Она охнула:

— Габриэль, умоляю вас! Вы не понимаете, что говорите. Это проклятый бренди говорит за вас...

— Ну выпил, и что? Пью-то я как раз из-за тебя, дорогая. Однажды ты просто сведешь меня с ума. Да-да, именно ты вынуждаешь меня напиваться!..

Глава 16

Его губы впились в нее так, словно он ставил свое клеймо: моя! В его объятиях не было нежности. Это была чистая демонстрация власти — так он притиснул ее к себе, безжалостно обследуя языком ее теплый рот. Она задергалась, пытаясь выскользнуть, но Габриэль не собирался выпускать из рук драгоценную добычу. Его поцелуй выражал всю гамму испытываемых им чувств, вырвавшихся благодаря хмелю из-под контроля. Что сильнее владело им — алкоголь или желание, Кесси не ведала. Она лишь понимала, что он сорвался и не отпустит ее.

Для Кесси все это стало повторением однажды пережитого кошмара. Ей снова отказывали хотя бы в крупице нежности. Словно она недостойна ее. Она, правда, и не догадывалась, что он даже не замечает ее протестов, словно ослеп и оглох. Ибо слышал он в эти мгновения лишь шум крови в ушах. Только когда она застонала, он слегка ослабил свои объятия. Багровый ореол страсти, ослепивший его, начал рассеиваться. Постепенно до него дошло, что страстно целуемое им тело странно безучастно.

Он оторвался от ее рта и уставился на прекрасное лицо. Темные густые ресницы повлажнели

от слез. Она словно заснула, только алые губы опухли от его поцелуев. Слабый блеск влаги в прелестных золотых глазах лишь подчеркивал ее беззащитность, которую он опять умудрился ранить.

Габриэль, все еще тяжело дыша, сделал шаг назад.

— Уходи, янки! — резко сказал он. — Не то пожалеешь...

Он отошел к окну, снова повернувшись к ней спиной и уставившись в освещенное луной небо.

Кесси не пошевелилась. Она не сумела бы объяснить, что за сила удерживала ее на месте. Возможно, тоненькая, слабенькая ниточка надежды... завладевшая ею, однако, с такой силой, с какой лучи солнца пробиваются сквозь тучи.

Шли минуты. Не услышав за спиной никакого движения, Габриэль оглянулся. Рот его сжался в тонкую линию, когда он заметил упрямо застывшую посреди комнаты фигурку.

— Не смотри на меня так! Во мне слишком много от отца, так что я недостойн твоего сочувствия. И мне совершенно ни к чему твоя жалость...

Сердце у нее чуть не разрывалось от боли. О да, разве такой гордец примет жалость или сочувствие? Ему от них никакого проку. Этот гордец, подобно ей, слишком хорошо знаком с одиночеством. Настоящим одиночеством... Ишь ты, недостойн... И тут понимание словно омыло ее душу.

Она смогла бы полюбить его... если бы он... позволил ей это.

— Проклятие, — рявкнул он, — ты что, оглохла? Оставь меня в покое!

Она медленно подняла голову. Он так бешено реагирует на все, что она боялась вымолвить хоть словечко. А надо.

— Вы на самом деле этого хотите? — еле слышно спросила она. — Чтобы я ушла? Его глаза сверкнули;

— Ты знаешь, чего я хочу, янки!

Но она продолжала стоять, да еще и похвалила себя за смелость. За то, что не подчинилась его приказу. Хотя все ее поджилки тряслись от страха, страх этот был не перед ним, а совершенно особенный. . Если он отвергнет ее и на этот раз, то унижению не будет предела. Она просто умрет.

Кесси покачала головой.

— Нет, — снова прошептала она, потому что голосовые связки отказались помогать ей в совершаемой глупости. — Я не совсем понимаю, о чем речь.

В его глазах мелькнула какая-то неясная ей мысль, но он быстро справился со своим порывом.

— Я хочу тебя в своей постели, янки. Подо мной. И чтоб твои ноги обвивали меня, когда я буду входить в тебя.

Он помолчал, наблюдая, как краснеет ее лицо. Он не собирался шокировать ее, просто решил высказаться с полной откровенностью, чтобы потом не мучиться от недосказанности. Выложил

все, как по нотам, чтобы потом она не пеняла, что не так его поняла.

Она не дрогнула и не сбежала. Стояла перед ним, хотя и не решалась поднять глаза, а руки сцепила так, что пальцы побелели. Все это выдавало волнение. Или сомнение? А может быть, страх?..

Он оглядел ее с ног до головы, чуть задержавшись на нежной выпуклости груди под тонкой ночной рубашкой. Когда он попытался заглянуть ей в глаза, то Кесси поразилась, прочитав в них откровенную страсть. Пульс у нее мгновенно зачастил.

— Иди ко мне, янки.

Она нетвердым шагом двинулась — к нему. Слава Боту, что и он шагнул к ней. Оказавшись перед ним, она оробела и дрогнула. Длинные густые ресницы растерянно заморгали, а глаза так и не поднялись выше его шеи.

На ее плечи опустились теплые руки. Он сбросил с нее халат, оставив лишь в ночной рубашке, которая больше обнажала, чем скрывала. Соски просвечивали сквозь тонкую ткань розовыми пятнышками. А волосы внизу живота казались таинственно притягательным темным треугольником.

Он обласкал ее тело одними глазами. И восхищенно прошептал:

— Ты прекрасна, янки!..

И смущение от того, что она стоит перед ним почти нагая, исчезло, словно по волшебству. Словно его и не было никогда. Кесси была уверена, что сердце ее даже остановилось на секунду. Она замерла перед Габриэлем, от всей души желая лишь одного; чтобы эта минута никогда не кончалась... Она и не надеялась услышать от него подобное. Никогда, И эти слова волшебной музыкой отозвались в ее сердце, согрели его, целебным бальзамом пролились на ее душу.

Длинные пальцы скользнули ей под волосы, обхватив затылок. Он медленно отвел ее голову назад, чтобы она смотрела прямо ему в глаза.

— Я устал притворяться, что не хочу тебя, янки. Я желал тебя с самого начала! А потом вдруг обнаружил, что ты единственная, кто мне нужен. Знаешь, как я пытался обмануть самого себя? Рассказывал себе те же сказочки, какими задурил голову и тебе: что хочу лишь мести. А еще убаюкивал себя ложью, что мне не составит труда вынести чисто фиктивный брак. Что с того, что ты красива? Мне доводилось спать и не с такими красотками. Но я ошибался. Потому что с тех самых пор ты заполонила все мои мысли. И не даешь покоя ни моей душе, ни телу.

Но знай. Если ты останешься со мной этой ночью, то дверь между нашими спальнями останется навсегда открытой. — Глаза Габриэля потемнели от страсти. — Ясно? Тебе уже не удастся прогнать меня из своей постели. Так что если тебя такое соглашение не устраивает, то лучше сразу уходи. Какой бы ты выбор ни сделала, решение целиком за тобой.

Ее глаза впились в него. Напряжение между ними запульсировало, нарастая с каждым мгновением. И когда он уже отчаялся, что не выдержит больше и секунды, сначала одна маленькая ладошка робко коснулась его груди, затем к ней присоединилась другая.

Большого и не потребовалось. Габриэль жадно потянулся за тем, что она так щедро предложила.

— Слава Богу, — хрипло пробормотал он, — еще чуть-чуть, и я бы точно свихнулся!..

И принялся целовать ее с пылом, свидетельствующим о долгом воздержании. Ее губы задрожали под напором его страсти, затем слегка приоткрылись. Он мгновенно ощутил ее отклик, сладкий, теплый, манящий. И тогда он отпустил вожжи самоконтроля.

Со стоном Габриэль притиснул ее к себе, как пушинку оторвав от пола. Напор его губ оставался не менее страстным, чем раньше. И все же он целовал ее теперь немного иначе, как изголодавшийся, но допущенный к роскошному пиршеству. На его языке чувствовался привкус бренди, и от этого голова ее шла крутом... Таким же головокружительным был и томивший его голод, и Кесси... наслаждалась необычными ощущениями, ведь все это — из-за нее. Она обняла его и бесстыдно прижалась к нему всем телом.

Ее ночную рубашку постигла та же участь, что чуть ранее и халат. Они не разомкнули губ даже тогда, когда Габриэль донес ее до кровати и уложил на перину. Лишь после этого он нехотя оторвался от нее, чтобы сорвать с себя рубашку. Выпрямившись, он принялся за пуговицы своих бриджей.

Хотя смущение и залило Кесси жаркой волной, она все же не смогла заставить себя отвести взгляд в сторону. Каждая расстегнутая пуговица обнажала поросль более темную и курчавую, чем та, что густо покрывала его грудь.

Наконец символ его мужественности вырвался на свободу. Она поймала себя на трусливой мыслишке, что все это время надеялась, молилась, что воображение подшутило над ней... И что память о ночи, когда она лишилась девственности, была окрашена в слишком мрачные тона, и потому многое запомнилось ей в искаженном виде... Иногда на память влияют личные впечатления... и она подводит человека...

Все с ее памятью было в порядке, а размеры его детородного органа были действительно огромны.

Он высвободил ноги и рывком отбросил бриджи в сторону. И повернулся к ней лицом. Что ж, если быть честной, то тело его обладало какой-то дикой, примитивной красотой, а руки и длинные ноги были стройными и мускулистыми — ни капли жира. Она попыталась скрыть обуявший ее страх, но пульс у нее зачастил так, что в глазах невольно промелькнула паника. Хотя она на личном опыте убедилась, что все ее сомнения абсурдны, все же у нее в голове не укладывалось, что таким инструментом не уродуют и истязают, а... занимаются любовью... Нет, это просто невозможно! Вон как он раздулся, словно гордится собой!

Она перевела глаза на более безопасную территорию, сосредоточившись на прекрасных линиях мужского рта, когда он потянулся к ней. Но Габриэль был начеку и уловил судорожный вздох жены.

И проговорил опасно низким и напрягшимся от отчаяния голосом:

— Мы слишком далеко зашли, янки, чтобы отступать. Несомненно, вмешалось провидение, ибо она сумела вполне отчетливо прошептать:

— А я и не собираюсь.

— Тогда в чем дело? Ты боишься меня?

Она помотала головой, но не убедила его. В глазах у нее по-прежнему таился страх.

Он слегка обнял ее за плечи, но не страстно, а словно утешая, успокаивая. И тем буквально потряс Кесси. Его близость вообще странно пьянила. Muskusный запах его возбуждения смешался с ароматом одеколona, которым он пользовался. Рот его оказался в миллиметре от ее; их дыхание смешалось. Худые сильные пальцы нежно убрали с ее пылающих щек пряди шелковистых волос.

— Если не боишься, — мягко спросил он, — то почему трясешься, как птичка, попавшая в силос? Она стискивала и разжимала пальцы, неосознанно разглаживая пушистые волоски у него на груди, затем судорожно вздохнула:

— Потому что я... хотела бы доставить вам удовольствие... Меня страшит не то, что вы... хотите сделать, а... чем...

Она окончательно смутилась и спрятала лицо у него на груди.

Габриэль с облегчением выдохнул и сдержал свой нетерпеливый жезл. Знай она, какую реакцию вызовет своим признанием, наверняка прикусила бы язычок. Габриэль мог бы поклясться, что его пенис достиг предельных размеров, но после ее слов он, словно павлин, еще больше раздулся от важности. И запульсировал так, что каждый удар эхом отдавался в ушах...

Он ласково разгладил маленькую жилочку, трепыхавшуюся на шее Кесси, как сердечко трусливой мышки.

— Тебе больше не будет больно, — шепнул он. — Эта боль бывает лишь в первый раз, Кесси.

Она не поверила ему. Хотя и не стала выражать свои сомнения вслух. Но губы у нее по-прежнему дрожали, а внутренняя борьба отражалась в глазах, как в зеркале. Но она не отодвинулась от него, хотя, как он подозревал, ей очень хотелось этого. И еще в ее глазах отразилась некая решимость болезненно затронувшая его душу. Он моментально понял, что, несмотря на все свои страхи и сомнения, она отдастся ему душой и телом. И в ту же секунду принял решение. Вот только он не очень-то искусен в речах.

Значит, надо убедить ее.

Его импульсивное движение застало ее врасплох. Она охнула. А он стиснул ее пальцы в своей ладони и скользнул ими по своему животу, затем ниже... и еще ниже. Не отпуская ее пальцев, он заставил ее обнять ими свой жезл, наполнив его пульсирующим жаром.

Ее робкое прикосновение воспламенило его до такой степени, что он чуть не оскандалился. Стиснув зубы, он боролся с искушением немедленно довести дело до конца, но случись такое, это шокирует его неопытную женушку до глубины души. И все пойдет насмарку. Потом уже любая мысль о близости будет вызывать у нее лишь омерзение.

Но были среди этих гуманных мотивов и чисто эгоистичные. Он жаждал обладать ею, заполнить ее до краев своим гордо пульсирующим павлином, потому что она принадлежала только ему.

Ему и никому другому.

— Потрогай, — хрипло выдохнул он, — почувствуй, как мое тело жаждет твоего. Но не забывай, что я состою всего лишь из плоти и крови. Вот это и есть моя плоть и кровь. И, как видишь, до краев переполнена желанием.

Эти откровенные слова бросали в жар и потрясали.

— И ты уже доставила мне невыразимую радость, янки. Больше, чем можешь себе представить.

Его глаза пылали лихорадочным блеском, он шептал, словно в бреду:

— Позволь теперь доставить удовольствие тебе.

Он впился в ее губы. Простонав, она обхватила его голову руками и отдалась во власть бушевавших в нем страстей. Ее словно подхватило бурным потоком. И вовсе это не страшно... И сердце сладко обмирает... И касания его больше чем приятны... Рот ее стал более податлив, так что Габриэль совсем потерял голову.

А когда она с охотой включилась в эту восхитительную игру, он вообще содрогнулся от экстаза. Она же воспламенилась от его восторга... и от того, как его пальцы медленно кружат вокруг сосков, мало-помалу сводя ее с ума дразняще-притворной ленью... Они то добивались до самых чувственных местечек, то вообще исчезали, чтобы вновь начать медленное восхождение к острым пикам. Ей захотелось вмешаться в эту игру, заставив его обхватить всю грудь, чтобы она смогла наконец зарыдать от счастья... Ведь растущее и распирающее ее напряжение наверняка разрядится от этого...

Габриэль слегка приподнял голову, чтобы окинуть ее торжествующим взглядом. Кесси была невыразимо прекрасна в эту минуту. Грудь ее была кругла и аппетитна, как спелый плод, соски темнели на кремовой коже темно-розовыми кораллами. Он не удержался и поцеловал их, ликующе рассмеявшись от того, как у нее мгновенно участилось дыхание.

— Хм, а у тебя тут очень чувствительное местечко, да?

Он совершенно неожиданно скользнул вниз по ее разгоряченному телу и сомкнул губы на соске, оставив его чуть влажным, блестящим и слегка занывшим. Кесси охнула от накатившего приступа удовольствия.

Его голова загораживала от нее все, что он делал, поэтому ей не оставалось ничего другого, как, отбросив стыд, млеть от не поддающихся описанию ощущений, когда он втянул сосок в рот. Он уделял внимание то одному, то другому соску, а Кесси постанывала от восторга.

Его рот снова вернулся к ее губам, и юркий язык тут же задвигался в ее пылающем рту, задавая безошибочно распознаваемый ритм. А горячие мужские пальцы уже прокладывали дорожку внизу живота, так что нервы жертвы трепетали на пределе возможного. Она вскрикнула, когда кончики пальцев умело раздвину и рыжие кудряшки у ее лона. Кесси охнула и инстинктивно сомкнула бедра. Но его проворные пальцы уже успели угнездиться там так, словно чувствовали себя хозяевами спрятанного сокровища. Да так оно и было.

— Не борись со мной, Кесси. — Его шепот был возбужденно хриплым. — Клянусь, сегодня не причину тебе боли.

Он медленно поцеловал ее с такой искушающей убедительностью, уговаривая ее довериться его опыту, что она постепенно расслабилась.

Кончиками пальцев он затеял игру, то поглаживая, то отступая, то снова едва касаясь, чтобы возвратиться с более откровенными намерениями. Ноги у Кесси ослабели и задрожали, в глазах потемнело, из груди вырвался жалобный всхлип, когда эти дьявольские пальцы раздвинули нежные розовые складочки ее плоти и скользнули внутрь.

Языки пламенного жара лизнули ее, когда еще один палец вступил в колдовскую игру, мигот отыскав такое чувствительное местечко, о котором Кесси и не подозревала. Тело ее напряглось и заходило ходуном, когда Габриэль, словно опытный музыкант, задел нужную струну. Она тихо вскрикнула и задышала так, словно долго бежала в гору. Из горла вырвался низкий, проникновенный стон, когда сильные пальцы задвигались в ней взад и вперед, снова и снова. И пока его пальцы совершали свой магический обряд, пламя внутри ее разгоралось все сильнее и сильнее.

Глаза у нее сами собой закрылись, словно желая скрыть бушующий в них огонь страсти, она начала извиваться всем телом. Габриэль прервал поцелуй, чтобы с удовлетворением взглянуть на покрывавшую ее испарину — слезы тела, от которых она засияла, как влажная жемчужина... Он опустил глаза на свои пальцы, убедившись, что и внутри она увлажнилась для встречи с ним, и хрипло простонал. Палец тут же нырнул в драгоценную пещерку.

— Габриэль! — Она прокричала его имя, словно заклинание.

Он услышал в этом крике все, что ожидал услышать, чего так долго добивался. И накрыл ее своим телом.

Глаза ее сияли неповторимым огнем страсти. Они просто слепили его. Твердый живот вдавился в ее мягкий. Он коленями широко раздвинул ее бедра. Головка его жезла ткнулась в рыжие кудряшки, заставляя ее раскрыться еще больше. Она вцепилась в Габриэля — в полной уверенности, что сейчас разорвется надвое.

Он почувствовал, как ее ногти впились ему в ягодицы.

— Посмотри на меня, Кесси, — тяжело дыша, сказал он. То, что он еще был в состоянии говорить, казалось чудом.

Она беспомощно подчинилась. Его плечи блестели от пота. Она поняла, что он сдерживается лишь благодаря железной воле. Лицо его даже заострилось от напряжения.

Он склонился к ее губам и выдохнул:

— Разве тебе больно?

И лишь судорожно выдохнув, она сообразила, что его налитой жезл уже внутри ее, заполнил ее до предела. Но боли не было, с облегчением констатировала Кесси. А было лишь безумное возбуждение. Страх исчез.

Ее губы дрогнули в робкой улыбке.

— Нет, со мной все в порядке.

Улыбка исчезла, их взгляды скрестились. Она притянула его голову к себе, чтобы и их губы соединились в поцелуе.

Медленно и осторожно он начал двигаться. Она даже разочарованно простонала, когда он вдруг вышел из нее полностью. Мышцы его ягодиц напряглись, и его жезл снова на всю глубину нырнул в нее. И блаженство затопило ее теплой волной.

Она прикрыла глаза. И неосознанно выгнулась ему навстречу. Ее бедра быстро уловили ритм его движений. Вот он быстро выходит из нее, а вот снова входит, но чуть медленнее и словно по

спирали. И удовольствие растекается по ней расплавленным огнем. Из горла у нее рвутся какие-то сдавленные звуки, похожие на мольбу, чтобы он не прерывал этого колдовского обряда. Она хотела, чтобы он заполнил ее, хотела его внутри себя... глубже и глубже...

Когда она простонала, Габриэль приподнялся над ней, опираясь на локти. Глаза у него горели, как два уголька, мышцы на руках вздулись от напряжения. Каждый нерв в его теле сосредоточился там, где ее бархатная пещерка взяла его в плен, тугой, жаркий и восхитительно сладостный...

— Я не хочу, чтобы тебе было больно, — простонал он, — но... я уже не могу больше сдерживаться... Я слишком хочу тебя...

И что-то внутри ее растаяло, растеклось жаркой волной.

— Я тоже хочу тебя, Габриэль! Я хочу тебя!

Получив ее благословение, он перестал обуздывать себя. Она же обвила его руками и ногами, с восторгом и упоением вторя его бешеному ритму. Мир вокруг нее завертелся, закружился, вспыхнул ярким светом и взорвался наконец ослепительным фейерверком, заставив ее пережить бурный всплеск наслаждения, исходившего из центра ее женственности. Она и не поняла, что кричала... И крик этот выплескивался из ее груди вместе с волнами экстаза.. Как только Габриэль услышал его, ее спазмы ускорили его собственный оргазм. Его тело напряглось и взорвалось, исторгая семя жизни.

Голова его устало прикинула к ее плечу. Она почувствовала, как он расслабился. Ее пальцы погрузились в его темные волосы в неосознанной ласке. Он не покинул ее, как в прошлый раз. Она очень боялась, что он поступит так же и сейчас. Но он оперся на локоть и нежно поцеловал ее. И ласка эта оказалась такой сладостной и желанной, что у нее выступили слезы на глазах.

Слова не шли на ум, и она молчала. И в эту минуту поняла, о чем тосковала всю свою жизнь. О такой вот совершенной близости, чувстве полного доверия и ощущения себя частичкой кого-то другого...

Сегодня ей не о чем было молить Бога.

Глава 17

Кесси проснулась: солнце заливало всю спальню ярким светом. Она замерла в недоумении, рассматривая типично мужское убранство комнаты. И тут вспомнила, что находится не у себя... На нее разом нахлынули картины пережитого, отчего ее бросило в жар. Кесси робко скосила глаза на вторую половину кровати и нахмурилась от разочарования: место мужа пустовало.

В этот момент дверь между их спальнями со скрипом приоткрылась, и в комнату заглянула Глория:

— Миледи?

Сообразив, что на ней нет одежды, Кесси скользнула под одеяло.

— Доброе утро, Глория.

— Утро? — Маленькая служанка озорно хихикнула. — Уже скоро одиннадцать, мэм!

— Одиннадцать? — Кесси едва удержалась, чтобы не вскочить за своим халатом. — Святые небеса! Ну и почему же ты не разбудила меня?

Круглощекая мордашка служанки расплылась в хитрой улыбке:

— Его сиятельство строго предупредил меня, чтобы и носа сюда не совала, пока вы не выпитесь как следует.

Ничто не могло доставить Глории большего удовольствия, чем пустая кровать миледи в ее спальне. Значит, она спала у милорда! Она одобрительно вздохнула. Хозяйка такая добрая и внимательная ко всем, а граф такой красавчик, хотя и вечно суровый, и строгий, совсем как его отец... Но если кто и заслуживал счастья, то эти двое. Ох, она не могла дождаться минуты, когда выложит эту сногшибательную новость миссис Мак-Ги.

Кесси покраснела, когда служанка положила пеньюар на кровать.

— Мой муж уже спустился вниз?

— Да, мэм. Он выезжал на верховую прогулку, но, кажется, уже вернулся.

Кесси быстро завершила утренний туалет, умирая от желания поскорее увидеть Габриэля. Она так надеялась, что после бурных ночных ласк он перестанет наконец вести себя с ледяной отчужденностью. Все останется в прошлом, как дурной сон. Если часы, проведенные в его объятиях, служили хоть каким-то признаком их новых отношений, то она благословит их!

Сердце ее возбужденно колотилось, когда она спускалась вниз по лестнице. Нет причин волноваться, уговаривала она себя. И все же на душе у нее скребли кошки. Она только поставила ногу на последнюю ступеньку, как все вдруг поплыло у нее перед глазами. Она замерла, опершись о стену, и сделала несколько глубоких вдохов. В последнее время это случалось с ней уже несколько раз. К счастью, головокружение прошло так же быстро, как и прежде. Едва она собралась двинуться дальше, как услышала сердитые мужские голоса, доносившиеся из холла.

Габриэль и герцог...

Она застыла как статуя. Кесси меньше всего желала подслушивать, но и появляться в разгар ссоры ей не хотелось.

— Исключено, — ровным тоном заявил Габриэль. — У меня сегодня днем назначена деловая встреча в Лондоне.

— Но я уже договорился с викарием о визите, чтобы обсудить сумму ежегодной дотации на благотворительность среди прихожан нашей церкви! — Голос Эдмунда даже вибрировал от раздражения.

— Перенеси встречу на другой день.

— Не могу. Я обещал ему, что ты будешь дома.

— Тогда займись этим сам.

— Дьявольщина! Неужели нужно напоминать, что однажды эти обязанности лягут на твои

плечи? И меня, Габриэль, уже не будет, чтобы заменять тебя всякий раз, когда ты сочтешь их не столь важными, как твои прихоти! Нельзя все время пренебрегать долгом, как это делаешь ты!

Кесси затаила дыхание. Судя по тону герцога, ссора приобретала глобальные размеры.

— Я был полностью в твоём распоряжении все последние недели, отец. И ты воспользовался этим в полной мере, но ни разу, хотя бы из вежливости, не поинтересовался, свободен ли я. Признаться, меня весьма удивило, что ты решил вовлечь меня в дела поместья. А потом до меня дошло: ты просто ждешь, чтобы я опростоволосился, допустил оплошность. Что ж, если ты решил таким образом устроить мне проверку, дело твое. Но я не намерен потакать тебе в том, как ты распоряжаешься моим временем и планами. На будущее советую согласовывать деловые встречи со мной. Я человек очень занятой.

Раздались звуки шагов. Открылась дверь.

— Стюарт никогда бы так не поступил! Он никогда не пренебрегал своим долгом. — Ярость клокотала в горле Эдмунда. — Если уж Господу было угодно забрать одного из моих сыновей, то почему он не выбрал тебя? Боже, как же я жалею, что ты вообще родился!

Кесси отшатнулась, словно ее с силой ударили в грудь. Пресвятая Богородица, этого не может быть! Наверняка ей это почудилось...

— Думаешь, я этого не знаю, отец? — По контрасту с яростью Эдмунда голос Габриэля был тих и спокоен. — Я всегда знал, что был нежеланным сыном. Так что ничего нового ты мне не открыл.

Дверь тихо закрылась, щелкнув замком. Кесси зажала рот ладонью. Колени у нее подкосились, и она беспомощно опустилась на ступеньку, сдерживая тошноту. Через пару минут она пришла в себя и решительно прошелестела юбками в кабинет. Ее осанке могла бы позавидовать и королева, а на лице была написана непоколебимая решимость.

Эдмунд сидел за полированным столом красного дерева. Он поднял голову, когда она появилась на пороге.

— Если не возражаете, — не церемонясь, сказал он, — то я бы предпочел остаться один.

— Но я возражаю. — Кесси закрыла широкие двойные двери. И прошла к столу. Герцог сощурился:

— Я люблю, когда эти двери распахнуты настежь.

Кесси не шелохнулась. Впервые она не чувствовала никакого трепета перед его титулом, не ощущала, что намного ниже его по положению. Лорд он или нет, герцог или еще кто, — он был прежде всего человеком и в данный момент не внушал ей никакого уважения.

— Будет намного лучше, чтобы двери пока оставались закрытыми, ваша светлость. Если вы, конечно, не хотите, чтобы слуги услышали все то, что я собираюсь вам высказать. Мне кажется, что они и так услышали сегодня более чем достаточно. Я по крайней мере услышала...

Он вскочил со стула, надменный как всегда.

— Вы слишком много позволяете себе, Кассандра. Я не потерплю подобной дерзости...

— А я не позволю вам заткнуть мне рот! Я выскажу все, что собираюсь. И сделаю это прямо сейчас.

Взгляд ее стал таким же ледяным, как и у герцога.

— На вашем месте я бы просто не смогла жить в ладу со своей совестью, — продолжила она. — Желать своему сыну смерти!.. Жалеть, что он вообще появился на свет!.. Давно уже пора броситься на колени и вымаливать у Господа прощение за такое кощунство!

Эдмунд побледнел. Не было сомнения, что эта паршивка подслушала его злосчастный разговор с Габриэлем. От начала до конца. И гордость вынудила его защищаться.

— Вы не понимаете, во что пытаетесь вмешаться, Кассандра...

— Напрасно вы так считаете. Я знаю гораздо больше, чем вам кажется. Габриэль поведал мне о своем детстве. Как вы всегда и во всем предпочитали Стюарта, а его в упор не видели.

Эдмунд развел руками:

— Ну, значит, вы и сами поняли, что он постоянно ревновал меня к брату!

Глаза Кесси сверкнули от сдерживаемого гнева. Не страшась последствий, она возразила герцогу, черпая силы в сочувствии мужу:

— Ну и что, что ревновал? Он же был малышом! Несмышленишкой! И хоть вы и убедили себя в обратном, Габриэль любил своего брата, он сам сказал мне об этом! Но вы... вы дарили все — и игрушки, и любовь — только Стюарту. Габриэль вырос, постоянно чувствуя себя нелюбимым и одиноким!

— Одиноким? Да он никогда и не оставался один! Слуги буквально молились на него, баловали, как могли! И у него была мать...

— Единственный, кто у него был из близких, это его мать! — продолжала обвинять Кесси. — Габриэль — мальчик, и, естественно, смотрел в рот своему отцу. Боготворил вас. Добивался вашего одобрения. Вам же и в голову не приходило, что он тоже, хоть изредка, нуждается в добром слове, взгляде, сердечной ласке... Он рассказал мне, как однажды вы подарили Стюарту пони, а ему не привезли ничего... Ничего! Что же вы за отец, чтобы так обижать собственного сына, так бессердечно обращаться с ним? Вы говорили о долге. А почему ваш отцовский долг распространялся лишь на одного сына?

— Вас ввели в заблуждение. Габриэль ни в чем никогда не нуждался. У вас слишком живое воображение, Кассандра. К нему относились так, как он того заслуживал. А он был очень упрямым, своевольным и строптивым ребенком, вечно влипал во всякие истории. И когда подрос, проблем стало еще больше. Его поведение было вечным вызовом. Стюарт — полная ему противоположность!

— Нетрудно догадаться почему! Ребенок всегда чувствует, если он нежеланный! Уж я-то знаю, что говорю! Габриэля больно ранило, что родной отец пренебрегает им, и его горечь переросла в злость, в мятежный вызов. И к чему вам постоянно сравнивать его со Стюартом? Вот и вчера вы заявили, что Габриэль совсем не похож на Стюарта. А он и не должен быть похожим на кого-то еще! И неразумно ожидать, что один сын заменит вам другого! Более того, он давно не

мальчик, чтобы можно было помыкать им, как раньше!

Эдмунд онемел и молча уставился на нее. В груди у него что-то больно сжалось. Он не был таким уж эгоистом, каким считала его она. Просто для него интересы Фарли всегда стояли на первом месте. Когда-нибудь родовое поместье приобретет такое же значение и для Габриэля. Но сейчас в устах Кассандры он выглядит просто чудовищем!

— Вы, — продолжала она, — бессердечный человек, не видите и не желаете видеть ничего, что не входит в крут ваших личных интересов. Вы считаете себя намного выше и лучше меня. Но люди, окружающие вас, вам глубоко безразличны. Габриэль признался мне, что вам всегда было наплевать и на него, и на его мать. Я не поверила и решила, что он, наверное, не сумел понять вас. Сегодня же мне самой не верится, что вы хоть когда-нибудь можете быть добрым и что вообще способны любить!

Она перевела дух и продолжила:

— Моя мать тоже желала мне смерти. И даже пыталась помочь мне отправиться на тот свет. Одному Богу известно, кто мой отец. Я часто мечтала, что однажды он приедет за мной — и мы счастливо заживем вместе. Но, видимо, мне повезло гораздо больше Габриэлю. Уж лучше расти совсем без отца, чем с таким отцом, каким вы были Габриэлю! — По ее щекам ручьем катились слезы. Она смахивала их ладошкой и продолжала свой обвинительный монолог: — Можете придумать мне любое наказание: избить меня, выгнать на улицу или... что там еще решите?.. Но я не откажусь ни от одного сказанного мной слова... Никогда!

И, прошелестев юбками, она вышла из кабинета.

Эдмунд медленно опустился на стул. Кровь отхлынула от его лица, придав ему мертвенно-бледный оттенок. Неужели девчонка всерьез полагает, что он может как-то наказать ее? Нет, подумал он. Он не пошевелит и пальцем. Потому что... она не сделала ему ничего плохого.

Лишь сказала правду в лицо.

Если уж Господу было угодно забрать одного из моих сыновей, то почему он не выбрал тебя? Боже, как же я жалею, что ты вообще родился!

Ведь это его слова! Сердце его стиснули стальные обручи. Смысл произнесенных в запале жестоких слов наконец дошел до его сознания. Господь всемогущий, — растерянно подумал Эдмунд, — а ведь она права! Он — настоящее чудовище...

Как он мог сказать такое Габриэлю? Святые небеса! Как?

Распустил свой длинный язык, вот как. Потому что не привык отвечать за свои слова... А теперь уже ничего не изменишь...

Впервые в жизни Эдмунд Синклер, герцог Фарли, увидел себя со стороны — глазами Кассандры... Холодный, резкий, высокомерный и бесчувственный самодур.

И понял, что таков он и есть на самом деле.

Его плечи поникли. В нем в эти минуты не осталось ни капли гордости. Лишь бездна отчаяния и сожаления. До него наконец дошел весь кошмар того, что приходилось испытывать Габриэлю. И что бы сын ни испытывал к нему когда-то, все давно уже переплавилось в

ненависть. Он убил его любовь и уважение собственным пренебрежением. А теперь... Теперь уже поздно что-либо изменить...

Он полагал, что у него остался хотя бы один сын. Но, очевидно, он потерял обоих.

Кесси была слишком зла и взбудоражена, чтобы оставаться в Фарли. Ей надо было развеяться и поразмышлять наедине. Переодевшись в свою амазонку, она отправилась на конюшню. И не особенно мудрствовала в выборе маршрута, а просто дала волю маленькой кобылке, на которой всегда совершала прогулки. Вскоре умное животное ленивой трусцой подвезло ее к особняку Уоррентонов. Хотя само фамильное гнездо герцога было величественным сооружением, окружавшие его земли не отличались особой ухоженностью и не шли ни в какое сравнение с безукоризненно спланированным Фарли.

Кесси стряхнула с амазонки пыль и решительно позвонила в дверь. Когда экономка провела ее в гостиную, она с опозданием сообразила, что вообще-то заявила без приглашения, что так у воспитанных людей не принято. Но Эвелин встретила ее с распростертыми объятиями, тон и поведение ее были теплыми и дружелюбными, как обычно. Ни слова упрека! И все же Кесси втайне обрадовалась, когда Эвелин походя сообщила, что отца нет дома. Несмотря на то что герцог был безукоризненно вежлив, его холодные манеры заморозили бы любого. Слава Богу, решила Кесси, что не придется тянуться по струнке и следить за каждым своим жестом и словом.

Они с Эвелин прекрасно провели время, болтая за чаем. Но когда Кесси начала поддразнивать подругу насчет безутешных кавалеров, оставленных в Лондоне, девушка заметно опечалилась.

Кесси тоже нахмурилась.

— В чем дело? — спросила она.

Эвелин аккуратно разгладила складочки платья и лишь потом взглянула на Кесси.

— Мне... очень жаль, что... отец так решительно настроен выдать меня замуж.

Она печально вздохнула и покачала головой:

— Я знаю, что все это... моя впечатлительность... но иногда мне кажется, что он больше ни о чем другом и не думает. Представьте, он уже начал строить планы насчет грандиозного бала в начале следующего сезона, а до него еще целых полгода!

Кесси с минуту пристально разглядывала подругу.

— К нему уже обращались с предложениями? Эвелин кивнула:

— Да, виконт Эштон...

— Но он же отклонил его, разве не так? Эвелин передернула плечами:

— Конечно! Эштон — наглый развратник, это ни для кого не секрет, к тому же — охотник за богатым приданым! — Девушка вздохнула. — Мне еще повезло, что отец помешан на титулах и не отдаст меня за кого попало. Он мечтает выдать меня по меньшей мере за графа.

Она помолчала, оставившись на остывший чай. Кесси видела, что все это тревожит Эвелин гораздо больше, чем ей сначала казалось, потому что подруга теперь выглядела очень и очень

грустной. Но уже через минуту ее личико прояснилось, так что Кесси даже не была уверена, что это не почудилось ей. А Эвелин вдруг встала и просияла радостной улыбкой:

— Ладно, хватит обо мне! Это скучно. Я бы с большим удовольствием поговорила о вас с Габриэлем.

Кесси потупилась. Память о том, что Габриэль делал с ней всего лишь прошлой ночью — а она позволяла это! — заставила ее покраснеть до корней волос.

Эвелин радостно рассмеялась и погладила Кесси по руке:

— Можете ничего не рассказывать, дорогая. Налицо все признаки улучшения ваших отношений.

Теперь уже Кесси не стала вдаваться в подробности — из суеверного страха сглазить то, что возникало между ней и мужем.

— Не стоит питать надежды там, где они неуместны, — сдержанно проговорила она.

— Глупости! — воскликнула Эвелин с такой убежденностью, что Кесси удивлением уставилась на нее. — Габриэль любит вас, в этом нет ни капли сомнения. О, сам он этого, возможно, и не осознает — мужчины иногда такие тугодумы, вы же знаете! Но я не раз наблюдала за ним, Кесси, и когда вы в комнате, он просто не сводит с вас глаз. А если его глаза и ум так заняты вами, то когда-нибудь и сердце последует их примеру.

Кесси не стала переубеждать подругу. Взгляды Эвелин на жизнь всегда были такими оптимистичными и радужными, что было просто грешно разочаровывать ее. Кесси отставила в сторону свою чашку и с расстановкой произнесла:

— Эвелин, если вы не возражаете, то расскажите мне о матери Габриэля.

— Конечно, не возражаю. Боюсь только, что мало чем вам помогу. Я помню ее лишь смутно, ведь прошло столько лет с тех пор, как она умерла.

— Знаю! — быстро вмешалась Кесси. — Но я как раз хотела бы побольше узнать о ее смерти... Габриэлю эта тема неприятна, так что я не решаюсь беречь ему душу. Миссис Мак-Ги как-то проболталась, что ее смерть была очень трагичной. Вот я и подумала, что, возможно, Габриэль был с ней до самого конца... Она долго болела, прежде чем умерла?

— О нет! Ее смерть и правда потрясла всех, тут все верно. Но это был несчастный случай, совершенно жуткий. Вы знаете озеро в Шарли? Там это и произошло.

Озеро. Сердечко Кесси странно дрогнуло.

— Я не знала, — слабым голосом произнесла она, — что это случилось именно там.

— Она, кажется, была одна. У нее была маленькая лодочка, на которой она часто каталась. И однажды... эту лодку нашли пустой посреди озера. — Эвелин помолчала. — А саму Каролину нашли несколько дней спустя.

Кесси подавила приступ дурноты, от которой стало трудно дышать.

— Боже праведный! Вы хотите сказать, что... она...

— Да, — спокойно подтвердила Эвелин. — Она утонула.

Глава 18

Кесси с трудом удалось сохранить спокойствие, но, покидая Уоррентон, она была не на шутку встревожена. Ее трясло от одной мысли о том, как умирала Каролина Синклер. Одновременно еще одна мысль занозой засела в ее сердце. Почему Габриэль ни слова не проронил о том, что его мать утонула? Он, кажется, не собирается делиться с ней своими горестями, и от этого на душе становилось еще тоскливее.

Идиотка, мысленно одернула она себя. Он ведь прекрасно знает о твоём паническом страхе перед водой... Очевидно, муж просто щадит тебя.

Не имело смысла ломать голову над этой загадкой. Независимо от того, что двигало Габриэлем, она не собиралась сообщать ему, что знает теперь, как умерла Каролина. Подобные воспоминания лучше не тревожить.

Кесси решительно сжала губы и вовремя поднырнула под нависшую над тропой ветку. Мысли о Габриэле неизбежно привели к размышлениям о его отце... Ей ужасно не хотелось возвращаться в Шарли, потому что неизвестно еще, во что выльется гнев Эдмунда. Бог знает, почему он вообще молчал, пока Кесси высказывала ему нелюбезные вещи, но в одном она была уверена: долго у него это состояние не продлится. Она еще испытает всю силу его неприязни.

Именно в эту секунду у нее возникло неприятное ощущение, что за ней следят... поджидают ее... Волосы на затылке вдруг встали дыбом.

Боже, да ведь она совсем рядом с беседкой, не без содрогания подумала Кесси. Пусть она и показалась ей когда-то очаровательной, Кесси так ни разу и не побывала там после жуткого выстрела неизвестного браконьера.

Кесси остановила кобылку Ариэль и громко крикнула:

— Кто здесь?

В ответ — лишь молчание. Вся земля вокруг была укрыта опавшей оранжево-желтой листвой. Рассеянные солнечные лучи просачивались сквозь густые ветви деревьев. Хотя осенний день был ясным и солнечным, ужас сковал ее холодом так, что ей с трудом удалось заставить себя дышать.

Она вонзила каблуки в бока лошади и едва не вылетела из седла, когда та рванулась вперед. Прильнув к гриве животного, Кесси так и доскакала до Фарли. Обессиленно соскользнув на землю, она молча вручила поводья груму.

И лишь тогда заметила, что из конюшни исчезла черная с позолотой карета Эдмунда. Встретив в холле миссис Мак-Ги, она тут же спросила ее:

— Его светлость не говорил, когда собирался вернуться?

Миссис Мак-Ги пожала плечами и улыбнулась:

— Герцог как-то неожиданно собрался и уехал. Но вообще-то он всегда проводит один из осенних месяцев в Бате.

Кесси закусила губу. Она не тешила себя иллюзиями. Герцог уехал из-за нее... и Габриэля. И хотя испытала облегчение, что не пришлось столкнуться с ним лицом к лицу вскоре после ее вспышки, ей было все же неловко, что она как бы выгнала старика из дома.

За обедом она почувствовала себя еще неуютнее, сидя за огромным обеденным столом в одиночку.

Она валилась с ног к тому времени, когда поднялась к себе в спальню. Но еще долго, после того как отпустила Глорию, бродила по комнате, напрягая слух: вдруг Габриэль вернулся из Лондона? Было уже далеко за полночь, когда усталость сменилась отчаянием, а потом и вообще отупением. Наконец, она нырнула под одеяло. Но и во сне ей не было покоя.

Она снова была в рожице, только на этот раз без Ариэль. И она бежала. Одна-одинешенька. Спасалась. Сердце выскакивало у нее из груди.

Воздух был сумрачным и густым, как туман. Какие-то монстры тянули в тумане к ней руки, словно подталкивая ее. В жалкой попытке увернуться от них, она бежала все быстрее и быстрее. Ветки больно хлестали ее по лицу, кололи ей щеки, цеплялись за платье. От напряжения болели все мышцы. Она споткнулась и упала.

Ни с тою ни с сего рядом оказалось озеро, бирюзовые воды которого были спокойны. Ни единой волны. Она могла наблюдать за собой со стороны, словно выскользнула из своего тела. Она стояла на пристани в состоянии, близком к обморочному... И попыталась было закричать, когда к ней потянулась невесть откуда ваявшаяся рука и толкнула ее... Тут она снова оказалась в собственном теле. Ледяная вода накрыла ее с головой. Она задыхалась, пытаясь не наглотаться воды и выжить. Окруженная со всех сторон водой, она барахталась, изо всех сил стремясь выбраться на поверхность. Но что-то упорно тянуло ее вниз, ко дну, в черноту... Все ниже и ниже. Она попыталась закричать. Вода хлынула в ее открытый рот, она захлебнулась, потому что проклятая жидкость тут же попала в легкие. Как странно! — успела подумать она. Потому что нельзя же с полными воды легкими орать... А она собственными ушами слышала свой жуткий крик, молящий о помощи...

— Кесси! Открой глаза. Это просто сон, дорогая. Ночной кошмар.

Приказ прозвучал вовремя. Потому что сознание мгновенно вернулось к ней. Кесси открыла глаза. Рядом с ней мерцала свеча. Лицо Габриэля слегка расплывалось, покачивалось перед ней. Его сильные руки поддерживали ее за спину. Она со стоном прижалась к нему, вцепившись в его рубашку. От него так чудесно пахло теплом и силой!

— Я и не знала, что вы успели вернуться, — прошептала она.

— Я только что вошел. Ты меня до смерти испугала. Мне показалось, что к тебе в комнату прокрался какой-то маньяк и пытается задушить. — Муж ласково погладил ее по спине. — Что тебе приснилось?

Она с трудом подавила дрожь. Нет, нельзя рассказывать ему такие вещи. Внезапно она почувствовала себя законченной идиоткой.

— Да так, ерунда. — Она подняла голову и покаянно улыбнулась. — Я сегодня в полдень ездила к Уоррентонам и на обратном пути почувствовала вдруг, что за мной кто-то следит.

— Ты была одна?

Она нахмурилась, потому что он сразу напрягся.

— Да, — прошептала она ему в плечо. Чертыхнувшись, он отодвинулся. Его губы превратились в тонкую линию.

— Кесси! Я же запретил тебе выезжать без сопровождения! Я думал, мы с тобой договорились.

Ее улыбка дрогнула: он был таким сердитым.

— Эвелин ездит без всякого грума, и ничего!

— Эвелин не пришлось пережить нескольких так называемых несчастных случаев!

Кесси застыла и затаила дыхание. Она пристально посмотрела на мужа:

— Вам они не показались случайностью?

Габриэль ругнулся про себя. Он сказал слишком много, а знал еще слишком мало, почти ничего. Но возможно, это даже к лучшему.

— Скорее всего они и есть несчастные — что стрельба в роще, что нападение в Лондоне.

Ему не хотелось пугать ее, но она должна понять, что нужно постоянно быть начеку.

— Я нанял сыщика, чтобы тот отыскал бандита, напавшего на тебя. И сегодня выслушал его отчет в Лондоне. К сожалению, мерзавцу удалось ускользнуть от правосудия.

— Мне казалось, что вы сочли его обычным вором?

— Все так. И все же я бы хотел, чтобы его поймали.

Габриэль помолчал, обдумывая каждое слово. — Кесси, не хотелось бы понапрасну пугать тебя, но необходимо расследовать эти случаи. Поэтому подумай и ответь: остался ли кто-нибудь в Чарлстоне, кто желал бы твоей смерти? Кто-то связанный с твоей семьей, может быть?

— Я уже рассказала вам все, что знала. Нет у меня никого. Мой отец, кто бы он ни был, не подозревает даже, что я существую. — Она покачала головой. — Боюсь, единственным человеком, который мог пожелать мне зла, является ваш отец.

Габриэль помрачнел.

— Его светлость уехал сегодня в Бат. — Кесси закусил губу.

— Странно! Я видел его деловой календарь. Он не собирался никуда уезжать.

Кесси отвела глаза в сторону:

— Боюсь, что этот неожиданный отъезд полностью на моей совести.

— Что-о?! — Его смешок выражал полное недоверие. — Янки, я сомневаюсь, есть ли на земле хоть один человек, который сумел бы вынудить моего отца сделать что-то против его воли.

Она немного поколебалась, но все же решила признаться:

— Я случайно услышала, как вы ссорились этим утром. И пришла в ужас от того, что он вам наговорил. И... расвирепела из-за его бессердечия. Боюсь... по этой причине... я не очень выбирала слова, когда... выложила ему все, что об этом думаю.

— Понятно.

Его лицо стало холодной маской. Он отодвинулся от нее. Кесси мгновенно ощутила его недовольство и съежилась. Подбородок его тут же отяжелел и застыл, словно отлитый из бронзы.

— Нет нужды бросаться на мою защиту, янки. Уверю тебя, я вполне способен сам постоять за себя.

Он полностью закрылся от нее — душой и телом. Захлопнулся. Ну, и как прикажете его понимать? Совсем недавно был сама доброта и внимательность, зато теперь ведет себя, как чужой, от него так и веет зимней стужей. Обида и возмущение преобразили ее, и она гордо подняла голову, готовая к бою.

— Давайте уточним, милорд. — Теперь ее тон был под стать его собственному. — Вы хотите сказать, что я не имею права вмешиваться в вашу жизнь?

— Боже, янки! — Улыбка на секунду осветила его мрачное лицо. — Оказывается, мы отлично понимаем друг друга! Стиснув кулаки, Кесси встала.

— О да, я вас очень хорошо понимаю, Габриэль! Даже то, чего не поняли вы сами. Вы точная копия своего отца — такой же упрямый и высокомерный слепец! Считаете себя выше его, смеете судить его за ошибки! Презираете за равнодушие к вашей матери... за то, что он относился к ней так, как вы относитесь ко мне! О, недаром говорят: яблочко от яблони недалеко падает! — Она резко повернулась и прошла к двери между их спальнями. — Я буду весьма признательна, если вы оставите меня. — Ее тон и взгляд выражали презрение.

Глаза Габриэля опасно сверкнули. Но на лице не дрогнул ни один мускул.

Но Кесси уже так завелась, что не боялась ни Бога, ни черта.

— Вы слышите? Уходите! — Она в сердцах топнула ногой. — Убирайтесь!

На его губах заиграла улыбка. Он широко расставил ноги и засунул большие пальцы в карманы бриджей.

— И не подумаю, мадам. — Вот и все, что он ответил на это. Но глубоко внутри он был задет тем, что она сравнила его с отцом — его отцом! Он тут же выбросил эту провокационную мысль из головы — от греха подальше.

И вместо того чтобы оправдываться, принялся медленно разглядывать ее так, словно не было дела важнее этого. Свеча за ее спиной просвечивала тонкую ткань ночной рубашки, делая ее совершенно бесполезной, поскольку она теперь ничего не скрывала. Все тело Кесси было на виду: упругая, полная грудь, темные круги у сосков, тень треугольника там, где сходились бедра.

И все это придало его мыслям совершенно иное направление.

Кесси слишком поздно поняла, что весьма уязвима в своем воздушном облачении. Этот блеск в

его глазах был уже знаком ей. Ее пальцы стиснули от волнения дверную ручку, когда он начал приближаться. Ему же хватило одного рывка, чтобы отцепить ее пальцы и захлопнуть дверь.

Мятежный огонь все еще пылал в ней.

— Будьте вы прокляты! — закричала она. — Я не позволю вам прикоснуться ко мне!

Раздался торжествующий смех самца:

— Но я обязательно прикоснусь к тебе, радость моя. И не только руками.

Она гордо вскинула голову, хотя он фактически загнал ее в угол.

— Я не позволю! Сначала вы опрокидываете на меня ледяной душ, а потом вдруг маните пальцем, поскольку вам пришла в голову очередная блажь, и ждете покорности!

Он шагнул еще ближе. Кесси побледнела и попятилась. Он снова шагнул, и Кесси сделала шаг назад. Так они двигались своеобразным тандемом, пока Кесси не коснулась спиной двери. Он уперся в дверь так, что она оказалась в капкане его рук. Она запаниковала. Проявила характер, называется! Он стоял почти вплотную, так что ее грудь задевала его рубашку при каждом вдохе.

Он почти не скрывал своей злости. Она металась в его глазах подобно ртути.

— Ты не права, янки, потому что кое в чем я существенно отличаюсь от отца. Мне необычайно повезло, что я вообще появился на свет. Ведь он не испытывал к матери ничего, даже простого физического влечения. Со мной же, сладкая моя, творится невесть что, стоит тебе лишь оказаться поблизости. Мое тело мгновенно напоминает мне, что я мужчина. И с очень большим аппетитом. Одним словом — темпераментный.

— Темпераментный?! — презрительно фыркнула Кесси, изображая бесшабашность, хотя все в ней сжималось от страха. — Знаю я причину вашего темперамента: оказались в деревне, где, кроме меня — ни одной женщины, а любовница осталась в городе. Вот и возвращайтесь туда — назад, в пылкие объятия любовницы!

— Моей любовницы?

— Да. Кажется, ее зовут леди Сара?..

— Я не видел ее уже много месяцев, янки. И не желаю видеть. Кроме того, зачем мне она, если меня всегда ждет такой восторженный прием в твоих объятиях!

— Больше вам такого приема не окажут! Она толкнула его в грудь. Он же чуть наклонился вперед, так прижав ее к двери, то она и пальцем не могла пошевелить.

— Сопротивляться бессмысленно, янки. И мы оба знаем что.

— О! — возмутилась она. — Теперь вы решили испытать на мне свое обаяние? Думаете, я такая дура, что сочту вас неотразимым? Если вы тешите себя такими мыслями, то явно поглупели!

— Может быть, и так, — поддакнул он чуть охрипшим голосом. — И я вовсе не навязываю — свое обаяние, как ты выразилась. Если честно, то это ты, янки, околдовала меня, словно опоила колдовским зельем, с той самой минуты, как я увидел тебя. И это ты неотразима. Заводишь меня так, что я с трудом сдерживаюсь... И мне уже не до того, чтобы искать во всем этом

потайной смысл...

Он склонился и прижался губами в сладкое местечко, где шея плавно переходит в плечо. Прикосновение его жарких губ пронзило ее, словно удар молнии.

— И хочу я от тебя вовсе не покорности. Я хочу тебя нагой и извивающейся и такой же страстной в моих объятиях, какой ты была прошлой ночью.

Он еще смеет напоминать ей об этом! Но его слова уже произвели тот эффект, на который он скорее всего и рассчитывал. Ее вдруг пробрала дрожь. Нет, не от страха или злости, а от его сводящей с ума близости.

Только она набралась смелости возразить ему, как его рот требовательно и жадно накрыл ее губы. Ночная рубашка была сдернута с нее меньше чем за секунду. А ладони тут же захватили в плен ее грудь и принялись играть с сосками. Глубоко в животе у нее затрепетали бабочки.

Раздираемая противоречивыми эмоциями, Кесси то стискивала, то разжимала кулачки на его груди. Кончики пальцев стали вдруг волшебным чувствительными: она ощущала его кожу сквозь ткань рубашки. И ее омыла волна желания, унеся прочь все сомнения и колебания. В следующее мгновение ее мучила лишь одна мысль: как бы поскорее избавиться от проклятушки рубашки, чтобы коснуться его горячей кожи, скользнуть по ней ладонями. И когда он сделал именно то, о чем она мечтала: сорвал с себя фрак, стянул через голову рубашку и прижал ее набухшие соски к своей груди, она едва не задохнулась от восторга. Ей пришлось силой сдерживать себя, чтобы не обвить его руками. Нельзя же так откровенно демонстрировать свою готовность сдаться!

Лишь не до конца исчезнувшая горечь остановила ее. Она хотела его, отчаянно, но было невыносимо больно понимать: ему было безразлично, что совсем недавно он обидел ее до глубины души.

Ей все же как-то удалось высвободить губы.

— Пожалуйста, Габриэль! — Ее мольба была похожа на рыдание. — Вы делаете это лишь потому, что я посмела возразить вам.

Его глаза сверкнули серебряным огнем.

— Нет, — выдохнул он. — Я ведь сказал тебе вчера, что эта дверь никогда не захлопнется передо мной. Я не шутил. И делаю это сейчас лишь потому, что мы оба жаждем этого.

Он донес ее до кровати. Раздевшись донага, он вытянулся рядом с ней

Господи, помоги, но он был прав. Она так и пылала от желания и увлажнилась лишь от мысли о том, что он сейчас сделает с ней.

Его язык раздвинул ее губы таким эротичным жестом, что она тут же включилась в восхитительную игру. Пальцы его все никак не могли оторваться от ее сосков, хотя те уже набухли и трепетали от желания, чтобы их приласкали ртом. У нее чуть не помутилось в голове от накатившей волны блаженства. Тут его грудь медленно скользнула вниз, словно он лучше нее знал все ее желания.

Но она еще многого не знала. Ей предстояло еще многому научиться...

И он рьяно принялся обучать ее.

Не то чтобы это происходило сознательно. Осознавал он лишь всеокрушающее желание доставить ей незабываемое и ни с чем не сравнимое удовольствие. И обладать ею. Никого и никогда он не жаждал так, как эту женщину... всю ее... вот так... и эдак, старым, проверенным веками способом... и любим другим тоже.

Но сейчас порадуем ее вот так. Он скользнул еще ниже. И его язык оставил пылающие следы на ее животе.

— Габриэль, — охнула она. — Великий Боже... что?..

Он так навалился на нее, что она поневоле раздвинула ноги. Она беспомощно вцепилась в его напрягшиеся мышцы. Но он не уступал.

И вот он уже пробует ее на вкус. И тут же в нем вспыхнуло сумасшедшее пламя, опалившее и ее таким всплеском эротического огня, что она увлажнилась еще больше. Он застонал. Она была горячее и сладкой.

Она оторвала голову от подушки. А он снова и снова дразнил ее влажные гладкие мышцы, смакуя неповторимый вкус своей женщины. Ее пальцы погрузились в его волосы. Она задрожала. Бедра ее дернулись навстречу его губам и языку. Кровь загудела в нем от первобытного счастья: он дал ей то, чего она неосознанно желала.

Затем он коснулся ее распутившегося бутона женственности, и этот вытворявший с ней черт знает что язык довел ее до иступления. Тело ее забило в конвульсиях. Чувствуя, что и сам больше не выдержит, он опустился на нее. Подернутые дымкой глаза Кесси открылись. И он, и она не сводили глаз друг с друга, пока он снова и снова погружался в нее, приближаясь к развязке сладкой драмы.

Семя внутри него было уже готово излиться, но он сдержал свой порыв. Он хотел, чтобы она узнала восторг совокупления в полной мере.

Она впила ногтями в его плечо.

— Габриэ-э-эль!

Ее крик подстегнул его. Он прильнул к ней голодным и жадным поцелуем. И, словно обезумев, откликнулся на ее мольбу, участив темп и пронзая ее все чаще и глубже. Он ли владел ею... она ли им? Кто знает? Да и это стало вдруг не важно. Потому что все его мысли сосредоточились на спазмах мышц вокруг его пульсирующей плоти. Со сдавленным стоном он взорвался внутри нее и преисполнился не меньшим ликованием и восторгом, от которых под ним содрогалась Кесси.

Глава 19

Осень раскрасила все в яркие красно-коричневые и золотые тона. Дни стали значительно короче, а по ночам температура опускалась почти до нуля. Холод на улице совпал со стужей, воцарившейся в сердце Кесси.

Все последние недели ее снедала тревога. И от нее никак не удавалось избавиться, потому что семя сомнения было посеяно и взошло. Что, если Габриэль прав? Что, если кто-то задумал известить ее любой ценой? Она ненавидела себя за собственную подозрительность, но Эдмунд

страстно ненавидел американцев. Он вполне мог решиться на то, чтобы раз и навсегда избавиться от невестки из Нового Света.

Он еще не вернулся из Бата, за что Кесси благодарила небеса. Частичка ее души корчилась от понимания того, что Эдмунд вполне мог быть организатором всех ее несчастных случаев. Габриэль же, кажется, убежден, что отец никогда не позволит себе ничего против его жены. Сама же Кесси не смогла припомнить больше никого, кому бы столь же страстно хотелось уничтожить ее.

Но на этом ее тревоги не заканчивались.

Они с Габриэлем больше не отказывали себе в плотских радостях, которые обретали в объятиях друг друга. Когда он занимался с ней любовью, то требовал от нее полной самоотдачи — и даже больше. Вначале сумасшедшая страсть, с которой ее тело откликалось на его ласку, пугала ее. Еще больше ее страшило, что тело предавало ее сразу же, достаточно было лишь одного поцелуя мужа. Ну и куда это годится? Но сдерживать себя и контролировать она так и не научилась, а со временем перестала и жалеть об этом. Его объятия были иногда страстными и собственническими, а иногда пронзительно нежными и сладкими. Но хотя ее ночи и были теперь заполнены изучением искусства любви, дни ее по-прежнему причиняли ей бесконечные страдания.

О, свое тело Габриэль дарил ей с поистине царской щедростью! А вчера, например, страстно шептал ей, какое блаженство пережил в ее объятиях, какой восторг испытывал от ее робких попыток исследовать его обнаженное тело. Но стоило наступить утру, как его теплота и нежность таяли, а на страсть надевались оковы жесточайшего контроля.

Кесси это просто убивало. Он столь тщательно скрывал от нее свои эмоции, так отгораживался, словно надевал на себя железные латы. Он не допускал ее ближе определенной черты... а она всем существом желала оказаться именно там... за этой заветной чертой...

Ее никогда не интересовали богатство, драгоценности и шикарные платья, хотя Габриэль и был убежден в обратном, чем причинял ей боль. Если честно, то она должна была бы ликовать от счастья лишь потому, что у нее есть дом и обеспеченное будущее и ей не грозят голод и нищета. Но Кесси не могла больше лгать самой себе. В глубине души она мечтала о счастливом браке, о муже, который бы всем сердцем боготворил ее, и о детях, которых бы хотели и любили они оба.

И этот груз, взваленный на нее предательским сердцем, возжаждавшим слишком многого, был тяжек. Ночами она молилась о том, чтобы Габриэль со временем полюбил ее, но боялась, что это недостижимая цель. Мечта ее становилась все туманнее и призрачнее, а вот одно предположение превращалось в абсолютную реальность.

Она была беременна.

И совершенно не представляла себе, как сказать об этом Габриэлю.

Она и не догадывалась, что ее тайна уже раскрыта.

Как-то в ноябре после полудня Габриэль работал в своем кабинете. В дверь робко постучали. Он замер с пером в руке и крикнул:

— Войдите!

Он недоуменно свел брови на переносице, когда в комнату бесшумно скользнула Глория. Она со страхом уставилась на хозяина, готовая сорваться и исчезнуть по первому же его приказу. Но пересилила себя.

— Можно мне кое-что сказать вам, сэр?

— Разумеется, Глория.

Он приглашающе махнул ей рукой, хотя по-прежнему недоумевал. Потому что не смог придумать ни одной мало-мальски уважительной причины, по которой могла бы обратиться к нему горничная жены.

Глория нервно теребила фартук, но отступить ей уже было некуда.

— Я знаю, это не моего ума дело, — выпалила она, — но только очень беспокоюсь за миледи.

Габриэль промокнул перо специальной тканью и отложил его в сторону.

— В чем все-таки дело, Глория? Расскажите мне все, как есть, без утайки.

— Видите ли, милорд, на мой взгляд, она последний месяц прихварывала. О, я знаю, она все время делает вид, что с ней все в порядке, никогда не пожалуется! Но уже несколько раз за последние две недели она так бледнела и слабела, что... Боже, да не будь меня рядом, она бы хлопнулась в обморок, сэр!

Габриэль нахмурился. Кесси не относилась к истеричным дамочкам, которые падают в обморок из-за любого пустяка и более напоказ, чем от дурноты. Кроме того, у Кесси гордости на пятерых, она стерпела бы даже побои, лишь бы не жаловаться. Стиснула бы зубы... и все.

— Значит, тебе кажется, что она больна?

— Понимаете, милорд, странность в том, что иногда она словно юная козочка на лужайке — свежая, бодрая, так и лучится энергией. А временами ей так плохо, что не хватает сил выбраться из кровати. Вы уж простите мне мою прямоту, сэр. Только я много раз пыталась убедить миледи показаться врачу, но она и слышать об этом не хочет!

Габриэль встал.

— Спасибо, Глория. И за твое внимание, и за заботу о миледи. Ты правильно сделала, что обратилась ко мне. Можешь быть спокойна, я прослежу, чтобы твоя хозяйка перестала пренебрегать собственным здоровьем.

Глория быстро сделала книксен и вышла, чувствуя удовлетворение, смешанное со странным чувством вины. Она прекрасно знала, что за хворь напала на хозяйку, но волновалась из-за того, что та очень тяжело переносила свое состояние. Надо было непременно посоветоваться с врачом, а хозяйка упорно не желала делать этого. Было непонятно, достаточно ли серьезно отнесся к этой новости хозяин. К сожалению, ни один из слуг в Фарли-Холле понятия не имел, как милорд и миледи относятся друг к другу. Все они питали, конечно, надежды на лучшее, но и сомнений хватало. Но, выглянув из-за угла, Глория довольно заулыбалась: милорд граф поднимался по лестнице, прыгая через ступеньки.

Наверху, в спальне, Кесси сидела в кресле-качалке у окна, держа на коленях вышивку. Пальцы ее застыли без дела, зато голова чуть не раскалывалась от мыслей... Когда Габриэль

стремительно влетел в комнату, она подняла глаза. Лицо его казалось бронзовым на фоне белого галстука и таким прекрасным, что дух захватывало. Она попыталась улыбнуться.

Сложив руки на груди, он выпалил:

— Глория сообщила мне, что ты заболела.

Кесси часто-часто заморгала. Она и сама не знала, чего ждала от него, но только не этого. Отрицательно замотав головой, она переложила вышивку с колен на столик.

— Глория, — беспечно произнесла она, — впадает в панику из-за любого пустяка.

Бровь супруга немедленно поползла вверх.

— А еще она сказала, что ты несколько раз чуть не потеряла сознание.

— Но ведь не потеряла же! Так что она лишь зря переполошила вас.

— Не согласен. И не думай, что я позволю тебе отмахнуться от этих обмороков, словно они не заслуживают внимания. Более того, я совершенно не понимаю, почему ты сама не рассказала мне о них?

Улыбка Кесси погасла. И никуда не деться от наполнившей душу горечи. Интересно, как бы он отреагировал, если бы она так же прямолинейно, как и он, сказала ему, что не видела в этом прока, — она же знала, что на самом деле ему это совершенно безразлично.

Но тут же ее сердечко испуганно запрыгало. Что скажет Габриэль, когда узнает правду? Она очень боялась, что его реакция... будет крайне... отрицательной. Во всяком случае, не такой, какой ей хотелось бы...

Одного этого было достаточно, чтобы как можно дольше хранить тайну. Ее состояние и без того скоро станет очевидным для всех.

— У меня действительно было несколько сильных головокружений, — осторожно пробормотала Кесси. — Я молчала потому, что они проходили так же быстро, как и накатывали.

— Тем не менее ты должна была сообщить мне о них. Судя по тому, что эти обмороки повторяются, все гораздо серьезнее, чем тебе кажется. Поэтому я вызову врача. Он, вне сомнения, сможет разобраться во всем и выписать какое-нибудь лекарство.

От захлестнувшей ее паники у Кесси потемнело в глазах. Она вскочила с кресла.

— Нет! — закричала она. — Мне не нужен никакой врач! И эти обмороки пройдут сами по себе, уверяю вас, как и плохое самочувствие! Все пройдет!

— Откуда ты можешь знать это, янки?

— Уверена, и все тут! Я уже себя прекрасно чувствую, честное слово!

Габриэль сощурился:

— Но ведь ты не можешь отрицать, что временами чувствуешь слабость. Если можешь объяснить мне причину, то так и сделай. Но немедленно, пока мое терпение не лопнуло!

Кесси потупила глаза. Кажется, ее снова загнали в ловушку.

Она медленно подняла голову.

— Это вовсе не болезнь, — проговорила она. Затем сглотнула, хотя во рту все мгновенно пересохло. — Я... беременна.

На его лице мелькнули оторопь и недоверие. Он смерил ее взглядом с головы до пят, словно хотел убедиться, что она лжет. Помолчав, процедил затем сквозь зубы:

— Ты уверена?

Его реакция совершенно убила ее, и она грустно кивнула.

— И как давно?

Кесси заколебалась. Когда же наконец открыла рот, то едва слышно выдохнула:

— Я не очень уверена в сроках. Кажется, около четырех месяцев.

Габриэль молчал. И это его молчание было сокрушительным ударом по ее нервам. В глазах у нее заблестели слезы. Ей потребовалась недюжинная храбрость, чтобы прошептать:

— Вы не рады?

В два огромных прыжка он оказался рядом с ней.

— Что-о? Ты предполагала, что я приду в восторг от этой новости? — Он повернул ее лицо к свету и уставился на залитое слезами лицо. — Твои слезы говорят сами за себя. Ты не больше меня рада этому!

Боль в груди стала просто невыносимой. О Боже, и он считает, что изучил ее вдоль и поперек! А сам и понятия не имеет, что творится у нее в душе!

Слезы комом застревали в горле. Она умоляюще подняла руку.

— Пожалуйста, Габриэль, не сердитесь.

— Не сердись, говоришь? — Он яростно сжимал и разжимал кулаки. В его глазах пылали адские огни. — Ты хотя бы понимаешь, что это значит? Это же исполнение заветной мечты моего папаши! И именно я осчастливлю его! Можешь быть уверена: он-то будет в полном восторге! Наконец у него появится долгожданный внук!

Он резко повернулся и, спотыкаясь, прошел к себе в спальню. Кесси, словно в трансе, двинулась вслед за ним, но застыла на пороге, глядя, как он бросает в чемодан вещи.

Он даже не взглянул в ее сторону. Но она видела, что он просто кипит от ярости. Сам воздух между ними накалился до предела. Лишь когда он пошел к выходу, она нашла в себе силы нарушить гнетущее молчание:

— Габриэль... вы уезжаете?

Он остановился. Всплеск холодной ярости в его глазах был сильнее удара хлыста.

— Я еду в Лондон, чтобы твой вид не напоминал мне ежеминутно о собственном идиотизме. Она не сумела сдержаться:

— Куда? — Слова вырвались у не помимо воли, словно рыдание. — К вашей любовнице?

— Отличная мысль, янки! — Он смерил ее презрительным взглядом. — Боже, — выдавил он, — если уж было так необходимо связать себя по рукам и ногам женой, то почему мой выбор пал на тебя? И почему ты не оказалась бесплодной?

Он отвернулся и вышел. Дверь захлопнулась с такой силой, что стены задрожали.

Убитая горем, Кесси разрыдалась. Ничто не могло бы ранить ее больше, чем эти слова. Все внутри у нее сжалось... и умерло. Сама душа, казалось, умерла. Но ведь она знала, что именно так он и отреагирует! Да, знала... и страшилась этого.

Храбрость окончательно покинула ее. Она рухнула на пол, жить ей было больше незачем, сердце было разбито вдребезги.

О, какая же она была идиотка! Полная! Наивная дурочка! Даже хуже! Совершенно сознательно дурачила сама себя столько времени!.. Габриэль не испытывал к ней ни малейшей нежности, никакой теплоты и понимания. И не собирался защищать ее. Но больше ей незачем обманывать себя.

Она любила его. Несмотря на его злость, равнодушие... Любила его.

И всегда будет любить.

Глава 20

Хотя ночь подходила к концу, толпа гостей в элегантной бальной зале лорда Честерфильда лишь слегка поредела. Габриэль был среди тех, кто провел здесь уже несколько часов. Он пил. Беседовал. Развлекался. Смеялся.

Кружа леди Сару в танце, он смотрел на ее улыбающееся лицо. Слушал ее непритязательную болтовню, но мысли его находились за тридевять земель. Да и видел он не леди Сару, а совсем другой образ... с волосами цвета золотого рассвета, глазами чистыми и яркими, как топаз, и губами такими мягкими и сладкими, какими бывает спелый сочный плод...

И все это время в нем бурлили самые противоречивые эмоции. Замешательство. Бешенство. Боль. Раздражение. И... что-то еще.

Раскаяние.

Он вздрогнул и понял, что танец закончился. Леди Сара коснулась его плеча:

— Я уже устала от этого шума и толчеи. Может быть, поедем ко мне, в более спокойную обстановку?

Глаза женщины зазывно сияли. Соблазнительная улыбка больше, чем слова, выдавала истинный смысл приглашения. Но Габриэля она не очаровала, не зажгла и не подтолкнула к решительным действиям.

— Боюсь, уже слишком поздно, миледи, — пробормотал он, не сводя с нее глаз. — А потому

вынужден отказаться от столь лестного предложения.

Она поняла его невысказанную мысль и лишь вздохнула. Но он знал, что она недолго оплакивала потерю его в качестве любовника, быстро найдя ему замену. Он поцеловал на прощание кончики ее пальцев и взглянул в сторону:

— Кажется, ваш следующий партнер по танцу уже идет сюда.

Он поклонился, попрощался с хозяином и вышел.

Грызущее его беспокойство усилилось, стоило лишь пробежать по каменным ступеням особняка. Он решил пройти пешком, чтобы развеяться.

На улице не было ни души, кругом царил туман. Полы длинного плаща то и дело обвивались вокруг ног. Шаги гулким эхом отдавались на пустынной улице.

Если уж было так необходимо связать себя по рукам и ногам женой, то почему мой выбор пал на тебя?

Святой Иисусе! Неужели он правда сморозил такую чушь? Что за дьявол вселился в него?

И почему ты не оказалась бесплодной?

Каждое слово вонзалось в мозг, словно гарпун. И поворачивалось круг за кругом, причиняя такие муки, какие и не снились грешникам в аду. И лишь тогда до него докричался голос совести. Как ты мог быть таким жестоким? Нет... не просто жестоким. Намеренно жестоким.

Хоть убей, он не смог бы объяснить, что за нечистая сила подзуживала его на подобные слова. Он чувствовал себя так, словно ему стиснули горло, перекрыв доступ кислорода в легкие. И бессильная ярость подогревала кровь до кипения. Ему вновь казалось, что он попал в умело подстроенную западню. В капкан! И обманула его красотка, которую он называл своей женой.

Тут он остановился. И прижал ладони ко лбу, словно хотел изгнать демонов, снова поднявших в нем голову.

Шаркающий звук заставил его вздрогнуть. Сквозь клочки тумана он рассмотрел женщину, устало добредшую до стены и прислонившуюся к ней.

Она была ужасающе бедна... и беременна. Скоро должна родить, судя по величине живота. И молодая, гораздо моложе его. Вот только глаза у нее такие усталые, старые и мудрые, что хотелось плакать. Было холодно, а у нее не было даже плохонькой накидки, чтобы защититься от холода, да и то, что на ней было надето, скорее напоминало лохмотья.

Но взгляд его словно приклеился именно к ее выпирающему животу. Скоро и Кесси родит и будет баюкать на руках ребенка. Нет, не так. Не просто ребенка. Его ребенка.

На мгновение Габриэль перестал дышать. От напряжения у него стиснуло легкие. Осознание величия и невероятности этого простого факта вдруг омыло его душу, наполнив ее непонятным благоговением. Он чуть не рухнул на колени на мостовую.

И почему ты не оказалась бесплодной?

Отвращение к самому себе разъедало нутро похлестче кислоты. Он вел себя с ней, словно она совершила неприглядный поступок или преступление! Как будто во всем этом была виновата

только она! Но если кто и виноват в подобной ситуации, то только он!

Губы его судорожно дернулись. Он ведь не обуздывал свои желания. Ночь за ночью он жаждал ее и получал все, что хотел получить. Брал ее каждую ночь. Эгоистично. Не задумываясь о последствиях. Отказываясь даже задуматься о них.

И... ненавидел себя за то, что занимался с ней любовью. Потому что всякий раз, когда уступал своему дьявольскому желанию, словно терял частицу себя...

Он покопался в складках плаща. Женщина устало взглянула на него, слегка попятившись, не уверенная в его намерениях. Но когда он протянул ей кошелек, полный монет, у нее даже глаза округлились от изумления.

— Возьми. Это тебе, — сказал он. Она охнула:

— Но, сэр... Это же целое состояние!

На его губах мелькнула улыбка. Она немного напомнила ему Кесси, когда они были в таверне Черного Джека. Она тогда тоже потеряла дар речи при виде кучки серебряных монет.

Он покачал головой:

— Какое там состояние! Но если ты с умом распорядишься этими монетами, то этого хватит тебе... и бэби на несколько месяцев.

Он решительно сунул кошелек в руку женщины. Та уставилась на него, немея от благодарности и тронутая до глубины души.

— Да благословит вас Господь, сэр! — Она прижала кошелек к груди и взглянула на него полными слез глазами. — Вы — святой, самый настоящий святой! Я никогда не забуду вас. Никогда!

Он стоял и смотрел, как она, тяжело переваливаясь, исчезла за углом, затем отправился к себе. Но когда добрался до особняка, то первым делом отыскал кучера.

Томас протер сонные глаза:

— Милорд! Что-то случилось? Габриэль покачал головой:

— Я решил вернуться в Фарли.

Парень недоуменно заморгал. Через крохотное оконце его комнатухи было видно, что небо уже порозовело на востоке. Начинался рассвет.

— Прямо сейчас, милорд?

Габриэль кивнул. Томас не стал мешкать и потянулся за одеждой.

Немного времени спустя Габриэль захлопнул дверцу кареты. Наверняка Томас решил, что хозяин сошел с ума: возвращается в Фарли, когда не пробыл в Лондоне и полдня. Виноватая улыбка растянула губы Габриэля. Возможно, он и впрямь свихнулся...

Поздним утром они уже въезжали в ворота Фарли-Холла.

Не успел он войти в дом, как сразу понял: случилось что-то ужасное.

С дюжину слуг скучилось в конце галереи. Первой его заметила Глория. Глаза у нее покраснели, словно она проплакала несколько часов подряд. Миссис Мак-Ги успокаивающе гладила ее по плечу, но и у нее самой глаза были заплаканные.

Все были настолько заняты чем-то, что даже не услышали, как он вошел.

— Что здесь, к дьяволу, творится?

Все застыли, словно марионетки в кукольном театре. Наконец Дэвис вышел вперед. Таким мрачным Габриэль его еще никогда не видел. Старик откашлялся, прочищая горло.

— Милорд, боюсь, мы вынуждены сообщить вам весьма скверные новости.

— Не тяни, Дэвис! — Габриэль невольно произнес это резче, чем хотел. — Выкладывай, что у вас случилось?

— Хорошо, милорд. Ее сиятельства не оказалось в спальне этим утром. И судя по всему, она и не ложилась спать. Сначала мы решили, что она отправилась в Лондон вслед за вами. Но она никого не просила отвезти ее, и ее лошадь как стояла, так и стоит в конюшне. Так что мы решили продолжить поиски. — В глазах старика отразилась мука. — Милорд, ее нигде нет!

— Этого не может быть! Плохо искали! Лицо Дэвиса посуровело:

— Мы обыскали весь дом, милорд, от чердака до подвала. И обшарили все поместье. И сейчас еще слуги прочесывают каждый куст. Но она... как сквозь землю провалилась, милорд. Мы знаем только, что не хватает нескольких платьев, а Глория говорит, что пропал маленький саквояж.

Кровь застыла в жилах у Габриэля. Лицо его приобрело пепельный оттенок. Мозг отказывался верить в услышанное.

— Возможно, милорд, что ее сиятельство нашла какой-то другой способ добраться до Лондона?..

— Не нашла... — потрясение произнес Габриэль. Желудок вдруг вытолкнул из себя все содержимое, и оно катастрофически быстро поднялось вверх по пищеводу. Дышать стало нелегко.

— Милорд...

Не дослушав взволнованных слуг, он рванулся вверх по лестнице. Дверь в спальню Кесси распахнулась после первого же удара. Постороннему Габриэль показался бы сумасшедшим. Но никто не видел его, так что никто и не узнал, насколько он был близок к помешательству.

Один... как никогда прежде.

Рядом с огромным шкафом для одежды валялся крошечный кружевной платочек. Он поднял его, уставившись на тончайший узор.

В груди его росло жуткое чувство невосполнимой потери. Он снова и снова вспоминал, какой видел ее в последний раз. Она была убита, бледна как смерть. Словно жальщие слова Габриэля пулями впивались в ее сердце, и оно кровоточило. На лице ее застыла мольба...

— Кесси! — закричал он. Пальцы скомкали кружевной платочек. — Кесси!

Эдмунд возвратился в Фарли-Холл три дня спустя. Широко распахнув двери перед герцогом, Дэвис склонился в низком поклоне:

— Как чудесно, ваша светлость, что вы вернулись!

— Да-а, домой всегда приятно возвращаться, Дэвис. — Эдмунд вручил дворецкому свою шляпу и трость. — Габриэль дома?

Дэвис ответил не сразу. К величайшему изумлению Эдмунда, дворецкий был в явном замешательстве:

— Он наверху, в своей спальне, ваша светлость. Эдмунд нахмурился, поскольку не привык к подобному поведению дворецкого.

— Что-то случилось, Дэвис?

— Все в ваше отсутствие разладилось, милорд. Но вы, наверное, предпочтете поговорить с его сиятельством...

Эдмунд тут же шагнул к лестнице.

— Ваша светлость, — позвал его дворецкий, — имейте в виду, что его сиятельство... немного не в себе...

Это было мягко сказано.

Шторы в спальне были плотно закрыты. Лишь скудный лучик света пробивался сквозь малюсенькую щелку. Стоя на пороге спальни сына, Эдмунд шурился, пытаясь привыкнуть к полумраку и разглядеть Габриэля.

Разглядев же, опешил. Он видывал сына в состоянии ярости. Видел его и безумно защищавшимся от обвинений и упреков. Не раз наблюдал раздраженным и мятежным, когда тот плевать хотел на всех и вся...

Но в таком состоянии — еще никогда.

Сын развалился в кресле у окна. Рубашка была кое-как заправлена в бриджи и свисала поверх них. Выглядела она такой мятой и несвежей, словно в ней спали несколько ночей подряд. Подбородок и щеки покрывала щетина трехдневной давности. Воздух в комнате был спертый, тошнотворно пахло спиртным.

— Боже. Габриэль! Да ты, кажется, пьян!

Габриэль медленно поднял голову. Налитые кровью глаза с трудом сфокусировались на фигуре отца. Его перегруженному алкоголем мозгу показалось совершенно естественным, что отец заявился, чтобы засвидетельствовать его жалкое состояние. На его губах появилась бессмысленная улыбка.

— С-совершенно в-верно, отец. Я налился и собираюсь продолжать в том же духе. Эдмунд сощурился:

— Что за чертовщина? В чем дело? И где Кассандра? В Лондоне?

Кесси. Даже простое упоминание ее имени вызвало новый приступ боли в сердце Габриэля. Он лишь помотал головой в ответ на вопрос отца, но тот не отстал от него:

— Тогда где же она, если не в Лондоне? Габриэль гневно взмахнул рукой и сшиб со стола пустые бутылки и стаканы. Все это с грохотом разлетелось на осколки.

— Дьявол бы все побрал! — взорвался Габриэль. — Тебе непременно надо услышать это из моих уст? Она бросила меня! Ясно? Бро-си-ла!

Эдмунд отшатнулся, словно его с размаху ударили под дых.

— Боже праведный! — простонал он.

Габриэль остановил на нем гневные пьяные глаза:

— Можешь не разыгрывать передо мной комедии! Разве не об этом ты мечтал дни и ночи?

Уже давно не грешил этим, промелькнуло в мозгу Эдмунда. Бог свидетель, это чистая правда. Хотя упрямства во мне побольше, чем у библейского осла. Так и не смог признаться сам себе, что уже давно смягчился.

Хоть режьте на куски, как и когда это произошло, Эдмунд не смог бы сказать. Но было глупо отрицать очевидное: это случилось. И уже не имело значения, что невестка была родом из ненавистной Америки, да и происхождения самого жалкого. Незаметно и помимо его воли и желания эта малышка умудрилась прокрасться в его сердце и отвоевать себе там местечко. Он и приоткрылся-то лишь на мгновение, чуть-чуть, но ей хватило и этого...

От стыда его бросило в жар. Он полностью заслужил презрение сына. И его ненависть — если уж быть до конца честным...

Гнев Габриэля иссяк так же внезапно, как и накатил.

— Она беременна, — выдавил он с трудом. — Из-за этого все и произошло. Эдмунд заволновался:

— Боже праведный! И куда же она могла отправиться? Думай, Габриэль, думай!

— Не знаю. Я ничего не знаю! Леди Эвелин тоже в полном неведении. Кристофер лишь от меня услышал, что Кесси исчезла.

Габриэль наклонился вперед и обхватил голову руками. Голос его понизился до шепота:

— Она взяла с собой всего несколько платьев. У меня в голове вертится лишь одна мысль: она бродит сейчас где-то совершенно беспомощная. Замерзшая. Голодная. Без денег и без крыши над головой.

— Мы найдем ее, Габриэль. Не сомневайся!

— Нет, — хрипло проговорил он. — Я заслужил это наказание, разве ты не понял? Она не хотела выходить за меня замуж. — Уголок рта у него нервно задергался. — Думала, что недостаточно хороша, чтобы стать женой лорда. Считала себя недостойной... — Он медленно поднял голову. — Она рыдала, когда я уезжал отсюда. А мне было наплевать. Вот такой я

бессердечный ублюдок... Едва закрою глаза, вижу, как она давится слезами...

У Эдмунда мучительно сжалось сердце, потому что сын смотрел сквозь него, и черты его лица исказило отчаяние.

— Когда она призналась мне, что беременна, я... взбесился. Совершенно обезумел от ярости. Ни на секунду не задумался, каково ей, не думал и о себе. Меня жгла одна-единственная мысль: ты, отец, так жаждал внука... и получил его.

Эдмунд боялся даже выдохнуть. Описываемая сыном картина вдруг четко и ясно, во всех подробностях возникла перед его глазами.

— Я наговорил ей... уйму гадостей... Очень жестоких... Таких, что волосы встают дыбом... И ведь не онемел, не унялся, пока не отвел душу...

Эдмунд вздохнул, затем быстро прошел через комнату и опустил на плечо сына ладонь.

— Всех нас иногда заносит, — тихо произнес он. — И каемся мы обычно, когда уже поздно что-то менять. Габриэль молчал. Эдмунд мрачно продолжал:

— Бог свидетель, я сам не безгрешен и вряд ли смогу дать тебе дельный совет. Но знаю, что твоя единственная надежда в том, что она простит тебя. У нее доброе и отзывчивое сердце. Но сначала, — сурово dokonчил он, — ты должен найти ее.

Глава 21

В этот холодный мартовский вечер таверна «Кроличья нора» была набита до отказа. Как обычно, когда в порт возвращается рыбацкая артель, в просторном пивном зале не осталось ни одного свободного места. Хриплые мужские голоса и раскатистый громкий хохот доносились и до кухни, где над тазом с посудой склонилась Кесси.

Она потеряла спину, которая теперь болела почти постоянно. Распухшие стопы были засунуты в тонюсенькие туфли из ткани, как в домашние тапочки, иначе бы они просто не налезли. Тут уж не до удобств и застежек. Она бы с радостью отпросилась у Эйвери на остаток вечера и скрылась в своем закутке на чердаке, но не осмелилась. Эйвери держал всю прислугу в страхе с помощью железных кулаков и не стеснялся раздавать тумаки при каждом удобном случае.

Когда Кесси бежала из Фарли, у нее не было определенной цели, лишь бы унести подальше ноги. Сначала ей крупно повезло: она добралась до Лондона без особых приключений. Там она решила устроиться белошвейкой в салон какой-нибудь модистки. Но одного взгляда на ее убогую и мятую одежду хватило, чтобы ей отказали во всех тех местах, куда она обращалась. А поскольку живот рос не по дням, а по часам, то ее шансы устроиться падали с каждым днем. Она была вынуждена продать все свои пожитки, чтобы как-то прокормиться.

Лондон немилосерден к беднякам, вынуждена была признать она. Он был куда дружелюбнее, когда она жила в городском особняке Габриэля. Хотя Кесси была согласна на любую физическую работу, одного осуждающе-презрительного взгляда на ее круглый живот хватало, чтобы дверь с треском захлопывалась перед ее носом. Несколько недель в январе ей пришлось вообще побираться на улицах.

И наступил день, когда ей показалось, что она заметила Габриэля. И снова обратилась в бегство. Лишь позднее ей пришло в голову, что он вряд ли разыскивал ее. Зачем ему это?

Вне всякого сомнения, он был счастлив отделаться от нее.

Ее метания закончились в пивнушке рыбацкой деревни в окрестностях Брайтона. У хозяина как раз уволился помощник повара, завербовавшийся на корабль, плывущий в Индию. И ее приняли. Несмотря на выпирающий живот. Но поблажек не делали. Трудно было себе и вообразить подобное, только Эйвери оказался гораздо хуже, чем Черный Джек. То, что он платил своей прислуге, было жалкой подачкой за тяжкую работу с утра до вечера. Но он разрешил ей ночевать на чердаке и раз в день, после того как все было вымыто и выскоблено, кормил бесплатно.

Неожиданный спазм в животе заставил ее напрячься. Она вцепилась в краешек стола так, что пальцы побелели. И улыбнулась, когда спазм отпустил.

Он теперь частенько буянил: ребенок под ее сердцем. Она была убеждена, что вынашивает мальчика — сына. Улыбка на ее лице постепенно померкла. Габриэль никогда не увидит своего сына, никогда не узнает о нем.

Да он и не хотел этого!..

Память невольно вернулась к ее последним дням в Фарли. Какой же она была легковерной дурехой! Вообразила, что Габриэль все нежнее с ней и даже начал по-своему любить ее... И лелеяла надежду, что рождение ребенка станет для них началом новой жизни, что они начнут строить ее, навсегда позабыв о мести и недоверии.

Вздыхнув, она утешила себя тем, что однажды эта горечь в ней ослабеет, пройдет. Вот только когда?

Что касается будущего, то Кесси не загадывала наперед. Ясно же и так, что Эйвери вышвырнет ее сразу же после родов. Жадность не позволит ему дать ей прийти в себя, ведь в это время она не сможет работать, а есть-то будет как всегда! Так что она снова окажется на улице, где и останется, ибо кому придет в голову нанять на работу женщину, обремененную младенцем? И хотя ее тело болело от тяжелой работы, боялась она как раз того, что потеряет ее...

Она так задумалась, что не заметила появления на кухне хозяина.

— Ты слышишь меня, клуша? — Он больно ущипнул ее за грудь. — Нам нужна помощь в зале, так что кончай спать на ходу! Там один хорошо одетый джентльмен пожелал выпить бренди. Слышишь? Бренди! Не эль, как все эти босяки. Отнеси-ка бутылочку за столик в углу. Да пошевеливайся!

Кесси поспешила выполнить приказ. Ставя бутылку на поднос, она невольно обратила внимание на свои руки. От пережитых зимой морозов и постоянного мытья полов они огрубели и покраснели так же, как во время работы у Черного Джека. Она печально улыбнулась. Определенно эти руки не могут принадлежать леди. Эвелин пришла бы в ужас.

Мгновение спустя она уже вышла в зал и, осторожно лавируя между столиками, стала пробираться в дальний угол. Поневоле ей вспомнилось, как однажды она уже подавала бренди джентльмену за угловым столиком...

Она успела рассмотреть его поверх голов пирующих рыбаков. Он был один и сидел к ней спиной. Внезапно грудь ее стиснули тревожные предчувствия. Наклон этой головы был ей знаком, да и фигура, гордые плечи... Сердце ее ухнуло вниз. Нет! Это память решила сыграть с ней злую шутку...

Он слегка повернул голову в сторону, и она увидела его четкий профиль, такой неповторимо прекрасный...

Сердце ее затрепыхалось, как птица в силке. Кровь отхлынула от лица. Поднос выскользнул из ее разом ослабевших пальцев.

— Нет! — слабо выкрикнула она. — О нет!

В последовавшие за исчезновением Кесси недели Габриэль пережил столько горя, сколько ему не выпало за всю жизнь. Он презирал себя за несдержанный язык и вспыльчивый нрав, за жестокость, причинившую ей такую боль. До сих пор он эгоистично думал лишь о собственной персоне и о том, как бы полнее расквитаться с отцом. Он использовал Кесси, не задумываясь, что она при этом чувствует и как все это сказывается на ней. Постыдное безразличие, ибо несмотря на всю ее жизненную закалку и негибаемый дух, она была очень и очень уязвима...

А он безжалостно причинял ей боль. Раз за разом.

Он старательно гнал от себя мрачные мысли, но иногда они все же смущали его ум. Как тут не вспомнить о матери! Ее убили безысходность и отчаяние... Что, если его жестокость побудила и Кесси выбрать такой же конец?

Одной такой мысли было достаточно, чтобы на лбу выступил холодный пот. Нет! Вряд ли рука провидения столь жестока, чтобы нанести ему подобный удар дважды...

Раньше Габриэлю некогда было обращаться за помощью к Богу, теперь же он часто молился, вкладывая в молитвы горечь раскаяния и надежду...

Четыре месяца спустя его охватило отчаяние. Удастся ли ему когда-нибудь найти Кесси?

В надежде высвободить побольше времени для поисков он решил продать часть своего флота. Именно это и привело его в рыбацкую деревню рядом с Брайтоном. Владелец рыбацких лодок и шхун унаследовал солидную сумму от умершего дяди и горел желанием купить несколько торговых судов Габриэля. Они с часок поторговались и пришли к согласию насчет цены и условий продажи. Адвокат Габриэля приедет сюда сразу же, как только подготовит все необходимые бумаги.

Завершив сделку, Габриэль остался сидеть за столиком, мрачный, не обращая внимания на шумно веселящихся рыбаков. Томас вышел на улицу, чтобы подождать его в карете, а на Габриэля вдруг накатила апатия, не хотелось и пальцем пошевелить, словно силы внезапно оставили его.

Именно в эту секунду до его ушей донесся грохот упавшего подноса и звон разбитого стекла. От неожиданности он поднял глаза. И у него перехватило дыхание.

Первым делом его взгляд уперся в круглый, отяжелевший от ребенка живот служанки.

Через секунду он вскочил с такой прытью, что стул отлетел в сторону.

— Кесси... Кесси!

В глазах у нее отразился неопишуемый ужас. Она повернулась с явным намерением удрать. Но не успела сделать и двух шагов, как ее резко развернули назад.

Перед ней жирной громадой возвышался Эйвери. Его пальцы впились в ее плечо. Он заставил ее попятиться, пока она не уперлась спиной в стол. Если бы Кесси не выставила назад руку и не оперлась на нее, то наверняка бы упала от такого натиска.

Он занес над ней кулак.

— Ах ты, неуклюжая сука! Ты мне заплатишь за это! Но прежде чем он успел выполнить свою угрозу, ему выкрутили руку за спину.

— Посмей только пальцем коснуться ее, — проговорил голос за его спиной, — и, клянусь, ты не доживешь до рассвета!

Несмотря на убийственно спокойный тон, чувствовалось, что этот человек кипит от ярости и готов на месте убить мерзавца.

— Хорошо, хорошо. Только отпустите меня!

Эйвери повернулся к Габриэлю лицом. Пусть он и пошел на уступку клиенту, тон у него вовсе не был подобострастным. Он привык быть хозяином в своем мире и доверял силе своих кулаков.

— Хотите сами отмутузить паршивку? Но уж так вышло, что именно я плачу ей зарплату...

— Но вышло еще и так, что она вынашивает моего ребенка! Так что советую срочно подыскать себе другую служанку. Потому что эта женщина уедет со мной, и я убью любого, кому вздумается помешать мне!

Это была даже не угроза, а простая констатация факта. В пивной все стихло, все как-то разом протрезвели.

Обведя посетителей взглядом, не предвещающим ничего хорошего, Габриэль удовлетворенно кивнул:

— Что? Нет желающих? Весьма мудро, джентльмены.

Он швырнул под ноги Эйвери золотую монету.

— Этого должно хватить за разбитую бутылку.

И поймал Кесси за руку.

Оцепенев от происходящего, Кесси почти не сознавала, что Габриэль ведет ее к выходу. У нее все крутилось и плыло перед глазами, сердце колотилось, как сумасшедшее, когда они оказались у кареты. Он втащил ее внутрь и усадил. Хлопнула дверца, и карета двинулась в путь.

Она дрожала не то от холода, не то от ужаса. Габриэль был рядом... Душа и мысли ее беспокойно металась. В ней боролись самые противоречивые чувства. Злость. Недоумение. Усталость. Но самым сильным из них была обида.

— Мне кажется, ты задолжала мне объяснение, янки. Что, к дьяволу, ты делала в этом вертепе?

Он сидел напротив нее. Обвиняет. Снова обвиняет! Досадует, что неожиданно натолкнулся на нее? Она опустила глаза. Ее вдруг начало колотить. Боже, ну почему ты допустил, чтобы он нашел меня? И почему именно здесь? Ее лицо горело от стыда и смущения. Ей так не хотелось, чтобы Габриэль увидел ее такой... О, она знала, что выглядит просто кошмарно! Ее волосы потеряли былой блеск. Кожа побледнела и натянулась на скулах. И чувствовала она себя такой неуклюжей уродиной... В груди разрасталась боль отчаяния. И почему выходит именно так, как он предсказывал? Говорил же когда-то, что она станет вечной обузой для него... Так и вышло!

Это было просто невыносимо! Хуже нет быть кому-то в тягость, быть чьим-то долгом. Неужели он не понимает, что именно поэтому она и покинула его?

— Отвечай же, Кесси! Какого дьявола тебе понадобилось торчать в этой дыре?

Она уставилась на свои ладони, стиснув их между колен, чтобы они наконец перестали дрожать. Но тогда задрожали губы. Она никак не могла набраться смелости взглянуть на него.

— Дьявол бы все побрал! Посмотри на меня!

Она покорно подняла глаза. Ну и к чему хорошему это привело? Рот задергался, слезы так и рвались наружу. У нее даже грудь заболела от отчаянных попыток не расплакаться.

— Зачем вы отыскиали меня? — запинаясь, произнесла она. — Зачем?

— Что? Хочешь сказать, что предпочла бы остаться в этой клоаке? А ведь когда-то рвалась сбежать от Черного Джека! Неужели эта помойка лучше той, которую ты с радостью оставила в Чарлстоне? Мне до сих пор трудно поверить, что ты сбежала от меня... ради этого!

— Думаете, у меня был выбор? Я пыталась устроиться белошвейкой в Лондоне. Но тут мне вдруг показалось, что в толпе мелькнуло ваше лицо... Пришлось бежать оттуда...

Она буквально прорыдала все это. Габриэль побелел, выслушивая эти признания. Вина и стыд захлестнули его душу... Ему некого было винить во всем происшедшем, кроме себя. Страшно даже представить себе, что она бродила по Лондону без денег, без знакомых, у которых можно переночевать... Ее могли ограбить, избить до полусмерти, вообще убить!

Его ладони опустились ей на плечи. Он силой заставил ее сесть рядом с собой. Его пальцы стиснули ее ладони.

— Ты же должна была понять, что я кинусь разыскивать тебя! Что? Ты сомневалась в этом? Да как тебе такое только в голову взбрело?

Слезы так и полились из прекрасных топазовых глаз.

— А что еще мне могло прийти в голову после ваших слов? Боль вибрировала в каждом ее слове, едва слышно срывавшемся с ее губ.

Габриэль покачал головой и с такой же мукой произнес:

— Я был полным идиотом, Кесси! То, что я наговорил тебе сгоряча, непростительно, тем более что я так и не думал. Клянусь! Я выехал в Фарли той же ночью, прибыл ранним утром лишь для того, чтобы узнать, что ты... исчезла. Я знал, что обидел тебя, и хотел бы заслужить прощение, если только ты сумеешь пересилить себя. Но я и выстрадал столько, что не дай Бог... Ты хоть

на секунду можешь себе представить, что я почувствовал, узнав, что ты ушла? Все эти недели поисков... тревог... Не знать, где ты, что с тобой, жива ли ты, не случилось ли беды! Я чуть с ума не сошел от горя! И ведь ты всегда могла вернуться домой, Кесси! Ведь это и твой дом! Ты должна была именно так и поступить!

Кесси обхватила свои плечи, пытаясь унять дрожь. Чувствовала она себя совершенно разбитой и несчастной.

— Зачем? Чтобы снова стать объектом ваших насмешек? Вашего негодования? Вы не хотели меня! — прокричала она с рвущим сердце отчаянием. — Как я могла остаться, зная, что вы чувствуете по отношению ко мне?.. Что мне еще оставалось?.. Я должна была уйти!

Ее отчаяние убивало. Она попробовала воспротивиться, когда он притянул ее к себе, но разве ей справиться с его напором? И она отдалась на волю этим рукам, крепко-крепко обнявшим ее. Он укрыл их обоих своим громадным плащом.

От его объятия в ней словно что-то оттаяло. И начало прорываться. Вся ее боль и горечь, стыд и страхи.

— Все, чего я когда-либо хотела, это угодить вам. Хотела стать леди. Вы ведь сомневались, что мне это удастся... Только зря время и силы тратила. Пора было поумнеть... Моя родная мать не хотела меня. Ваш отец на дух меня не переносит. И вам я оказалась не нужна.

Она снова заплакала. Беспомощно. Захлебываясь.

— В чем дело, Габриэль? Почему я никому не нужна?

У него сжалось сердце от жалости. Он стиснул ее руки так, что и сам испугался, что ломает ей пальцы. И поскорее выпустил их.

— С тобой все в порядке, любовь моя. Его шепот теплым ветерком обдул ее висок. Он поцелуем выпил ее горячие слезы.

— Ты самая сладкая и милая девочка. Красивая и желанная. Мечта любого мужчины. И мне нужна только ты.

Если она и услышала его, то не подала виду. Прижалась к его груди и плакала до тех пор, пока не иссякли слезы. Габриэль обнимал ее, а у самого в горле набух ком. Наконец, усталость взяла свое, и она так и уснула на его груди.

Было уже совсем поздно, когда карета подъехала к особняку Фарли-Холла. Лицо Габриэля оставалось бесстрастным, когда он бережно нес жену по лестнице в спальню. Он сам раздел ее и уложил в кровать, подоткнув со всех сторон одеяло.

Она дернулась, мучительно простонав во сне. Габриэль тут же оказался рядом.

— Ш-ш-ш... Спи, моя ласточка, — прошептал он и убрал прядь волос с ее щеки. — Все в порядке. Теперь ты в безопасности.

Кесси успокоилась, уткнувшись лицом в его ладонь. Какая же она бледная и изможденная!.. — в ужасе подумал он. Устало вздохнув, он выпрямился. Не зажигая лампы, разделся и прилег рядом. Осторожно, чтобы не разбудить ее, привлек к себе. Кесси прижалась к нему.

Он смотрел, как она спала, как поднималась и опускалась от дыхания ее грудь. С невероятной нежностью кончиками пальцев обвел контуры ее заплаканного лица. Она была такой искренней, доверчивой и невинной.

Все, чего я когда-либо хотела, это угодить вам. Хотела стать леди. Вы ведь сомневались, что мне это удастся...

В чем дело, Габриэль? Почему я никому не нужна?

Он лежал и вспоминал, как она плакала. Дух ее был сломлен, а от гордости почти ничего не осталось. Габриэль в тысячный раз проклял свой дурацкий характер. Как можно было быть таким слепцом — жестоким и бессердечным? Она же изголодалась по любви и теплу. А что он дал ей?

Кесси, Боже мой, Кесси! Что же я сделал с тобой?

Именно в эту секунду он почувствовал это — легкий толчок в том месте, где ее живот прижимался к его боку.

В ней росла и набиралась сил новая жизнь — частичка ее плоти... и его... Как же он посмел так подло ответить на ее признание о беременности? Отвернуться от Кесси? Довести ее до отчаяния? Как мог причинить своему ребенку ту же боль, какую отец причинял ему самому?

Только теперь он до конца осознал, как сильно ранил ее. Если хорошенько разобраться, то он только и делал, что причинял ей боль! Что же делать? Позволить ей навсегда исчезнуть из его жизни? Нет! Он не вынесет этого. И не станет совершать подобной глупости!

Слегка отодвинувшись, он приложил ладони с растопыренными пальцами к ее животу. Затаив дыхание, он ждал. И несколько минут спустя дождался. Его не рожденное дитя пошевелилось под его пальцами так резко, что было ясно: ему, как и папаше, не спится. Слабая улыбка коснулась его губ. Он был рад, что Кесси спит и не может запретить ему наслаждаться совершенно новым и бесподобным ощущением, близким к счастью.

Он еще долго лежал, прижав ладони к ее животу. Он у нее был теперь такой круглый, налитой и теплый. Габриэль гладил его к приходил в восторг.

И молился.

Ребенок уже давно утомился. Кесси же так устала, что не проснулась от резвых толчков сыночка. Габриэль слегка повернул жену, устроив ее в своих объятиях, как в колыбели — колыбели для их сына. Он приподнялся и нежно поцеловал ее живот, закрытые веки, мягкие губы, затем улегся рядом и закрыл глаза.

Но прошло еще немало времени, прежде чем ему удалось заснуть.

Глава 22

Совершенно вымотавшаяся, Кесси спала все утро. Когда она наконец открыла глаза, то сквозь щелку в шторах в комнату лился яркий солнечный свет. В камине весело потрескивал огонь, было тепло и уютно. Но Кесси чувствовала во всем теле такую тяжесть, что ей совершенно не хотелось вылезать из-под одеяла. Кроме того, спина разламывалась от тягучей боли.

Дверь приоткрылась.

— Миледи? — прозвучал чей-то тихий голос.

Глория. Кесси подняла глаза и увидела, как та робко просунула голову в щель. Заметив, что хозяйка проснулась, она тут же бросилась к ней.

— О миледи! Наконец-то вы дома! Я и передать вам не могу, как счастлива, что вы вернулись! — Она опустила на колени возле кровати и заплакала.

Кесси печально улыбнулась и погладила девушку по голове. Чтобы успокоить ее, она была готова ответить, что и сама рада возвращению. Но не чувствовала ни радости, ни сожаления. Если честно, то она была удивлена, что снова оказалась здесь.

Через несколько минут ей на колени пристроили поднос с неизменным кофейником, полным ее любимого шоколада. Аппетит у нее пропал, но она заставила себя выпить горячего и что-то съесть. Пока она ела, успели приготовить ванну, расположив ее на сей раз у самого камина, чтобы миледи не озябла. Кесси позволила себе подольше понежиться в ароматной воде, пока Глория весело щебетала, сообщая новости. При этом она сноровисто заправила кровать и навела порядок в комнате. И все это с таким видом, словно хозяйка и не пропадала.

Наконец Кесси выбралась из ванны, покорно подчинившись проворным ручкам Глории, которая умело растерла ее и решительно шагнула к шкафу. Кесси вздохнула.

— Боюсь, на меня уже ничего не налезет из этого вороха одежды, — пробормотала она. — Придется обойтись тем платьем, в котором я приехала.

Глория достала с полки широкую фланелевую ночную рубашку.

— Это все чепуха, — утешила она хозяйку. — Его сиятельство все равно приказал, чтобы вы оставались в постели.

Она быстро надела на Кесси рубашку, расчесала ей волосы и заплела. Завершив эту часть утреннего туалета, Глория решительно настояла, чтобы хозяйка снова легла.

Хотя Кесси и возражала, чтобы с ней носились как с писаной торбой, она все же послушно согласилась полежать еще с полчаса. Тело, однако, лучше нее знало, что ему нужно. Не прошло и пяти минут, как ее веки начали слипаться. Она задремала. ,

Когда она вновь проснулась, день уже клонился к вечеру. Почувствовав на себе взгляд, Кесси открыла глаза.

На пороге стоял Габриэль. Он только что вернулся с верховой прогулки. Сердце ее странно дрогнуло и ухнуло куда-то в пропасть. Она уже успела забыть, каким потрясающе красивым был ее муж. Узкие бриджи облегли мускулистые бедра словно вторая кожа.

Кесси уперлась ладонями в матрас и постаралась принять сидячее положение, чувствуя себя неуклюжей глыбой — явно не самое подходящее самочувствие для встречи с мужем вроде Габриэля. Она отвела спутанные пряди со лба, смутившись от того, что ей не дали времени привести себя в божеский вид.

Он присел на кровать, да еще так близко, что она ощутила тепло его бедра даже сквозь одеяло. Память о том, как она рыдала у него на груди, угнетала ее. Презирает ли он ее за проявленную слабость? Наверняка подобное отсутствие контроля над собой вызвало у него неприязнь. Она вцепилась в одеяло, не зная, что сказать.

Сильные, теплые пальцы ободряюще сжали ее руку. Она слегка вздрогнула, поскольку совершенно не ожидала подобной ласки.

— Как самочувствие, янки? Получше?

Кесси нервно сглотнула и кивнула. Он не улыбался, но и не казался угрюмым. Странно, но она гораздо больше привыкла к его иронии.

Габриэль внимательно вглядывался в жену. Она выглядела потрясающе юной и хрупкой. Волосы беспорядочно рассыпались по плечам и спине. И такая худенькая! Кожа бледная, как пергамент. Несмотря на выросший живот, она казалась такой слабенькой, что того и гляди сломается.

— Слава Богу, что я нашел тебя. — Голос его сорвался. — Меня в дрожь бросает при мысли, что я мог бы и не отыскать тебя.

Кесси застыла.

Он стиснул ее пальцы, не причиняя боли, но и не позволяя отнять их.

— Не надо, — мягко приказал он, — не шарахайся от меня, как от чумного.

Она ничего не ответила. Лишь глаза, огромные и тревожные, испуганно уставились на него.

— Я был абсолютно искренним вчера, — спокойно заговорил он. — И глубоко сожалею о той боли, которую причинил тебе. И... очень надеюсь, что мы оба сумеем забыть об этом... и начать все сначала.

Кесси задрожала. Таким она своего мужа еще не видела. Скромным. Смирненным. В раскаянии. И могла бы поклясться, что в уставившихся на нее глазах сияет нежность. Нежность и забота.

Нет... нет! Она боялась верить в подобную метаморфозу. Больше она ничему такому не поверит. Это вредный самообман, от которого позже только больнее.

— Мне как-то невдомек, зачем вам это? — Тон ее отнюдь не располагал к душевной беседе или примирению. Она не могла скрыть своей горечи, да и не хотела. Потому что до сих пор помнила разящее жало его гнева во время их последней ссоры. — Я ношу вашу фамилию, но это все, что нас объединяет.

В глазах Габриэля сверкнула сердитая молния.

— Извини, но не могу с этим согласиться. Нас объединяет и это. — Резким движением он сдернул с нее одеяло и по-хозяйски обхватил ее выпуклый живот обеими руками. — Скоро ты родишь моего ребенка. А это все меняет!

— Ничего это не меняет! — Кесси попыталась сбросить его руки со своего живота. Могла бы и не тратить сил. Когда Габриэлю что-то втемяшится в голову, его уже не переупрямишь. Что ж, хотя бы испелим его взглядом: — Вы выразились совершенно однозначно, милорд, так что и речи не может быть о том, что я ошиблась и недопоняла. Вы заявили, что не желаете ребенка и вообще наследника. Последующие слова убедили меня в том, что вам противна сама мысль о ребенке от меня!

Господи, помоги! Как же больно говорить это вслух! Но и держать все это в себе невыносимо!

— Я уже это говорила: все повторяется, Габриэль. Наши отношения складываются столь же несчастливо, как когда-то у вашего отца с матерью!

— Уверю тебя, ты ошибаешься. Ты — моя жена. И я хочу и тебя, и ребенка!

— О, прекратите! — потеряла терпение Кесси. — Давайте не будем морочить друг другу голову! Я для вас лишь орудие мести. Поэтому мне приходит в голову лишь одна причина, по которой вы вдруг могли возжелать этого ребенка: не иначе решили обзавестись еще одной дубинкой против герцога!

Габриэль побагровел:

— Я изо всех сил пытаюсь наладить с ним отношения. Знайте это!

— Что-о-о? Хотите сказать, что в вас заговорило раскаяние? Осознали, что взяли на себя роль карающего судьи, а сами не безгрешны? Решили измениться? Ах да, как же я забыла, что однажды вы тоже станете герцогом? Пора начинать думать о долге и своих обязанностях. Жена и наследник тут на первом месте, не так ли?

Он резко отдернул руки от ее живота.

— Вряд ли мужчину можно обвинить за желание заботиться о жене и ребенке.

Если бы все было так просто! Она вдруг смутилась, не понимая, как отнестись к этой перемене в муже. Она и в своих-то чувствах не уверена, не то что в его.

— Вы все время говорите о том, чего хотите вы. Что, если ради разнообразия мы поговорим о моих желаниях? Вы думали обо мне, когда везли меня в этот дом?

— Естественно! — Он стоял, нависая над ней, как скала, раздраженный и доведенный до отчаяния. — Боже, Кесси, ты хоть смотрелась в зеркало? Ты выглядишь ужасно!

Она даже задохнулась от обиды. Подобное оскорбление, да еще из его уст, было просто невыносимо. И вдруг окружающий ее мир рассыпался на мелкие кусочки: такая боль пронзила ее. Но нельзя, чтобы он догадался об этом. Гораздо легче разрядиться через злость.

— Что ж, тогда тем более жаль, что вы отыскали меня. И я не останусь здесь, слышите? Не останусь!

— Предпочитаешь вернуться туда, где я нашел тебя?

— Да... да! Я ненавижу вас, ясно? Не-на-ви-жу!

Лицо Габриэля застыло.

— Я отказываюсь позволить тебе это безумие, — проговорил он с трудом. — Тебе придется остаться здесь, Кесси, хочешь ты этого или нет. Если нужно, то я готов запереть тебя. Потому что сейчас ты явно переутомилась и не в состоянии здраво мыслить. Так что не вижу смысла продолжать этот спор.

Он повернулся к ней спиной и зашагал к двери.

Кесси отбросила в сторону одеяло и опустила ноги на пол.

— Как похоже на вас: просто уйти, не выслушав вздорную женщину! Но я не позволю распоряжаться собой! Слышите?

Он вышел в холл. Даже не приостановился, чтобы выслушать ее.

— Дьявол побери! Габриэль!.. Габриэль!

Она выкрикнула его имя в полуистерике. Но в нее примешалась и нотка отчаяния, отчего у него тревожно кольнуло сердце. Он мгновенно рванулся назад в спальню. Она стояла у кровати и растерянно смотрела вниз. Рубашка ниже талии была мокрой.

Кесси подняла на него огромные, наполненные слезами глаза.

— Воды отошли, — выдохнула она. — О Господи, у меня начались роды...

Он склонился над ней и обнял с такой нежностью и заботой, что у нее защемило сердце. Поднял ее на руки и уложил на кровать. Вглядываясь в знакомые до боли черты, Кесси заметила там кое-что совершенно неожиданное... Страх.

Тут и до нее дошло то, что она только что сказала... Она зарыдала:

— О Боже, не может быть!.. Еще слишком рано... Это... преждевременные... роды!

Он постарался успокоить ее, погладив по руке. Она вцепилась в него:

— Не уходите, Габриэль! Не оставляйте меня одну!

— Конечно, конечно, не волнуйся, ласточка моя... — Он легонько поцеловал ее в дрожащие губы. — Я только пошлю Томаса за врачом. И сразу же вернусь сюда. Клянусь, любимая!..

Любимая. Сердце словно стиснули две гигантские ладони. Габриэль не любит ее... и никогда не полюбит. И все же так ласков, а слова его полны поддержки и участия. Как тут не поверить, что ему все же безразлично то, что происходит... Эх, вот только верить-то ему нельзя!

Через минуту в спальню влетела запыхавшаяся Глория:

— Миледи! Граф сказал, что уже началось!

Кесси попыталась успокоиться и храбрилась, но сил у нее было маловато. Хотя она и стремилась поскорее избавиться свое тело от тяжелого груза, ее очень пугали предстоящие муки. Она слабо улыбнулась Глории:

— Уверена, на все это уйдет немало часов... Мне говорили, что первые роды всегда затягиваются...

С помощью Глории она сменила промокшую рубашку на свежую. Но едва она откинулась на подушку, как ее живот свело болезненным спазмом. Она охнула и постаралась дышать медленно и глубоко. Именно в этот момент вернулся Габриэль, Он, казалось, никуда не торопился, а по-хозяйски поставил стул к кровати и сел, взяв Кесси за руку. Что хотите со мной делайте, но с места вы меня не сдвинете, говорило упрямое выражение его лица.

Прошло какое-то время, прежде чем приехал врач. Доктор Хэмптон оказался коренастым мужчиной с выпирающим животиком и располагающими манерами. Кесси слабо постанывала при каждой новой схватке, потому что они становились все сильнее и дольше. Габриэль уже

начал было беситься из-за задержки доктора, но сдержался и довольно вежливо отказался покинуть спальню, когда врач посоветовал ему развеяться и пойти выпить:

— Меня из этой комнаты не выгнать. Я был здесь, когда этот ребенок был зачат. Не вижу причин, почему бы мне не присутствовать, когда он появится на свет.

Доктор Хэмптон в шутливом отчаянии закатил глаза и покачал лохматой головой. От большинства будущих папаш не было никакого толку в таком серьезном деле, как роды. Только лишняя забота, отвлекающая врача. Наверняка и этот упрямец окажется таким же. Но шли часы, и оказалось, что граф — приятное исключение из правил. Более того, его присутствие хорошо действовало на роженицу, помогая ей справиться со страхом.

Когда родовые схватки усилились, Кесси стиснула зубы, стараясь не кричать. Но один мучительный стон все же сорвался с ее губ.

— Извините, — прошептала она, как только сумела отдышаться. — Я такая трусиха.

Сердце Габриэля сжалось от сочувствия. Ее глаза были двумя огромными заводами бесконечной боли. Он убрал влажную прядь с ее брови.

— Глупости! Ты не похожа ни на одну из женщин — такая храбрая и сильная. Самая сильная из всех, кого я знаю.

Он нежно промокнул капли пота, выступившие у нее на лбу. Лицо у него посерело, пока он наблюдал за мучениями жены. Он непрестанно шептал ей ободряющие слова. Если бы она провела последние месяцы в холе и неге да ела бы, как полагается беременным, у него было бы куда спокойнее на душе. А так... она выглядела хрупкой былинкой, да и схватки отнимали у нее силы, капля за каплей. А их у нее и так в запасе немного...

Следующий спазм, скрутивший ее, оказался длиннее и мучительнее прежних. Между бедер Кесси возникло огромное давление, и у нее вырвался крик отчаяния.

Она вонзила ногти в ладонь Габриэля. Когда схватка отпустила, ее голова бессильно рухнула на подушку. Чудесные волосы Кесси были влажными и спутанными. Охнув, она замерла в беспомощной, расслабленной позе, так что Габриэль даже перепугался.

В глубине души он был потрясен. И ненавидел себя за абсолютную беспомощность и бесполезность. Но как и чем он мог помочь ей? По спине пробежали мурашки холодящего страха. Он то ругался про себя, то молился. Боже праведный! Сколько этих мук она еще сумеет выдержать?

Но уже во время следующей схватки врач громко возвестил:

— Ну вот, я уже вижу головку! В следующий раз вы должны не бороться, а помогать, тужиться изо всех сил... Да-да, именно так! Вот умница... Вот она — головка, я уже держу ее... Еще разочек, и можно будет передохнуть...

Раздался пронзительный крик ребенка. Габриэль даже не заметил крохотного извивающегося тельца на руках у врача. Все его внимание, все его существо было сконцентрировано на хрупкой фигурке, бессильно вытянувшейся на кровати. Он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Вот все и позади, дорогая. Я знал, что ты сумеешь вытерпеть все это. Я верил!..

Габриэль встал. Он словно в полутрансе смотрел, как доктор Хэмптон передал новорожденного Глории, а сам принялся за послеродовые процедуры с роженицей. А Габриэль застыл у кровати и очнулся лишь от того, что кто-то настойчиво дергал его за рукав. Глория, сияя всем своим круглым личиком, подала ему маленький сверток.

Он слегка отодвинул в сторону край пеленки и принялся разглядывать крохотное существо, только что в муках появившееся на свет. Смотрел на маленькое личико с темными бровками, которые сердито хмурились... Габриэль сглотнул от волнения, стиснув грудь... Обратил внимание на розовую, здоровую кожу, голые дрыгающие ножки... Смотрел и... не верил... И был ошеломлен потрясающим чувством гордости и счастья, отчего даже колени ослабели, а грудь раздувалась, как паруса от ветра. Ему хотелось завопить и упасть на колени в благодарной молитве...

Но вместо этого он прошептал:

— У нас сын, Кесси. У нас сын!

Веки Кесси затрепетали, и она приоткрыла глаза. Однако все было словно затянуто серой пленкой. Сбрав силы, она сражалась с бесконечной усталостью — уж очень ей хотелось взглянуть на малыша.

Габриэль поднял глаза, как раз когда она пыталась приподняться на локте, дрожа от усилия и слабости. Когда это ей не удалось и она без сил опустила голову на подушку, в глазах у нее блеснули слезы. И с ним самим творилось нечто странное: будто она протянула свою слабую руку и взяла его сердце в ладонь. Уже через секунду он склонился к ней, чтобы она смогла как следует полюбоваться малышом.

— С ним... все в порядке?..

Габриэль едва расслышал ее шепот.

— Ну-у, я вижу десять пальчиков на двух руках, десять на ногах... Его, конечно, нельзя назвать упитанным, но, на мой взгляд, он чудесный и красивый малыш.

Улыбка лишь слегка растянула уголки ее губ. Все ее страхи улетучились, силы иссякли. Она закрыла глаза и уснула.

Когда Кесси проснулась, в окна щедро светило послеполуденное солнце. Она пошевелилась и слегка поморщилась, повернувшись на бок. Глория тут же подскочила к ней с подносом-

— Как раз вовремя, миледи! Не хотите подкрепиться?

— Ох, кажется, я просто умираю от голода!

Кесси и сама удивилась, какой у нее разыгрался аппетит. Она выпила до капли наваристый бульон и до крошки съела свежий хлеб. После того как Глория помогла ей умыться, причесаться и сменить ночную рубашку, она почувствовала себя более уверенно.

— Мой муж дома?

— Да. Кажется, он в кабинете. — Служанка весело прыснула. — Видели бы вы его вчера, миледи. Раздулся от гордости, как павлин. Вот попомните мое слово, он будет таким отцом,

каких поискать! Доктору пришлось просто отнимать у него малыша, чтобы осмотреть его.

Та-ак, значит, Габриэль доволен своим сынишкой... Частичка ее страхов тут же улетучилась. Может быть, это было и глупо, только она в глубине души побаивалась, что Габриэль может отказаться от сына. Она с тоской посмотрела в угол, куда поставили симпатичную колыбельку. Отсюда Кесси видела лишь выглядывавшую из-под байковой пеленки темноволосую макушку.

Как раз в этот момент тельце под пеленкой дернулось. И жалобный вопль буквально оглушил ее и Глорию. Служанка весело расхохоталась, заметив радость и удивление в глазах хозяйки. Кесси оперлась на локоть и с любопытством смотрела, как служанка ловко меняла малышу пеленки. Она уже почти справилась с этим, когда в дверях появилась высокая фигура.

Габриэль, видимо, недавно принял ванну и побрился. У Кесси сразу подскочил пульс. Его волосы поблескивали от влаги, и до нее донесся запах его одеколona. Глория выпрямилась и прижала плачущего малыша к плечу. Габриэль молча поманил ее пальцем, и служанка послушно вручила ему сверток с новорожденным. Чудесным образом малыш мгновенно успокоился, попав на руки к отцу. Служанка сделала книксен и исчезла. Кесси даже не заметила этого, ибо ее глаза приклеились к парочке, шедшей к ней.

Габриэль уверенно держал малыша и беседовал с ним:

— Думаю, твоей мамочке хочется познакомиться с тобой поближе, мой маленький лорд.

В серебряных глазах совершенно определенно сияла нежность. Габриэль подал ей малыша.

Кесси даже не почувствовала, как он слегка коснулся ее руки, передавая сверток. Габриэль был забыт, все отошло на задний план, как только руки ощутили вес крохотного тельца, головку которого она удобно устроила на изгибе локтя. Ее охватило чувство восторга. Малыш устался на нее со всей серьезностью своего папаши; маленькие бровки сурово насупились над крошечным носиком. Глаза глубокого синего цвета и темный пушок на головке. Хотя Кесси и не очень разбиралась в таких вещах, она все же поняла, что он меньше, чем положено нормальному новорожденному.

Погладив малыша по головке, она прошептала:

— Какая же он кроха! Ох, Габриэль, а что, если?..

— Доктор сказал, малыш в отличной форме, хотя и слегка поспешил появиться на свет, — нежно успокоил ее муж.

Кесси зажмурилась, слишком взволнованная, чтобы говорить. Ей чертовски повезло, поняла она, потрясенная до глубины души. Если бы с малышом что-то оказалось не так, она бы никогда себе этого не простила.

Мгновение спустя она уже с интересом разглядывала тоненькую белую распашонку на сынишке.

Габриэль присел на край кровати.

— Боюсь, мы оказались плохо подготовлены к появлению малыша, — с улыбкой проговорил он. — Вот мы и позаимствовали кое-что у дочки поварихи, пока миссис Мак-Ги и отец не вернутся из Лондона. Они выехали с утра пораньше, чтобы закупить все необходимое.

Память смутно высветила картинку: Эдмунд стоит возле ее кровати со сморщенным от улыбки лицом. Эдмунд?.. Улыбающийся Эдмунд! Наверняка это игра воображения.

— Люлька тоже старая. Когда-то в ней спал я, а передо мной... Стюарт. Отец послал Дэвиса на чердак, и тот отыскал ее. Но мы вполне можем купить и новую, если эта тебе не понравится.

Снова он заговорил об отце. Кесси едва удержалась от того, чтобы не вытаращить глаза. Обычно когда Габриэль поминал отца, то в его голос всегда вкрадывалась язвительная нотка. Сейчас этого, как ни странно, не случилось. Могло ли так быть, что в ее отсутствие эти двое помирились?

Но размышлять об этом было некогда, поскольку малыш решил, что терпел достаточно долго. Он хотел есть и громко возвестил об этом миру.

Кесси охнула, глядя на оглушительно вопящий комочек. Габриэль вздохнул и нехотя потянулся за сыном.

— Мы наняли в деревне кормилицу, — пробормотал он. — Я принесу его сразу же, как он поест, честное слово...

Но Кесси решительно отказалась расстаться с драгоценным свертком.

— Кормилицу? — возмутилась она. — Еще чего! Я и сама в состоянии кормить сына!

Габриэль нерешительно замялся:

— Доктор сказал, что его надо кормить каждые два часа, пока он не начнет прибавлять в весе. И... леди обычно не... кормят своих детей... грудью...

— Можете не переживать! — вздернула подбородок Кесси. — Мы оба прекрасно знаем, что я — не леди! Габриэль поджал губы.

— Я не против того, чтобы ты кормила его сама. Просто волнуюсь, хватит ли у тебя на это сил? — Тут его обычная уверенность вернулась к нему: — Но должен заявить, что не позволю никаких оскорбительных намеков на то, что ты не леди. Даже если они исходят от тебя самой, ясно? Ты — это ты, и этим все сказано. Ты — графиня Вэйкфилд и мать моего сына!

Кесси склонилась над малышом, который разошелся не на шутку. Она вдруг устыдилась своей мелочности. Хм, Габриэль, судя по всему, не собирается покидать комнату, чтобы дать ей покормить сына в тишине и покое. Ладно, не отступать же.

Неотрывное внимание Габриэля действовало на нервы. Она потянула завязки рубашки, и та покорно соскользнула с плеч, обнажив ее круглую, пополневшую грудь с розовыми сосками. Чувствовала она себя крайне неудобно, но все же слегка повернула головку малыша к груди. Он совершенно случайно наткнулся ртом на сосок и принялся усердно сосать.

Тишина, наступившая в комнате, показалась ей еще более изматывающей, чем крики малыша.

— Пожалуйста, не сердитесь на меня, — попросила она.

Он ласково погладил ее по щеке и склонился так, что она ощутила тепло его дыхания, и на какую-то головокружительную секунду ей показалось, что он поцелует ее. И ведь она хотела этого, поняла вдруг Кесси. Хотела с такой силой, что ее бросило в жар.

— Я не сержусь, — мягко ответил он. — Я просто очень-очень счастлив, что ты наконец там, где и должна быть.

Пораженная откровенным желанием в его глазах, Кесси не отвела взгляда. Но он лишь обвел пальцем контуры ее нижней губы и убрал руку.

Его внимание всецело перенеслось на пыхтящего от усердия сына.

— Ты уже думала о каком-нибудь имени для него? Ощущая легкое разочарование, Кесси ничем не выдала себя.

— Вообще-то одно имя я уже выбрала. — Она промолчала о том, что ни секунды не сомневалась, что родит мальчика. — Мне всегда нравилось имя Джонатан... И мне кажется, что в качестве второго подошло бы Стюарт.

Она затаила дыхание и ждала. И совершенно не представляла себе, как он отреагирует на это.

— Джонатан Стюарт, — пробуя, произнес Габриэль и вдруг улыбнулся. — Мне нравится, дорогая! Значит, так и назовем: Джонатан Стюарт.

Сердце ее возликовало. Ей еще не приходилось испытывать такого трепетного счастья, такого мира в душе. Возможно, Габриэль был прав, когда привез ее сюда. Он любил своего сына, в этом не было никаких сомнений. Одно это наполняло ее радостью. И даже если он никогда не сумеет полюбить ее, гордость за сына у них будет общей...

Чего же еще желать?

Глава 23

Лишь неделю спустя Кесси позволили встать с постели. Она протестовала, но Габриэль и Глория зорко следили за тем, чтобы она, пусть насильно, но отдыхала. Так что Кесси только и делала, что ела, спала и кормила Джонатана. И очень скоро начала поправляться и посвежела.

Она уже давно пришла к выводу, что Габриэль был тысячу раз прав, привезя ее в Фарли, ибо теперь, держа на руках сына, она была счастлива. Сама она никогда бы не сумела дать Джонатану то, что было под силу Габриэлю. По ночам она шептала молитвы благодарности Богу за то, что у Джонатана будет то, чего никогда не было у нее. Ему не будет грозить голод. И ему не придется гадать, где укрыться от холода или дождя. А еще она постарается, чтобы сын рос в уверенности, что его любят...

Сначала она страшно сопротивлялась, когда Габриэль предложил нанять няню, но постепенно уступила напору мужа и Эвелин. Однако поставила условие, чтобы выбор подходящей кандидатуры был предоставлен ей.

Хотя обе женщины, присланные Эдмундом, имели блестящие рекомендации и, вероятно, действительно были компетентны в своем деле, ей они совершенно не понравились. Уж слишком сухие и чопорные. Она же хотела, чтобы рядом с сыном находился теплый и сердечный человек, излучающий доброту и жизнерадостность и не боящийся смеяться и шутить. Словом, ей нужна была няня, к которой бы Джонатан испытывал доверие и смог ее полюбить. В конце концов она выбрала крупную, ширококостную девчонку из деревни. У Элис были сияющие карие глаза и теплая улыбка. Имея восемь братьев и сестер — все младше нее, — она приобрела богатейший опыт ухода за малышами. Джонатану она сразу же понравилась. Он счастливо загукал, а потом и преспокойно уснул у нее на руках, пока его мама

беседовала с девушкой. Кесси подозревала, что разочаровала своим выбором Эдмунда, но сама считала, что отыскала жемчужину в навозной куче.

А вот с Габриэлем отношения складывались весьма непросто. Хотя он был безукоризненно вежлив и отнюдь не холоден, для Кесси их общение превратилось в медленную пытку. Она ведь так любила его! И молила хоть о каком-нибудь знаке, свидетельствующем о том, что и она ему небезразлична.

Но время лишь все больше отдаляло их друг от друга.

Шли недели, и сердце Кесси заныло от тоски. Она разрывалась между обидой и негодованием, надеждой и унынием. Он ни разу не сделал и попытки вернуться в ее постель, хотя доктор Хэмптон тактично намекнул супругам, что близость уже не возбраняется.

Габриэль же и виду не подал, что нуждается в ней. Кесси была убита, раздавлена. Куда только девался его дьявольский темперамент? Неужели вид ее округлившегося живота погасил его страсть? Но сейчас она снова стройная, как и раньше, вот только грудь значительно увеличилась. Но вероятнее всего, Габриэль потерял к ней всяческий интерес. И было мучительно сознавать, что она проиграла даже в этом.

Кесси была полностью погружена в свои мрачные думы, когда их навестил Кристофер, заехавший к Габриэлю. Но тот уехал по каким-то делам, которых в июне всегда хватало. Кесси пригласила Кристофера выпить с ней чаю в гостиной. Он с удовольствием остался и немного поиграл с Джонатаном, щекоча его и подбрасывая вверх. Малыш весело смеялся в ответ, и Кристофер пришел в восторг от того, как парнишка вырос. Когда Элис унесла Джонатана, Кристофер взглянул на часы и встал.

— Пора ехать. Я и так задержался, а Габриэля все нет и нет.

Кесси вышла проводить его. Они стояли на самом верху широкой каменной лестницы и ждали, пока грум приведет лошадь Кристофера.

— Вообще-то я собирался поделиться с вами и Габриэлем приятной новостью.

— Что ж, поскольку Габриэль не соизволил явиться вовремя, то можете поделиться ею со мной. Кристофер ухмыльнулся:

— Отлично! Вы помните старый дом у аллеи к северу отсюда?

— Конечно! Я проезжаю мимо него всякий раз, когда еду в Уоррентон. Обидно, что никто не живет там. Пустые дома так быстро разрушаются! Было бы чудесно, если бы кто-нибудь поселился в доме и подремонтировал его.

— Я того же мнения, но хочу добавить, что очень скоро дом преобразится.

Кесси непонимающе заморгала:

— Что? Вы хотите сказать... О, Кристофер! Он довольно рассмеялся:

— Да, Кесси, вы видите перед собой нового хозяина дома. Эту ночь я проведу уже под его крышей.

— Замечательно! — обрадовалась Кесси, но не удержалась, чтобы не подразнить его: — Хм,

значит ли это, что вы решили отказаться от своих распутных замашек и начать новую жизнь в качестве солидного землевладельца?

Его смех был заразителен:

— Должен заметить, что Габриэль подает в этом отношении великолепный пример. Еще год назад никто бы не поверил, что такое возможно!

Сердечко Кесси взволнованно забилося. Неужели это правда, что Габриэль ведет праведную жизнь? Ох, если бы она только могла поверить в это...

— Теперь, когда вы обзавелись домом в деревне, не хватает лишь одной существенной мелочи.

— Это какой еще?

— Жены, чтобы держала вас в узде.

Шутка не развеселила его, улыбка на его лице погасла.

— Я бы не прочь завести ее, — медленно произнес он, словно размышляя вслух. — Но только ничего из этого не выйдет.

Его обветренное лицо посуровело. В глазах отражалась какая-то обреченность. Кесси нахмурилась:

— Почему вы так говорите? Вы молоды, хороши собой! Какая же девушка решится отказать вам, если вы начнете всерьез ухаживать за ней?

— Да леди-то и сама не прочь, но... — Тут он бросил тоскливый взгляд в сторону своего только что купленного дома и... Уоррентона.

Кесси охнула, догадавшись, о чем идет речь.

— Боже, так это Эвелин, да? — И сама же себе ответила на свой вопрос. Конечно, Эвелин. Она живо припомнила, сколько раз видела их танцующими в паре или просто беседующими... Наверное, тогда-то все это и началось. — Вы и Эвелин! — Она засмеялась от радости. — Как это чудесно!

На лице Кристофера мелькнуло и исчезло выражение боли.

— Нет, Кесси. К сожалению, это невозможно.

— Почему? Она не любит вас? Он замялся.

— Любит, — наконец признался он. — Я и этот дом-то купил, чтобы быть поближе к ней, пока она не вышла замуж. Кесси пришла в ужас:

— Но если вы любите ее, то не должны позволять ей выходить замуж за другого! Почему вы не хотите просто посвататься?

— Ее отец — мерзкий амбициозный старикашка. И он не скрывает, что отдаст ее только за очень большие деньги и за высокий титул. Никак не ниже, чем графский. А я всего лишь баронет, так что недостойн даже упоминания в качестве жениха. Если я открыто объявлю о своих намерениях, то Уоррентон приложит все силы, чтобы я больше никогда не увидел

Эвелин.

Сердце Кесси сжалось от сочувствия:

— Господи, Кристофер, как же это невыносимо грустно для вас обоих! Но вы не должны отчаиваться, еще не все потеряно. Ведь у Эвелин пока нет серьезных претендентов, да она и не горит желанием обзавестись ими.

— И все же она, как образцово послушная дочь, готова выполнить свой долг! Она никогда не опозорит отца, воспротивившись его планам. — Он помолчал и пожал плечами. — А я никогда не подтолкну ее к подобному шагу.

Кесси закусила губу. Он прав, и все же она не стала говорить этого. Кесси лишь сочувственно коснулась его рукава:

— Не вешайте носа. Возможно, еще и отыщется способ, как вам быть вместе. Вероятно, какой-то выход все же существует?

В порыве сочувствия она положила ему руки на плечи и чмокнула в щеку. Затем они попрощались. Кесси поднялась по лестнице, погруженная в мысли о безнадежной ситуации Кристофера. Заглянула в недавно отремонтированную детскую, где в колыбельке мирно посапывал Джонатан.

Пройдя к себе, она подошла к окну и, отдернув штору, устремила взгляд вдаль. За переходящими одна в другую лужайками стоял лес, верхушки которого четко вырисовывались на фоне закатного зарева. Она вздохнула, так и не сумев придумать ничего путного, чтобы помочь своим друзьям. Кристофер и Эвелин были равно дороги ее сердцу. Если бы герцога Уоррентона можно было убедить, что он не должен губить единственный шанс дочери на счастье!

Возможно, Габриэль мог бы уговорить отца серьезно побеседовать с Уоррентоном. Эта парочка продолжала совместно ездить на охоту и верховые прогулки. Она взвесила эту возможность. И решила, что обязательно попытается сделать хоть что-то. Приняв решение, она облегченно вздохнула и отвернулась от окна.

И чуть не вскрикнула от испуга, потому что перед ней невесть откуда возник Габриэль.

— Ох! — Она нервно рассмеялась. — Как вы напугали меня! Я не слышала, как вы вошли.

Очевидно, он поднялся к ней сразу же по приезде. Даже не переоделся. Широкоплечая фигура полностью заслонила от нее дверь. Комната сразу же стала тесной. Одетый во все черное, да еще с кнутом, зажатым в одной руке, Габриэль выглядел угрожающе.

А может быть, он и старался выглядеть именно так?..

Подбородок у него выпятился, придавая лицу злое выражение. Он не поздоровался, не было на лице и намека на улыбку. Вместо этого он, не отрываясь, смотрел на нее пронизывающим взглядом.

— Габриэль? — Смутная тревога охватила ее. — Что-то случилось?

— Я видел тебя, янки. Вас обоих, перед тем как он уехал

— Кого? Кристофера?

— Его самого. Значит, обманываете меня под моей крышей?

Хотя тон Габриэля и был мягок, глаза у него бешено сверкали. Кесси передернуло. Мелькнула мысль: да он же ревнует! И хотя частичка ее души возликовала, другая пришла в ярость: значит, вот как он думает о ней и своем ближайшем друге!

Она выпрямила плечи и собрала все свое мужество, готовая воевать за свое достоинство и честь:

— Ничего не изменилось, Габриэль. Вы все такой же циник, для которого нет ничего святого. Вам ничего не стоит растоптать человека, хотя ни я, ни Кристофер ничем не заслужили подобного отношения. Вы оскорбляете и меня, и его этими гнусными намеками!

В комнате через холл заплакал Джонатан. Габриэль, не говоря ни слова, резко повернулся. Кесси отставала от него всего на полшага. Через минуту они оба уже были в детской. Кесси, запыхавшись, проговорила:

— Позвольте мне...

— Уверяю тебя, янки, я и сам в состоянии справиться. — Он явно хотел обойтись без нее.

Кесси стояла и смотрела, как сильные смуглые руки скользнули под покрывало к маленькому тельцу Джонатана. Хотя ей когда-то и не верилось в такую возможность, любовь Габриэля к сыну не вызвала сомнений. Сердце ее пронзило холодной иглой. Почему он не хочет уделить хоть частичку этой любви ей?

Как обычно, Джонатан успокоился, как только его взяли на руки. Устроенный на руке отца, сын доверчиво таращился на него. Габриэль провел пальцем по его распашонке и нежно рассмеялся, когда Джонатан обхватил его палец, поднес ко рту и смачно засосал. Но тут же громко выразил свое негодование, когда понял, что его обманули и из пальца не течет ни грамма молока. Он начал извиваться всем тельцем и сердито замахал ручками и ножками, повернув голову к груди Габриэля и широко разевая ротик.

Элегантная бровь выгнулась вверх.

— Боюсь, тут я не в силах помочь тебе, Джонатан. — Жесткие серые глаза обернулись к Кесси. Габриэль без слов передал ей сына.

Кесси устроилась на стуле, стоявшем у окна во двор. Крики Джонатана усилились. Он требовал своего, прижимаясь к ней всем тельцем. Она покачала его на руках, пытаясь хоть немного успокоить. Грудь у нее набухла и заболела от внезапно прилившего молока. О, проклятие... проклятие!

Габриэль подтвердил очевидное:

— Он голоден, янки.

Она сжала губы и раздраженно покосилась на него. Оставит он ее в покое или нет? Так хотелось покормить ребенка в тиши и без нервов. А он лишь улыбнулся в ответ, но какой дьявольской улыбкой! Она вся так и задрожала от негодования. Он отступил за ее спину. Кесси застыла в шоке, когда его руки возникли перед ее глазами и потянули за завязки на шее. Раз,

два и... готово! Ее грудь свободна!

На какие-то доли секунды его теплые пальцы коснулись ее обнаженной груди. Но затем Джонатан добрался до нее и громко зачмокал.

Кесси склонилась над сыном, делая вид, что полностью поглощена им. Джонатан был спокойным и жизнерадостным ребенком, плакал лишь тогда, когда хотел есть или был мокрым. И не болел, чего она сильно боялась вначале. Животик у него округлился, а маленькие щечки стали очаровательно пухлыми. На ножках появились чудесные перевязочки, как их называла Элис. Но обычного умиротворения, всегда охватывавшего Кесси во время кормления, сегодня как не бывало.

Габриэль стоял за ее стулом, словно приклеенный. И Кесси болезненно ощущала это каждой своей клеточкой. Хотя он не раз присутствовал при кормлении Джонатана, сегодня его отношение к ней было другим, и она чувствовала себя словно выставленной напоказ. Он-то умел держать себя в узде, а вот ее чувства сегодня мечутся, как испуганные птицы. Когда она приложила Джонатана к другой груди, то попыталась прикрыть головку сына и свою грудь тонким одеяльцем. Но тут же поверх ее ладони легла его рука и пресекла ее жалкую попытку. Кажется, схватка между ними принимала серьезный оборот.

Через несколько минут Габриэль придвинулся так, чтобы она могла видеть его. Глаза его по-прежнему посверкивали недобрым светом.

— Какая преданная мать! — с издевкой произнес он. — Жаль, что жена из тебя вышла не такая же верная.

— О, ради всего святого! — Джонатан задремал у ее груди, так что пришлось прошептать это, хотя ей хотелось громко кричать. — Кристофер заехал навестить вас и сообщить, что купил домик по соседству с Уоррентоном!

— Значит, теперь он и наш сосед? Как удобно для вас обоих!

Теперь, когда Джонатан наелся, причин задерживаться в детской не было. В комнате появилась Элис, и Габриэль передал ребенка ей. А сам прошел к двери и ждал жену там. Кесси затынула завязки, расправила юбки и гордо подняла голову, когда он решительно взял ее под руку. Выбора не было, придется покорно выйти вместе с ним.

Лишь приведя Кесси в спальню, он выпустил ее руку. Затем закрыл дверь и скрестил руки на груди:

— Я видел, как ты поцеловала его, янки. Трогательная сценка, должен заметить.

— В щеку! Господи, да что же это такое? Я просто хотела ободрить его, ничего больше!

Но Габриэлю не просто было избавиться от своих подозрений. Пусть ее тон и убедительно искренен, да и объединяет их с Кесси гораздо большее, чем только сын. Но он не забыл, с какой яростью она утверждала, что ненавидит его. И как бы сладко она ни улыбалась потом, память об этом не давала покоя.

— Правда? Ну-ка расскажи мне поподробнее, дорогая.

Он заметил тень, омрачившую ее прелестное лицо, и злость, темная и безрассудная, закипела в нем. Он начал лихорадочно стаскивать с себя одежду, не скрывая своих намерений.

Брошенный в сторону жилет повис на подлокотнике кресла-качалки.

— Ты утешаешь Кристофера, нянчишься с Джонатаном. Я твой муж и не понимаю, почему бы и меня не включить в список любимчиков?

Нет, ну каков наглец! Она почувствовала, что закипает, но руки у нее остались холодные как ледышки. Она стиснула их на груди, потрясенная его поведением, до конца не понимая, что с ним происходит.

А в сторону уже летела его рубашка.

— На твоём месте я бы разделся, янки. Если этого не сделаешь ты, то я с удовольствием выполню роль горничной.

От вида его обнаженной мускулистой груди у нее пересохло во рту.

— Габриэль! — пыталась вразумить обезумевшего мужа Кесси. — Вы должны верить мне! Это был дружеский поцелуй, не больше!

Он уже стоял совершенно обнаженный.

— Да ну? Может, покажешь мне разницу между дружеским и супружеским поцелуем?

Кесси отчаянно замотала головой, только чтобы не поддаться этому дьяволу-искусителю, ее вечной слабости. Он же обнял ее — такой теплый и сильный. Еще более смущающим было его возбуждение — гордо вздымавшийся вверх жезл. Хотя она и старалась отвести глаза в сторону, только не тут-то было...

— Если хочешь, чтобы я поверил, дорогая, ты должна постараться убедить меня.

— Нет! — выпалила она. — Только не так! Не сейчас, когда вы кипите от злости!

Ему хватило нескольких секунд, чтобы раздеть ее.

— Прекратите! — завопила она. — Это насилие! Потому что добровольно я на это не соглашусь! — Она толкнула его в грудь, но он молча подхватил ее на руки и уложил на кровать. — Вы слышите меня? Я не согласна! — Но ее руки уже гладили волоски на его груди, не то пытаясь оттолкнуть его, не то желая прижать его еще крепче — поди разбери...

От ярости, что она посмела отказать ему, Габриэль потерял разум. Он резким движением проник в нее, подобно стальному клинку... Она была сухой и совершенно неготовой к его вторжению.

Ее тело дернулось, и хотя она и попыталась подавить крик боли, он все же сорвался с ее губ. Габриэль так и застыл. Затем оперся на локти и взглянул на жену. Глаза у нее блестели от слез. Она всхлипывала:

— Кристофер ничего не значит для меня, клянусь! Неужели вы не видите? Он любит Эвелин. И хочет быть поближе к ней. К ней, а не ко мне, Габриэль!

Он зажмурился. Лицо его исказилось от стыда за самого себя и от невыразимого желания.

— О Боже, Кесси...

Его слепая ярость исчезла, сменившись глубоким раскаянием. Он попытался выйти из нее, желая не причинять больше боли хоть в этом, но теперь она не дала ему сделать этого.

Она обвила руками его шею и прильнула к нему. Ей было ненавистно то, что часто управляло его действиями, — злость и горечь. Но его самого она любила. И ей была невыносима мысль, что память о собственной жестокости будет мучить и терзать его, если она не превратит это болезненное и тягостное воспоминание... в упоительно-восхитительное!

— Нет! — умоляюще произнесла она. — Нет! Я не могу, Кесси! — Его шепот был хриплым и страстным. — Я просто зверь, что так набросился на тебя!

— Можешь. Просто люби меня, Габриэль. Просто... люби!

Ее ладони обхватили его щеки, погладили стиснутый подбородок. Она поцеловала его со всей робостью новичка в страсти, привыкшего переживать все бури внутри, а не напоказ. Соленые теплые слезы придали этому поцелую особый привкус.

Сначала его рот оставался сжатым и не поддавался ей... Так же, как его сердце, с тоской подумала она. Но вот его глаза распахнулись, словно ощутив в ней перемену, и заглянули ей прямо в душу. Она словно сама пережила его боль и вину и с криком прижалась к его горячим губам, встретившим ее на этот раз с потрясающим пылом.

И его руки обвились вокруг ее тела так, что чуть не раздавили. Он мгновенно проник языком в ее рот, завладев сладостным пространством, предложенным ею с такой искренностью, что оставалось лишь воздать ей за это в полной мере.

— Не бросай меня снова, Кесси! — Его голос, полный глубокого отчаяния, прозвучал хриплым шепотом у ее губ. — Пообещай не бросать меня.

Сердце Кесси рванулось в диком прыжке. Она бы могла зарыдать от радости, запевшей в ней. Ему не все равно! О святые небеса! Неужели это правда? Со счастливым вздохом она крепко обняла его голову и вжала свое юное тело в его затвердевшие мышцы.

Она чувствовала жажду в его поцелуе и его налитую плоть внутри себя. Когда он вышел из нее, Кесси вдруг ощутила себя странно пустой. Ей стало вдруг страшно, что он так и не решится вернуться туда из-за раскаяния, и стиснула его бедра. Но он лишь покачал головой и прижал губы к кремовой роскоши ее пополневшей груди.

Время, казалось, перестало существовать. Габриэль ненасытно целовал ее, и в этих поцелуях смешалось все: жадность, страсть и нежность. Любовный жар разгорался в Кесси все сильнее, ибо после того как Габриэль заставил ее соски буквально молить о продолжении ласк, он скользнул губами вниз по ее шелковистому животу. С головокружительной интимностью он раздвинул ее бедра. Глаза у нее округлились и затуманились. Габриэль обжег ее своим дыханием и принялся упоительно играть языком с каждой нежной складочкой ее пещерки, вновь и вновь перебирая их, как струны, пока она не забилась под ним, умоляя завершить эту утонченную и сладостную муку безумным финалом.

Когда он наконец задвигался в ней, на его верхней губе выступили крупные капли пота — знак наивысшего напряжения. И как бы Габриэль ни желал испытать блаженство, он очень медленно и расчетливо подводил к этой вершине свою партнершу.

Наконец он не выдержал, ибо ощущение ее бархатного жара, тесно сомкнувшегося вокруг его набухшего пениса, сводило с ума. Внезапно он перекатился на спину, так что Кесси оказалась

поверх него, все еще до предела заполненная им.

Ее глаза расширились от удивления. Она немедленно прижалась к его груди. Выдохнув, она изумилась необыкновенному ощущению всей его громадины внутри себя.

— Габриэль...

Его глаза горели темным пламенем.

— Возьми меня! — хрипло сказал он. Его ладони опустились на ее бедра. Он приподнял ее и снова опустил на себя. Выгнулся ей навстречу, встретил ее во всеоружии и... снова опустил...
— Вот так, сладкая моя... да-да, именно так!

Габриэль застонал от наплывающего на него блаженства... Их обоих охватило безумие, заставившее судорожно ускорить темп, поднимая их все выше и выше на пути к апогею. Она с криком упала на его грудь. Тут и он напрягся в последний раз и позволил экстазу унести себя на той же волне, взмыв высоко-высоко...

Его бесконечно нежные пальцы убрали растрепавшиеся локоны с ее щек. Он слегка улыбнулся ее затуманенному взору. Приподняв ее подбородок, он медленно и со вкусом прильнул к губам Кесси так, что она совсем растаяла от этого поцелуя. Они уснули, так и не разомкнув тесных объятий.

Глава 24

На следующее утро Кесси проснулась от скрипа открывшейся двери. Кто-то слабо охнул. Кесси сонно улыбнулась. Кажется, Глория заметила, что ее хозяйка не одна в своей постели. Кесси оперлась на локоть, когда Глория осторожно поставила принесенный поднос на столик у двери.

— Глория!..

Служанка повернулась на звук низкого мужского голоса. Теплая рука обхватила Кесси за плечо. До этого момента она и не осознавала, что Габриэль тоже проснулся.

— Ты не могла бы попросить повариху добавлять на утренний поднос ее сиятельства с этого дня еще и чайник?

— Конечно, милорд. — Глория сделала книксен и поспешно исчезла.

Нововведение Габриэля говорило о многом, и они оба понимали это. Кесси слегка повернулась в его объятиях. Он провел пальцем по ее носику.

— Ты не возражаешь, графиня?

Его губы изогнулись в полуулыбке, отчего ее сердце усиленно забилося. Темный, небритый подбородок и густо покрытая волосами грудь так и кричали о его мужественности, но из-за спутанных со сна волос и глаз, сияющих серебром, он выглядел значительно моложе и мягче, чем обычно.

Кесси помотала головой, отвечая на его вопрос. Счастье било в ней ключом. Возможно, впервые в жизни она ощутила себя его настоящей женой и леди.

Он медленно склонил голову и легонько прикусил ее губу. Когда он оторвался от нее, то его

губы все еще улыбались, а вот глаза посерьезнели.

— Надеюсь, ты простила меня за вопиющую глупость прошлой ночи, — спокойно сказал он. — Как обычно, я был несправедлив к тебе и Кристоферу. — Он покачал головой. — Мог бы и сам догадаться насчет него и Эвелин.

Она прижала палец к его губам.

— Ну и как бы ты догадался? Это и для меня стало сюрпризом. Давно пора было понять, к чему идет дело... — На ее лбу появилась тревожная морщинка. — Кристофер убежден, что отец Эвелин даже не станет всерьез рассматривать его кандидатуру в качестве жениха. Он не хочет, чтобы Уоррентон знал о его любви к Эвелин из страха, что тот запретит им видеться.

Габриэль задумался.

— Я знаю, как ты любишь Эвелин. Но если честно, Кристофер скорее всего прав. Как и мой отец, Уоррентон придает огромное значение титулу. И не позволит, чтобы возникло хоть малейшее подозрение на скандал в благородном семействе.

Кесси молчала. Ее опечалило, что подруга может так никогда и не узнать блаженства, выпавшего на ее долю. Помедлив, Габриэль прижался губами к ее виску.

— Пришел час, когда нужно забыть все дурное, что мучило нас в прошлом. Настало время начать жизнь заново.

Она удивилась, уловив в его голосе непривычные нотки неуверенности. И облизала пересохшие губы.

— Все сначала?

— Да. Все с самого начала. Ее лицо неожиданно просияло:

— Мне бы тоже очень хотелось этого. — Она обняла его, — Мне эта мысль и правда очень по душе.

— Да-а, но я-то проявил себя очень ревнивым мужем. Боюсь, ты всерьез обиделась на меня. Она закусила губу:

— Честно? Нисколечко! Я... и сама оказалась жуткой ревнивицей!

Он внимательно всмотрелся в ее лицо.

— Но тебе абсолютно не к кому ревновать меня, радость моя.

— Да?.. А к леди Саре?

— Выслушай меня внимательно, ласточка. — Он помрачнел. — Я не изменил тебе ни с одной женщиной с того самого момента, как судьба свела нас вместе. Мне никто не был нужен.

— Правда?!

— Могу поклясться.

От его хрипловатого голоса по ее коже побежали будоражащие мурашки. Кесси мгновенно

воспламенилась от жаркого собственнического огня в его глазах. Ей отчаянно захотелось признаться в гораздо большем, ведь они впервые беседовали на столь интимные темы, не таясь друг от друга. Она любила его. Любила до самозабвения, и сердце ее было так переполнено чувством, что жаждало излиться. Но как он воспримет это? Ее губы приоткрылись и задрожали, готовые к признанию.

Но она не успела произнести и звука, потому что Габриэль приник к ней в бесконечно нежном поцелуе. Кесси таяла в его объятиях.

Из холла донесся пронзительный вопль. Вслед за этим в дверь постучали, и она приоткрылась. На пороге стояла Элис с бурно возмущавшимся голодным Джонатаном.

— Он сегодня нетерпелив, миледи! — весело сообщила она.

Габриэль нехотя отпустил губы жены. С редким для него оттенком искреннего веселья в голосе он прошептал ей на ухо:

— Организм нашего сынули сработал поразительно не вовремя, правда? — и весело расхохотался, когда Кесси в ответ покраснела.

Когда Элис ушла, Габриэль начал безжалостно подшучивать над женушкой, упрямо натянувшей на себя перед кормлением ночную рубашку. Сам он ничуть не стыдился своей наготы и, спокойно пройдя в связывающую их спальни дверь, вернулся через несколько минут таким же нагим, как и раньше, остановившись у столика возле двери, чтобы налить себе чашку чая. Он успел еще налить и шоколад для Кесси, когда в дверь снова постучали. Кесси весело расхохоталась, когда ему пришлось спастись бегством в постель и буквально в последнюю минуту нырнуть под одеяло.

— Миледи, — раздался за дверью голос Глории. — Леди Эвелин ждет вас в гостиной и хотела бы знать, не составите ли вы ей компанию в прогулке верхом?

Кесси взглянула на Габриэля, не возражает ли он. Тот помотал головой.

— Пожалуйста, передай леди Эвелин, — ответила Кесси, — что я с удовольствием принимаю ее приглашение и спущусь вниз сразу же, как только освобожусь.

Когда Джонатан наелся, она вручила его Габриэлю, и тот, лежа в кровати с сыном, наслаждался ее утренним туалетом. С его помощью она быстро застегнула все крючки своей амазонки. Повертелась перед зеркалом, прилаживая на макушке маленькую шляпку. И лишь тогда заметила одного из котят миссис Мак-Ги, умудрившегося прошмыгнуть в комнату. Этот проказ-

ник вспрыгнул на столик, где Габриэль оставил чашку с ее шоколадом, и принялся жадно лакать вкусный густой напиток.

— Брысь, негодник!

Но котенок не обратил на нее никакого внимания. Он вылизал чашку до блеска и уселся мыть лапки. Кесси попыталась нахмуриться и рассердиться, тем более что Габриэль начал хохотать, но ей и самой было смешно. Все еще смеясь, она вошла в гостиную.

Эвелин сидела на пышных подушках канапе. И так задумалась, что Кесси пришлось несколько раз кашлянуть, чтобы подруга заметила ее.

— Хотелось бы знать, — пошутила Кесси, — что это вас так тревожит? Или лучше спросить: кто?

Эвелин покраснела. Кесси с заговорщическим видом прошептала:

— Позвольте мне самой угадать. Его, случайно, зовут не Кристофер?

Эвелин даже отпрянула от испуга:

— Неужели это так заметно?

— Вовсе нет! — поспешила успокоить ее Кесси. Она ласково погладила Эвелин по руке. — Можете не волноваться. От меня ваш секрет никто не узнает. Но мне кажется, что лучше было бы открыться во всем вашему отцу. Возможно, он и не станет возражать против Кристофера? Ведь вы ничего не знаете наверняка.

— Нет, Кесси. Мой отец больше чем когда-либо настроен выдать меня за деньги и титул. Просто бредит этим.

Видя, что все это расстраивает подругу, Кесси промолчала. Через минуту Эвелин улыбнулась:

— Отец прискакал сюда со мной. Они с Эдмундом собирались поохотиться. Как раз перед вашим приходом Эдмунд спрашивал, не присоединимся ли мы к ним. Я отказалась.

— Слава Богу! Мне в жизни не угнаться за вами на охоте! Они встали и направились к двери, когда из холла раздался крик. Эвелин удивленно взглянула на Кесси:

— Что это было?

— Похоже на голос миссис Мак-Ги. — Кесси выскочила из гостиной.

Кричала действительно миссис Мак-Ги. Она стояла на коленях, а возле нее беспомощно вытянулся котенок.

— Бедняжка! — рыдала экономка. — Я стала выпроваживать его на прогулку, а он шел, точно пьяный. И вдруг... упал и так жалобно посмотрел на меня... А потом дернулся и застыл! Мне кажется, он умер!

В холл вышли Эдмунд, Габриэль и герцог Уоррентон. Габриэль присел на корточки возле экономки, осторожно пощупал тельце котенка и поднял голову:

— Судя по тому, что вы рассказали, он, похоже, был пьян. В любом случае он мертв. Мне очень жаль, миссис Мак-Ги.

Кесси так и передернуло: он, похоже, был пьян. Нет, лихорадочно соображала она. Не пьян... Отравлен!

Жуткая истина вдруг открылась ей. Она побледнела и попятилась.

— Нет! — прошептала она, глядя только на Габриэля. -

Боже праведный! Нет!

Мгновенно повернувшись, она помчалась вверх по лестнице.

Габриэль вскочил на ноги и нахмурился:

— Кесси! Что за чертовщина? — И бросился за ней. Яростно саданув по несчастной двери кулаком, Габриэль, мрачнее тучи, ворвался в спальню жены:

— Какая муха тебя укусила?

Он был встревожен. Сердит. Но больше всего его беспокоило, что с ней происходит. Она побелела и вся тряслась. Проклятие! Если бы он не знал ее, то подумал бы, что она боится его...

— Кесси, дорогая, объясни наконец, в чем дело? Ее трясло, как в лихорадке. В глазах застыл ужас.

— Как будто ты не догадываешься!

— Клянусь, я понятия не имею, что на тебя накатило! Почему ты так странно ведешь себя?

Мозги ее работали, как часы. Значит, вот почему Габриэль был таким милым этим утром? Мечтал о новой жизни... но не с ней, а без нее... Вероятно, сегодня должен был наступить конец их совместной жизни...

— Котенок вылакал мой шоколад! И теперь мертв!.. Вылакал шоколад, который предназначался мне... и умер! Габриэль был потрясен:

— Мать Божия! Так ты решила, что я...

— Однажды ты уже добавлял лауданум в мой шоколад! Не станешь же ты отрицать это?

— Нет. Но тогда это было тебе необходимо. Ты тогда так переволновалась!

— Я — единственная в доме, кто пьет шоколад, Габриэль. Кажется, на этот раз меня решили успокоить навеки!

Она была не похожа на себя. Ее голосом просто кричал страх, в глазах отражалось безумие. Он потянулся к ней. Она съежилась и отшатнулась. Быстро подскочила к гардеробу и достала оттуда чемодан. Начала, не глядя, бросать туда вещи. Руки у нее тряслись.

С угрюмым выражением лица Габриэль опустил ей на плечи руки.

— Кесси, посмотри на меня! — Хотя голос его и приказывал, глаза его умоляли. — Взгляни на меня и скажи, что ты действительно веришь, что я могу намеренно причинить тебе боль. Не говоря уже о том, чтобы строить планы твоей смерти!

По ее щекам заструились слезы.

— В меня стреляли! Потом пытались украсть. А теперь еще и это! Что мне остается думать? А ты никогда не хотел жены, Габриэль! Признайся, что не хотел!

— Все это в прошлом, Кесси. Ты же мать моего сына! Бог свидетель, я скорее дам отсечь себе руку, чем позволю упасть волоску с твоей головы!

— А как насчет твоего отца? Он презирал меня, когда ты привез меня сюда. Я ничем не напоминаю его идеал... К тому же американка! Возможно, он решил, что я уже выполнила

свою задачу, так что меня можно и устранить? — Она приложила ладони ко лбу. — Я не знаю, что и думать. Не знаю!

Тут она заметила на пороге спальни Эвелин.

— Помогите мне, Эвелин, пожалуйста! — Она истерично зарыдала. — Я... я не могу остаться здесь после всего, что случилось! Вы можете мне?

— Конечно, Кесси. Я сделаю все, что в моих силах, но... — Эвелин встретила глазами с Габриэлем, который молча кивнул в знак согласия. Эвелин стиснула руки Кесси. Те были просто ледяными. — Успокойтесь, дорогая. Послушайте, что я предлагаю. Поживите-ка с Джонатаном у меня, пока эта история как-то разъяснится... Я уверена: папа не станет возражать...

Час спустя Габриэль стоял на самом верху широкой каменной лестницы Фарли-Холла и, оцепенев, провожал взглядом карету, свернувшую в сторону Уоррентона и увозившую туда его жену и сына. Он стоял до тех пор, пока не улеглась пыль.

Эдмунд находился у широких резных дверей в гостиную:

— Боже, до сих пор не могу поверить, что ты позволил ей уехать!

Габриэль так стиснул зубы, что у него свело челюсть. Он прошел мимо отца, словно и не заметил его. Но Эдмунд не отставал от сына, следуя за ним как тень. И неодобрительно нахмурился, когда увидел, что сын налил себе щедрую порцию бренди.

— Габриэль! Ты ничего мне не хочешь сказать? Габриэль с такой силой опустил бокал на поднос, что стекло треснуло.

— Нет! — яростно прорычал он. — Но, видимо, тебе есть что рассказать мне!

— Послушай, — не смутился Эдмунд. — Ее обвинения просто смехотворны! Мало ли где котенок набил себе желудок чем-то непотребным? Откуда ей знать, было что-нибудь в шоколаде или нет? Смертельная доза лауданума! Такое может придумать только воспаленный мозг! А всем известно, что женщины после родов частенько склонны к неуравновешенности и мнительности! Я, конечно, понимаю, ты был обязан успокоить ее, но позволить ей уехать? Ведь ты только подогрел ее страхи, а они наверняка ничем не обоснованы!

— Да ну? Хочу напомнить тебе, что в Кесси стреляли, потом похищали, пусть и неудачно. Так что ее вполне могли попытаться устранить другим способом. Я привез ее из Лондона сюда, думая, что смогу обеспечить здесь ее безопасность.

Как видишь, не сумел, потому что тот, кому она мешает, отлично осведомлен о ее вкусах. Так можешь ли ты, положив руку на сердце, осуждать ее за то, что она чуть с ума не сошла от страха? Кто-то же пытался убить ее! И вероятнее всего, кто-то из нашего дома! Это не я, и сомневаюсь, что у кого-то из слуг поднялась бы рука на такое. Так что ответь мне, отец, кого остается подозревать?

Эдмунд застыл, словно проглотил железный стержень:

— Я постараюсь забыть об этом оскорблении, Габриэль, — ты ведь не в себе от горя. Но не будь ты моим сыном, я вызвал бы тебя на дуэль лишь за то, что ты посмел заподозрить меня в

подобной пакости! Ни при каких обстоятельствах я не причиню вред тому, кто слабее меня, а уж тем более — моей невестке!

— Но твоя невестка — американка, отец! А как ты ненавидишь янки, знают все.

Эдмунд бешено сверкнул глазами:

— Тем не менее я ни в чем не виноват перед Кассандрой! И не понимаю, зачем ей вообще понадобилось покинуть Фарли?

Рот Габриэля нервно задергался:

— Да ладно тебе, отец. Вероятно, даже к лучшему, что она не осталась здесь. Моя мать не покинула поместья, и вспомни, что с ней случилось.

— Твоя мать? — Эдмунд был поражен до глубины души. — Не вижу, какое она имеет отношение ко всему этому!

— Да? Меня это не удивляет. Я всего лишь хотел сказать, что не смог бы спокойно наблюдать, как Кесси мучается здесь, несчастная и грустная, в точности как моя мать. Видишь ли, отец, я не желаю сотворить с ней то, что когда-то сделал ты с моей матерью.

— Что я сделал с твоей... Но я ничего с ней не сделал!

— Совершенно верно. Тебе было плевать, есть она или нет. Ты ведь не любил ее и не замечал ее существования... Как ты думаешь, что убило ее?

Эдмунд отшатнулся:

— Что ты имеешь в виду, Габриэль? Она... она утонула в озере. Жуткая смерть, конечно, но ведь никто из нас не застрахован от случайностей!..

— Нет, отец. Ее смерть не была случайной. Она утонула, потому что хотела умереть... Вот и решилась на самоубийство. Эдмунд выпучил глаза. Он даже посерел лицом.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Она оставила мне письмо. Знала, что я пойму ее, как всегда знала, что тебе это не разобьет сердца... Она любила тебя... вопреки здравому смыслу... Хочешь знать, что она написала в своем предсмертном письме? Что у нее больше нет сил быть рядом, но ничего не значить в твоей жизни, не быть ее частичкой. Вот она и предпочла покончить с такой жизнью раз и навсегда!

Эдмунд закричал:

— Но я не знал этого, Габриэль! Пресвятая Богородица! Я даже не подозревал... Я думал, это... несчастный случай! Почему ты не рассказал мне?

— Тебе было наплевать на нее, пока она была жива. Неужели ее судьба заинтересовала бы тебя, когда ее уже не стало?

Габриэль прошел мимо отца и громко хлопнул дверью.

Колени Эдмунда ослабели, он еле доплелся до стула. Теперь все стало ясно ему — ясно до

конца. Понятно и отчуждение Габриэля, и его постоянное раздражение на него.

Он закрыл лицо руками и заплакал. Он оплакивал все, что когда-то было его жизнью. И все, что потерял.

Глава 25

Габриэль приехал навестить жену и сына уже на следующее утро. Затем — в полдень. И оба раза Кесси отказалась повидаться с ним. Он снова приехал на следующий день — с тем же успехом.

Заставь ее под пыткой сказать, почему она так поступает, и Кесси не смогла бы дать четкого ответа. Знала только, что если увидит его, это лишь увеличит ее страдания. Она разрывалась между надеждой и страхом, злостью и тоской, унынием и попытками взбодриться. Ночами она засыпала, устав плакать... По утрам просыпалась с раскалывающейся от боли головой и опухшими глазами. Но ее сердце оставалось закрытым для всех. Ибо она не могла отделаться от сомнений: Габриэль... или Эдмунд? Отец... или сын?

Временами ей казалось, что она сошла с ума. Разве в здравом уме предположишь, что Габриэль или Эдмунд способны на хладнокровное убийство? Но затем ее снова начинали разбирать сомнения, и она неизменно приходила к выводу, что убийца — кто-то из них. Как она ни напрягала мозг, все было напрасно. Ей так и не пришло в голову, кто еще мог так упорно елать ее смерти.

Неделю спустя она стояла в своей комнате у окна и смотрела на чудные зеленые луга. Солнце ласково пригревало, заставляя все искриться весельем, но и это не смогло развеять грусть Кесси.

Заметив, что подруга не высыпается, Эвелин уговорила ее отдохнуть после полудня. А чтобы Джонатан не мешал ей, она забирала его на это время к себе. Но сегодня Кесси от тревоги не находила себе места — о том, чтобы прикорнуть, и речи быть не могло. Уж лучше она присоединится к Эвелин и сыну.

Она спустилась вниз и заглянула в гостиную, но их там не оказалось. Кесси и не заметила, что дверь на террасу приоткрыта. Уже собравшись выйти, она остановилась как вкопанная. С террасы доносился смех. Быстро подойдя к двери, она застала милую картинку. Эвелин сидела на деревянной скамье, а напротив нее расположился Габриэль, для удобства вытянувший свои длинные ноги. А на коленях у него заливался смехом и скакал Джонатан.

Первой ее заметила Эвелин. Она виновато потупила глаза и встала. Кесси в раздражении раздула ноздри: ее жестоко обманули, предали! И кто? Лучшая подруга! Она обвела присутствующих возмущенным взглядом и холодно произнесла:

— Та-ак... Очевидно, именно поэтому вы так настаивали на моем дневном отдыхе?

Габриэль тоже поднялся, усадив Джонатана на плечо и заботливо поддерживая его за головку и спинку. Эвелин ничуть не расстроилась, а Габриэль погрустнел и помалкивал, не желая обострять ситуацию.

— Кажется, вам не мешает поговорить наедине? — весело сказала Эвелин. — Можно я заберу Джонатана?

Габриэль кивнул. Он прижался губами к головке малыша и вручил его Эвелин, которая тут же

оставила их вдвоем.

— Возможно, на меня ты и имеешь право сердиться, но Эвелин здесь ни при чем. Это я уговорил ее.

— Однако она ни словечком не обмолвилась мне об этом!

Взгляд Габриэля стал жестче:

— Когда ты отказалась видеть меня, я лишь покорно склонил голову. Но кто дал тебе право запрещать мне видеться с сыном? Хочется напомнить, что это и мой ребенок, а не твоя единоличная собственность.

— Сын, которого ты не хотел так же, как и жену!

Его лицо превратилось в каменную маску:

— Советую тебе следить за своим язычком, янки. Однажды я сорвался и ударил тебя, да в придачу наболтал такого, что и по сей день содрогаюсь. Так что же я теперь — виноват на всю жизнь?!

Он подошел так близко, что знакомый запах окутал ее с головы до ног. Мысли ее беспомощно застывали. Она молилась, чтобы он не заметил предательски забившуюся жилку на шее. Когда он рядом, просто невозможно мыслить ясно, а в мозгу начинают мелькать картины их жарких объятий... Она поневоле вспомнила, как теплы и трепетны его губы, как сильны его руки: от них в ней всегда возникало чувство защищенности...

Руки вдруг так задрожали, что она была вынуждена спрятать их в складках платья.

— Чего ты хочешь от меня, Габриэль? Я ошиблась насчет котенка и в моем шоколаде не было отравы? Установилось напряженное молчание.

Наконец он заговорил:

— Нет, по всей видимости, ты права. Доктор осмотрел труп котенка и считает, что его отравили. И за кухней нашли пустой пузырек из-под лауданума. Глория вспомнила, что поднос несколько минут стоял на кухне, прежде чем она отнесла его наверх. Я допросил всех слуг, но ничего существенного так и не узнал.

Он явно не хотел сообщать ей всего этого. Кесси заметила, как в его глазах мелькнуло сомнение.

— Слуги преданы и тебе, и твоему отцу. Если же я умру, то ты обретешь желанную свободу и сможешь жениться, на ком пожелаешь.

Его передернуло от отвращения:

— Если ты еще не забыла, то я вообще не рвался обзаводиться женой. И что бы ты там ни думала, мой отец — человек чести. Если уж на то пошло, я бы первый обвинил его, заподозрив в нем хоть каплю неискренности. Какой мне смысл защищать его? — Он нервно мерил шагами террасу, продолжая развивать свою мысль: — Поверь мне, Кесси, я хорошо понимаю твой страх. Чего я не понимаю, так это того, что ты обвиняешь женя! Кажется, ты забыла, что когда в тебя стреляли, я был рядом с тобой!

— Легко нанять кого-либо для столь деликатного поручения... Бандит из Лондона... тоже мог быть исполнителем твоей воли. И вообще... если это не ты, то кто?

— Понятия не имею! — взорвался он. — Я нанял сыщиков, и они уже несколько месяцев возятся с твоим делом. И хоть ты и не доверяешь мне, но и здесь за тобой приглядывают мои люди. Я устал защищаться от твоих нападков, Кесси, и никак иначе не могу доказать свою невиновность, кроме как найти преступника!

— А что мне остается? — со слезами на глазах вскричала она. — В следующий раз мне может и не повезти!

Он потянулся к ней, чтобы успокоить. Но у нее в груди бушевало сомнение. Как она может любить человека, который, вероятно, замыслил убить ее? Нет, она не позволит ему прикоснуться к себе, только не сейчас.

— Не надо! — отшатнулась она. — Не трогай меня! Не смей больше прикасаться ко мне!

Габриэль резко отскочил от нее. И помрачнел. Его охватило горестное чувство поражения.

— Этот брак был проклят с самого начала, — произнес он жутким голосом, который она будет помнить до самой смерти. — Возможно, ты и права. Наверное, разумнее всего покончить с ним прямо сейчас.

Кровь отхлынула от ее лица:

— Что ты имеешь в виду?

— Не волнуйся насчет денег. Я обеспечу тебя до конца жизни, как и обещал. И нам больше не придется терпеть друг друга. Зачем продлевать эту муку, которая зовется браком? Тебе лишь придется выбрать место, где ты хочешь поселиться, и я позабочусь, чтобы купить там тебе дом со всеми удобствами. Господь свидетель, мне не особо присуще благородство, но, возможно, даже к лучшему, что ты уедешь. Если хочешь, я даже могу отправить тебя в Чарлстон.

Горячий ком в горле мешал ей дышать и говорить. Она онемела. И почувствовала, что земля уплывает у нее из-под ног. Она едва выдохнула:

— А как с Джонатаном?

— Джонатан — мой наследник, так же как я — наследник моего отца. Он должен получить соответствующее воспитание. И он его получит.

Пораженная, Кесси молча уставилась на него. И поняла, что перед ней совершенно чужой человек, которого она не знает и не понимает. В нем не было ни грана сочувствия и желания понять.

— И ты полагаешь, я оставлю его здесь? Чтобы его воспитывали ты и... твой отец? И чтобы он вырос таким же, как ты! — Ярость слепила ее. — Нет! Нет!

В его взгляде светилась решимость.

— Ты можешь отвергать меня, Кесси, Но лишить меня прав на сына ты не сможешь.

— Ты хочешь отобрать у меня моего ребенка? — прошептала она, отказываясь верить услышанному. — Боже, и ты еще смел обвинять в жестокости меня

— Мне казалось, ты сделала свой выбор. Ты не доверяешь мне, выдвигаешь против меня дикие обвинения. Пусть будет по-твоему. Я больше не стану ни о чем просить.

Он повернулся и вышел.

Прошли минуты, а может быть, и часы. Кесси потеряла всякое представление о времени. Стояла и чувствовала, что в ее сердце вонзили нож.

За ее спиной сухо кашлянули. Она резко повернулась и увидела герцога Уоррентона.

— Прошу извинить меня, ваша светлость, — мертвым голосом произнесла она. — Я не заметила вас.

Он молча поклонился и устоял на нее, сложив руки за спиной.

— Простите мне мою откровенность, Кассандра, но я невольно стал свидетелем вашей ссоры с Габриэлем.

Он слышал! Ей стало неловко и неприятно. Даже не знаешь, как реагировать на подобную реплику.

Реджинальд не улыбался, но был не так мрачен, как обычно.

— Тогда прошу извинить меня, — наконец пробормотала Кесси. — Переезжая сюда, я не собиралась устраивать здесь сцены.

— Нет нужды волноваться на этот счет. Мне показалось, что вам было что обсудить. Ведь ваш супруг собирается отнять у вас ваше дитя!

Кесси с болью в голосе проговорила:

— Да. Мне казалось, что такое и представить невозможно... — Она замотала головой. — Я... я просто не понимаю, как у него язык повернулся сказать подобное!

Реджинальд вздохнул:

— Я знаю его с детства. Он... всегда был упрямым и... диким мальчишкой, и это еще мягко сказано. Некоторые утверждают, что он... мстительный субъект.

Мстительный. Сердце ее болезненно сжалось. Ведь именно из мести он когда-то женился на ней. Реджинальд прав, тысячу раз прав! Ей были хорошо знакомы безжалостность и целеустремленность Синклеров. А как он был бессердечен сегодня! Ее затрясло.

— Должен предупредить вас, дорогая... Габриэль не из тех, кто бросается словами. Он имеет обыкновение выполнять свои угрозы.

— Что вы имеете в виду? — прошептала Кесси, не сводя с герцога испуганных глаз.

— Только то, что сказал. Я давний друг семьи, но помешать намерениям Габриэля не сумею. Хотя и считаю, что ребенку мать нужна, как никто другой.

Кесси без сил рухнула на скамью.

— Я не могу позволить ему отобрать у меня Джонатана! Не могу! — Она закрыла лицо руками. — Что же мне делать?

— Ну же, соберитесь, не время распускать нюни. — Он сунул ей носовой платок. — Вытрите слезы и послушайте, что я вам скажу.

Кесси вытерла глаза и подняла голову.

— Вот что я думаю, Кассандра. Если вы останетесь здесь, то дождетесь, что Габриэль отберет у вас сына. Он может быть очень безжалостным, как вы знаете. Не следует забывать и о герцоге, который столько времени ждал наследника.

— Я не могу допустить этого! Джонатан — все, что у меня есть и ради чего я живу!

— Как я вас понимаю, дорогая! Поэтому и предлагаю бежать отсюда, пока у вас есть шанс.

— Бежать? Куда я могу бежать? — Она застонала от отчаяния. — В Лондоне Габриэль тут же меня отыщет. Да и вообще перевернет всю Англию, чтобы найти нас!

Реджинальд задумчиво почесал подбородок:

— Сами вы вряд ли сумеете сбить Габриэля со следа. Но у меня есть сестра в Ирландии — добрейшая и благороднейшая женщина. Я могу помочь вам сесть на корабль, идущий туда. С моим письмом вы сможете поселиться у нее до тех пор, пока как-то устроите свою жизнь.

Кесси содрогнулась:

— На корабль? — Она, не задумываясь, проговорила: — Мне страшно даже вспоминать плавание через океан. Я смертельно боюсь воды и... не умею плавать.

— Выбор за вами, конечно. Вам решать, что для вас важнее.

Кесси закусила губу. Еще один вояж по морю. Но это все же мизерная плата за свободу и безопасность. Ее и сына. Габриэль — очень опасный противник. У него и деньги, и власть. Единственная надежда — бежать прямо сейчас, пока никто ничего не подозревает...

— Кажется, вы правы, — запинаясь, произнесла она. — И я с благодарностью принимаю вашу помощь.

— Отлично, дорогая! Вы не пожалеете об этом. Вот что мы сделаем в первую очередь. Упакуйте лишь маленький чемодан с самыми необходимыми вещами для вас и ребенка. Я постараюсь подослать остальное к отплытию корабля. Встречаемся через час у конюшни. Кесси нахмурилась:

— А как быть с Эвелин? Что мне сказать ей?

— Не волнуйтесь насчет Эвелин. Я скажу ей, что решил прокатить вас на фаэтоне. Он двухместный, так что она не сможет составить нам компанию, даже если захочет. А позже я откроюсь ей. Сейчас этого делать не стоит: слишком рискованно...

Через час Кесси уже покинула поместье Уоррентонов. Джонатан вел себя по-ангельски — тут же уснул у нее на руках. Пока она лихорадочно занималась сборами, сердце ее словно окаменело. Но не успели они отъехать и на полмили, как все ее существо воспротивилось тому,

что она собиралась сделать. Нельзя вот так покидать Габриэля! Она не воровка и не преступница, чтобы пускаться в бега! И они уже столько пережили вместе с Габриэлем, проделали такой длинный путь. Это безумие — так легко отступить друг от друга!..

За какие-то доли секунды перед ней пронеслось все — вспомнилось каждое слово, каждое прикосновение, каждая ласка, которыми они обменялись с Габриэлем. Любящий палец нежно провел по крохотным бровкам Джонатана, поразительно напоминая смехливые контуры отцовских бровей. Да и весь он был маленькой копией Габриэля, за что она любила его еще больше... Габриэль прав: Джонатан и его сын... и он любил его не меньше, чем она сама, — каждым ударом своего сердца, каждым вздохом... Но и Габриэля она любила так, что мысль прожить оставшуюся жизнь без него, ужасала...

Не бросай меня снова, Кесси. Обещай мне, что больше никогда не покинешь меня.

Слова Габриэля жгли мозг.

Я скорее дам отсечь себе руку, чем причину тебе зло.

Она вдруг поняла, что страх толкал ее на безумные поступки. Ведь Габриэль был искренним, она имела возможность тысячу раз убедиться в этом. Вера, подобно могучему приливу, наполнила ее сердце, не оставив места сомнениям.

Найдя наконец ответы, до сих пор ускользавшие от ее сознания, она уже не могла продолжать то безумие, на которое решилась в минуту отчаяния. Их фаэтон находился как раз неподалеку от Фарли. Еще несколько минут, и они проедут! мимо огромных ворот. Подняв голову, она дернула Реджинальда за рукав.

— Пожалуйста, остановите лошадей, — попросила она, когда он повернулся к ней.

Он натянул вожжи, и фаэтон остановился.

— В чем дело, девочка?

— Мне очень жаль, — ровным голосом проговорила она. — Но я не могу пойти на это. Нельзя вот так... бросить Габриэля. Это... нечестно.

— Что-о? Вы хотите сказать, что решили вернуться в Уоррентон?

— Нет, ваша светлость. Я бы хотела вернуться домой. К мужу.

Какое-то странное выражение промелькнуло на лице герцога, нечто похожее на гнев...

Она инстинктивно вжалась в кожаное сиденье. Герцог медленно окинул ее темными горящими глазами, в которых светилось безумие.

— Возможно, вы и правы... — Он откинул голову и расхохотался. Жутким смехом, от которого волосы на затылке зашевелились. Смехом сумасшедшего. Она похолодела. — Желаете вернуться в Фарли, да? Что ж, будь по-вашему, девочка. Вы туда вернетесь.

Габриэль не поехал в Фарли. Вместо этого он проскакал к дому Кристофера. Теперь он метался по гостиной приятеля, а Кристофер молча наблюдал за ним.

Габриэль был вне себя от злости и отчаяния. Кесси снова спровоцировала его, и он наговорил

кучу глупостей, которые приходили ему в голову за секунду до того, как он их выпаливал... И уж, конечно, никогда не собирался выполнять...

Но еще сильнее он злился на свою беспомощность, неспособность найти того, кто покушался на жизнь Кесси и медленно сводил ее с ума. Он изо всех сил саданул кулаком по своей ладони. Столько времени прошло, а до сих пор ничего не удалось выяснить! Неужели эта задача ему не по плечу? Весь день он мучился от сознания, что проглядел что-то существенное.

— Прекрати метаться, как тигр в клетке! Этим ты делу все равно не поможешь, — не выдержал наконец Кристофер, — а вот мне придется сменить ковер гораздо раньше, чем хотелось бы. — Поскольку Габриэль не обратил на его слова никакого внимания, Кристофер вздохнул. — Ты правильно сделал, что отпустил ее в Уоррентон. Там Кесси в большей безопасности.

Габриэль остановился и провел ладонью по лицу:

— И я так думаю. Если судить по прошлым покушениям, то опасность грозит ей именно в Фарли. И все же никак не могу отделаться от чувства...

Тут он застыл на месте и уставился в пространство перед собой, словно увидел призрак.

— В чем дело? — встревожился Кристофер. Габриэль помотал головой, словно не мог поверить в то, что пришло ему в голову:

— Кесси сказала сегодня странную вещь. Что я приобрету свободу и смогу жениться по своему... выбору... если она умрет.

— Это уже какая-то патология, — поморщился Кристофер. — Конечно, бедняжке досталось, вот ей и мерещится черт знает что. Она еще одумается, Габриэль...

— Дело не в этом, — перебил его Габриэль. — Ты не понял, а ведь она высказала совершенно здравую мысль. Если она и впрямь умрет, то я стану... вдовцом... — Тут его голос снизился до шепота: — Будто... и не был никогда женат.

Кристофер сощурился:

— Я что-то не совсем понял. Ты имеешь в виду, что в качестве вдовца сможешь жениться на Эвелин?

— Вот именно!

Кристофер вскочил со стула и, не стесняясь, выругался.

— Ну, знаешь, Габриэль, это уж слишком! Как ты смеешь даже предполагать, что Эвелин пыталась убить Кесси, чтобы ты мог жениться на ней? Чушь собачья! Эвелин и мухи-то не сумеет обидеть.

Габриэль схватил его за руку:

— Она-то не обидит, но можешь ли ты сказать то же самое про герцога Уоррентона?

— Боже праведный! — выдохнул Кристофер. — Ее отец!

— Вот именно! Герцог был здесь, а не в Лондоне, когда в Кесси стреляли. А когда он уехал в Лондон, ее пытались похитить.

— И он был в Фарли, когда ее шоколад оказался отравленным! — Кристофер побледнел, как и его приятель. — Чего мы торчим тут, когда нужно действовать?

Оба друга сломя голову помчались к конюшне.

В Уоррентоне к ним спустилась Эвелин.

— Я приехал за Кесси, — проговорил Габриэль. — Где она?

— Мой отец повез ее с Джонатаном прокатиться. Они уехали примерно четверть часа назад.

— Нет! Боже, только не это! — Лицо Габриэля исказилось от ужаса. — Мы должны догнать их, пока не поздно! Эвелин недоуменно повернулась к Кристоферу:

— Что-то случилось, да? Да скажите же мне, в чем дело! Кристофер взял ее под локоть и с болью посмотрел на дорогое лицо:

— Был бы рад — ради вас самой, — чтобы наши страхи оказались напрасными...

Несколько минут спустя они уже на полном скаку мчались из Уоррентона. Втроем. И именно она первой заметила фаэтон, стоявший у заросшей кустарником обочины...

Пустой, если не считать заливающегося плачем ребенка.

Глава 26

Джонатана вырвали из ее рук. Уоррентон тяжело спрыгнул на землю.

— Выходи! — прохрипел он.

С бешено бьющимся сердцем Кесси выбралась из фаэтона и умоляюще протянула руки за сыном. Глаза Уоррентона злорадно сверкнули. Он швырнул Джонатана на пол фаэтона. Разбуженный столь грубым обращением, мальчик заплакал так, что зашелся в кашле. Кесси дернулась к нему, но Уоррентон успел схватить ее за руку и рванул на себя.

— Нет! — закричала она. — Вы с ума сошли! Что вы себе позволяете?

Уоррентон не спешил. Его пальцы впились в нее, словно клещи. Он поволок ее через кусты, росшие вдоль дороги. Хотя она и сопротивлялась изо всех сил, ей с ним было не справиться. Сквозь ветки поблескивала водная гладь. Кесси ужаснулась. Святые небеса, только не озеро! Пытаясь вырваться, она споткнулась и упала на колени. Уоррентон озверело рванул ее, чуть не вывихнув при этом руку. И не останавливался до тех пор, пока не дотащил ее до маленькой пристани, вдававшейся в озеро.

— Так, значит, ты не умеешь плавать? Спасибо, что подсказала мне отличную идею! — И, ухмыляясь, подтолкнул ее к воде.

Она едва не потеряла равновесие от страха. Он собирался убить ее! Она читала это в его горящих безумием глазах.

— Так это вы стреляли в меня? И бандита в Лондоне наняли тоже вы! Вы все время следили за мной, выжидая удобного случая! И шоколад! Это вы отравили его тем утром!

— Да, дорогая, это все моих рук дело. А подлил я тебе лауданума. К сожалению, и эта попытка сорвалась. Как и у того идиота в Лондоне! — Он грязно выругался. — Задала ты мне хлопот! Я намеревался разделаться с тобой в два счета, но оба раза тебе повезло, так что пришлось затаиться на время. Видишь ли, надо было, чтобы твоя смерть выглядела как несчастный случай. Все эти месяцы, пока ты была в бегах, я молился лишь о том, чтобы тебя нашли околевшей в какой-нибудь подворотне. Но ты сумела объявиться живой и невредимой.

Его рот нервно задергался от распиравшей его злобы.

Кесси обуял ужас, она сумела лишь прошептать:

— Но почему? За что вы так ненавидите меня? Я вам ничего не сделала!

— Ничего? Если бы не ты, то Габриэль уже был бы женат на Эвелин!

— Эвелин вздохнула от облегчения, когда узнала, что Габриэль женился! Она не хотела выходить за него! Он небрежно отмахнулся:

— Какая разница, хотела она или нет? Эта женитьба — мое единственное спасение. Ты помешала моим планам возродить Уоррентон в былом блеске... Там все так запущено! А остальные поместья пришлось вообще продать. В последние годы я чересчур увлекся картами и задолжал столько, что страшно даже подумать, не то что произнести вслух! Ты можешь себе представить герцога Уоррентона в приюте для бедных? Да мои предки перевернутся в своих гробах, если произойдет такое Единственная надежда — выдать Эвелин за богатого человека.

— Поэтому вы и устроили ее помолвку со Стюартом? А потом навязывали брак с Габриэлем...

— Умная девочка! Не могу же я отдать дочь за какое-нибудь ничтожество типа торговца, пусть и с большими деньгами. Ведь это мезальянс! Ничего, все еще вернется на круги своя, как только ты умрешь! Эвелин и Габриэль еще поженятся... Должен заметить, что ты умрешь так же, как когда-то Каролина. И как удачно, что рядом с Фарли есть озеро! О да, дорогая, боюсь, ты тоже станешь жертвой несчастного случая... — Он драматично вздохнул. — А я, увы, не сумел вовремя спасти тебя... Такая трагедия!.. Но лично меня она вполне устроит, поскольку решит все мои проблемы.

Кесси оцепенела от ужаса. Этот безумец прав. Поблизости ни души, за исключением этого сумасшедшего. Никто не услышит ее криков. Сочиненная герцогом история будет выглядеть вполне правдоподобно, так что никто и не догадается, что он попросту избавился от нее...

Уоррентон достал из кармана маленький пистолет и махнул им в сторону озера:

— Ну, хватит болтовни! Ты прыгнешь сама или мне придется стрелять? — На его лице появилось брезгливое выражение. — Умоляю, не вынуждай меня идти на крайности. Ведь будет столько крови, бр-р...

Кесси уставилась на него расширенными от ужаса глазами. Все было так, как в кошмаре, приснившемся ей. Позади озеро со своими спокойными водами. Но под ними ее ждала холодная мгла — смерть. Больше всего на свете она боялась утонуть, и вот теперь должна умереть именно таким жутким образом.

Она медленно покачала головой:

— Я не стану прыгать. Придется вам стрелять.

Это была не бравада, а инстинктивный страх перед тем, что ждет ее в воде.

Губы Уоррентона искривила злобная усмешка. Не успела Кесси и охнуть, как он рывком развернул ее лицом к воде. Ее больно кольнуло между лопатками. Она вскрикнула и почувствовала, что летит вниз. Вода спокойно приняла ее и сомкнулась над головой. Ее сразу же потянуло ко дну. Но ей все же удалось еще раз вырваться на поверхность за глотком драгоценного воздуха. Но вслед за этим ее вновь потащило на дно. Кесси била ногами, но юбки моментально пропитались влагой и облепили ноги, так что через минуту она уже и сопротивляться не могла. И начала опускаться в мрачную бездну.

Габриэль, — мысленно закричала она. — О, Габриэль, помоги мне...

Она не видела, как двое мужчин что есть духу неслись через луг к озеру. Уоррентон тоже изумился, услышав топот ног по деревянной пристани. Он вытаращил глаза, а Кристофер, первым добравшийся до герцога, схватил его и стиснул руку с пистолетом. Уоррентон застонал, завидев худенькую фигурку дочери с плачущим на ее руках ребенком.

— Быстрее! — прокричал Кристофер приятелю. — Она только что скрылась под водой!

Габриэль нырнул. Кесси даже не почувствовала резкого рывка за одежду. Ее легкие разрывались от нехватки воздуха. Но рот она не раскрывала, ибо понимала, что это — верная смерть. Она начала терять сознание. Последней мыслью было сожаление, что у ее короткой жизни такой жуткий конец...

Габриэлю удалось схватить ее за талию и выдернуть на поверхность. Затем он понес ее к берегу. Ноги его подгибались от веса тела в промокшей одежде, мышцы на руках напряглись до предела...

Он опустился на колени, держа ее в объятиях. Дрожащими пальцами убрал волосы с побелевшего, холодного лица. Она не шевелилась, глаза были закрыты.

— Кесси! — хрипло прошептал он. — Открой глаза, дорогая... Умоляю, открой глаза...

Она медленно пошевелила пальцами. Легкие сделали отчаянную попытку вдохнуть. Кесси зашлась в кашле, затем со свистом вдохнула. Ресницы задрожали и открылись.

— Ничего не говорите! — прохрипела она. — Я уже мертва?

Он буквально прорыдал:

— Боже, янки, никак снова вообразила себя на небесах? — И крепко прижал ее к своей груди.

Сознание медленно возвращалось к ней. Хотя на это ушли последние силы, она подняла руки и прижала к себе его мокрую голову.

— Знаешь, я, кажется, и правда на небесах.

Неожиданно раздался громкий треск. Габриэль дернулся. Кесси повернула было голову, но Габриэль решительно повернул ее лицом к себе:

— Нет! Не смотри туда!

— Но я должна знать! Скажи мне!

— Это Уоррентон, дорогая. Пустил себе пулю в лоб.

— Боже! Бедная Эвелин! — охнула Кесси и заплакала. Жалобно, тихо.

Габриэль снова прижал ее к груди. Слава Богу, весь этот кошмар позади.

Приехав в Фарли-Холл, Кесси первым делом накормила и успокоила сына, а потом приняла горячую ванну, изгнавшую холод и боль из ее измученных мышц. Но она все еще была слишком возбуждена, чтобы уснуть. Перед глазами мелькали страшные картины того, что ей пришлось пережить за день. Но несмотря ни на что, она не испытывала ненависти к Уоррентону. Ей было безумно жаль свихнувшегося старика. А еще больше жаль Эвелин, которая стала свидетельницей его смерти. Кристофер нежно утешал ее, и она долго плакала, уткнувшись в его плечо. Оставалось надеяться, что любовь Кристофера поможет ей пережить трагедию.

Сообщение о произошедшем просто ошеломило Эдмунда. Как и известие о самоубийстве приятеля. Он потрясенно выслушал рассказ Габриэля и молча удалился в свой кабинет.

Джонатан уже давно спал, но Кесси поняла, что только вид сына сможет дать ей успокоение. И решительно направилась в детскую. Подходя, она услышала тихий рокот мужских голосов и замерла у приоткрытой двери. В спальне горела свеча.

— Он удивительно похож на тебя!

Говорил Эдмунд. Слегка повернув голову, Кесси увидела в висящем напротив зеркале отражение двух склонившихся над колыбелью фигур.

— Молю Бога, чтобы он не перенял моего темперамента.

— И моего тоже.

Мужчины неловко улыбнулись друг другу. Кесси решила остаться, чтобы послушать, что будет дальше.

— Если ему повезет, он вырастет похожим на свою мать. Кесси заморгала. Габриэль промолчал, и она поняла, что замечание отца поразило его не меньше, чем ее.

— Знаешь, — продолжил Эдмунд, — поначалу я решил, что ей никогда не стать частью нашей жизни, ведь она — янки, к тому же без роду, без племени. Но со временем я начал чувствовать по отношению к ней то, чего никак не ожидал.

— И что же это? — с расстановкой спросил Габриэль.

— Гордость! Странно, правда? Но ведь она должна была испытывать просто животный ужас перед всем, что ее тут ожидало! Но она всегда перебарывала себя. У этой малышки запаса мужества хватит на роту солдат. А вот чего она никогда не боялась, так это признаваться в своих ошибках! И еще она на зависть смела во всем, что касается чувств... И заставила меня посмотреть на себя со стороны... Вот так я и понял, кто я есть на самом деле...

Кесси вжалась в стенку. И зажала рот кулаком, чтобы, не дай Бог, не расплакаться от облегчения. Подумать только, она заслужила признание и одобрение Эдмунда!

— Ты помнишь ночь, когда привез ее сюда? Я крикнул тогда, что новое платье не сделает из нее леди, тут никакая волшебная палочка не поможет! — Эдмунд рассмеялся. — Так вот, сынок, она уже тогда была леди, с головы до пят! И знаешь что? Мне кажется, что она своим мужеством образумила и нас, потому что с тех самых пор нам частенько приходилось испытывать стыд за свои поступки и необдуманные слова...

Эдмунд помолчал.

— Ты был прав насчет своей матери, Габриэль. Я не любил ее так, как положено любить жену... но я смог бы полюбить ее, если бы приложил малейшее усилие... Но я и не догадывался, что она может решиться на такой отчаянный шаг — на самоубийство... Жаль, что ты не рассказал мне об этом сразу. Хотя я понимаю, почему ты так поступил.

Кесси вздрогнула. Значит, Каролина наложила на себя руки! Она всегда подозревала это.

— Не стоит ворошить прошлое...

— Стоит, Габриэль! Ты и представить себе не можешь, какой стыд я пережил, вспоминая, как относился к ней... и к тебе, собственному сыну! Я считал, что все твои выходки и вечный вызов мне — из-за твоего дурного характера... Теперь-то я понял: если ты и жесток, то только потому, что таким тебя сделал я, твой отец. И если упрям, то потому, что повторяешь меня даже в этом... А еще я понял, что не ты отвернулся от меня, а я оттолкнул тебя своей черствостью, эгоизмом и высокомерием. Нежеланием понять.

Он снова помолчал.

— Если бы можно было изменить прошлое... Я бы хотел вернуть себе сына. Я, конечно, совершил множество непоправимых ошибок. Непростительных. — К ужасу Кесси, голос Эдмунда предательски задрожал. — Я желаю тебе, Габриэль, и своему внуку того, чего у тебя никогда не было, — настоящего семейного счастья, союза доверия и любви. Мне кажется, у тебя, Кесси и Джонатана есть все шансы стать счастливыми.

Кесси. Кажется, такая мелочь, ерунда, а Кесси чуть не разрыдалась от счастья. Тут она увидела в зеркале, что Габриэль достал сына из колыбельки, приложил его к груди и ласково погладил по спинке.

— Я совершенно не узнаю тебя, — тихо сказал он отцу.

— Ты и сам здорово изменился! — улыбнулся в ответ Эдмунд.

Воцарилось молчание. Кесси зажмурилась, но когда она снова открыла глаза, то увидела нечто совершенно неожиданное.

Габриэль осторожно передал сына на руки отцу:

— Пожалуй, пора тебе поближе познакомиться с внуком.

Из глаз Кесси брызнули слезы. Она медленно удалилась к себе. В спальне она вытерла слезы и облегченно вздохнула. Надо же, а она считала, что этот день станет одним из худших... нет, последним!.. Хм, возможно, и ее отношения с Габриэлем еще могут измениться к лучшему... Только он вряд ли придет к ней сегодня... А ведь между ними осталось столько недосказанного, нерешенного...

Раздались шаги. Через дверь между их спальнями в комнату решительно входил Габриэль. Сердце ее остановилось. Никогда еще он не был таким красивым, как сейчас, на фоне мерцающих свечей, подчеркивающих его мужественные черты... И никогда еще она не любила его так сильно!

— Я должна попросить у тебя прощения, Габриэль. Я... не должна была поддаваться панике и... сомневаться в тебе. Просто какое-то затмение нашло... Никогда себе этого не прощу!.. Я знаю, что не заслуживаю еще одного шанса, но... я... просто должна знать... Ты действительно хочешь, чтобы я уехала отсюда?

Внутри ее все сжалось в тугий узел в ожидании приговора. Он же заговорил так тихо, что она едва расслышала:

— Разумная женщина не стала бы и спрашивать, а бежала бы без оглядки... И можешь не волноваться: я не отберу у тебя Джонатана... Надеюсь, мне будет позволено видеться с ним? Я обеспечу вас так, что вы никогда и ни в чем не будете нуждаться

Ни в чем, кроме тебя. Это было все равно что пырнуть ее ножом в сердце! В горле мгновенно набух болезненный ком. Откуда у нее взялась смелость продолжить беседу, она и сама не знала.

— Это не то, о чем я спросила. — Она ненавидела себя за навернувшиеся слезы. — Ты хочешь, чтобы я оставила Фарли, Габриэль?

Она стояла перед ним с подрагивающими плечами, по щекам у нее текли слезы. Габриэль не отрывал глаз от ее бледного, прекрасного лица. И до боли понимал, что недостойн ее.

Сколько раз он умудрялся оскорблять ее, ранил ее так, что и не выскажешь словами... Этих невидимых ран на ее сердце не сосчитать...

Он закрыл глаза, чтобы не видеть ее слез.

— Нет, — прошептал он. — Хотя и должен бы. Это в твоих же интересах.

— Но если ты вовсе не хочешь этого, то зачем мне уезжать? Умоляю, Габриэль, скажи мне, что ты чувствуешь! Не говори мне того, что считаешь разумным, лучше выскажи все, что у тебя на сердце.

Она робко шагнула к нему.

Он открыл глаза. Волна чувств, отразившихся в его глазах, была столь высока, что слова казались лишними.

— В моем сердце ты, Кесси...

Несмотря на спокойствие тона, слова его дышали страстью... Радость наполнила ее грудь, окрылила, сделала почти невесомой и зажгла лучики в ее топазовых глазах. Кесси положила ладони на его грудь и выдохнула:

— О, Габриэль...

Он взъерошил ее волосы и отвел голову назад, чтобы пристально взглядеться в лицо.

— Я люблю тебя. Ты — моя леди, моя жена, моя жизнь... И все это отражалось в его глазах,

голосе, прикосновениях его рук. Она едва не задохнулась от счастья.

— Я тоже люблю тебя, Габриэль! И так хотела услышать это от тебя... Так долго... Пожалуйста, повтори еще раз.

Она смеялась и плакала: ведь все наконец складывалось так, как она мечтала.

— Я люблю тебя, — прошептал он ей.

— Еще! — Она забыла про стыд и упивалась своим счастьем.

Он крепко стиснул ее.

— Я так тебя люблю! Боже; разве такое выразишь словами! — шептал он, а затем целовал и целовал ее...

Много позже, когда луна осветила ночное небо, Кесси припомнила, что сказал Габриэль несколько дней назад: приходит время, когда нужно забыть все плохое и начать все сначала.

Кесси улыбнулась.

Такое время настало.